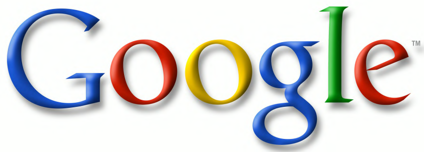

К. БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.

БІОГРАФІИ

и

ХАРАКТЕРИСТИКИ

Татищевъ, Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ,
Ешевскій, Гильфердингъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средняя Подьяческая, д. № 1.
1882.

Bestuzhev-Riumin, Konstantin Nikolaevich.

К. БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.

БІОГРАФІИ

и

ХАРАКТЕРИСТИКИ

Татищевъ, Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ, Ешевскій, Гильфердингъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, д. № 1.
1882.

Средняя Подъяческая, д. № 1.
2330.

Предлагаемый Сборникъ заключаетъ въ себѣ статьи, написанныя въ разное время и большею частью по какому-нибудь случаю. Вотъ почему онѣ имѣютъ неравный объемъ, чего можно было-бы требовать отъ книги, написанной съ одною цѣлью. Впрочемъ, представляя, хотя и въ общихъ чертахъ, нѣкоторые изъ главныхъ моментовъ въ развитіи русской исторіографіи, статьи эти имѣютъ нѣкоторую взаимную связь, и перепечатка ихъ, какъ думается автору, можетъ быть не лишена пользы, хотя бы для справокъ и соображеній занимающихся. Прибавимъ, что одна изъ статей, входящихъ въ изданіе, Татищевъ, заключаетъ въ себѣ матеріалъ оставшійся неизвѣстнымъ до ея появленія въ «Древней и новой Россіи». Я разумѣю извлеченіе изъ «Разговора о пользѣ науки».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВАСИЛІЙ НИКИТИЧЪ ТАТИЩЕВЪ.

АДМИНИСТРАТОРЪ И ИСТОРИКЪ НАЧАЛА XVIII ВѢКА [1]).

1686 — 1750 г.

Пушкинъ назвалъ Ломоносова «первымъ русскимъ университетомъ»; названіе это въ значительной степени можетъ быть примѣнено и къ первоначальнику русской исторической науки — В. Н. Татищеву. Многосторонняя дѣятельность Татищева, — который былъ и начальникомъ горныхъ заводовъ, и управляющимъ Оренбургскимъ краемъ, и губернаторомъ Астраханскимъ, оставаясь въ тоже время историкомъ и географомъ, которымъ предложена была такая программа собиранія свѣдѣній о Россіи, что изъ нея видны были и многосторонность познаній и ширина его взгляда на дѣло, — невольно поражаетъ въ наше время и возбуждаетъ, быть можетъ, нѣкоторыя недоумѣнія. XIX вѣкъ по преимуществу вѣкъ раздѣленія труда и спеціализаціи ученыхъ занятій. На широкія обобщенія, на многосторонность свѣдѣній, многіе смотрятъ въ наше время подозрительно, опасаясь поверхности, верхоглядства, энциклопедизма и т. п. Значительная доля правды чувствуется въ этомъ взглядѣ: широкія воззрѣ-

---

[1]) При составленіи этой статьи, кромѣ указанныхъ въ разныхъ мѣстахъ статей и матеріаловъ, мы многимъ обязаны добросовѣстно и полно составленной книгѣ Н. А. Попова: «Татищевъ и его время». М. 1861 г. и разнымъ томамъ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, этой сокровищницѣ, изъ которой еще долго придется всѣмъ намъ почерпать много свѣдѣній и многому учиться. Библіографія всего, что написано до книги Н. А. Попова, заключается въ ней, потому и не повторяемъ этихъ указаній.

нія нерѣдко оказывались пустозвонствомъ, многосторонніи свѣдѣнія часто являлись схваченными кое откуда вершками. Несостоятельность тѣхъ и другихъ должны были оказаться всего яснѣе въ то время, которое все погрузилось въ «міръ подробностей», предсказанный Наполеономъ I, когда любимымъ орудіемъ естествознанія сталъ микроскопъ, когда совершенно подобныя же микроскопическія наблюденія стали производиться надъ строемъ языковъ, обычаями, вѣрованіями, остатками прошлаго, когда въ наукахъ общественныхъ получила преобладаніе статистика, вся основанная на точныхъ и кропотливо собранныхъ фактахъ, когда наконецъ въ жизни практической, отъ низшихъ до высшихъ сферъ ея, устанавливается начало раздѣленія труда, когда все болѣе и болѣе раздаются голоса, требующіе спеціальной подготовки для каждаго дѣла. Но и въ наше время не разъ чувствовались и чувствуются неудобства исключительной спеціализаціи: въ наукѣ это неудобство сказывается въ томъ, что разъясненія фактовъ одной области не рѣдко надо искать совершенно въ другой (такъ напр. исторія постоянно должна опираться на географію, а основа географіи въ наукахъ естественныхъ, уголовное право находитъ постоянно опору въ психологіи, а эта послѣдняя нерѣдко требуетъ помощи физіологіи и т. п.); слѣдственно, строго ограничиваясь одною областью, а тѣмъ болѣе уголкомъ этой области, ученый многаго не въ состояніи понять и объяснить. Въ жизни практической замѣчено, что чѣмъ спеціальнѣе занятіе человѣка (напр. рабочаго при строгомъ примѣненіи начала раздѣленія труда), тѣмъ труднѣе ему при перемѣнѣ обстоятельствъ привыкать къ другому труду, тѣмъ зависимѣе положеніе такого человѣка. Въ наше время есть однако средства до извѣстной степени отвратить неудобства этой системы: спеціальному образованію непремѣнно должно предшествовать общее; по каждой наукѣ должны существовать (и въ богатыхъ литературахъ существуютъ) обзоры, руководства, справочныя книги; существуютъ наконецъ ученыя общества, гдѣ изъ многихъ членовъ каждый

можетъ въ чемъ-нибудь оказать пособіе, ученые журналы, по которымъ легко судить о движеніи разныхъ наукъ и т. п. Въ жизни практической можно стараться не слишкомъ съуживать спеціальность и распространять общее образованіе, что въ болѣе или менѣе значительной степени примѣняется въ странахъ образованныхъ. При такихъ условіяхъ и такой обстановкѣ, спеціальность становится и законною и желательною: чѣмъ подробнѣе и точнѣе будутъ изучены явленія міра физическаго и нравственнаго, тѣмъ полнѣе и прочнѣе будутъ и общее образованіе и благосостояніе человѣчества; чѣмъ лучше люди, призванные къ практической дѣятельности, будутъ знать именно то дѣло, которое имъ приходится дѣлать, тѣмъ больше пользы принесутъ они дѣлу, ибо относясь къ дѣлу со знаніемъ, они отнесутся къ нему и со вниманіемъ и съ любовью, если, разумѣется, дѣло не слишкомъ съуживаетъ способности человѣка, (отъ человѣка, призваннаго всю жизнь дѣлать булавочныя головки, трудно требовать любви къ своему дѣлу). Замѣтимъ еще, что при спеціализаціи запятій возможнѣе найти для всякаго, какъ бы ни были ничтожны его способности, соотвѣтствующее этимъ способностямъ дѣло, чѣмъ значительно увеличивается масса пользы, получаемой обществомъ отъ его отдѣльныхъ членовъ. Таково положеніе этого вопроса въ наше время. Но иное было оно въ началѣ XVIII вѣка, когда у «кормила роднаго корабля» стоялъ геніальный энциклопедистъ:

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ;—

когда почувствовалось, что Россіи надо напречь всѣ свои силы, чтобы сравняться во внѣшнемъ развитіи и благосостояніи съ народами Европы и принять участіе въ умственномъ движеніи, отъ котораго она стояла еще далеко. Потребовалась работа усиленная; самъ царь «постоянно въ работѣ пребывающій» трудился безъ устали; пришлось создавать и работниковъ и орудія работы: работники требовались всюду, ибо всюду нужна была работа, работа усиленная, спѣшная,

но вмѣстѣ съ тѣмъ и толковая. Рукъ не хватало. Пришлось тѣмъ, кто даровитѣе, брать на себя много дѣлъ и при томъ учиться дѣлу при самомъ дѣлѣ, а не готовиться къ нему долгими годами: случалось нерѣдко, что самое дѣло представлялось неожиданно, когда уже начато было другое, ибо оказывалось, что это другое не можетъ быть сдѣлано безъ перваго; приходилось переходить къ другому дѣлу, вновь учиться и зорко оглядываться по сторонамъ, не усложнится ли и это какимъ-нибудь вновь открывшимся обстоятельствомъ. Такъ жили и дѣйствовали «птенцы гнѣзда Петрова». Имъ почти все приходилось начинать сначала: приходилось и изучать новыя для Россіи науки и при свѣтѣ этихъ наукъ изучать и самую русскую землю, которая до тѣхъ поръ еще не была предметомъ изученія, а только знакома была по непосредственному практическому наблюденію: знали то, что было на поверхности и часто отъ незнакомства съ наукою пропускали безъ вниманія то, что могло оказаться драгоцѣннымъ. Трудную школу проходили дѣятели Петровской эпохи, но выносили они изъ этой школы упорство въ трудѣ и умѣніе всѣмъ пользоваться и, быстро соображая, примѣнять все пріобрѣтенное къ окружающей ихъ дѣйствительности. Въ рядахъ учениковъ этой Петровской школы одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ Татищевъ. Приглядываясь къ подробностямъ жизни этого богато-одареннаго отъ природы человѣка, мы увидимъ, что обстоятельства его жизни были обширною школою, способствовавшею ему и въ томъ, что онъ собралъ столько свѣдѣній, и въ томъ, что онъ поставилъ такую широкую основу для своего труда Честь ему, что онъ съумѣлъ не зарыть свой талантъ въ землю и сторицею принести пользу своей родной странѣ, не смотря даже на то, что не разъ неблагопріятныя условія мѣшали ему осуществить все, что онъ хотѣлъ бы осуществить, не смотря даже на то, что любимый трудъ его жизни, его «Русская исторія», не могъ появиться при его жизни и достигъ до насъ едва-ли въ полномъ видѣ. Но если многое въ обстоятельствахъ жизни мѣ-

шало его дѣятельности, за то многое и помогало ей; для насъ же, получившихъ возможность пользоваться его трудами, нельзя не назвать счастливымъ того обстоятельства, что первымъ русскимъ историкомъ былъ практическій, много видѣвшій и въ высшей степени обладавшій даромъ наблюдательности человѣкъ. Въ вопросахъ чистой учености онъ принадлежитъ своему времени, но шириной постановки дѣла и практическимъ ограниченіемъ себя возможными предѣлами онъ обязанъ своей широкой практической дѣятельности. Дальнѣйшее изложеніе оправдаетъ — надѣюсь — вѣрность этихъ предварительныхъ замѣчаній. Обозрѣнію ученой дѣятельности Татищева и оцѣнкѣ ея результатовъ предпошлемъ очеркъ его жизни, изъ котораго будетъ видно, какъ много условій для успѣха въ научномъ трудѣ дала ему эта жизнь, видно будетъ также и почему онъ не могъ достигнуть инаго. Знакомство съ обстановкою, въ которую былъ поставленъ Татищевъ, поможетъ намъ встать на вѣрную точку зрѣнія при оцѣнкѣ его взглядовъ и добытыхъ имъ результатовъ.

I.

Татищевъ принадлежалъ къ старой аристократической фамиліи: родъ его происходитъ отъ князей Смоленскихъ, и хотя имя Татищевыхъ не часто встрѣчается въ историческихъ памятникахъ московскаго періода, но все-таки встрѣчается иногда, почему и нельзя ихъ считать совсѣмъ «захудалыми», какъ это дѣлаютъ нѣкоторые. Дальній родственникъ Василія Никитича, бояринъ Михайло Юрьевичъ, былъ воеводою въ Архангельскѣ; дочь его, Анна Михайловна, вышедшая за Өедора Петровича Салтыкова, была матерью царицы Прасковіи Өедоровны, супруги царя Іоанна Алексѣевича (съ 1684 г.). Въ числѣ придворныхъ царя и царицы появляется нѣсколько Татищевыхъ въ чинѣ стольниковъ и между ними Василій

Никитичъ (1693 г.). Былъ ли это нашъ историкъ, которому минуло тогда 7 лѣтъ, или нѣтъ, рѣшать не беремся; замѣтимъ однако, что другаго Татищева съ этимъ именемъ и отчествомъ въ то время не находится. Какъ бы то ни было, нельзя не видѣть во всемъ этомъ объясненія близкаго знакомства Татищева съ дворомъ царицы Прасковіи. По понятіямъ того времени, самые дальніе родственники считались между собою въ родствѣ и при нуждѣ защищали другъ друга и другъ другу помогали. Такъ было и позднѣе: стоитъ только вспомнить Фамусова. Отецъ Татищева, Никита Алексѣевичъ, тоже стольникъ, имѣлъ помѣстье въ Псковскомъ уѣздѣ; здѣсь, вѣроятно, родился нашъ историкъ (1686 г.), который самъ говоритъ, что въ 1699 г. онъ былъ во Псковѣ. Какъ и чему учился Татищевъ, мы не знаемъ, ибо самъ Татищевъ только разъ упоминаетъ о своей ранней молодости. Въ «Духовной» говоритъ онъ сыну: «Родитель мой въ 1704 г., отпуская меня съ братомъ [1]) въ службу, сіе намъ крѣпко наставлялъ, чтобы мы ни отъ какого положеннаго на насъ дѣла не отрицались, и ни на что сами не назывались». Этого практическаго правила держался Татищевъ всю свою жизнь. Впрочемъ, одинъ изъ біографовъ Татищева [2]) полагаетъ довольно справедливо, что Татищевъ, или до 1704 г., или по поступленіи уже на службу, учился въ московской артиллерійской и инженерной школѣ, находившейся въ завѣдываніи

---

[1]) Иванъ Никитичъ Татищевъ тоже поминается въ числѣ стольниковъ царицы Прасковіи: «Алфав. указатель къ боярск книгамъ», 404, а между тѣмъ у кн. Долгорукова мы не нашли брата В. Н. Въ докладѣ о винахъ Татищева поминается братъ его Никифоръ (Жизнь Рычкова, 156).

[2]) Н. К. Чупинъ въ превосходныхъ статьяхъ въ «Пермск. Губернскихъ Вѣдом.» 1869 г. описалъ жизнь Татищева до 1734 г. Упомянувъ и чтеннаго, но мало извѣстнаго дѣятеля, мы считаемъ долгомъ прибавить, что Н. К. Чупинъ лучшій знатокъ края, человѣкъ многосторонне и широко образованный, приноситъ большую пользу русской наукѣ своими трудами: въ настоящее время онъ издаетъ „Историко-географическій словарь Пермской губерніи". Грустно было намъ читать въ одной распространенной газетѣ упрекъ Н. К. за то, что онъ занимается китайскимъ языкомъ. Долго ли мы будемъ не уважать нашихъ замѣчательныхъ людей!

Брюса. «На это указываютъ—говоритъ почтенный авторъ—хорошія свѣдѣнія Татищева въ артиллеріи и фортификаціи, устройство имъ школъ на заводахъ, отчасти по образцу московской, наконецъ, охотный пріемъ имъ на службу на заводы учениковъ этой школы». Прибавимъ, что въ пользу того же говоритъ и связь Татищева съ Брюсомъ, имѣвшимъ, какъ человѣкъ высоко-образованный, такое рѣшительное вліяніе на направленіе ученой дѣятельности Татищева. На службу Татищевъ поступилъ въ 1704 г. Первымъ дѣломъ, въ которомъ онъ участвовалъ, было взятіе Нарвы (1705); затѣмъ, мы знаемъ, онъ участвовалъ съ Полтавской битвѣ и потомъ стоялъ съ полкомъ въ Польшѣ, гдѣ началъ учиться польскому языку. Въ 1710 г. онъ съ командою въ 300 чел. отправленъ изъ Пинска въ Кіевъ по Припяти. Выступивъ изъ Кіева, по дорогѣ въ Молдавію, онъ осматривалъ близъ Коростена высокій холмъ, который слылъ въ народномъ преданіи за могилу Игоря. Въ 1711 г. участвовалъ въ Прутской кампаніи, въ 1713 и 1714 г. былъ заграницею, въ Берлинѣ, Бреславлѣ и Дрезденѣ, кажется, для усовершенствованія себя въ наукахъ. До сихъ поръ въ Екатеринбургѣ сохраняются книги, пожертвованныя Татищевымъ; на нихъ обозначено мѣсто и время покупки. Многія книги по части математики, военныхъ наукъ, географіи и исторіи были куплены Татищевымъ именно въ эту поѣздку. Въ эту поѣздку Татищевъ окончательно освоился съ нѣмецкимъ языкомъ, которымъ—какъ говорятъ современники—онъ вполнѣ владѣлъ. Такъ свидѣтельствуетъ англичанинъ Кэстль, познакомившійся съ нимъ во время оренбургской экспедиціи. Кэстль же говоритъ, что онъ обладалъ большими познаніями въ исторіи, естествознаніи и «другихъ курьезахъ». Возвращаясь изъ-за границы чрезъ Польшу, Татищевъ посѣтилъ въ Лубнахъ фельдмаршала Шереметева и здѣсь спасъ отъ казни женщину, осужденную на смерть по подозрѣнію въ чародѣйствѣ; она созналась съ пытки въ томъ, что обращалась «въ сороку и дымъ». Татищевъ, получивъ, послѣ усиленныхъ просьбъ,

позволеніе говорить съ нею, долго не могъ добиться, чтобы испуганная женщина отреклась отъ своего нелѣпаго показанія; долго стояла она на своемъ и говорила, что ей лучше умереть, нежели, отпершись, еще быть пытанной; наконецъ Татищевъ ее уговорилъ. Женщина была сослана въ монастырь на покаяніе. Изъ этого разсказа, сообщеннаго самимъ Татищевымъ, видно, что онъ тогда уже стоялъ выше многихъ своихъ современниковъ, не только въ Россіи, но даже и въ Западной Европѣ: въ Германіи послѣдняя вѣдьма сожжена въ 1749 г., въ Англіи въ 1716 г., въ Шотландіи въ 1722 г.; самые законы противъ вѣдьмъ отмѣнены въ Англіи только въ 1736 г. Татищевъ вѣрованіе въ вѣдьмъ приписываетъ людямъ «отъ неученія суевѣрствомъ обладаннымъ». Въ 1717 г. Татищевъ снова былъ за границею въ Гданскѣ (Данцигѣ), куда Петръ послалъ его хлопотать о включеніи въ контрибуцію стариннаго образа, о которомъ шла молва, будто онъ писанъ св. Меѳодіемъ, первоучителемъ славянскимъ; но магистратъ Гданска не уступилъ образа, а Татищевъ доказалъ Петру невѣрность преданія. Случай интересный потому, что показываетъ какъ Петръ дорожилъ древностію и какъ много вѣрилъ Татищеву въ этомъ случаѣ. Изъ поѣздки Татищевъ вывезъ тоже много книгъ. Быть можетъ, Татищеву также было поручено познакомиться съ дѣлопроизводствомъ въ иностранныхъ канцеляріяхъ: съ этою цѣлію многіе были посланы за границу въ то время, когда Петръ задумывалъ устройство коллегій. Если это предположеніе вѣрно, то едва ли поѣздка Татищева могла ограничиваться однимъ польскимъ Гданскомъ. По возвращеніи изъ Гданска, Татищевъ состоялъ при Брюсѣ, президентѣ бергъ—и мануфактуръ-коллегіи и ѣздилъ съ нимъ на Аландскій конгрессъ; въ эту поѣзду Татищевъ тоже увеличилъ свою библіотеку. Такъ росла библіотека Татищева, а между тѣмъ обрисовался и подвигъ, которому онъ долженъ былъ посвятить 30 лѣтъ своей жизни и въ исполненіи котораго много послужила ему эта библіотека—зачиналась мысль о «Русской исторіи». Поводомъ къ этому труду послу-

жило представленіе, сдѣланное Брюсомъ Петру Великому, о необходимости подробной географіи Россіи. Въ подобной мысли не зачѣмъ было долго убѣждать Петра; онъ и самъ сознавалъ ея основательность. Брюсу поручено было заняться этимъ дѣломъ. Обремененный множествомъ служебныхъ обязанностей, Брюсъ, въ 1719 г., передалъ работу Татищеву, отъ котораго Петръ потребовалъ планъ работы. Татищевъ, посланный на Уралъ, не успѣлъ представить полнаго плана; но Петръ не забылъ о дѣлѣ и въ 1724 г. снова напомнилъ о немъ Татищеву. Принявшись за работу, Татищевъ, по собственному сознанію, почувствовалъ необходимость въ историческихъ свѣдѣніяхъ и потому, отодвинувъ географію на второй планъ, принялся собирать матеріалы для исторіи. Матеріаловъ и тогда онъ собралъ уже довольно много: такъ, мы знаемъ, что, отправляясь въ Персію, Петръ взялъ у Татищева какую-то «муромскую лѣтопись». Ко времени начала этихъ работъ относится другой, тѣсно связанный съ ними, планъ Татищева: въ 1719 г. подалъ онъ царю представленіе, въ которомъ указывалъ на необходимость размежеванія въ Россіи, въ виду увеличивающихся ссоръ за владѣнія, нерѣдко ведущихъ къ вреднымъ для государства послѣдствіямъ. Хотя это представленіе имѣло въ виду только размежеваніе, но ясно, что въ мысли Татищева оба плана связывались; въ письмѣ къ Черкасову, въ 1725 г., онъ прямо говоритъ, что былъ опредѣленъ «къ землемѣрію всего государства и сочиненію обстоятельной географіи съ ландкартами»; ясно, что сама географія для него имѣла преимущественно значеніе практическое, служила для цѣлей правительственныхъ. Мы увидимъ, что и въ исторіи Татищевъ ищетъ практической пользы. Въ томъ же письмѣ, Татищевъ указываетъ и то, что имъ сдѣлано для исполненія этого плана: онъ купилъ большую часть нужныхъ ему для географіи книгъ и нанялъ двухъ студентовъ для помощи въ латинскомъ, французскомъ, шведскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

II.

Въ 1720 г. Татищевъ былъ оторванъ отъ своихъ историко-географическихъ работъ новыми порученіями. Вѣроятно по рекомендаціи Брюса, посланъ онъ былъ «въ Сибирской губерніи на Кунгурѣ и въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ обыщутся удобныя разныя мѣста, построить заводы и изъ рудъ серебро и мѣдь плавить». Съ нимъ былъ посланъ саксонецъ Бліеръ, уже бывшій прежде на Уралѣ, знакомый съ устройствомъ горной части въ Европѣ и знатокъ рудничнаго дѣла. Съ ними было нѣсколько учениковъ московской школы, да въ Казани Татищевъ принялъ въ службу плѣннаго шведа Берглина, который прежде былъ на Фалунскихъ мѣдныхъ заводахъ. Отправляясь на заводы, Татищевъ ѣхалъ на дѣло новое для него самого и представлявшее много затрудненій даже для человѣка знакомаго съ дѣломъ. Затрудненіе представлялъ и самый край, мало изслѣдованный: карты, сколько-нибудь соотвѣтствовавшія требованіямъ науки, начали составляться только въ эту пору, отчасти по почину самого Татищева, отчасти присланными изъ Петербурга геодезистами; естественныя богатства края были неизвѣстны: велѣно было Татищеву изыскивать ихъ. Къ тому же край былъ не безопасенъ: башкиры, киргизы-кайсаки и татары нерѣдко грабили и жгли заводы; плохо укрѣпленные города (напр., Кунгуръ) не могли служить противъ нихъ оплотомъ. Самая администрація страны часто служила не пособіемъ, а помѣхою дѣлу: заводы, ввѣренные Татищеву, находились въ двухъ тогдашнихъ губерніяхъ: Сибирской и Казанской [1]), а слѣдовательно ему приходилось имѣть сношенія съ двумя вѣдомствами, приходилось даже ѣздить въ Тобольскъ. Едва ли нужно говорить о продажности

[1]) Къ Сибирской губерніи принадлежали тогда почти вся Пермская часть Вятской и Оренбургской; къ Казанской же принадлежали Вятская и Уфимская.

и притѣсненіяхъ тогдашней администраціи, особенно въ такомъ отдаленномъ краѣ. Стоитъ вспомнить страшную кару бывшаго предъ тѣмъ въ Сибири губернатора кн. Матвѣя Гагарина, чтобы понять до какихъ колоссальныхъ злоупотребленій могли доходить тогдашніе правители Сибири. Генинъ, посланный управлять заводами послѣ Татищева, представляетъ грустную картину общаго положенія края: «видна злая пакость—говоритъ онъ—крестьянамъ бѣднымъ разореніе отъ судей, и въ городахъ отъ земскихъ управителей, которые посланы отъ камерирства, и въ слободахъ зѣло тягостно и безъ охраненія; а купечество и весьма разорилось, такъ что уже едва посадскаго капиталиста сыскать можно, отчего и пошлины умалились». Общій недостатокъ въ деньгахъ не только мѣшалъ дать большое жалованье служащимъ, что было бы необходимо, но даже и заслуженное жалованье нерѣдко не высылалось: «никогда я жалованье безъ злобы и спора—говоритъ тотъ же Генинъ—а фуража и весьма лѣтъ съ 10 получить не могъ». Такое положеніе дѣлъ, разумѣется, отражалось и на судьбѣ заводовъ. Пріѣхавъ въ Кунгуръ, Татищевъ сталъ вызывать охотниковъ наниматься на работы, но никто не шелъ; изъ слѣдствія, производимаго Татищевымъ, оказалось, что при прежнихъ управителяхъ крестьяне наряжались къ горной работѣ и къ возкѣ руды силою, денегъ же имъ по большей части не платили. Понятно, какъ легко было Демидовымъ, тогда владѣвшимъ Невьянскимъ заводомъ, переманивать къ себѣ рабочихъ, въ особенности шведскихъ плѣнныхъ, людей привычныхъ и знающихъ. Всѣ сколько-нибудь важныя распоряженія по заводамъ дѣлались не иначе какъ съ разрѣшенія бергъ-коллегіи, а между тѣмъ сношенія съ Петербургомъ были крайне затруднительны; бумаги нужно было или посылать въ Тобольскъ, откуда разъ въ мѣсяцъ шла почта въ Европейскую Россію, черезъ Верхотурье, или отправлять съ нарочнымъ въ Вятку, откуда тоже шла почта чрезъ Казань, хотя и очень неисправно, или, наконецъ, посылать нарочнаго въ Петербургъ. Понятно, какъ трудность сообщенія

мѣшала дѣлу, особенно если возникала новая мысль, какъ это было при предложеніи Татищева построить заводъ на Исети. Стали собирать строительные матеріалы, и вдругъ послѣдовало запрещеніе изъ бергъ-коллегіи; пришлось вновь сноситься и ждать; только пріѣздъ совѣтника бергъ-коллегіи Михаелиса и его донесеніе рѣшили дѣло въ пользу проекта, представленнаго Татищевымъ. При такомъ порядкѣ сношеній, при неполнотѣ и неточности знанія о краѣ, должны были возникать недоразумѣнія, съ которыми трудно было бороться. Къ такимъ недоразумѣніямъ относился существенный для края вопросъ о дорогѣ въ Сибирь. Издавна проложенъ былъ путь чрезъ Верхотурье, гдѣ существовала и таможня и гдѣ, между прочимъ, смотрѣли, что воевода везетъ съ собой въ Сибирь и что вывозитъ изъ Сибири. Когда при новомъ заселеніи края явилась необходимость въ другихъ, болѣе краткихъ путяхъ, жизнь начала прокладывать эти пути; но они постоянно запрещались, и самому Татищеву пришлось въ разныхъ своихъ представленіяхъ бороться съ этимъ препятствіемъ и не удалось побѣдить его [1]). Таково было положеніе края, въ который судьба бросила Татищева, приготовивъ его къ дѣлу трудному и для него совершенно новому; но не потерялся Татищевъ, принимаясь за новое для него дѣло, и не испугался его трудностей.

Объѣхавъ ввѣренный ему край, онъ поселился не въ Кунгурѣ. а на Уктускомъ заводѣ (въ 7 верстахъ отъ не существовавшаго еще тогда Екатеринбурга), гдѣ и основалось управленіе, названное въ началѣ горною канцеляріею, а потомъ сибирскимъ высшимъ горнымъ начальствомъ. Живя здѣсь, Татищевъ спѣшилъ познакомиться съ горнымъ дѣломъ: учителемъ его былъ Бліеръ и вызванный имъ изъ Соликамска плѣнный шведъ Шенстремъ, владѣвшій въ Швеціи желѣзными заводами. Здѣсь же любознательный Тати-

---

[1]) См. по этому вопросу Н. К. Чупина и П. П. Пекарскаго въ „Зап. Геогр. Общ.“ 1863, № 3.

щевъ началъ учиться по французски, что и записалъ на экземплярѣ грамматики, купленной имъ еще на Аландскихъ островахъ.

Всего полтора года продолжалось первое пребываніе Татищева на уральскихъ заводахъ. Но онъ умѣлъ сдѣлать многое въ такой короткій срокъ: онъ перенесъ Уктускій заводъ на р. Исеть и тамъ положилъ начало теперешнему Екатеринбургу; хлопоталъ о переводѣ сюда Ирбитской ярмарки, причемъ указывалъ на то, что пріѣзжающіе сюда башкиры «придутъ въ лучшее обхожденіе и любовь съ русскими», что купцы, видя заводы и узнавъ ихъ прибыльность, пріохотятся къ горнозаводскому дѣлу, и что стеченіе пріѣзжихъ будетъ выгодно для мѣстныхъ жителей; хлопоталъ о колонизаціи заводовъ плѣнными шведами, чему помѣшалъ только Ништадскій миръ; предлагалъ обратиться къ частной предпріимчивости для того, чтобы начать разработку рудъ, гдѣ онѣ окажутся вновь, причемъ замѣчалъ: «ежели охотниковъ россіянъ не явится, возможно иностранныхъ призвать, на что, чаемъ, охотниковъ довольно будетъ и мастеровъ сами промыслятъ, а государственный прибытокъ десятиною (т. е. десятинной пошлиной съ добываемаго металла) доволенъ (удовлетворенъ) будетъ». Впрочемъ, тутъ же онъ указывалъ и на то, что являлись уже охотники обработывать желѣзную руду изъ тульскихъ кузнецовъ. Для надзора за частными заводами Татищевъ предлагалъ учредить шихтмейстеровъ, которые наблюдали бы за тѣмъ, мало или много производитъ заводъ и имѣли бы право остановить излишнюю дѣятельность и увеличить слишкомъ малую. Бергъ-коллегія, не желая стѣснять только что начинающуюся промышленность, отвергла это предложеніе, основанное на примѣрѣ Германіи. Состояніе дорогъ и почтъ вызвало нѣсколько представленій Татищева, которыя все-таки имѣли извѣстный успѣхъ: дозволено было купцевъ на Ирбитскую ярмарку и гонцевъ пропускать и черезъ Верхотурье, а почту велѣно было завести между Вяткою и Кунгуромъ. Татищевъ обратилъ вниманіе и на водяныя сообще-

нія. Онъ первый указалъ на возможность соединенія двухъ Кельтмъ, изъ которыхъ она впадаетъ въ Каму, а другая въ Вычегду. Впослѣдствіи проведенъ здѣсь Сѣверо-Екатерининскій каналъ (оконченъ въ 1822 г.). При заводахъ Татищевъ открылъ школы, изъ которыхъ двѣ были первоначальныя, гдѣ священники учили читать и писать. Тѣмъ, кто выучится писать, было обѣщано освобожденіе отъ отдачи въ солдаты или матросы; въ двухъ же другихъ школахъ учили ариѳметикѣ, геометріи и прочимъ горнымъ дѣламъ. За учителями для этихъ школъ Татищевъ обратился сначала къ сибирскому губернатору; но получилъ отвѣтъ, что «для обученія ариѳметикѣ и геометріи въ Тобольскѣ умѣющихъ нынѣ нѣтъ». Поэтому учителями назначены были шихтмейстеры (рудничные смотрители) изъ учившихся въ московской артиллерійской школѣ. Въ этихъ школахъ училось человѣкъ до 30; а въ одной изъ школъ грамотности (на Алапаевскомъ заводѣ) было 13 учениковъ. Татищевъ требовалъ также, чтобы въ селеніяхъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ были заведены школы грамотности. Обѣщáя грамотнымъ свободу отъ рекрутчины, Татищевъ указывалъ и на другую пользу грамотности: «велѣть—писалъ онъ—лучшимъ мужикамъ дѣтей своихъ грамотѣ обучать, хотя-бъ читать умѣли, дабы ихъ подъячіе не такъ могли обманывать». Впрочемъ, сельское духовенство не охотно принялось за это дѣло и съ отъѣздомъ Татищева о сельскихъ школахъ и говорить перестали. Заводскимъ управителямъ Татищевъ составилъ инструкцію, въ которой предписывалось прекращать конокрадство, оберегать лѣса (Татищевъ вообще заботился о сохраненіи лѣса: такъ, запрещено сожигать сухую траву, въ избѣжаніе лѣснаго пожара; чтобы избѣжать траты лѣса на доски, предположилъ завести пильныя мельницы и выписать для нихъ мастера изъ Казани), не наряжать крестьянъ на заводы въ страдную пору безъ нужды, засчитывать рабочіе дни въ подати по той же цѣнѣ, которая платится вольнонаемнымъ; стараться, чтобы заводскій судья не дѣлалъ крестьянамъ обидъ напрасно. До Та-

тищева крестьяне должны были съ своими исками ѣздить въ Тобольскъ; но по ходатайству Татищева изъ Тобольска былъ присланъ особый судья на заводы. Препятствіе въ розысканіи рудъ до сихъ поръ представляли башкирцы. По мысли Татищева, къ нимъ была послана грамота изъ сената, за государственною печатью, о томъ, чтобы они не мѣшали обработывать руды. Башкирцы послушались и начали сами являться и показывать рудники. Таково было управленіе Татищева и могло бы быть еще плодотворнѣе, если бы у него было болѣе помощниковъ, если бы бергъ-коллегія своимъ постояннымъ вмѣшательствомъ, вредъ котораго еще увеличивался медленностію сообщенія, не связывала ему рукъ.

На Уралѣ Татищевъ встрѣтилъ сильнаго врага въ Демидовѣ. Тульскій кузнецъ, обратившій на себя вниманіе Петра своею расторопностью, искусствомъ и смышленностью, Демидовъ, получивъ Невьянскій заводъ, не остановился на этомъ, но продолжалъ расширять свои предпріятія. Предпріимчивость Демидова была причиною, что Петръ дорожилъ имъ; къ тому же въ числѣ лицъ, приближенныхъ къ царю, были благопріятели Демидова. Такимъ былъ Ѳ. М. Апраксинъ; онъ-то и передалъ царю жалобу Демидова. Демидовъ былъ недоволенъ тѣмъ, что къ нему, привыкшему распоряжаться полновластно, шлетъ указы какой-то капитанъ: «капитану Татищеву—говорили его прикащики—мы ни въ чемъ не послушны и дѣла ему до насъ никакого нѣтъ, и впредь бы онъ намъ указовъ никакихъ отъ себя не присылалъ, и буде впредь будетъ какіе указы посылать, и такихъ посыльщиковъ будемъ держать скованными до хозяина своего въ тюрьмѣ». Не любо было Демидову требованіе отдачи въ казну 10% изъ добываемаго металла, запрещеніе принимать бѣглыхъ съ казенныхъ заводовъ, наконецъ самое существованіе заводовъ. Генинъ въ послѣдствіи доносилъ Петру, что Демидовъ хотѣлъ подкупить Татищева деньгами, чтобы не быть казеннымъ заводамъ; но что ему это не удалось. Жаловался же онъ на

то, что Татищевъ устроилъ заставы, которыя затрудняли привозъ хлѣба на заводы и отнялъ часть пристани, устроенной на Чусовой; но заставы Татищевъ построилъ по требованію сибирскаго губернатора, а пристань отнялъ потому, что она устроена самовольно. Вслѣдствіе неудовольствія на Татищева, Демидовъ запретилъ крестьянамъ своимъ наниматься въ казенные караваны и даже продавать хлѣбъ казеннымъ рабочимъ. Вогуловъ, которые указывали Татищеву руду, били и грозили пометать въ домну.

Пока шла жалоба Демидова, изъ бергъ-коллегіи присланъ былъ управлять заводами совѣтникъ Михаелисъ, а Татищеву велѣно было быть его помощникомъ. Татищевъ, повидавшись съ Михаелисомъ, рѣшился самъ ѣхать въ Москву и Петербургъ объясниться по случаю своей ссоры съ Демидовымъ и уѣхалъ въ началѣ 1722 г. Въ Москвѣ Татищевъ не засталъ ни Брюса, ни государя и проѣхалъ въ Петербургъ. Въ апрѣлѣ на Уралъ назначенъ былъ Генинъ, до того времени управлявшій олонецкими заводами. Ему поручено было исправить мѣдные и желѣзные заводы, а также произвести слѣдствіе по дѣлу Демидова «не маня ни для кого». Татищевъ, вспоминая объ этомъ времени, писалъ впослѣдствіи: «Демидовъ черезъ адмирала графа Апраксина такъ меня передъ его величествомъ оклеветалъ, что всѣ думали о моей погибели». Генинъ, которому поручено было опредѣлить мѣста для канала, долженствующаго соединить р. Москву прямо съ Волгою, выѣхалъ только въ концѣ іюля; вслѣдъ за нимъ поѣхалъ и Татищевъ, впрочемъ не какъ подсудимый, ибо съ нимъ были посланы изъ Москвы школьники учиться рудному дѣлу. Передъ отъѣздомъ ходилъ онъ откланяться царицѣ Прасковіи, любимый юродивый которой предсказалъ ему: «онъ руды много накопаетъ, да и самого закопаютъ»; не любилъ его этотъ юродивый за то, что онъ у него руки не цѣловалъ.

Прибывъ на Уралъ, Генинъ сначала осмотрѣлъ съ Татищевымъ заводы и только тогда приступилъ къ слѣдствію по жалобѣ. Долго бился Генинъ съ Демидовымъ, чтобы онъ из-

ложилъ свое дѣло письменно, но упрямый старикъ отнѣкивался: «Я де-писать не могу и какъ писать не знаю, я не ябедникъ». Когда же наконецъ удалось уговорить его, Генинъ увидѣлъ справедливость Татищева и просилъ государя оправдавъ его, назначить директоромъ заводовъ: «Къ тому дѣлу лучше не сыскать—писалъ онъ царю — какъ капитана Татищева, и надѣюсь, что ваше величество изволите мнѣ въ томъ повѣрить, что я онаго Татищева представляю безъ пристрастія, и не изъ любви или какой интриги, или бы чьей ради просьбы; я и самъ его рожи калмыцкой не люблю; но видя его въ дѣлѣ весьма и къ строенію заводовъ смышлена, разсудительна и прилежна». Далѣе Генинъ пишетъ, что онъ говорилъ Татищеву объ этомъ; но онъ сказалъ, что ему у этого дѣла быть нельзя, потому что государь на него сердится и потому онъ не надѣется ни на какую награду, особенно въ такомъ отдаленіи, безъ предстательства другихъ; къ тому же если не будетъ учинено управы на Демидова за оболганіе и убытки его не будутъ вознаграждены, то онъ будетъ видѣть много вражды и безпокойства. Еще до окончанія слѣдствія Генинъ писалъ къ Брюсу, прося позволенія оставить Татищева при дѣлахъ, такъ какъ онъ считалъ его необходимымъ, и о томъ же доносилъ государю, на что и получилъ наконецъ разрѣшеніе. Окончивъ все слѣдствіе, Генинъ писалъ и къ Апраксину, но уклончиво: «Демидова розыскъ на Татищева кончился. А что онъ на Татищева доносилъ, на ономъ розыскѣ не доказалъ, или Татищевъ умѣлъ концы хоронить. И что тѣмъ не могъ угодить Демидову: не всѣмъ и Христосъ угодилъ». Только въ сентябрѣ 1723 г. получено было на Уралѣ оправданіе Татищева и позволеніе приставить его къ прежнимъ дѣламъ; въ письмѣ къ государю Генинъ говоритъ, что онъ не могъ безъ слезъ читать оправданія Татищева. Вмѣстѣ съ тѣмъ Татищевъ, какъ онъ самъ говоритъ, получилъ тогда съ Демидова 6000 р. Генинъ вполнѣ оцѣнилъ способность Татищева и ревностно принялся за исполненіе его плановъ: близъ Исетскаго завода основалъ городъ

Екатеринбургъ, хлопоталъ о переводѣ туда ярмарки, посылалъ дѣлать развѣдки о возможности канала между рѣками Кельтмами. Наказъ управителямъ заводовъ, подписанный Гениномъ, составленъ былъ по всей вѣроятности Татищевымъ [1]). Самъ Татищевъ не оставался безъ дѣла: онъ объѣхалъ съ Генинымъ заводы, наблюдалъ надъ строеніемъ завода на р. Исети, завѣдывалъ школами, писалъ бумаги къ государю и въ бергъ-коллегію, т. е. самыя важныя, дѣлалъ слѣдствія о безпорядкахъ, ѣздилъ въ Соликамскъ строить тамъ мѣдноплавильни и оттуда въ Верхотурье понуждать тамошнее начальство починивать дороги. Во время этой командировки Татищевъ получилъ полное свое оправданіе.

Въ концѣ 1723 года Татищевъ былъ посланъ въ Петербургъ съ докладомъ къ государю о состояніи заводовъ и въ январѣ 1724 г. представлялся Петру [2]). Оправдавшись по дѣлу Демидова, Татищевъ, по собственнымъ его словамъ: «большую его величества милость получилъ»; въ «Исторіи» Татищевъ сообщаетъ, что въ 1723 г. взятъ онъ ко двору, «гдѣ былъ при его величествѣ близь года». Къ этой порѣ жизни Татищева относится любопытный разговоръ его съ Петромъ: въ своемъ отвѣтѣ на обвиненіе Демидова, на вопросъ о взяткахъ, Татищевъ привелъ текстъ: «дѣлающему мзда не по благодати, а по дѣлу». Петръ требовалъ объясненія на эти слова. Татищевъ отвѣчалъ, что только въ случаѣ неправаго рѣшенія можно обвинять за взятку; а въ случаѣ праваго нельзя: судья можетъ получить вознагражденіе отъ тяжущагося,— если 1) работалъ послѣ полудня, чего не обязанъ дѣлать изъ-за жалованія, 2) если не тянулъ дѣла справками и придирками, 3) если рѣшилъ дѣло не въ очередь, въ случаѣ крайней въ томъ нужды тяжущагося. Государь сказалъ на это: «сіе все правда и для совѣстныхъ людей невинно; токмо

---

[1]) См. объ этомъ у Н. К. Чупина.

[2]) Привезенная Татищевымъ докладная записка о состояніи заводовъ, оставшаяся неизвѣстною Н. К. Чупину, теперь напечатана въ «Сборникѣ Историческаго общества», XI, 539—544.

не безъ опасности безсовѣстнымъ позволить, чтобъ подъ тѣмъ доброхотнымъ принужденнаго не было; и лучше виннаго и безсовѣстнаго закономъ помиловать, нежели многихъ невинныхъ онымъ отяготить». Понятно, что въ ту эпоху, когда еще живо было воспоминаніе о кормленіи, когда само правительство, сознавая невозможность платить соотвѣтствующее труду жалованье, опредѣляетъ подъячихъ секретнаго стола въ сенатѣ по строгоновскимъ дѣламъ, когда правительство должно было иногда не доплачивать жалованья, или выдавать его товарами, когда сознаніе долга было такъ слабо, что даже страшные примѣры, въ родѣ Гагарина, не отвращаютъ отъ грабительства и притѣсненій и такихъ людей, какъ Меньшиковъ, такая теорія могла казаться невинною; невиннымъ могло казаться даже то, что такой дѣловой человѣкъ, какъ Татищевъ, иногда на практикѣ шелъ и далѣе этой теоріи; и дѣйствительно мы увидимъ, что обвиненіемъ во взяткахъ пользовались иногда, чтобы удалять Татищева отъ того или другаго дѣла; но едва-ли за этими обвиненіями не скрывалось всегда другихъ поводовъ.

III.

Въ 1724 г. Татищевъ произведенъ въ совѣтники бергъ-коллегіи и назначенъ въ сибирскій оберъ-бергъ-амтъ (какъ было переименовано высшее горное начальство). Генинъ не былъ обрадованъ этимъ назначеніемъ, недовольный тѣмъ, что Татищевъ принялъ участіе въ проектѣ объ отдачѣ Полевскихъ рудниковъ частной компаніи, во главѣ которой становились Строгоновы. Генинъ, съ успѣхомъ возстававшій противъ этого проекта, при назначеніи Татищева, въ письмѣ въ бергъ-коллегію, выразилъ свое неудовольствіе, хотя и очень осторожно: «что г. капитанъ Татищевъ — писалъ онъ — пожалованъ совѣтникомъ и сюда въ Сибирь будетъ, то воля государева,

какъ онъ изволитъ. И хотя его Господь Богъ довольно разумомъ благословилъ, однако, волею Божіею, бываетъ больше болѣнъ, нежели здоровъ, и хотя онъ и желаетъ трудиться, да болѣзнь его не допущаетъ, и завсегда по заводамъ ходить и присматривать, такожъ и на другіе заводы ѣздить ему трудно будетъ».

Вмѣсто Урала, Татищевъ былъ однако посланъ въ Швецію, чтобы познакомиться тамъ съ состояніемъ горнаго и монетнаго дѣла, пригласить оттуда знающихъ людей и отдать въ обученіе горному дѣлу нѣсколькихъ учениковъ морской и артиллерійской школъ. Главною же цѣлью было секретное порученіе: «смотрѣть и увѣдомиться о политическомъ состояніи, явныхъ поступкахъ и скрытыхъ намѣреніяхъ онаго государства». Судя по свидѣтельству Берхгольца, автора извѣстныхъ записокъ, Татищеву поручены были сношенія съ партіею, желавшею возведенія на престолъ герцога Голштинскаго, жениха Анны Петровны, отстраненнаго отъ наслѣдства Ульрихою Елеонорою, а потомъ ея мужемъ, Фридрихомъ Гессенскимъ. Ничего неизвѣстно объ успѣхѣ этого дипломатическаго порученія; но въ умственной жизни Татищева, пребываніе въ Швеціи, гдѣ онъ пробылъ съ декабря 1724 г. по апрѣль 1726 г., имѣло важное значеніе: здѣсь онъ и видѣлъ многое и узналъ многихъ.

Непривѣтно встрѣтила Татищева Швеція. Почти немедленно послѣ своего пріѣзда онъ захворалъ и пролежалъ въ постели два мѣсяца, а между тѣмъ получено извѣстіе о кончинѣ Петра Великаго. Русскій посланникъ Бестужевъ-Рюминъ пересталъ оказывать содѣйствіе Татищеву, ожидая подтвержденія отъ новаго правительства; вмѣстѣ съ рескриптомъ посланнику, полученъ рескриптъ и къ Татищеву, въ которомъ императрица приказывала ему: «дабы онъ все, что для пользы и чести государственной, не оставлялъ». Хотя и послѣ Татищевъ не видѣлъ большой помощи отъ русскихъ посланниковъ Бестужева-Рюмина и смѣнившаго его Головина, хотя и деньги онъ получалъ и скудно и неакуратно, но не «оставлялъ» дѣлать все

то, что считалъ полезнымъ для государства. Онъ осмотрѣлъ горные заводы и рудники Швеціи, преимущественно останавливаясь на серебряныхъ въ Саалѣ и мѣдныхъ въ Фалунѣ; посѣтилъ заводы квасцовые, сѣрные, купоросные и селитряные въ южной части Швеціи. Отвсюду собралъ онъ множество чертежей и плановъ. Нанять многихъ мастеровъ ему не удалось: шведское правительство этого не позволяло; а чтобы нанять тайно, нужны были деньги, а денегъ Татищеву присылали крайне недостаточно; впрочемъ, ему удалось нанять гранильнаго мастера Рефа, который отправленъ былъ въ Екатеринбургъ. Отъ его учениковъ пошло на Уралѣ это искусство, которымъ теперь славится Екатеринбургъ. Во время своей поѣздки по заводамъ, Татищевъ условился съ мастерами объ отдачѣ имъ на выучку русскихъ; эти ученики (22 челов.) пріѣхали только въ концѣ 1725 г., и Татищевъ распредѣлилъ ихъ по мастерамъ. Не упуская изъ виду ничего, что касалось чести и пользы государства, Татищевъ осмотрѣлъ шведскіе каналы, доки и шлюзы [1], собралъ свѣдѣнія о торговлѣ Стокгольмскаго порта и о шведской монетной системѣ. Онъ первый въ Россіи указалъ на необходимость ввести десятичную систему въ монетахъ, вѣсахъ и мѣрахъ. Подробности, сообщенныя имъ о шведской мѣдной монетѣ плотъ, были поводомъ къ введенію ея въ Россіи при Екатеринѣ I; впрочемъ, по неудобности, эта монета существовала не долго. Здѣсь, въ Швеціи, Татищевъ нашелъ много лицъ, бывшихъ въ плѣну и которыхъ онъ могъ знать прежде. Этимъ объясняютъ [2]) то обстоятельство, что онъ такъ скоро вошелъ въ сношенія съ ученымъ міромъ Швеціи. Въ числѣ ихъ былъ и Штраленбергъ, извѣстный своимъ сочиненіемъ «Сѣверная и Восточная часть Европы и Азіи», которое вышло въ 1730 г. Когда Татищевъ жилъ въ Шве-

---

[1]) Донесеніе его о поѣздкѣ по каналамъ напечатано П. П. Пекарскимъ въ „Зап. Геогр. Общ." 1863, № 3.

[2]) П. П. Пекарскаго: „Нов. изв. о Татищевѣ".

ціи, книга эта была еще въ рукописи, и Татищевъ хлопоталъ о посвященіи ея Петру Великому; но предположеніе это не осуществилось, и книга явилась съ посвященіемъ королю Фридриху. Когда Татищевъ получилъ эту книгу въ Сибири, онъ написалъ на нее примѣчанія и она-то побудила его въ особенности заняться географіею Сибири. Черезъ посредство другаго ученаго, Бреннера, королевскаго библіотекаря и члена «коллегіи древностей», учрежденной въ 1666 г. для собиранія и изученія памятниковъ скандинавской исторіи, Татищевъ узналъ о существованіи важныхъ матеріаловъ для русской исторіи и скоро, войдя въ сношеніе съ коллегіею, представилъ правительству планъ выборки изъ скандинавскихъ историковъ всего, что касается до русскихъ древностей. За исполненіе плана принялся секретарь коллегіи Біорнеръ, которому Татищевъ выдалъ впередъ 5 червонцевъ; Татищевъ изложилъ въ самомъ краткомъ видѣ тѣ выводы, къ которымъ приходилъ Біорнеръ, и отправилъ это изложеніе въ Петербургъ. Туда отправилъ онъ и планъ, составленный самимъ Біорнеромъ. Всего Біорнеръ получилъ около 40 червонцевъ; но судьба труда неизвѣстна. Тогда же сообщалъ онъ свѣдѣнія о русскихъ книгахъ, хранящихся въ Упсальской библіотекѣ. Біорнеръ, къ которому обращался Татищевъ, извѣстенъ въ наукѣ своимъ «Историко-географическимъ очеркомъ о варягахъ», изданнымъ имъ, правда, послѣ, но главныя мысли котораго онъ могъ высказать и раньше. Между прочимъ, въ своемъ очеркѣ онъ высказываетъ мнѣніе, будто Руссы въ началѣ владѣли Финляндіею и оттуда перешли въ Новгородъ; Татищевъ точно также считаетъ моремъ, о которомъ говоритъ лѣтопись, Ладожское озеро. Указывая правительству на необходимость извлекать свѣдѣнія изъ сѣверныхъ источниковъ, Татищевъ старался заимствовать отъ ученыхъ шведовъ и знанія и способы изслѣдованія. Въ исторіи попадаются и ссылки на шведскихъ историковъ и личныя воспоминанія о сношеніяхъ съ ними (таково, напр., указаніе о томъ, что значеніе слова Гардарики сообщено было ему Бреннеромъ). За-

нимаясь исторіею, Татищевъ не оставлялъ и географіи: онъ доносилъ въ Петербургъ о томъ, какъ шведское правительство заботится о землемѣріи и географіи и, указавъ снова на пользу и необходимость этихъ работъ въ Россіи, вычислялъ какъ дешево онѣ будутъ стоить (не болѣе 20.000 р.). При отъѣздѣ въ Россію, Татищевъ увезъ съ собою много книгъ, чертежей, вещей, пріобрѣтенныхъ на казенныя деньги, которыя тогда же розданы были по разнымъ учрежденіямъ. Такъ трудился въ Швеціи Татищевъ, готовя себя къ будущей практической дѣятельности въ Россіи и къ своимъ будущимъ ученымъ работамъ. Возвратясь изъ своей поѣздки въ Швецію и Данію, куда онъ тоже ѣздилъ, Татищевъ нѣсколько времени занимался составленіемъ отчета и, хотя еще не отчисленный отъ бергъ-амта, не былъ однако посланъ въ Сибирь. Вѣроятно, въ эту пору представилъ онъ императрицѣ предположеніе объ устройствѣ дороги въ Сибирь. Онъ предлагалъ двѣ дороги: въ Тобольскъ черезъ Вятку, Кунгуръ и Екатеринбургъ и въ Нерчинскій край (Дауры) черезъ Казань, Курганъ и Томскъ [1]).

IV.

Въ 1727 г. Татищевъ назначенъ былъ членомъ монетной конторы, которой тогда подчинены были монетные дворы, изъятые изъ вѣдѣнія бергъ-коллегіи. Конторѣ, кромѣ наблюденія за денежными дворами (ихъ было три въ Москвѣ), порученъ былъ судъ надъ фальшивыми монетчиками и сверхъ того ей же поручены были сношенія съ такъ называемыми скупщиками, купцами, поставлявшими въ казну серебро и золото въ иностранныхъ монетахъ, вещахъ, слиткахъ, ломѣ

---

[1]) Записка напечатана въ „Зап. Геогр. Общ." 1863 г., № 3.

г. п. Эти металлы сплавлялись, очищались и приводились въ указную пробу, подъ наблюденіемъ членовъ конторы и скупщиковъ, которымъ потомъ и выдавалась опредѣленная цѣна. Въ этой службѣ Татищевъ состоялъ все царствованіе Петра II и на ней застали его событія 1730 г., когда члены верховнаго совѣта украдкою послали избранной императрицѣ составленныя ими, безъ согласія всѣхъ сословій, условія, на которыхъ она должна управлять русскою землею. Темные слухи, носившіеся объ этихъ условіяхъ въ обществѣ, возбудили повсюду негодованіе и опасеніе: ясно было, что задумана олигархія, что представители двухъ старыхъ фамилій захватятъ всю власть въ свои руки и тѣмъ окончательно отстранятъ выслужившихся и заслуженныхъ людей. Такъ, А. П. Волынскій, тогда губернаторъ казанскій, писалъ: «Слышно здѣсь, что дѣлается у васъ или уже и сдѣлано, чтобъ быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже сохрани, чтобы не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго государя, десять самовластныхъ и сильныхъ фамилій: и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными, какъ бы согласно ни было, однакожъ впредь конечно у нихъ безъ разборовъ не будетъ, и такъ одинъ будетъ миловать, а другіе, на то яряся, вредить и губить станутъ» [1]).. И вотъ шляхетство, чтобы не пропадать, стало собираться въ отдѣльные кружки и разсуждать, что ему дѣлать. Въ одномъ изъ такихъ кружковъ дѣйствовалъ Татищевъ; имъ то была составлена записка о формѣ правленія, которую подписало около 300 человѣкъ [2]). Въ этой запискѣ Татищевъ доказываетъ, что выборъ, сдѣланный немногими лицами и притомъ не имѣющими полномочія—выборъ неправильный. Еще менѣе правильнымъ признаетъ онъ предложеніе условій и

---

[1]) „Дѣло Салникѣева“ въ „Чт. общ Ист.“ 1862, III.
[2]) „Утро“ 1858.

при этомъ входитъ въ разсмотрѣніе разнаго рода правленій. Демократію онъ считаетъ удобною только въ малыхъ государствахъ; аристократію—въ странахъ безопасныхъ отъ нападенія (напр., на островахъ), «а особливо, — прибавляетъ онъ,—если народъ ученіемъ просвѣщенъ и законы хранить безъ принужденія прилежитъ,—тамо такъ остраго смотрѣнія и жестокаго страха не требуется»; монархію онъ считаетъ необходимою въ странахъ обширныхъ, предѣлы которыхъ требуютъ защиты отъ враговъ. Отъ того и республики въ опасныхъ случаяхъ поручаютъ чрезвычайную власть одному лицу (диктаторъ въ Римѣ, штатгальтеръ въ Голландіи и т. д.). Въ Россіи демократія невозможна, по обширности страны, а аристократія оказалась гибельною (здѣсь Татищевъ указываетъ на примѣръ удѣльной системы, которую онъ считаетъ аристократіею; на запись, данную Шуйскимъ по требованію Голицына и другихъ бояръ, которою онъ объясняетъ разореніе Россіи поляками и шведами). На представлявшіяся ему возраженія противъ монархическаго правленія онъ отвѣчаетъ, что, конечно, государь, какъ человѣкъ, можетъ ошибаться, но онъ имѣетъ возможность избриать умныхъ совѣтниковъ, «и какъ онъ, яко господинъ въ своемъ домѣ, желаетъ оный наилучшимъ порядкомъ править, такъ онъ не имѣетъ причины къ разоренію отчины умъ свой употреблять; но паче желаетъ для дѣтей своихъ въ добромъ порядкѣ содержать и пріумножить». Государя же нерадящаго о благѣ государства «можно принять за Божіе наказаніе». Указаніе на фаворитовъ Татищевъ отстраняетъ примѣрами фаворитовъ, приносившихъ пользу (любопытно, что къ нимъ онъ относитъ кн. В. В. Голицына, любимца Софіи); самая тайная канцелярія не кажется Татищеву страшною, если поручена человѣку благочестивому. Переходя къ обстоятельствамъ времени, Татищевъ замѣчаетъ, что государыня уже доказала свою мудрость и благонравіе правленіемъ Курляндіею, «однакожъ, какъ есть персона женская, къ такимъ трудамъ неудобна; паче жъ ей знаніе законовъ не достаетъ». Отъ того до вступленія на

престолъ «мужской персоны считается полезнымъ нѣчто для помощи ея величеству учредить». Шляхетное собраніе положило слѣдующее: 1) при государынѣ состоитъ сенатъ изъ 21 члена; 2) чтобы сенатъ не былъ обремененъ экономическими дѣлами, учреждается собраніе въ 100 членовъ, собирающихся въ полномъ составѣ три раза въ годъ или въ крайнихъ обстоятельствахъ; а въ остальное время засѣдаетъ треть членовъ; 3) на высшія мѣста (членовъ собраній, президентовъ коллегій, губернаторовъ, главнокомандующихъ) выбирать баллотировкою; кромѣ выбора главнокомандующаго, который производится генералами, на остальныя мѣста выбираютъ члены «высшихъ правительствъ», утверждаетъ государыня; 4) проекты законовъ составляются въ коллегіяхъ, разсматриваются въ «высшихъ правительствахъ»; 5) въ высшихъ учрежденіяхъ не должно быть двухъ близкихъ родственниковъ; 6) въ тайную канцелярію назначаются два члена отъ сената по очереди, чтобы смотрѣть за соблюденіемъ справедливости; 7) относительно дворянства предлагалось: устроить въ городахъ училища; ограничить срокъ службы двадцатью годами, начиная съ 18 лѣтъ; не отдавать дворянъ въ матросы и въ ремесла; составить списки «подлиннаго шляхетства», причемъ производимыхъ въ дворянство писать въ особыя книги; 8) относительно духовенства: обезпечить его такъ, чтобы сельское духовенство могло отдавать дѣтей въ училища и не заниматься землепашествомъ; избытки доходовъ духовенства употребить на полезныя дѣла; 9) купечество предлагалось освободить отъ постоевъ и разныхъ стѣсненій и «подать способъ къ размноженію мануфактуръ и торговъ»; 10) наконецъ, предлагалось отмѣнить непринявшійся въ Россіи петровскій законъ о единонаслѣдіи, по которому въ шляхетскихъ (дворянскихъ) имѣніяхъ наслѣдовалъ только одинъ сынъ. Такое представленіе не могло, конечно, нравиться верховникамъ, противъ которыхъ явно направлены были нѣкоторыя его статьи, между прочимъ и запрещеніе родственникамъ занимать одновременно мѣста въ высшихъ

учрежденіяхъ, а верховный тайный совѣтъ почти исключительно состоялъ изъ Долгорукихъ и Голицыныхъ; но во всякомъ случаѣ принятіе подобнаго проекта было бы смертельнымъ ударомъ для власти верховниковъ и потому весьма вѣроятно показаніе Татищева, что Долгорукіе сулили ему висѣлицу и плаху. Когда проектъ былъ отвергнутъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, рѣшено было подать прошеніе государынѣ. Въ достопамятный день 25 февраля, шляхетство явилось къ государынѣ; прошеніе читалъ Татищевъ, и въ прошеніи ходатайствовало шляхетство о позволеніи разсмотрѣть различныя мнѣнія, представившіяся при обсужденіи вопроса о формѣ правленія. Государыня изъявила согласіе; шляхетство удалилось разсуждать. Извѣстно, что шумно высказанное гвардіею требованіе о возстановленіи стараго порядка побудило шляхетство во второмъ представленіи, читанномъ въ тотъ же день послѣ полудня сатирикомъ кн. Кантеміромъ, изъявить желаніе, согласное съ желаніемъ гвардіи. Дѣятельность Татищева противъ верховниковъ обратила на него благосклонное вниманіе новаго правительства: произведенный изъ коллежскихъ совѣтниковъ въ дѣйствительные статскіе, т. е. черезъ чинъ, онъ явился оберъ-церемоніймейстеромъ въ день коронаціи. Когда, въ томъ же году, задуманъ планъ академіи ремеслъ, которая должна была состоять изъ четырехъ отдѣленій, во главѣ одного, вѣроятно, механики, хотѣли поставить Татищева [1]). Планъ этотъ не осуществился: противъ него высказался Остерманъ. За то Татищевъ назначенъ былъ главнымъ судьею (т. е. предсѣдателемъ) монетной конторы. Здѣсь Татищевъ успѣлъ приложить знанія, добытыя имъ въ Швеціи: онъ старался объ улучшеніи монетной системы, о привлеченіи металловъ на монетный дворъ, объ изъятіи изъ обращенія низкопробной монеты

[1]) Соглашаемся съ Н. К. Чупинымъ, что указанное въ «Лексиконѣ» Татищева назначеніе его въ отдѣленіе архитектуры, а Растрели—великаго архитектора XVIII в.—въ отдѣленіе механики ничто иное, какъ описка.

и т. п. Здѣсь Татищевъ, какъ и вездѣ, гдѣ онъ дѣйствовалъ, предполагалъ завести училище, въ которомъ преподавались бы науки, нужныя для монетнаго дѣла, иностранные языки на столько, чтобъ понимать книги, и правила грамматики и риторики, нужныя для правильнаго изложенія мыслей. «У насъ—говоритъ Татищевъ—отъ неразумія грамматическихъ и риторическихъ правилъ въ канцеляріяхъ неученые секретари и подъячіе весьма пространно и темно и сумнительно или весьма недоразумительно пишутъ». Въ 1731 г. монетная контора, подчиненная до того сенату, была подчинена М. Г. Головкину; съ этимъ новымъ начальникомъ не долго ладилъ Татищевъ, который увѣряетъ, что ихъ ссорилъ Биронъ. Утвержденіе это довольно вѣроятно: Биронъ не любилъ русскихъ умныхъ и довольно самостоятельныхъ людей; а такимъ былъ Татищевъ, не смотря на то, что въ послѣдствіи, въ письмахъ своихъ къ Бирону, желая угодить надменному временщику, посылалъ ему то калмыченковъ, которыми любилъ тѣшиться Биронъ, то лошадей, которыхъ онъ любилъ болѣе чѣмъ людей, то рѣдкости, найденныя при раскопкѣ могилъ; несмотря даже на то, что къ нему онъ писалъ свои письма по-нѣмецки, такъ какъ выучиться по-русски Биронъ не считалъ нужнымъ. Все это мало помогало, и Татищевъ оставался ему непріятнымъ: быть можетъ и потому, что въ его запискѣ встрѣчаются рѣзкія осужденія временщиковъ; позднѣе они разошлись еще болѣе. Поводомъ къ увольненію Татищева послужило полученное правительствомъ извѣстіе о взяткахъ Татищева: онъ обвинялся въ томъ, что взялъ со скупщиковъ 4,200 руб. и получилъ взаймы 3,000 руб. Скупщики показывали, что дали за то, «что сплавками не продолжалъ и выдачею за серебро по передѣлу монетами удержки не чинилъ». Такъ прикладывалъ Татищевъ къ практикѣ свою теорію о вознагражденіи за трудъ сверхъ положеннаго [1]). Но

---

[1]) Это обстоятельство извѣстно изъ доклада, написаннаго по-русски и по-нѣмецки: стало быть для Бирона («Нов свѣд о Татищевѣ», 31).

существенная причина заключалась въ томъ, что Головкинъ, вмѣсто одной компаніи скупщиковъ, желалъ поставить другую. Въ 1734 г. Татищевъ, освобожденный отъ суда, указомъ императрицы былъ снова назначенъ на Уралъ «для размноженія заводовъ».

V.

Заводами сибирскими управлялъ тогда Генинъ. Число заводовъ росло частію его стараніями, а частію и потому, что выгоду горнозаводской промышленности поняли въ ту пору, кромѣ Демидовыхъ, и другіе богатые люди, между прочимъ и Строгоновы, которые прежде, по выраженію Генина, «жили какъ Танталусъ весь въ золотѣ и огорожены золотомъ, а не могли достать, въ такомъ образѣ, что жили они въ мѣди, а голодны». Число заводовъ росло: ихъ было уже 30, изъ нихъ 19 частныхъ; росло и число жителей, въ особенности прибавлялось оно бѣглыми, которыхъ съ охотой принимали къ себѣ заводчики. Увеличивалось и знакомство съ горными богатствами: прибавлялось число добываемыхъ предметовъ; но чѣмъ шире развивались промыслы, тѣмъ ощутительнѣе оказывались недостатки въ администраціи; въ особенности дурно шла счетная часть, въ которой Генинъ, по собственному сознанію, былъ «неискусенъ, да хотя бы и умѣлъ, да некогда за частыми отлучками на другіе заводы для ихъ исправленія и для строенія новыхъ». Генинъ постоянно жалуется на свое положеніе: у него нѣтъ людей, отъ воеводы онъ терпитъ стѣсненія; такъ, уральскій воевода не велитъ приписнымъ крестьянамъ ходить на работу заводскую, а посылаетъ строить суда; изъ Петербурга идутъ разныя требованія и постоянно выражается недовольство тѣмъ, что постройка заводовъ стоитъ дороже, чѣмъ получаемая съ нихъ прибыль, хотя доходы съ заводовъ получа-

лись среднимъ числомъ около 100,000 руб., а между тѣмъ средства для устройства заводовъ уменьшились: пріемъ бѣглыхъ былъ ограниченъ; приписные крестьяне вмѣстѣ съ другими обязаны были нести рекрутство. Къ довершенію разстройства, на заводахъ появились кабаки и между рабочими стало развиваться пьянство. Генинъ — пріученный къ прямымъ сношеніямъ съ Петромъ, пріученный къ тому, что понимающій выгоду горной промышленности царь не жалѣлъ издержекъ и, полный надежды на будущее, зналъ, что въ этомъ будущемъ заводы сторицею вознаградятъ расходы,— не выдержалъ и сталъ просить отстранить его отъ заводовъ и перевести въ артиллерію: «Мнѣ такія великія дѣла—говоритъ онъ въ письмѣ къ Остерману—одному болѣе управлять несносно, и вижу, что я въ дѣлахъ оставленъ и никакой помощи нѣтъ, но болѣе помѣшательство». У Генина рождается опасеніе «напрасно, будто за неисправленіе, въ чемъ и невиноватъ, не пропасть за нимъ вѣрной въ Россіи черезъ 33 года службы». Это письмо не только еще не было получено въ Петербургѣ, но и не было написано, какъ составилась коммиссія, подъ предсѣдательствомъ графа Головкина, для разсмотрѣнія вопроса: не слѣдуетъ ли отдать заводы въ частныя руки? Отвѣтъ коммиссіи, кажется, былъ отрицательнымъ, ибо въ мартѣ 1734 года Татищевъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ заводовъ въ Сибири и Перми. При отъѣздѣ дана ему была обширная инструкція, на основаніи которой онъ долженъ былъ озаботиться устройствомъ новыхъ заводовъ, для чего предписывалось ему ѣхать или послать своихъ товарищей въ Иркутскъ, Нерчинскъ и другія дальнія мѣста, отыскать то мѣсто въ Башкиріи, гдѣ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ найдена была серебряная руда. Ему порученъ былъ надзоръ за частными заводами, какъ относительно доброкачественности ихъ произведеній, такъ и отношеній заводчиковъ къ работникамъ и порядка на заводахъ. Такъ, ему велѣно было смотрѣть, чтобы заводчики не держали бѣглыхъ, чтобы они не выдѣлывали военныхъ орудій. На рѣшеніе его

было предоставлено нѣсколько вопросовъ: не лучше ли замѣнить обязательный трудъ вольнонаемнымъ, какъ это съ успѣхомъ дѣлали Демидовы; не полезно ли чиновниковъ, живущихъ на заводахъ, надѣлить вотчинами изъ дворцовыхъ селъ. Татищевъ по пріѣздѣ указалъ для поселенія ихъ на Осинскій уѣздъ. Ему поручено было составленіе горнаго устава. Въ большей части дѣлъ онъ получилъ полномочіе рѣшать окончательно по соглашенію съ своими товарищами и, если нужно, съ частными заводчиками; только въ вопросахъ сомнительныхъ онъ долженъ былъ обращаться къ сенату и кабинету; въ дѣлахъ же касающихся губернскаго управленія — открытія новыхъ рудниковъ вблизи отъ кочевій степняковъ, строенія крѣпости, устройства новыхъ путей — онъ долженъ былъ дѣйствовать по соглашенію съ губернскимъ начальствомъ. Сверхъ того, Татищевъ получилъ утвержденіе на два свои представленія: позволено подавать жалобы на заводскихъ судей, не въ Тобольскѣ, а въ екатеринбургскомъ бергъамтѣ; дозволено также открыть въ Екатеринбургѣ ярмарку независимо отъ ирбитской.

Татищевъ, прибывъ въ Екатеринбургъ и принявъ управленіе отъ Генина, отправился осматривать заводы, а между тѣмъ къ декабрю велѣлъ съѣхаться заводчикамъ и ихъ прикащикамъ для обсужденія горнаго устава. Открывая собраніе, Татищевъ произнесъ замѣчательную рѣчь, въ которой убѣждалъ каждаго свободно высказывать свое мнѣніе; «я же — сказалъ онъ въ заключеніе — вамъ всѣмъ по моей должности и по крайнему разумѣнію служить и моимъ совѣтомъ помогать желаю». Горный уставъ Татищева, слѣдовавшій во всемъ, что касается исключительно горнаго дѣла, уставу богемскому, представляетъ нѣсколько замѣчательныхъ сторонъ. Такъ, онъ старался ввести въ главное горное управленіе (этимъ именемъ онъ назвалъ прежній бергъ-амтъ) серіозное приложеніе коллегіальнаго начала, при чемъ указываетъ на недостаточность примѣненія этого начала въ тогдашнихъ русскихъ коллегіяхъ. Недостатки эти состояли, по мнѣнію Татищева, въ

томъ, что старшіе высказываютъ свое мнѣніе прежде младшихъ, отчего младшіе «за почтеніе, изъ маности или за страхъ» соглашаются съ мнѣніемъ старшихъ, а если случится подпасть за это суду, отговариваются тѣмъ «что не они старшіе». Другіе возражаютъ уже тогда, когда получаютъ протоколы для скрѣпы «чрезъ что въ дѣлахъ только дѣлаютъ продолженіе», а нѣкоторые протестуютъ уже послѣ подписи протокола. Относительно производства суда, порученнаго земскому судьѣ, важно указаніе на то, чтобы пытка употреблялась умѣренно и чтобы къ смертной казни присуждали въ присутствіи всѣхъ членовъ, которыхъ должно быть не менѣе семи. «Сіе—прибавляетъ Татищевъ—разумѣется о подлости, а шляхетства и заслуживших знатные ранги не пытать и чести не лишать». За то съ ссыльными Татищевъ предписываетъ поступать безъ всякого послабленія. Въ своемъ уставѣ Татищевъ старался по возможности замѣнять иностранныя слова русскими. Любопытно его объясненіе на это обстоятельство. «Отъ бывшихъ нѣкоторыхъ саксонцевъ въ строеніи тамошнихъ заводовъ всѣ чины и работы, яко же снасти, по-нѣмецки называли, которыхъ многіе не знали и правильно выговаривать или написать не умѣли, паче же сожалѣя, чтобы слава и честь отечества, и его трудъ тѣмъ именемъ нѣмецкимъ утѣснены не были, ибо по онымъ нѣмцы могли себѣ не подлежаще въ устроеніи заводовъ честь привлекать, еще изъ того и вредъ усмотря, что незнающіе тѣхъ словъ впадали въ невинное преступленіе, а дѣла въ упущеніе, яко полномочный всѣ такіе званія отставилъ, а велѣлъ писать русскими» [1]). Этимъ обстоятельствомъ Татищевъ объясняетъ неутвержденіе своего устава, будто Биронъ «такъ сіе за зло принялъ, что не однова говаривалъ, яко бы Татищевъ главный врагъ нѣмцевъ». Впрочемъ, въ другой своей статьѣ, Бергъ-директоріумъ [2]), Татищевъ находитъ другую, бо-

[1]) „Лексиконъ Россійскій". 1, 144.

[2]) Тамъ же, 145. Это указано С. М. Соловьевымъ.

лѣе существенную причину неутвержденія устава: „Когда герцогъ курляндскій Биронъ вознамѣрился оный великій государственный доходъ похитить, тогда онъ призвалъ изъ Саксоніи Шомберга, который хотя нимало знанія къ содержанію такихъ великихъ казенныхъ, а паче желѣзныхъ заводовъ не имѣлъ, и нигдѣ не видѣлъ, учинилъ его генераломъ, бергъ-директоромъ, частію подчиня сенату, но потомъ видя, что сенатъ требуетъ о всемъ извѣстія и счета, а тайный совѣтникъ Татищевъ, которому всѣ сибирскіе заводы поручены были, письменно его худые поступки и незнаніе представилъ, тогда, оставя всѣ о томъ учиненой коммиссіи представленія, всѣ заводы подъ именемъ Шомберга оному Бирону съ нѣкоторыми темными и весьма казнѣ убыточными договоры отдали». Позднѣе Шомбергъ былъ отданъ подъ судъ, и это распоряженіе уничтожено. Событіе это относится уже къ 1736 г. Пока Татищевъ оставался на заводахъ, онъ своею дѣятельностью приносилъ много пользы и заводамъ и краю: при немъ число заводовъ возросло до 40; постоянно открывались новые рудники, и Татищевъ считалъ возможнымъ открыть еще 36 заводовъ, которые, впрочемъ, открыты были уже при Елисаветѣ и Екатеринѣ. Между новыми рудниками самое важное мѣсто занимаетъ указанная Татищевымъ гора Благодать (въ Верхотурскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Кушвѣ [1]). Екатеринбургъ сталъ при немъ уже значительнымъ городомъ и имѣлъ свою ратушу. Ежегодно—по уставу Татищева—каждый совѣтникъ ратуши долженъ былъ представить на свое мѣсто двухъ кандидатовъ изъ мѣстныхъ посадскихъ, между которыми выбиралъ начальниковъ заводовъ. Съ увеличеніемъ заводовъ увеличивалось и

---

[1]) Благодатью Татищевъ назвалъ гору въ честь императрицы Анны (Анна значитъ благодать) см. „Лексиконъ", 1, 164; въ донесеніи Татищева императрицѣ читаемъ: „ибо такое великое сокровище на счастіе в. в. по благодати Божіей открылось, тѣмъ же и в. в. имя въ ней въ безсмертность славиться имѣетъ". С. М. Соловьевъ, XX, 202. На верху горы до сихъ поръ стоитъ часовня въ память того вогула, который первый указалъ на нее русскимъ и былъ за то убитъ соплеменниками.

число пристаней на Чусовой. А между тѣмъ росло и число школъ на заводахъ. Татищевъ требовалъ, чтобы и частные заводчики посылали бы дѣтей учиться въ школы. Но заводчики представили кабинету, что у нихъ дѣти 6 — 12 лѣтъ уже употребляются на работу, вслѣдствіе чего послѣдовало предписаніе не принуждать учиться дѣтей неволею; чтенію и письму учить въ частныхъ школахъ, а въ Екатеринбургѣ брать только желающихъ учиться другимъ наукамъ.

Но не только вопросъ о школахъ былъ источникомъ столкновеній между Татищевымъ и заводчиками. Татищевъ широко пользовался своимъ правомъ вмѣшиваться въ управленіе горныхъ заводовъ и тѣмъ не разъ вызывалъ противъ себя нареканія и жалобы. Такъ, онъ взялъ съ заводовъ Демидова на казенные двухъ выписанныхъ Демидовымъ иностранцевъ; отобралъ въ казну Колывано-Воскресенскіе заводы, на которые у Демидова была привиллегія изъ сената; въ 1737 г. Демидовы выхлопотали снова указъ на эти рудники, и они окончательно были взяты въ казну только при Елизаветѣ. Заводчики жаловались и на то, что Татищевъ вмѣшивается въ ихъ отношенія съ рабочими, требуетъ, чтобы они платили за тѣ дни, когда рабочій былъ нездоровъ; жаловались на то, что Татищевъ заставляетъ ихъ крестьянъ прорубать просѣки, прокладывать дороги, строить мосты. Вслѣдствіе этихъ жалобъ частныхъ заводчиковъ, велѣно было вѣдать ихъ по горнымъ дѣламъ въ коммерцъ-коллегіи. Въ этихъ жалобахъ, если даже считать ихъ вполнѣ справедливыми, конечно далеко не все можно объяснить однимъ желаніемъ Татищева показать свою власть надъ заводчиками; значительная часть его дѣйствій объясняется сознаніемъ необходимости въ томъ или другомъ, неимѣніемъ рукъ исполнять задуманное, слѣдствіемъ чего является требованіе отъ заводчиковъ. Вмѣшательство же въ частныя дѣла завода тоже объясняется и желаніемъ сдѣлать пользу рабочимъ и желаніемъ показать, что положеніе ихъ можетъ быть гораздо лучше на заводахъ казенныхъ. Вопросъ же о Колывано-Воскресенскихъ рудникахъ,

богатыхъ серебромъ и золотомъ, имѣлъ для Татищева государственное значеніе. Вообще онъ не былъ сторонникомъ частныхъ заводовъ, не столько изъ личной корысти, сколько изъ сознанія того, что государству нужны металлы и что, добывая ихъ само, оно получаетъ болѣе выгоды, чѣмъ поручая это дѣло частнымъ людямъ. Мы можемъ смотрѣть иначе на этотъ вопросъ, но должны сознать, что люди XVIII в. имѣли добросовѣстныя побужденія по своему рѣшать его. Нельзя даже отрицать вѣрности показанія Татищева въ письмѣ къ Бирону, что молчаніе объ убыткахъ казнѣ отъ сосредоточенія заводовъ въ рукахъ Демидовыхъ было бы полезно для личныхъ интересовъ [1]). Изъ числа затруднительныхъ вопросовъ, вызываемыхъ новымъ положеніемъ края, въ которомъ заразъ открылось столько источниковъ богатства, въ особенности были важны два: о раскольникахъ и бѣглыхъ, поселившихся на Уралѣ. На этихъ вопросахъ приходили въ столкновеніе сознаніе пользы отъ населенія многолюднаго края съ тѣмъ взглядомъ, который тогда имѣло государство на раскольниковъ и бѣглыхъ. Смотря на раскольниковъ, какъ на ослушниковъ государства и церкви, правительство не могло покровительствовать имъ, а между тѣмъ люди были нужны. Отсюда колебанія въ мѣрахъ относительно раскольниковъ. Совершенно въ такомъ же положеніи былъ вопросъ о бѣглыхъ: закрѣпивъ людей на мѣстахъ для отправленія повинностей и для того, чтобы служилые люди, снабженные обязательными работниками, имѣли чѣмъ кормиться, правительство приняло на себя обязанность содержать этихъ людей на ихъ мѣстахъ, стало быть не могло покровительствовать бѣглымъ, а между тѣмъ людей было такъ мало, что должны были нерѣдко довольствоваться не только раскольниками и бѣглыми, людьми по большей части хорошими, но и ссыльными, «поротыми ноздрями», какъ ихъ называлъ Генинъ. Раскольниковъ, по донесенію Та-

[1]) «Новыя изв. о Тат.», 32.

тищева, оказалось около 3000; между ними были и прикащики заводскіе, и даже нѣкоторые промышленники. Донеся о томъ, что раскольники хотѣли его подкупить, Татищевъ указывалъ на то, сколько, по ихъ разсказамъ, они платили Генину. Началось слѣдствіе, которое, впрочемъ, ни чѣмъ не окончилось. Раскольничьихъ монаховъ велѣно было разослать по сибирскимъ монастырямъ, а бѣглыхъ оставить при заводахъ, но помѣстить тамъ, гдѣ они не могли бы совращать православныхъ; тѣхъ же, которые скрывались въ лѣсахъ, велѣно было вывести оттуда. Татищевъ полагалъ, что лучшее средство дѣйствовать на раскольниковъ—толковая проповѣдь, и просилъ прислать на Уралъ искуснаго священника. Вопросъ о бѣглыхъ разрѣшенъ былъ самими помѣщиками, искавшими своихъ бывшихъ крѣпостныхъ: они стали брать по 50 р. окупа съ каждаго, а кто не могъ платить, тѣхъ продавали заводчикамъ за малую плату. Въ такихъ заботахъ проводилъ Татищевъ время на Уралѣ, пока не созрѣла у Бирона мысль воспользоваться для себя заводами. Первымъ шагомъ къ исполненію этой мысли было назначеніе Шомберга бергъ-директоромъ и отказъ на предложеніе Татищева: послать за границу учиться горному дѣлу нѣсколько молодыхъ людей. Татищевъ былъ сначала подчиненъ Шомбергу, а потомъ и совсѣмъ отстраненъ назначеніемъ въ Оренбургскую экспедицію, куда онъ и поѣхалъ въ 1737 г., произведенный въ чинъ тайнаго совѣтника.

VI.

Новое трудное дѣло предстояло Татищеву. Башкирская земля, въ которой русская власть начала укрѣпляться съ конца XVI вѣка, еще нисколько не была русской землею, и если въ XVII в. приходилось отъ башкиръ строить погранич-

ную такъ называемую Закамскую черту [1]), то и въ XVIII в. русская власть не могла хвалиться большими успѣхами. Не разъ, соединяясь съ сосѣдними кочевниками, башкиры дѣлали набѣги на пограничные города; не разъ поднимался бунтъ въ Башкиріи, слышался отказъ платить ясакъ, совершалось избіеніе русскихъ (такъ было при Алексѣѣ Михайловичѣ, такъ было при Петрѣ). Башкирія служила убѣжищемъ для тѣхъ мусульманъ, которые не хотѣли оставаться въ русскихъ предѣлахъ (таково происхожденіе тептерей и мещеряковъ); она же служила прибѣжищемъ и для тѣхъ лицъ, которыя не теряли надежды на возстановленіе сильнаго мусульманскаго царства; сюда же приходили и бѣглые русскіе, которые проникали всюду. Все подчиненіе башкиръ ограничилось военною службою тархановъ—освобожденныхъ отъ ясака—и ясакомъ остальныхъ; но и это казалось тяжелымъ при такихъ условіяхъ. Ясно, что немного нужно было, чтобы поджечь столь горючій матеріалъ; понятно, какъ въ этой средѣ должны были дѣйствовать поступки такого воеводы, какъ Уфимскій воевода Сергѣевъ, который старался страхомъ и пытками вымучить болѣе денегъ. Вспыхнуло возстаніе, длившееся болѣе 12 лѣтъ и потребовавшее для своего усмиренія большихъ усилій. Петръ думалъ о болѣе прочныхъ мѣрахъ для умиротворенія края; но смерть помѣшала ему, и мысль его на время была забыта, хотя не умерла вовсе. Вслѣдъ за тѣмъ, что въ 1729 г. даны были башкирцамъ разныя льготы,— между прочимъ они были освобождены отъ власти Казанскаго губернатора и подчинены сенату,—явилась въ 1730 г. записка одного тогдашняго государственнаго человѣка [2]). Въ этой запискѣ, припоминая мусульманскую религію башкировъ, ихъ прежнія жестокости

---

[1]) Строена отъ Волги по р. Черемшанѣ, и черезъ степи дѣланъ валъ и засѣки. «Лекс. Рос.» III, 12. Города этой черты были населены при Алексѣѣ Михайловичѣ плѣнными поляками.

[2]) Безымянная записка помѣчена въ архивѣ словами: „уповательно Волынскаго“. Н. А. Фирсова: „Инородч. населеніе“ К. 1869, 228.

относительно русскихъ, указывается необходимость держать въ Уфѣ умнаго воеводу, снять карту башкирской земли, собрать подробныя свѣдѣнія о краѣ, привести въ порядокъ старыя крѣпости и построить новыя. Еще рѣшительнѣе выступилъ въ 1734 г. извѣстный Кириловъ, одинъ изъ учениковъ петровской школы, составитель книги: «Цвѣтущее состояніе Россійскаго государства» и перваго атласа Россіи. Кириловъ имѣлъ случай слышать лично отъ Петра его предположенія и ждалъ лишь перваго случая, чтобы осуществить ихъ. Случай представился превосходный. Отъ Алтайскихъ горъ до Аральскаго моря, Хивы и Бухары, кочевали орды Киргизъ-Кайсацкія— или какъ наши предки вѣрнѣе называли ихъ казацкія,—сгруппировавшіяся въ концѣ XV в. изъ разныхъ сходцевъ тюркскаго племени около одного ханскаго дома. Тѣснимые Зюнгарскимъ ханомъ Галданъ-Черенемъ, двѣ орды ихъ, средняя и меньшая, появились близь русскихъ предѣловъ. Послѣ столкновенія съ башкирами, калмыками и уральскими казаками, ханъ меньшей орды, Абулъ-Хаиръ, предложилъ Россіи свое подданство. Посланный приводить его къ присягѣ, Тевкелевъ встрѣтилъ въ своемъ дѣлѣ препятствія, но такъ ловко повелъ переговоры, что успѣлъ убѣдить принять подданство не только меньшую, но и среднюю орду. Посольство Абулъ-Хаира явилось въ 1734 г. въ Петербургъ съ предложеніемъ построить городъ на р. Ори, въ которомъ бы онъ могъ найти себѣ убѣжище въ случаѣ нужды. Тогда-то выступилъ съ своимъ предложеніемъ Кириловъ: онъ указывалъ на то, что изъ города на Орѣ можетъ идти русская колонизація въ башкирскую землю; необходимость же такой колонизаціи сознавалъ и Петръ, приказывая искать руды на башкирскихъ земляхъ, и она уже началась съ распространеніемъ заводовъ. Отсюда же, по мнѣнію Кирилова, русское вліяніе должно было распространиться и на среднюю Азію: отсюда открывался путь русскимъ товарамъ въ Бухару, Бодакшанъ и Индію. Поэтому онъ предполагалъ сдѣлать новый городъ не только крѣпостію и административнымъ центромъ, но и

городомъ въ смыслѣ торговомъ и промышленномъ. Чтобы поддерживать власть надъ башкирами, Кириловъ совѣтовалъ недавать имъ примириться съ киргизами [1]). Всѣ эти предложенія были приняты, и городъ Оренбургъ получилъ большія льготы: позволено въ немъ селиться русскимъ и иностранцамъ всякихъ вѣръ и званій; земля подъ постройки дается поселенцамъ безденежно, учреждается магистратъ. Строить городъ посланы были Кириловъ съ Тевкелевымъ; имъ данъ былъ для охраны отрядъ изъ мѣстныхъ войскъ, уфимскихъ дворянскихъ ротъ, яицкихъ (уральскихъ) казаковъ, башкирскихъ тархановъ и т. п. Городъ велѣно строить тептерямъ; при экспедиціи были геодезисты для составленія картъ, техники. Прибывъ въ Уфу, Кириловъ занялся приготовленіемъ къ строенію города; сюда пріѣхали къ нему башкиры, которыхъ онъ обнадежилъ разными льготами, ибо правительство всѣми мѣрами старалось склонить башкиръ на свою сторону. Такъ отмѣнялся обычай брать отъ башкиръ заложниковъ, а вмѣсто того призывались они какъ члены вновь учреждаемаго суда; но и башкиры поняли, что это уловка; обѣщана была имъ охрана землевладѣнія, оставленіе на своихъ мѣстахъ бѣглыхъ и т. п. Башкиры казались довольными, но замышляли иное. Въ началѣ 1735 г. Татищевъ сообщилъ изъ Кунгура въ Казань, что башкиры что-то затѣваютъ, что у татаръ дѣлаются съѣзды. Кириловъ, раздраженный тѣмъ, что Татищевъ не снесся съ нимъ, увѣрилъ въ Петербургѣ, что все вздоръ, чему повѣрилъ и самъ. Кириловъ до того былъ спокоенъ, что мечталъ о покореніи Ташкента и въ письмахъ въ Петербургъ опровергалъ планъ Татищева строить на башкирскихъ земляхъ мѣдные заводы. Даже нападеніе башкиръ на его передовой отрядъ казалось Кирилову дѣломъ пустымъ, и онъ продолжалъ свой путь до р. Ори, гдѣ и заложилъ крѣпость Оренбургъ (теперь Орская крѣпость); но волненіе такъ усилилось, что

---

[1]) Представленіе Кирилова напечатано въ Полн. Собр. Зак. IX, № 6571; привилегія города Оренбурга тамъ же, № 6564.

изъ Оренбурга Кириловъ долженъ былъ возвратиться въ Уфу, гдѣ получилъ приказаніе изъ Петербурга соединиться съ Ал. Ив. Румянцевымъ, стоявшимъ въ Мензелинскѣ и назначеннымъ по первымъ же слухамъ о возстаніи идти усмирять его. Между тѣмъ Тевкелевъ отбился отъ башкиръ и, переловивъ ихъ, казнилъ. Жестокость Тевкелева — онъ сжегъ 50 деревень, сжегъ въ одномъ амбарѣ 105 человѣкъ — еще болѣе возбудила возстаніе. Положеніе Тевкелева было опасно; еще опаснѣе было положеніе тѣхъ, кто оставался въ Оренбургѣ. Кирилова же не было: онъ ѣздилъ въ Петербургъ просить усиленія военныхъ средствъ. Вслѣдствіе этой просьбы, не смотря на турецкую войну, даны были регулярныя войска, которыя и двинулись въ Башкирію подъ начальствомъ Румянцева. Со стороны сибирской дѣйствовалъ Татищевъ. Въ іюнѣ 1736 года большая часть Башкиріи была выжженна и разорена. Вмѣсто Румянцева присланъ Хрущовъ, который, забирая башкировъ въ видѣ заложниковъ, перебивалъ ихъ. Иначе поступалъ Татищевъ; онъ только отбиралъ оружіе и заставлялъ присягать на коранѣ. Имъ внушена была Румянцеву еще до отъѣзда его мысль, когда Башкирія будетъ усмирена, взять изъ башкиръ отъ 2000 до 3000 лучшихъ воиновъ и послать ихъ въ Турцію подъ предлогомъ войны; мысль эта понравилась въ Петербургѣ, и поручено было Татищеву и Соймонову, назначенному на мѣсто Хрущова, исполнить ее, если окажется возможнымъ. Татищевъ созналъ скоро невозможность исполнить эту мысль: «видится неудобно для того — писалъ онъ къ Соймонову — что они возмнятъ, якобы войска россійскія противъ турокъ безсильны были». Между тѣмъ въ апрѣлѣ 1737 г. умеръ отъ чахотки Кириловъ. Несмотря на то легкомысліе, съ которымъ онъ отнесся въ началѣ къ башкирскому бунту, Кириловъ былъ человѣкъ почтенный и совершенно основательно говоритъ о немъ Рычковъ: «Онъ о пользѣ государственной, сколько знать могъ, прилежное имѣлъ попеченіе, и труды къ трудамъ до самой кончины своей прилагалъ, предпочитая интересъ государственный паче своего.

Оренбургской новой линіи, которою не только вся Башкирь, но и вся Казанская губернія и не малая часть Сибирской отъ степныхъ народовъ прикрыты, онъ первый действительное основаніе положилъ» [1]). Мѣсто Кирилова занялъ Татищевъ.

Совсѣмъ больной, Татищевъ поспѣшилъ къ своему новому назначенію. «Опасаяся за умедленіе Ея Императорскаго Величества гнѣва — писалъ онъ кабинетъ-министрамъ — не смотря на мою болѣзнь, на носилахъ поѣхалъ до пристани». Оставляя Екатеринбургъ, онъ подарилъ тамошней школѣ всю свою библіотеку. На совѣтѣ, созванномъ Татищевымъ по пріѣздѣ его въ Мензелинскъ (14 іюня), на которомъ участвовалъ Соймоновъ, Уфимскій воевода Шемякинъ и полковники, рѣшено было: окончить усмиреніе Башкиріи, оставить въ живыхъ захваченныхъ коноводовъ бунта, держать ихъ въ Уфѣ, смотрѣть за ними строго, но показывать башкирамъ: пусть знаютъ, что они живы; чтобы раздѣлить башкиръ по разнымъ судамъ, учредить въ Осѣ воеводу, а также въ Красноуфимскѣ; учредить также особую Исетскую провинцію; а управленіе Пермской перевести изъ Соликамска въ Кунгуръ; въ Уфѣ набрать новый ландмилиціонный полкъ; воеводамъ назначить жалованіе, чтобы они съ башкиръ не брали взятокъ. Эти представленія были утверждены [2]). На совѣщаніи болѣе частномъ, гдѣ участвовали только немногія лица, было рѣшено не посылать башкиръ въ Турцію, не вводить, какъ было думали, поголовнаго сбора, а ограничиваться ясакомъ до учрежденія новыхъ провинцій. Татищевъ нашелъ дѣла запущенными, канцелярію въ безпорядкѣ; еще болѣе безпорядковъ было въ дѣлахъ денежныхъ; приходъ записывалъ одинъ, расходъ другой; жалованіе раздавалось по запискамъ, отчего оказались передачи. «Въ подрядѣ провіанта и провоза—продолжаетъ онъ—великія передачи—изъ корысти ли

---

[1]) „Ежем. соч". 1759, марта, 225.

[2]) П. С. З., X., № 7347.

или изъ продерзости—неизвѣстно». Людьми онъ также остался недоволенъ: «Воевода Шемякинъ не знаетъ, что у него дѣлается, и защищаетъ право воеводъ и подъячихъ брать взятки; полковникъ Бардекевичъ, отбирая отъ башкиръ въ видѣ штрафа лошадей, продавалъ [1]), а послѣ требовалъ денегъ на покупку лошадей [2]). Мѣсто, выбранное для Оренбурга, не понравилось Татищеву. Онъ предлагалъ перевести его дальше къ Красной горѣ (гдѣ теперь Красногорская крѣпость). Нѣкоторыя неоконченныя по новой линіи крѣпости онъ также желалъ перенести на другое мѣсто. Для колонизаціи новыхъ поселеній еще Кириловъ началъ принимать, по обычаю древней Руси, гулящихъ людей, т. е. по большей части бѣглыхъ. Татищевъ продолжалъ дѣлать тоже и доносилъ въ Петербургъ, что когда поселенцы уходили на старыя мѣста за женами, дѣтьми и скотомъ, то воеводы чинятъ имъ притѣсненія; на это изъ Петербурга отвѣчали ему: чтобы бѣглыхъ онъ не принималъ, ибо бѣглые уговариваютъ уйти съ собою другихъ и тѣмъ разоряютъ деревни своихъ помѣщиковъ и производятъ недоимки въ государственныхъ доходахъ. Бѣглыхъ изъ Великороссіи велѣно было развести по прежнимъ мѣстамъ «коштомъ тѣхъ управителей», которые принимали ихъ въ противность указовъ; позволено принимать выходцевъ только изъ Малороссіи, о которыхъ дозволено, не наводя справокъ, вѣрить ихъ собственнымъ показаніямъ [3]).

Для окончательнаго усмиренія края Татищевъ признавалъ нужными не одни только военныя дѣйствія и мѣры устрашенія. Ему казалось, что цѣль болѣе достигается благоразумнымъ устройствомъ края и потому онъ предложилъ нѣсколько мѣръ: возложить доставленіе ясака не на ясачни-

---

[1]) Штрафа положено взыскивать съ каждаго аймака по 500 лошадей.
[2]) Изъ письма Татищева къ кабинетъ-министрамъ, С. М. Соловьевъ. XX, 339.
[3]) П. С. З., X., № 7514.

ковъ и цѣловальниковъ, а на башкирскихъ старшинъ, очевидно имѣя въ виду избѣжать взятокъ; на это кабинетъ далъ согласіе. Предложенное имъ отдѣленіе земель башкирскихъ отъ чувашскихъ и мещеряцкихъ отложено было, какъ «дѣло весьма деликатное»; оставлено было только за мещеряками безоброчное владѣніе тѣми землями, которыя они уже занимали; мещеряковъ считали нужнымъ поощрять потому, что, тѣснимые башкирами, они оставались вѣрными; вопросъ о земляхъ и водахъ, нанятыхъ русскими у башкировъ, рѣшенъ былъ такъ, чтобы вѣрнымъ башкирамъ русскіе платили оброкъ, а бунтовщикамъ не платили. Татищевъ хотѣлъ было не казнить захваченныхъ имъ коноводовъ, но получилъ приказаніе казнить; за то было ему дозволено отсрочить башкирамъ взносъ штрафовъ и ясака [1]. Представилось и новое затрудненіе для усмиренія края: мятежники обратились къ Абулъ-Хаиру и признали его своимъ ханомъ. Абулъ-Хаиръ плѣнился этимъ и, чтобы крѣпче связать себя съ башкирами, женился на башкиркѣ. Собравъ толпу башкиръ, ханъ явился съ ними въ Оренбургъ и началъ творить судъ и расправу. На представленіе коменданта, чтобы онъ не судилъ, отвѣчалъ: «городъ мой и для меня построенъ, а кто не послушаетъ, тому голову отрублю». Татищевъ предполагалъ кончить дѣло дипломатіею; жаловался на неприсылку денегъ и амуниціи, жаловался на свою болѣзнь, но получилъ приказаніе спѣшить въ Оренбургъ и выговоръ за упущеніе. Когда онъ пріѣхалъ, ему удалось уговорить Абулъ-Хаира и заставить его снова присягнуть. Въ донесеніи своемъ въ кабинетъ Татищевъ писалъ: «Ханъ, по видимому, великое усердіе и покорность имѣетъ, ибо его въ томъ польза, но очень непостояненъ, его же мало слушаютъ». Татищевъ, узнавъ болѣе вліятельныхъ людей, спѣшилъ ихъ одарить. Жадность киргизовъ поражала его. Въ концѣ 1738 г. Татищевъ про-

---

[1]) Тамъ же, № 7542.

силъ позволенія пріѣхать въ Петербургъ съ донесеніями; ему позволили. Кабинетъ подтвердилъ его представленіе объ Екатеринбургѣ; но въ тоже время Татищевъ былъ замѣненъ княземъ Урусовымъ.

VII.

Въ январѣ 1739 г. Татищевъ поѣхалъ въ Петербургъ; за нимъ отправился Тевкелевъ. По пріѣздѣ Татищева въ Петербургъ со всѣхъ сторонъ посыпались на него жалобы. Уже въ мартѣ Головкинъ писалъ Бирону, что, разсмотрѣвъ поданные на Татищева доносы, «изъ онаго дѣла усмотрѣлъ два вида: 1) о непорядкахъ, нападкахъ и взяткахъ Василія Татищева; 2) что онъ, Василій Татищевъ, еще не поставилъ на мѣрѣ, гдѣ Оренбургу быть пристойно». По первому вопросу графъ М. Головкинъ считалъ нужнымъ, отрѣшивъ Татищева, назначить особую коммиссію для изслѣдованія поданныхъ на него жалобъ. Коммиссія была наряжена и продолжала свои занятія до 19 сентября 1740 г., когда постановлено было лишить Татищева чиновъ; но, по случаю неразрѣшенія дѣлъ, связанныхъ съ главнымъ, приговоръ не получилъ хода; еще во время производства дѣла Татищевъ былъ, по свидѣтельству современника, заключенъ въ Петропавловскую крѣпость [1]. Татищева обвиняли во взяткахъ, въ утаеніи части жалованія, назначеннаго хану и старшинамъ киргизскимъ, въ построеніи себѣ дома въ Самарѣ и т. п. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ этихъ обвиненіяхъ есть значительная доля правды; но несомнѣнно также то,

[1] „Т. с. Татищевъ - доноситъ своему правительству саксонскій посланникъ — сильными притѣсненіями и налогами побудилъ башкирцевъ къ возстанію, за что былъ посаженъ въ апрѣлѣ 1740 г. въ Петербургскую крѣпость“. «Сборн. Ист. Общ.» V, 404.

что если бы Татищевъ былъ болѣе угоденъ Бирону, если бы не казались подозрительными его сношенія съ друзьями Волынскаго (отъ Хрущева онъ получилъ нѣсколько историческихъ источниковъ), если бы въ немъ не видѣли чисто русскаго человѣка, если бы, наконецъ, у него не было уже указаннаго нами столкновенія съ Головкинымъ,—то участь его была бы гораздо лучше. Въ этотъ тяжелый для себя годъ Татищевъ написалъ свое наставленіе сыну—извѣстную «Духовную»,—которое мы разсмотримъ вмѣстѣ съ другими сочиненіями Татищева, ибо въ ней находимъ изложеніе его понятій о гражданской и общественной жизни, драгоцѣнныя для объясненія и его времени, и его сочиненій. Здѣсь же замѣтимъ, что побужденіемъ на составленіе «Духовной» Татищевъ выставляетъ свою дряхлость, причину которой ищетъ не въ лѣтахъ своихъ—ему было 54 года тогда,—а въ другихъ обстоятельствахъ: «въ болѣзняхъ, скорбяхъ, печаляхъ и гоненіи неповинномъ, и отъ злодѣевъ сильныхъ исчезе плоть моя, и вся крѣпость моя изсше, яко скудель», говоритъ онъ. Но скоро оказалось, что Татищевъ еще рано началъ жаловаться на дряхлость; обстоятельства призвали его къ новой дѣятельности. Биронъ палъ; новому правительству представился съ самаго начала очень затруднительный вопросъ: смуты и безпорядки между калмыками, кочевавшими у Волги, грозили безопасности восточной окраины и дѣлали невозможнымъ движеніе по Волгѣ. Потребовался человѣкъ умный, энергическій, знакомый съ положеніемъ края; вспомнили, что еще въ 1737 г. поручено было Татищеву поселить въ русскихъ предѣлахъ крещенную калмыцкую княгиню Тайшину, для которой Татищевъ выстроилъ городъ названный Ставрополемъ. Въ этомъ городѣ Татищевъ выстроилъ для нихъ церковь, хлопоталъ объ ихъ поселеніи, хлопоталъ о пожалованіи княгини деревень, представляя при этомъ въ Петербургъ: «полезнѣе деревнями нежели деньгами ихъ содержать, ибо черезъ то они скорѣе къ домосѣдству привыкнутъ и работамъ мало по малу обучаться могутъ». Такимъ образомъ, выборъ

Татищева представлялъ ту выгоду, что онъ уже ознакомился съ народомъ, съ которымъ ему приходилось начать дѣло, и къ тому же въ своихъ сношеніяхъ съ другими кочевыми народами присмотрѣлся къ ихъ взглядамъ и составилъ себѣ понятіе о томъ, какъ надо съ ними дѣйствовать. Сдѣлавъ справку съ дѣломъ о Татищевѣ, оставили безъ исполненія приговоръ и, не взыскавъ съ него даже штрафа, положеннаго въ вознагражденіе за нанесенный имъ ущербъ казеннымъ и частнымъ интересамъ, рѣшили въ 1741 г. послать Татищева. Татищевъ, въ письмѣ къ Черкасову, объясняетъ такъ свое помилованіе и назначеніе: «хотя я не одну челобитную подавалъ, прося о скоромъ и справедливомъ онаго (своего дѣла) рѣшеніи, но видя, что то не успѣваетъ по совѣту Остермана черезъ его креатуру, подалъ повинную, прося въ винахъ прощенія, ибо я, видя себя въ крайнемъ разореніи, принужденъ то учинить». Затѣмъ, когда его отправили, то выдали только половину жалованія и коммисія подтвердила строжайше смотрѣть за нимъ [1]). Мечъ Дамокла оставался висѣть надъ головою Татищева, и вопросъ о судимости его, какъ увидимъ ниже, снова былъ поднятъ, когда оказалась въ томъ нужда. 31 іюля 1741 г. послѣдовало назначеніе Татищева, а въ Царицынъ прибылъ онъ только около половины октября. Все это время прошло въ ознакомленіи съ перепискою, касающеюся края, въ приготовленіяхъ къ отъѣзду и главное въ составленіи инструкцій. Татищевъ требовалъ разъясненія на всѣ вопросы, представлявшіеся уже въ прежнихъ его коммисіяхъ. Такъ онъ требовалъ, чтобы члены совѣта принимали на себя отвѣтственность въ общихъ рѣшеніяхъ, а не слагали бы всю отвѣтственность на него одного; это было предписано; спрашивалъ будетъ ли онъ самъ начальствовать войсками или сноситься съ военными начальниками; приказано начальствовать самому, причемъ караулъ при немъ долженъ

---

[1]) «Новыя извѣстія о Татищевѣ», 38.

быть какъ при генералъ-лейтенантѣ; ему дозволено было при угощеніи знатныхъ калмыковъ брать музыку изъ полковъ, напитки изъ кабаковъ, и припасы покупать на казенныя деньги; дозволено было также лекарства въ случаѣ нужды брать изъ Астраханской аптеки; а для внушенія къ себѣ уваженія взять изъ Саратова берлинъ (карету), который остался отъ персидскихъ пословъ. Такъ со всѣхъ сторонъ старался оградить себя Татищевъ: отъ столкновеній съ подчиненными, отъ столкновеній съ военными начальниками и отъ возможныхъ обвиненій въ присвоеніи казенныхъ вещей.

По пріѣздѣ въ Царицынъ, Татищеву предстояло трудное дѣло: поладить съ калмыками и сколько нибудь обезопасить отъ нихъ русскіе предѣлы. Калмыки, съ которыми русскіе встрѣтились въ Сибири при завоеваніи края, около 1640 г. перекочевали за Уралъ и появились на Волгѣ. Предложенія съ ихъ стороны подданства начались еше съ начала XVII в. Само собою разумѣется, что подданство кочевыхъ народовъ никогда не можетъ быть прочнымъ: «кочевые подданство считаютъ—говоритъ знаменитый китаистъ отецъ Іакинфъ [1])— нѣкоторымъ торгомъ совѣсти, въ которомъ предполагаютъ выиграть по крайней мѣрѣ 4⁰/₀ на одинъ; и когда находятъ благопріятный къ сему случай, то еще соперничаютъ въ готовности изъявлять подданическое усердіе. Но если бываютъ обмануты въ надеждѣ, то ухищряются мстить набѣгами, хищничествомъ и убійствомъ. И такъ клятву и вѣрность они считаютъ средствомъ къ выигрышу, а клятвонарушеніе—пустыми словами. Таково общее качество всѣхъ кочевыхъ народовъ. Еще стоитъ замѣтить, что кочевые, вступая въ подданство какой-либо державы, во первыхъ ищутъ свободы отъ ясака, вмѣсто котораго предлагаютъ свою готовность служить въ войнѣ противъ непріятелей. Первое служитъ имъ для обезпеченія своей безпечной жизни; а второе для удовлетворенія наклонно-

---

[1]) «Историч. обозр. Ойратовъ», 31.

сти ихъ къ хищничеству». Всѣ эти замѣчанія вполнѣ примѣняются къ отношеніямъ между калмыками и русскими. Служа въ русскихъ войскахъ, калмыки не упускали случая грабить русскіе города и, въ случаѣ нужды, иначе вредить русскимъ: такъ, знаменитый Аюка сообщалъ въ Хиву извѣстія объ экспедиціи князя Бековича-Черкасскаго. Петръ, понимая важность калмыцкихъ дѣлъ для нашихъ сношеній съ средней Азіей, столь дорогихъ для его сердца, лично посѣщалъ Аюку и былъ къ нему милостивъ. Эта личная дѣятельность Петра нѣсколько остановила степныя волненія. Волненія поднялись вопросомъ о томъ, кому быть ханомъ по смерти Аюки; Аюка хотѣлъ Дондукъ-Черена; а Волынскій, тогда Астраханскій губернаторъ, стоялъ за Доржи-Назарова. Аюка еще былъ живъ, и между калмыками дошло до битвы, результатомъ которой было то, что татары, кочевавшіе вмѣстѣ съ калмыками, ушли за Кубань, а многіе знатные калмыки поѣхали въ Петербургъ и тамъ крестились. Вопросъ о крещеніи калмыковъ поднялся еще въ концѣ XVII в. Ханы были недовольны этимъ и требовали выдачи крещенныхъ, какъ бѣглецовъ; правительство, разумѣется, не выдавало. Этимъ, впрочемъ, не кончились безпорядки. Не смотря на энергическія мѣры Волынскаго, не смотря на посылку войскъ, не смотря на попытку крестить одного изъ князей, котораго назвалъ Петромъ Тайшинымъ, смуты неунимались; неунимались онѣ и при преемникѣ Волынскаго; между степняками все служило причиною смутъ: выборъ хана, выборъ жениха вдовою Аюки Дарма-Бала. Кончилось на время тѣмъ, что съ помощью русскихъ войскъ и русскихъ денегъ, ханомъ утвердился Дондукъ-Омбо, одинъ изъ внуковъ Аюка. Онъ ходилъ съ русскими въ Турцію, но постоянно ссорился за калмыковъ обращаемыхъ въ православіе. Послѣ пятилѣтняго правленія этого кровожаднаго деспота начались новыя смуты, въ которыхъ погибло много знатныхъ калмыковъ и даже членовъ ханскаго рода. Во время этихъ-то смутъ Татищевъ получилъ порученіе стать во главѣ калмыцкой экспедиціи и пріѣхалъ въ Ца-

рицынъ увидать на дѣлѣ, какъ поступать съ такимъ непостояннымъ народомъ и при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Въ Царицынѣ Татищевъ немедленно собралъ совѣтъ: пригласилъ генерала Тараканова, начальника войска, стоявшаго въ Кизлярѣ, и Кольцова. На совѣтѣ Татищевъ узналъ, что крѣпости не въ порядкѣ, что Черный Яръ недавно сгорѣлъ; узналъ, что раздоръ между калмыцкими владѣльцами достигъ высшей степени, что ханша Джана, вдова Дондукъ-Омба, собирается, поймавъ и убивъ вдову Аюка, Дарму-Бала, уйдти за Кубань. Тогда рѣшено было уговаривать ханшу, а между тѣмъ стараться отдѣлить отъ нея ея сторонниковъ и какъ нибудь заманить калмыковъ на нагорный берегъ. Тогда же Татищевъ высказалъ свой общій планъ относительно края: устроить нѣсколько новыхъ крѣпостей; призвать населеніе съ Дона и изъ Украйны; калмыкамъ отвести мѣсто около Ахтубы; измѣнить устройство волжскихъ казаковъ, которые, пользуясь своимъ привиллегированнымъ положеніемъ, принимаютъ бѣглыхъ. Съ перваго же раза Татищевъ встрѣтилъ сопротивленіе своей власти. Генералъ Таракановъ отказался давать ему войско подъ предлогомъ неимѣнія указа. Татищевъ написалъ къ Остерману, и Тараканову былъ сдѣланъ выговоръ. Трудно было ладить съ калмыками. Разославъ приглашенія явиться къ себѣ, Татищевъ поѣхалъ въ Селитренный городокъ на Ахтубѣ. Начали съѣзжаться владѣльцы; пріѣхалъ Дондукъ-Даши, котораго въ Петербургѣ полагали назначить правителемъ. Ханша Джана прислала своего посланника. Посланникъ, начавъ съ восхваленія заслугъ мужа ханши, выпытывалъ, не думаютъ ли убить ханшу, или взять подъ караулъ; на что Татищевъ замѣтилъ: «Еслибъ государь хотѣлъ ружьемъ васъ смирить, то бъ ему способовъ не оскудѣло». Посланникъ высказалъ и завѣтную мысль ханши: хорошо бы женить на ней Дондука-Даши для успокоенія калмыцкаго народа. Всѣхъ калмыковъ съѣхалось столько, что для угощенія Татищевъ выписалъ изъ Астрахани 200 ве-

деръ меду и вина. Пріѣхала и Джана; но съ нею дѣло не пошло на ладъ. Хитрили обѣ стороны, ибо Татищевъ получилъ предписаніе не допускать до брака, чтобы не усилить одного владѣльца, и смотрѣть спокойнѣе на намѣреніе Джаны откочевать, ибо тогда легче будетъ отвлечь отъ нея приверженцевъ. Джана, съ своей стороны, тоже только тянула время и, послѣ двухъ свиданій съ Татищевымъ, откладывала третье подъ тѣмъ предлогомъ, что ждетъ счастливаго дня. Дондукъ-Даши, съ своей стороны, торопилъ скорѣе утвердить его намѣстникомъ, что и было наконецъ совершено съ восточнымъ великолѣпіемъ. Татищевъ сидѣлъ въ берлинѣ; подлѣ него новый намѣстникъ. Послѣ приведенія къ присягѣ устроенъ былъ пиръ. Джана между тѣмъ продолжала интриги: то грозила что отойдетъ, то вступала въ новые переговоры съ Татищевымъ; самъ Дондукъ-Даши то тайно мирился съ Джаною, то требовалъ у Татищева ея улусовъ. Словомъ, велась мелкая, утомительная интрига, необходимая для того, чтобы на время умиротворить дикарей, дабы потомъ явилась возможность отыскать средства устроить противъ нихъ постоянные оплоты. Эта задача усложнялась еще тѣмъ, что никогда не слѣдовало давать усилиться одному. Въ этой мелкой борьбѣ съ постоянно измѣнчивыми азіатами приходилось дѣйствовать то ласкою, то устрашеніемъ. Лучшее средство было брать съ нихъ заложниковъ, и это средство испробовалъ Татищевъ, оставивъ у себя сына Джаны, Асарая, котораго намѣревался послать въ Петербургъ.

Посреди этихъ мелкихъ, ежедневныхъ заботъ, Татищевъ узналъ неожиданную новость: капитанъ Приклонскій привезъ изъ Петербурга извѣстіе, что на престолъ вступила Елизавета Петровна. Передавая оффиціальную депешу, Приклонскій передалъ ему лично къ нему обращенное слово императрицы. Она велѣла сказать Татищеву, что его помнитъ. Ободренный этими словами, Татищевъ отправилъ письмо къ государынѣ, въ которомъ, благодаря за милостивое вспоминаніе, прибавилъ: «А понеже я чрезъ такъ многіе годы за

мои вѣрныя и радѣтельныя къ ихъ величествамъ и государству службы отъ злодѣевъ государственныхъ тяжкое гоненіе и разореніе терпѣлъ и въ такомъ отчаяніи находился, что ничего кромѣ крайней гибели ожидать не могъ; нынѣ же нечаянно, ако во тмѣ сѣдящаго, оставшій свѣтъ Петра Великаго, павъ на меня, возсіялъ и единою (заразъ) печаль и страхъ отрѣшилъ» [1]). Манифестомъ 15 декабря Татищевъ вмѣстѣ съ другими освобожденъ былъ отъ наказанія. Новому правительству онъ подалъ челобитную съ просьбою отставить его отъ калмыцкой коммиссіи и возвратить недоплаченное прежде жалованіе. Напрасно впрочемъ обрадовался Татищевъ; напрасно онъ началъ переписку съ Черкасовымъ, тоже «птенцомъ гнѣзда Петрова», котораго Елизавета приблизила къ себѣ. Правда, что Головкинъ былъ сосланъ; но изъ ссылки возвращенъ кн. Василій Владиміровичъ Долгорукій, который не могъ простить Татищеву участія въ событіяхъ 1730 г. Если Татищевъ могъ надѣяться на старую дружбу съ кн. Никитою Трубецкимъ, то онъ не зналъ, что Трубецкой былъ во враждѣ съ Бестужевымъ, а Бестужевъ—предсѣдатель иностранной коллегіи—могъ вредить ему по дѣламъ калмыцкимъ, которыя вѣдались въ этой коллегіи [2]). Вотъ почему Татищевъ оставленъ былъ при калмыцкихъ дѣлахъ, только съ назначеніемъ губернаторомъ въ Астрахань. Волненія, которыя казалось улеглись, поднялись снова. Джана ушла въ Кабарду, преслѣдуемая Дондукъ-Дашой; Татищевъ потребовалъ къ себѣ намѣстника, но получилъ только въ отвѣтъ, что по ихъ законамъ грабленнаго не возвращаютъ. Донося объ этомъ

---

[1]) „Новыя извѣстія о Татищевѣ", 36.

[2]) Не знаю, на сколько можно вѣрить извѣстію саксонскаго посланника, будто въ 1742 г. башкиры, пріѣхавшіе въ Петербургъ съ жалобою, недовольные медленностію Бестужева, „рѣшились явиться къ Лестоку и жаловались ему. Разспросивъ подробности дѣла, онъ узналъ, что такъ какъ они имѣли справедливую жалобу на т. с. Татищева въ Астрахани, то этотъ послѣдній сдѣлалъ подарокъ въ 3,000 р. великому канцлеру". „Сб. Ист. Общ.", VI, 432.

въ Петербургъ, Татищевъ прибавилъ: «и я болѣе принудить его не смѣю». Получивъ указъ не давать усиливаться намѣстнику и держать калмыковъ на луговой сторонѣ, чтобы не ушли въ Кабарду, Татищевъ поѣхалъ въ улусы; но ничего не добился, а только прибавилось число бѣглецовъ. Уговаривать Джану воротиться Татищевъ послалъ сына своего Евграфа, который въ отвѣтъ на упрекъ въ медленности такъ писалъ отцу: «не иная причина тому, какъ здѣшнихъ народовъ вѣтренное состояніе. Ни на какихъ словахъ утвердиться и вамъ за правильное донести не смѣемъ, ибо одно дѣло въ толкованіе не только на другой день, но въ тотъ же часъ два или три раза перемѣнятъ, а хотя то и обличится, въ стыдъ себѣ же не почитаютъ». Только въ маѣ 1742 г., послѣ переговоровъ, тянувшихся нѣсколько недѣль, удалось уговорить Джану вернуться на прежнія кочевья; но такъ какъ спутники ея продолжали смуту, Татищевъ рѣшился арестовать ее и послать въ Петербургъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшился онъ остановить и жадность и притязательность Дондукъ-Даши, пристававшаго къ Татищеву все съ большими и большими требованіями: «всѣ вы намѣстники одинаковы — сказалъ ему Татищевъ: — ханъ Дондукъ-Омбо получаемую въ жалованіе муку отдавалъ калмыцкому народу за великую цѣну изъ роста, отчего калмыцкій народъ пришелъ въ вящее разореніе и скудость, чего бы хану чинить не надлежало. Вотъ и ты все просишь; а зачѣмъ? Слѣдовало бы тебѣ, какъ благоразсудному владѣтелю, оставя суевѣрство, обыкновеній поповскихъ не слушать, которымъ такъ многое имѣніе, какъ жалованное, такъ и собранное съ убогихъ улусовъ, на молебны тысячами туне раздаешь, а употребилъ бы получаемый хлѣбъ на вспоможеніе бѣдныхъ для завода скотомъ». Свой образъ дѣйствій относительно Джаны, Татищевъ объяснилъ въ изданномъ имъ объявленіи по всему калмыцкому народу, гдѣ указывалъ на нее, какъ на виновницу смутъ и главное выставлялъ ея вины передъ калмыками: она продала многія тысячи калмыковъ въ рабство, объявила ханомъ сво-

его сына, сносилась съ персидскимъ шахомъ, не слушалась его, Татищева, и т. д. Рѣшительный образъ дѣйствій повелъ къ затрудненіямъ: намѣстникъ просился въ Петербургъ, будто для того, чтобы поздравить императрицу, а въ сущности съ тѣмъ, чтобы жаловаться. Въ тоже время Татищевъ столкнулся съ генералъ-поручикомъ Таракановымъ по старому вопросу о правѣ призывать войска. Каждый изъ нихъ жаловался въ Петербургъ: одинъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, другой — въ военную; военная коллегія рѣшила, что Таракановъ, какъ военный, старше Татищева чиномъ, и предписала «безъ крайней нужды казаковъ и солдатъ непристойными командами не отягощать». Частыя ссоры этихъ двухъ начальствъ дошли наконецъ черезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ сенатъ, который сдѣлалъ запросъ военной коллегіи и отложилъ дѣло до полученія отвѣта.

Пока тянулось это дѣло, Дондукъ-Даши съѣздилъ въ Петербургъ. Хитрый азіатъ, нѣсколько знакомый съ Петербургомъ, гдѣ уже бывалъ два раза, съумѣлъ здѣсь добиться коекакихъ результатовъ: такъ Татищеву былъ посланъ выговоръ за рѣзкость въ обращеніи съ намѣстникомъ и въ особенности за нападки на суевѣріе калмыковъ; такъ намѣстнику удалось добиться позволенія прямо сноситься съ коллегіею иностранныхъ дѣлъ, хотя все таки наблюденіе за калмыками предоставлено Татищеву. Такая двойственность подчиненія — объясняемая желаніемъ щадить калмыковъ и привлекать ихъ къ себѣ ласкою—должна была непремѣнно послужить источникомъ сильныхъ столкновеній. Удаленія Джаны неудалось добиться намѣстнику: ее оставили въ степяхъ, а сына ея ласково приняли въ Петербургѣ. Этимъ тоже поставили въ затрудненіе Татищева, обративъ въ ничто его объявленіе и тѣмъ поколебавъ его авторитетъ, что весьма дурно дѣйствуетъ въ сношеніяхъ съ азіатскими народами. Сверхъ всего этого Дондукъ-Даши изъявилъ еще желаніе, чтобы установленъ былъ на справедливыхъ основаніяхъ судъ между русскими и калмыками и чтобы уничтожено было запрещеніе калмыкамъ

продавать рыбу не самимъ, а черезъ хозяевъ ватагъ; остальныя требованія намѣстника касались его личныхъ интересовъ. Татищеву было предписано заняться составленіемъ судебнаго устава. Со времени возвращенія намѣстника отношенія его съ Татищевымъ все болѣе и болѣе запутывались; все подавало поводъ къ ссорѣ, а между тѣмъ услужливые люди ходили отъ одного къ другому и передавали каждое слово иногда и въ преувеличенномъ видѣ, такъ что даже Татищевъ, несмотря на свою опытность, не всегда отличался надлежащимъ тактомъ: иногда вѣрилъ пустымъ разсказамъ. Впрочемъ, зная характеръ азіатскій, не всегда можно знать, гдѣ возможное граничитъ съ невозможнымъ, особенно во времена смутныя; а тогда въ Астрахани все было на сторожѣ: носились слухи о планахъ знаменитаго шаха Надира; между калмыками былъ распространенъ слухъ объ его желаніи присоединить къ себѣ калмыковъ, и ждали его прихода. Не мудрено, что Татищевъ вѣрилъ преувеличеннымъ слухамъ и подозрительно смотрѣлъ на походы намѣстника къ Кизляру, куда звалъ его Таракановъ и куда онъ самъ шелъ охотно, надѣясь добраться до своихъ враговъ, ушедшихъ за Кубань. Если Татищевъ кой-чему вѣрилъ напрасно, то, съ другой стороны, иногда напрасно былъ откровененъ, что ему и было замѣчено изъ Петербурга: «когда вамъ впредь о примѣчаніи намѣреній и обращеніи намѣстника случится съ калмыками имѣть разговоры, въ томъ поступать съ лучшею предосторожностію; ибо въ самомъ дѣлѣ за калмыками не содержаніе секрета примѣчено». Тогда же совѣтовали Татищеву помириться съ намѣстникомъ. Татищевъ поѣхалъ было на свиданіе; но остановился столько же по случаю сильнаго холода сколько и потому, что Дондукъ-Даши отклонилъ это свиданіе письмомъ. Въ письмѣ этомъ указавъ на то, что по незнанію языка разговоръ личный между ними невозможенъ, подозрительный калмыкъ прибавлялъ: «хотя же бы вы сами со мной видѣлись и словесно что объявили, а интересъ состоитъ въ большой важности, то въ такомъ случаѣ какъ поступить, не взявъ съ васъ обстоятель-

наго письменнаго виду, то дѣло вчинать я опасенъ». Любопытно, что къ числу людей, раздувавшихъ эту ссору, принадлежалъ и Таракановъ. Понятно, что переписка губернатора съ намѣстникомъ наполнена была взаимными обвиненіями; тоже было и въ рѣдкія личныя свиданія, когда намѣстникъ пріѣзжалъ въ Астрахань ради какого-нибудь торжественнаго дня. Такъ онъ пріѣхалъ 25-го апрѣля 1743 г., въ день коронаціи императрицы, и провелъ въ Астрахани три дня. Видаясь каждый день и пируя два дня у губернатора, а третій въ домѣ сына намѣстникова, жившаго заложникомъ въ Астрахани, перебрали они много спорныхъ вопросовъ, свидѣтельствующихъ о трудности установленія добрыхъ отношеній на тѣхъ началахъ, которыя были введены. Татищевъ жаловался на разбои калмыковъ; намѣстникъ на медленность суда. Но въ этомъ пунктѣ Татищеву отвѣчать было легко: онъ строго смотрѣлъ за правильностію суда и нерѣдко наказывалъ русскихъ, если они оказывались виновными. Фактами доказалъ онъ Дондукъ-Даши, что если дѣла затягиваются, то виноваты калмыцкіе засѣдатели (бодагчеи), неявлявшіеся въ засѣданія (въ Астраханской судной палатѣ присутствовали депутаты инородцевъ), а также улусное начальство, не высылавшее въ судъ требуемыхъ калмыковъ. Впрочемъ, позднѣе намѣстникъ снова возобновилъ эту жалобу. Кромѣ того, спорили они между собою о торговлѣ, которую вели калмыцкіе владѣльцы мальчиками и дѣвочками. Татищеву предписано было выкупать проданныхъ у турокъ и татаръ; но казенныхъ денегъ не хватало, и онъ сталъ брать деньги съ продавцевъ и даже хотѣлъ ввести уголовное наказаніе за эту торговлю; намѣстникъ же доказывалъ, что владѣльцамъ нельзя иначе поступать по скудости ихъ содержанія. Поднятъ былъ старый вопросъ о крещеніи калмыковъ: намѣстникъ указывалъ на то, что многіе крестятся, избывая этимъ наказаніе за преступленіе; Татищевъ замѣтилъ, что онъ никого не велитъ крестить иначе, какъ удостовѣрясь въ его искренности. Ясно, что намѣстникъ этимъ отвѣтомъ не могъ

удовольствоваться, да едва-ли и повѣрилъ ему. Говорили о построеніи крѣпости въ Енотаевкѣ, о чемъ Дондукъ просилъ въ Петербургѣ. Татищевъ занялся ревностно этою постройкою; но Дондукъ охладѣлъ къ ней, понявъ скоро, что главнымъ образомъ она строится не для калмыковъ, а скорѣе противъ нихъ. Говорили наконецъ о рыбныхъ ловляхъ. Изданными не за долго правилами, которыя составлялъ Татищевъ, ограждены были калмыки въ своихъ ловляхъ отъ русскихъ и на оборотъ; калмыки, не довольствуясь тѣмъ, что имъ отведено, врывались въ казенныя и откупныя ловли насиліемъ, грабили русскія ватаги и, наконецъ, выбирая лучшія части рыбы, кидали остальныя и заражали воздухъ. Намѣстникъ оправдывалъ ихъ тѣмъ, что они изубожили, на что Татищевъ замѣтилъ, что причина бѣдности калмыковъ другая: «владѣльцы, зайсанги и поселенцы ихъ грабятъ немилостиво и деньги у нихъ и скотъ отнимаютъ и вымѣниваютъ». Для предупрежденія обидъ предлагалъ учредить особыхъ надзирателей. Впослѣдствіи Татищевъ предлагалъ клеймить калмыцкія лодки. Недовольствуясь личными спорами, намѣстникъ писалъ на Татищева въ Петербургъ офиціальныя жалобы и при этомъ посылалъ частныя письма къ своимъ благопріятелямъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ жалобахъ своихъ Дондукъ-Даши винилъ Татищева во всемъ: онъ не умѣлъ укротить смуту, не слушается ни чьихъ совѣтовъ (т. е. не подчиняется ему), тянетъ дѣла, беретъ лишнія пошлины и т. п. Въ Петербургѣ предоставляли по виду Татищеву полную власть: «Вы, яко главный командиръ въ тамошнемъ краѣ, имѣете представлять имъ въ разговорахъ яко бы отъ себя, а не отъ имени ея величества, и вообще поступать по тамошнимъ обстоятельствамъ и вашему разумѣнію» писали ему; а между тѣмъ не рѣдко случалось получать Татищеву такое замѣчаніе: «и тотъ вашъ поступокъ здѣсь весьма не опробуется». Наконецъ, въ 1744 г., присланъ былъ къ Дондукъ-Даши въ приставы полковникъ Спицынъ, который на первыхъ порахъ принялъ сторону намѣст-

ника; черезъ него этотъ послѣдній отправилъ новую челобитную, въ которой просилъ отставить Татищева, заявлялъ подозрѣнія въ покушеніяхъ губернатора на его жизнь и обвинялъ его во взяткахъ. Подтверждая тоже въ письмѣ къ Бестужеву, намѣстникъ приписываетъ Татищеву даже то, что астраханскіе люди перестали давать калмыкамъ въ займы деньги и хлѣбъ. Татищевъ съ своей стороны обвинялъ Дондука въ намѣреніи уйдти въ Персію. Въ Петербургѣ однако не дали хода ни той, ни другой челобитной, и пререканія между двумя властями продолжались особенно по вопросу о составленіи судебнаго устава. Намѣстникъ жаловался на то, что Татищевъ не составляетъ этого устава; Татищевъ на то, что намѣстникъ не присылаетъ ему сборника степныхъ обычаевъ. Разсерженный Татищевъ написалъ рѣзкое письмо, въ которомъ сказалъ: «о правахъ вамъ объявляю — хотя я ихъ сочиняю, но тщетно законы писать, если ихъ не хранить». Дондукъ отвѣчалъ дерзостью. Татищевъ пересталъ сноситься съ нимъ и переслалъ всю переписку въ Петербургъ. Оттуда поручено было Спицыну разобрать все дѣло, и Спицынъ указалъ тѣхъ, кто ссорилъ. Ихъ забрали въ Петербургъ и одного изъ нихъ Галданъ-Норбо высѣкли плетьми, а Джану съ дѣтьми крестили. Отъ нихъ пошли князья Дондуковы. Такъ кончились калмыцкія смуты. Въ 1771 г., какъ извѣстно, эти калмыки откочевали изъ Россіи.

Не одни калмыцкія дѣла занимали Татищева во время управленія Астраханскою губерніею, въ которую входили тогда и Саратовская, и Земля войска Уральскаго и Прикавказье, гдѣ иные города отстояли отъ губернскаго на 1000 верстъ, гдѣ жило хотя рѣдкое, но разнообразное населеніе, губернію, которая далеко отстояла отъ столицы и подступала къ Персіи. Обширная власть губернатора, въ которой соединялись и административная, и финансовая и судебная части, отчасти даже и военная, была крайне неопредѣленна, почему постоянно открывался поводъ съ одной стороны къ злоупотребленіямъ, съ другой — къ нареканіямъ. Мрач-

ными красками рисуетъ Татищевъ положеніе своей губерніи въ письмѣ къ Черкасову (1742 г.). «Сія губернія такъ разорена, какъ недовольно свѣдущій повѣрить не можетъ, понеже люди разогнаны; доходы казенные растеряны или расточены; правосудіе и порядки едва когда слыханы — что за такимъ великимъ отдаленіемъ и не дивно, — и вамъ, яко болѣе меня свѣдущему, писать пространно не потребно. Причина же сего есть главная, что нѣсколько губернаторовъ сюда вмѣсто ссылки употреблялись и, не имѣя смѣлости или ничего, или боясь кого, по нуждѣ неправильно дѣлали. А можетъ и то, что, не имѣя достаточнаго жалованія, принуждены искать прибытка, не взирая на законы» [1]). Канцелярія не хороша потому же, что жалованія мало; купцы обогащаются хищеніемъ казны и обидою безсильныхъ. Всѣ они заручились покровителями и потому ни кого не боятся. Въ 1743 г. онъ писалъ въ томъ же родѣ: «1) Губернскія дѣла и сборы или доходы весьма упущены и люди разорены, и хотя бъ поправить можно, только надобно снабженіе людьми и власть, безъ котораго исправить не можно, а камеръ-коллегія, не разсмотря обстоятельствъ, бранитъ и штрафами грозитъ; мнѣ же, видя такое упущеніе, весьма не безгорестно, что, имѣя къ исправленію смыслъ и желаніе, да не могу. 2) Пограничныя дѣла такожъ не въ надлежащемъ порядкѣ находятся, а паче какъ дознано отъ того, что господамъ министрамъ иностранной коллегіи къ разсмотрѣнію времени не достаетъ, а я оное писать опасаюся, чтобы болѣе злобы не нажить, къ тому жъ мимо коллегіи о тѣхъ дѣлахъ писать запретили» [2]).

Важнѣйшими интересами были торговля внутренняя и внѣшняя. Внутренняя велась преимущественно рыбою. Татищевъ обратилъ вниманіе на рыболовство: онъ занялся разборомъ правъ калмыковъ и русскихъ на рыбныя ловли, устроилъ въ Астрахани контору, наблюдавшую за этимъ

---

[1]) „Новыя свѣдѣнія о Татищевѣ“, 39.
[2]) „Исторія Россіи“, XXII, 15.

промысломъ. Вопросъ о торговлѣ съ Средней Азіей тоже озаботилъ Татищева; онъ собиралъ свѣдѣнія о томъ, какіе товары привозятся и какіе вывозятся, о торговыхъ путяхъ, о населеніи. На основаніи собранныхъ свѣдѣній, въ 1743 г. на вопросъ коллегіи, какимъ путемъ, сухимъ или по морю, лучше вести торговлю, отвѣчалъ, что обоими путями можно допустить хивинцевъ, бухарцевъ и туркменовъ, а киргизовъ пускать въ Астрахань, пока не выстроенъ городокъ у Индерскихъ горъ. Въ 1745 г. Татищевъ отпустилъ караванъ моремъ къ Мангишлаку и ходатайствовалъ о позволеніи посылать караваны сухимъ путемъ: послѣ неудачи Бековича, этого не дѣлали. Армянъ, главныхъ торговцевъ Астрахани, Татищевъ освободилъ отъ власти магистрата; покровительствуя имъ, «знатныхъ капиталистовъ — говоритъ онъ самъ — въ подданство россійское призвалъ и фабрики знатно черезъ нихъ умножилъ [1]).

Всѣмъ заботамъ о торговлѣ помѣшали однако политическія обстоятельства. Престолъ Персіи занималъ тогда предпріимчивый, энергическій Надиръ-шахъ, который усмирилъ волненія въ Персіи, заставилъ Россію отказаться отъ завоеваній Петра Великаго и началъ войну съ Турціею. Возможность разрыва съ Персіею порождала опасенія въ Петербургѣ, и потому Татищеву предписано было смѣнить кизлярскаго коменданта, препятствовавшаго жителямъ деревни Андреевки продавать лошадей и запасы на шаха. Всѣ желанія персіянъ исполняли: посланы въ лагерь шаха для продажи калмыцкія лошади, въ Астрахани запасли для него хлѣбъ. На время эти дружескія отношенія едва было неостановилъ дербентскій начальникъ флота своимъ фанатизмомъ: онъ посадилъ подъ стражу прикащиковъ съ русскаго судна и угрозами принуждалъ ихъ принять мухамеданство, и хотя шахъ велѣлъ ихъ выпустить, но на первое время правительство русское распорядилось задержать посылку просимыхъ

[1]) Тамъ же, 22.

шахомъ судовъ. Впрочемъ, скоро опять возвратились къ любезностямъ: Татищевъ посылалъ шаху фрукты; награбленное у персіанъ адреевцами велѣно возвратить. Появленіе шаха на Кавказѣ, хотя и не очень удачное, испугало; послали войска къ Кизляру; въ Астрахани стали снова строить флотъ, заброшенный послѣ Петра. Начались тревожные слухи о движеніи шаха къ русскимъ предѣламъ. Татищевъ, собравъ военный совѣтъ, рѣшилъ однако, что не нужно посылать войска, такъ какъ стояла зима и шахъ не двинется до весны, а «между тѣмъ полки готовить и снаряжать». Опасенія дѣйствительно оказались неосновательными: шахъ, видя возстаніе въ Грузіи и другихъ мѣстахъ, опасаясь загубить свое войско посреди горъ и пропастей въ зимнее время и при развившейся моровой язвѣ, покинулъ Кавказъ и пошелъ осаждать Багдадъ. Опасность однако представилась съ другой стороны: стали ходить слухи, что англичанинъ Эльстонъ, бывшій до того въ русской службѣ, вступилъ на службу къ шаху и обѣщалъ ему настроить кораблей. Татищевъ объ этомъ донесъ въ Петербургъ; велѣно было арестовать Эльстона, если онъ появится въ Астрахани; начали тѣснить англійскую факторію; англичане перетревожились и черезъ посланника удалось имъ выхлопотать позволеніе послать своего человѣка въ Рештъ разсмотрѣть дѣйствія Эльстона и повѣрить его счеты. Выбранъ былъ Гануэй, который, проѣздомъ черезъ Астрахань, видѣлся съ Татищевымъ и оставилъ любопытный разсказъ объ этомъ свиданіи. «Въ Астрахани—говоритъ онъ—я былъ ласково принятъ г. Джорджемъ Томсономъ, агентомъ англійскихъ купцовъ, торгующихъ съ Персіею, а также губернаторомъ, генераломъ Василіемъ Никитичемъ Татищевымъ, которому я привезъ цѣнный подарокъ отъ купцовъ. Я долго разговаривалъ съ этимъ послѣднимъ; онъ увѣрялъ меня, что съ его стороны будетъ сдѣлано все въ пользу торгующихъ на Каспійскомъ морѣ. Онъ сообщилъ мнѣ нѣсколько плановъ, касающихся взаимныхъ интересовъ Великобританіи и

Россіи. Этотъ старикъ былъ пажомъ при Петрѣ Великомъ [1]) и, давно начальствуя въ этихъ краяхъ, онъ много способствовалъ усмиренію татаръ; его умъ обращенъ болѣе къ литературѣ и торговлѣ; нѣтъ у него недостатка и въ искусствѣ пріобрѣтенія. По этой послѣдней причинѣ онъ уже подвергался нѣкоторой опалѣ; впрочемъ, у него есть хорошее правило, состоящее въ томъ, какъ онъ мнѣ замѣтилъ, чтобы и давать, и брать. Онъ мнѣ сообщилъ, что купилъ за 5000 р. брилліантъ, который стоитъ 12,000 р., и послалъ его высочайшей женской особѣ въ имперіи. Онъ упомянулъ также, что около 24 лѣтъ пишетъ исторію Россіи. Губернаторъ не дѣлаетъ тайны изъ своего труда и такъ какъ онъ не доводитъ его до времени Петра Великаго, то едва ли могъ бы кого нибудь оскорбить. Тѣмъ не менѣе зависть къ его талантамъ между литераторами, ужасъ благочестивыхъ къ его невѣрію, которое, опасаюсь, было велико, жалобы купцовъ на его корыстолюбіе были причиною изгнанія его въ деревню близъ Москвы, гдѣ онъ кончилъ жизнь. Сочиненіе его умерло съ нимъ, по крайней мѣрѣ не встрѣтило благопріятнаго пріема въ петербургской академіи. Тѣмъ не менѣе вѣроятно, что такъ какъ онъ употребилъ много труда на собраніе большаго количества выборнаго матеріала, оно послужитъ основаніемъ чьей нибудь славы. Этотъ старикъ былъ замѣчателенъ своимъ сократическимъ видомъ, изнѣженнымъ тѣломъ, которое онъ много лѣтъ поддерживалъ великою умѣренностію и тѣмъ, что умъ его постоянно былъ занятъ. Если онъ не пишетъ, не читаетъ, не говоритъ о дѣлахъ, то постоянно перекидываетъ кости изъ одной руки въ другую» [2]). Ганувэй старался внушить Татищеву, что слухи о замыслахъ Эльстона могутъ быть преувеличены. Съ дороги онъ писалъ Татищеву,

---

[1]) Не служатъ ли эти слова подтвержденіемъ сказаннаго выше о припискѣ Татищева ко двору царицы Прасковіи.

[2]) „An Historical Account of the British Trade over the Caspian sea" I, 72 (1754)

что плаванie, предпринятое Эльстономъ по Каспiйскому морю, имѣло цѣлью выгоды торговли, а не шаха. Когда Татищевъ писалъ объ этомъ въ Петербургъ, ему отвѣчали, что Ганурй такой же интриганъ, какъ и Эльстонъ. Самъ Эльстонъ въ письмѣ къ Татищеву старался оправдаться въ взводимыхъ на него обвиненiяхъ и нападенie, сдѣланное на его корабль персидскими людьми въ Дербентѣ, объяснялъ недоброжелательствомъ русскаго консула. Это появленie корабля у Дербента потревожило и въ Петербургѣ и едва не повело къ разрыву съ Англiею. Началась переписка съ Лондономъ, а между тѣмъ Татищевъ звалъ Эльстона прiѣхать для переговоровъ въ Астрахань; но тотъ отклонилъ такое предложенie. Мнѣнie свое объ Эльстонѣ сохранилъ Татищевъ и тогда, когда Ганурй, возвращаясь изъ Персiи, старался убѣдить его въ невинности Эльстона.

Много и другихъ дѣлъ было у Татищева въ эту эпоху: то отыщется персидскiй шпiонъ, то приходится разъискивать о фальшивыхъ деньгахъ или о разбойникахъ. Всѣ такiя дѣла легко появлялись въ Астрахани при ея сбродномъ, разноплеменномъ населенiи. Представлялись вопросы: о персидскихъ купцахъ, желавшихъ переселиться въ Россiю; позволено селиться только въ Астрахани, а не въ Кизлярѣ, чтобы не провѣдали персiяне; о составленiи общей воинской системы. Оказалось, что персiяне привозятъ товары съ поддѣльными письмами отъ шаха безъ пошлины; поднялась переписка о пошлинѣ. Приходилось защищать русскихъ купцовъ отъ русскихъ же консуловъ въ Персiи. Такъ, одинъ изъ нихъ требовалъ, чтобы письма купцовъ посылались незапечатанными, на что Татищевъ долженъ былъ объяснить, что «купцы пишутъ къ своимъ корреспондентамъ о такихъ секретныхъ подробностяхъ, что ежели о томъ другой увѣдаетъ, то можетъ имъ въ капиталѣ ихъ причиниться весьма не малая трата». Но консулъ не отставалъ и донесъ, что нашелъ у купцовъ двѣ предосудительныя книги: одну объ артиллерiи, другую о фортификацiи; обѣ напечатанныя въ Москвѣ. Татищевъ опять

объяснилъ ему, что эти печатныя книги не могутъ быть предосудительными. Завязывались сношенія съ владѣльцами кавказскими: Шамхаломъ Тарковскимъ и другими, и начали звать ихъ въ подданство; но только мелкіе владѣльцы стали ѣздить въ Астрахань за хлѣбомъ да за денежнымъ жалованіемъ. Захотѣли подчиниться туркмены, побуждаемые переселиться опустошеніями, которыя произвелъ Надиръ въ Хивѣ и Бухарѣ; нѣкоторые изъ нихъ откочевали за Яикъ. Татищевъ хотѣлъ приласкать ихъ и послалъ имъ хлѣба съ капитаномъ Копытовскимъ. «Весьма тотъ народъ—доносилъ капитанъ — настойчивый, лживый и льстивый; всякій у нихъ большой по своему своевольствію, и такой неподобострастный, что сынъ отца не боится, а отецъ сына долженъ бояться; а въ подданство е. и. в. пришли, чтобы съ голоду не помереть, и просили построить на Мангишлакѣ городокъ и опредѣлить туда русскаго командира».

Ко всѣмъ этимъ заботамъ присоединилось еще и то, что Татищевъ не находилъ себѣ помощника: не было даже хорошихъ переводчиковъ съ калмыцкаго, персидскаго и татарскаго языковъ, а письма Эльстона и Ганузя приходилось посылать для перевода въ Петербургъ. Когда велѣно было Татищеву опредѣлить секретаря по дѣламъ калмыцкимъ и особаго чиновника для сношеній персидскихъ, то, по недостатку въ людяхъ, онъ не могъ исполнить этого приказанія. Въ Астрахани трудно было найти не только писцовъ, но даже бумагу. Просьбы Татищева о присылкѣ инженеровъ, геодезистовъ и т. д. оставались безъ исполненія.

Не смотря на множество дѣлъ и на недостатокъ помощниковъ, Татищевъ занимался не только текущими дѣлами, но и предлагалъ проекты для улучшенія положенія края. Такъ онъ предлагалъ, въ виду малаго количества осѣдлыхъ поселеній и небезопасности края, выстроить нѣсколько городковъ, населяя ихъ волжскими казаками, исключительное положеніе которыхъ обратило на себя его вниманіе—пользуясь большими льготами, они несли слишкомъ незначитель-

ную службу;—крещенными калмыками и выходцами изъ другихъ губерній; для постройки крѣпостей онъ просилъ прислать инженеровъ изъ Петербурга; артиллерію для нихъ взять изъ Сибири; земли предлагалъ раздавать по указнымъ дачамъ, чтобы никто не получалъ ихъ напрасно; предлагалъ произвести размежеванія, опредѣлять въ татарскую избу (суды) грамотныхъ мурзъ и т. п.

Въ 1745 г. при русскомъ посольствѣ, отправлявшемся въ Персію, посѣтилъ Астрахань докторъ Лерхъ, оставившій любопытныя записки о своемъ путешествіи. Вотъ что онъ говоритъ о Татищевѣ: «Въ Астрахани губернаторомъ былъ извѣстный ученый Василій Никитовичъ Татищевъ, который передъ тѣмъ устроилъ новую Оренбургскую губернію. Онъ говорилъ по нѣмецки, имѣлъ большую библіотеку лучшихъ книгъ и былъ свѣдущъ въ философіи, математикѣ и въ особенности въ исторіи. Онъ описалъ древнюю исторію Россіи въ большомъ фоліантѣ, который по смерти его перешелъ въ руки кабинетъ-министра Ивана Черкасова; тотъ передалъ его профессору Ломоносову, умершему въ 1765 году. Рукописи этой не хотѣли сообщить профессору Миллеру, который сдѣлалъ бы изъ нея самое лучшее употребленіе. Этотъ Татищевъ жилъ совсѣмъ по философски и относительно религіи имѣлъ особыя мнѣнія, за что многіе не считали его православнымъ. Онъ былъ болѣзненъ и худъ; но во всѣхъ дѣлахъ свѣдущъ и рѣшителенъ; умѣлъ каждому посовѣтовать и помочь, а въ особенности купцамъ, которыхъ онъ привелъ въ цвѣтущее состояніе. Дѣлалъ онъ это однако не даромъ, за что подвергся отвѣтственности, и сенатъ прислалъ указъ, которымъ онъ отрѣшается» [1]).

Отрѣшеніе Татищева было слѣдствіемъ несогласій его съ намѣстникомъ, жалобъ на него и неимѣнія сильныхъ покровителей; даже Черкасовъ, на котораго онъ такъ надѣялся, отстранялся отъ него и писалъ, чтобы онъ свои донесенія

[1]) Büsching's Magasin, X, 375.

прямо посылалъ императрицѣ [1]). Поднято было снова старое дѣло, и 3-го апрѣля состоялся приговоръ освободить Татищева по манифестамъ отъ назначеннаго ему наказанія; но взыскать все, что показано имъ взятымъ. Вмѣстѣ съ этимъ сенатъ представлялъ императрицѣ: «не соизволите-ли В. И. В. указать его, Татищева, изъ той губерніи перемѣнить, а на мѣсто его опредѣлить губернатора другаго» [2]). Приговоръ этотъ не прошелъ впрочемъ безъ протеста. Оберъ-прокуроръ Брылкинъ представилъ два «сумнительства»: «1) присужденныя коммисіею ко взысканіюсъ прочихъ деньги взыскать велѣно съ одного Татищева, а тѣ люди на него по нѣсколькимъ пунктамъ не доказали; 2) вина ему отпущена по милостивымъ указамъ 1741 и 1744 годовъ, а губернаторомъ быть не велѣно, тогда какъ въ этихъ указахъ повелѣно возвращенныхъ изъ ссылки годныхъ опредѣлить по прежнему на службу». Съ другой стороны, о смѣнѣ Татищева представлялъ канцлеръ, указывая на то, что Татищевъ въ ссорѣ съ намѣстникомъ. 22 іюня представленіе это было подписано императрицей, и преемникомъ Татищеву былъ назначенъ Брылкинъ, такъ благородно за него вступившійся [3]).

Татищеву велѣно было, сдавъ дѣла, выѣхать изъ Астрахани и, для излѣченія болѣзни, жить въ деревнѣ. Татищевъ донесъ сенату, что у него деревня въ Дмитровскомъ уѣздѣ, но что по болѣзни онъ туда доѣхать не можетъ, а будетъ зимовать, гдѣ случится. Выѣхалъ онъ 17-го ноября, а 22-го декабря пріѣхалъ въ Симбирскую деревню сына, гдѣ провелъ зиму. Отсюда онъ писалъ любопытное письмо къ Черкасову, въ которомъ, передавая слышанныя имъ жалобы на разбои, припоминаетъ намѣреніе Петра учредить коллегію государственной экономіи, черезъ которую онъ надѣялся возстано-

---

[1]) „Исторія Россіи“ XXII, 20.
[2]) „Жизнь П. И. Рычкова,“ 159. Отвѣты Татищева въ „Исторіи Россіи,“ XXII, 23.
[3]) „Ист. Россіи“ XXII, 24.

вить правосудіе, умножить доходъ безъ отягощенія, умѣрить расходы, и которая разсматривала бы полезные проекты и учреждала училища [1]). Такъ мысль его постоянно была занята общею пользою, и такъ «птенецъ гнѣзда Петрова» вѣчно обращался мыслію къ взглядамъ и проектамъ Петра.

VIII.

Пріѣхавъ въ свою подмосковную Болдино, Татищевъ уже не оставлялъ этой деревни до смерти (іюль 1750 г.). Не смотря на то, что Татищевъ считался состоящимъ подъ судомъ и у двери его постоянно стоялъ солдатъ сенатской роты, онъ усердно работалъ. Здѣсь онъ доканчивалъ свою исторію, которую въ 1739 г привозилъ въ Петербургъ, но къ которой не встрѣтилъ сочувствія и по поводу которой даже возбуждено было подозрѣніе въ его православіи. Тогда Татищевъ поѣхалъ къ новгородскому архіепископу Амвросію и измѣнилъ все то, что Амвросій нашелъ нужнымъ измѣнить [2]). Такой опытъ былъ непоощрителенъ, и потому въ деревенскомъ уединеніи пришла Татищеву другая мысль: отправить сочиненіе въ Лондонское королевское общество, чтобы оно издало его въ переводѣ; онъ написалъ объ этомъ письмо къ Ганузю [3]); но, по недостатку переводчиковъ, это дѣло такъ и несостоялось. Изъ деревни Татищевъ велъ обширную переписку, часть которой дошла до насъ: съ академіею [4]), съ Петромъ

---

[1]) „Новыя извѣстія о Татищевѣ,“ 46.

[2]) 1) Объ апостолѣ Андреѣ. 2) О Владимірскомъ образѣ Пресвятыя Богородицы. 3) О дѣлахъ и судѣ Константина митрополита. 4) О монастыряхъ и училищахъ. 5) О Новгородскомъ чудѣ отъ образа Богородицы Знаменія. „Исторія Россійская,“ I, XIV. Вотъ, вѣроятно, источникъ всѣхъ толковъ о невѣріи Татищева, равно какъ и его не всегда почтительные отзывы о духовенствѣ.

[3]) „An historical Account,“ I, 78.

[4]) Частію указано въ „Исторіи Академіи Наукъ.“

Ивановичемъ Рычковымъ, котораго онъ узналъ въ Оренбургѣ и направилъ къ ученымъ занятіямъ [1]. Мысль его была дѣятельна до конца; но тѣломъ онъ слабѣлъ все болѣе и болѣе. Около него были только невѣстка и внукъ Ростиславъ Евграфовичъ; сынъ былъ на службѣ, и Татищевъ пишетъ къ вице-канцлеру графу Воронцову, прося позволить ему переписку съ сыномъ [2]; впрочемъ передъ смертію онъ вызвалъ сына изъ Москвы. Съ женою своей, вдовой Рѣдкиной, Татищевъ разстался давно; причиною ссоры была связь ея съ извѣстнымъ Рѣшиловымъ [3]. Вотъ источникъ ѣдкихъ нападокъ въ «Духовной» на ханжей, бродягъ и вѣстоношъ; быть можетъ сюда же относится и указаніе на то, что долгое отсутствіе мужа на службу подаетъ поводъ къ невѣрности жены. Вообще Татищевъ, быть можетъ, вслѣдствіе этого разлада, смотрѣлъ невысоко на женщинъ. Такъ, въ «Разговорѣ о пользѣ наукъ» [4] Татищевъ считаетъ, между прочимъ, и потому нужнымъ посылать юношей за границу, что, за отсутствіемъ отцевъ, дѣти остаются на рукахъ женъ и слугъ и не могутъ научиться ничему хорошему. Впрочемъ, какъ человѣкъ образованный, Татищевъ совѣтуетъ сыну видѣть въ женѣ друга. Не знаю, была ли жена его жива въ эту пору, но въ 1740 г., когда писана «Духовная», она была еще жива, и Татищевъ предписывалъ сыну уважать ее. Смерть Татищева была очень странна. Наканунѣ смерти онъ поѣхалъ верхомъ въ церковь за три версты и велѣлъ туда явиться мастеровымъ съ лопатами. Послѣ литургіи пошелъ съ священникомъ на кладбище и велѣлъ рыть себѣ могилу подлѣ предковъ. Уѣзжая, уже въ одноколкѣ, онъ просилъ священника на другой день пріѣхать пріобщить его. Дома нашелъ курьера, который при-

---

[1]) „Жизнь П. И. Рычкова".

[2]) „В Н. Татищевъ," 526.

[3]) И. В. Чистовича „Ѳеофанъ Прокоповичъ," 461, прим. 1.

[4]) Это замѣчательное сочиненіе хранится въ рукописи въ Имп. Публичной Библіотекѣ. Мы къ нему еще вернемся.

везъ указъ, оправдывающій его, и орденъ Александра Невскаго. Онъ возвратилъ орденъ, сказавъ, что умираетъ; тоже повторилъ повару, пришедшему спрашивать объ обѣдѣ на завтра. На другой день пріобщился, простился со всѣми, далъ наставленіе сыну, соборовался и скончался. Послѣ оказалось, что онъ даже гробъ велѣлъ приготовить [1]).

Такъ умеръ этотъ замѣчательный дѣятель XVIII в., принесшій такъ много добра всему обществу и—хотя не чуждый пороковъ своего времени, за которые, конечно, не осудитъ его ни одинъ благоразумный человѣкъ — всегда умѣвшій и желавшій дѣлать пользу. Съ обширнымъ умомъ, способнымъ быстро переходить отъ одного предмета къ другому, онъ соединялъ твердую волю, и если порою и ему приходилось сгибаться передъ временщикомъ, то все таки и временщикъ инстинктомъ понималъ, что этотъ человѣкъ дѣйствуетъ не изъ однихъ личныхъ видовъ, а стало быть не на все пойдетъ, и что самое униженіе терпитъ только для того, чтобы не совсѣмъ закрыли дорогу его способностямъ, чтобы онъ могъ приносить пользу. Обвиненія, которыя падаютъ на Татищева, падаютъ въ значительной степени и на Волынскаго: и Волынскій былъ не чуждъ корысти, и Волынскій не всегда держалъ себя независимо. Только трагическая судьба Волынскаго выдвигаетъ его передъ Татищевымъ; но деспотическія наклонности Волынскаго были менѣе замѣтны у Татищева, который, напротивъ, часто является поборникомъ коллегіальнаго начала. Все это относится, разумѣется, только къ одной сторонѣ дѣятельности Татищева, но если мы вспомнимъ, что Татищевъ завоевалъ себѣ высокое положеніе еще въ другой области — въ области науки, то мы не будемъ въ состояніи говорить о немъ иначе какъ съ чувствомъ глубокаго уваженія.

---

[1]) „Странная смерть В. Н. Татищева,“ („Библіогр. Записки,“ 1858, 198—200).

IX.

Умъ, образованность и значительная ширина взгляда Татищева видны были уже намъ и въ административной его дѣятельности, не смотря на то, что дѣятельность эта никогда не была вполнѣ самостоятельною и что сценою ея служили отдаленныя провинціи, гдѣ встрѣчались ей всякаго рода препятствія: и отъ мѣстныхъ жителей,—по большей части инородцевъ, стоявшихъ на весьма низкой степени развитія и преслѣдовавшихъ свои интересы, по большей части противные интересамъ русскаго правительства,—и отъ интригъ лицъ, поставленныхъ въ равное съ Татищевымъ положеніе, которыя должны были бы дѣйствовать съ нимъ за одно, но дѣйствовали очень часто въ противность ему, и отъ интригъ петербургскихъ, или петербургскаго непониманія, и отъ недостатка въ помощникахъ и, наконецъ, отъ того, что нигдѣ ему не привелось быть такъ долго, чтобы онъ могъ вполнѣ развить свои планы и дать окрѣпнуть своимъ начинаніямъ. Въ литературной дѣятельности Татищева мы увидимъ тѣже свойства его, но полнѣе и цѣльнѣе, хотя конечно и въ этой области, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, онъ не могъ чувствовать себя вполнѣ свободнымъ: и здѣсь онъ встрѣчался съ предразсудками и нетерпимостію къ чужой мысли и, наконецъ, съ завистью людей немыслящихъ къ мыслящему человѣку. Не даромъ его исторія появилась только при Екатеринѣ; не даромъ его «Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ», въ которомъ онъ высказалъ все свое міросозерцаніе, былъ напечатанъ тоже при Екатеринѣ [1]). Это тѣмъ инте-

---

[1]) Если только былъ когда либо напечатанъ. Сопиковъ указываетъ на то, что онъ былъ напечатанъ при 2-мъ изданіи «Духовной»; но этого втораго изданія in-4° до сихъ поръ не видѣлъ ни одинъ библіографъ, и его не существуетъ въ Публичной Библіотекѣ, въ чемъ я лично убѣдился, и о содержаніи его, сколько извѣстно, нигдѣ не было заявлено печатно.

реснѣе, что Татищевъ въ своей литературной дѣятельности былъ тѣмъ, что въ настоящее время назвали бы публицистомъ. Онъ принялся за географію и исторію ради той пользы, которую исторія и географія должны принести обществу; свое міросозерцаніе онъ высказалъ въ сочиненіи о пользѣ наукъ; свои общественныя и нравственныя воззрѣнія—въ «Духовной» обращенной къ сыну. Птенецъ гнѣзда Петрова остался вѣренъ идеямъ того, кто и по праву рожденія и по высшему праву генія былъ умственнымъ вождемъ своей эпохи. Какъ Петръ требовалъ отъ всего пользы, такъ и Татищевъ постоянно старался быть полезнымъ по мѣрѣ возможности. Примѣнимость, полезность (англійское expediency) составляютъ основныя начала общественной и литературной дѣятельности Татищева, которыя, исходя изъ одного и того же начала, суть только два различные пути къ достиженію одной и той же цѣли. Въ изложеніи литературной дѣятельности Татищева постараемся возможно обстоятельнѣе и яснѣе указать на особенности его воззрѣній и ихъ взаимную связь. Встрѣчая у Татищева мнѣнія и взгляды, которые казались бы странными на нашъ современный взглядъ, не будемъ, читатель, торопиться осудить Татищева и объявить его идіотомъ, а постараемся никогда не забывать, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ другаго времени и другаго образованія; скажу болѣе—съ человѣкомъ, трудами котораго, какъ и трудами ему подобныхъ, создалось и наше теперешнее образованіе. Будемъ же помнить, что «справедливость—по возвышенному опредѣленію римскихъ юристовъ—есть постоянная и неизмѣнная воля каждому воздавать свое» [1]).

Изложеніе литературной дѣятельности Татищева начинаемъ съ тѣхъ его сочиненій, въ которыхъ онъ высказываетъ свои идеалы, свои требованія отъ жизни и науки. Такой порядокъ мы считаемъ болѣе естественнымъ, потому что тогда

---

¹) Justitia est constans et perpetua voluntas jus suum cuique tribuendi. Jnst. L. I. t. I.

намъ понятнѣе будутъ его ученые труды, въ которыхъ, какъ мы замѣтили, онъ старался удовлетворить насущнымъ потребностямъ общества и въ которыхъ нельзя не видѣть литературнаго осуществленія его идеаловъ, подобно тому какъ въ общественной его дѣятельности нельзя не видѣть попытки ихъ практическаго примѣненія. Къ этому разряду сочиненій Татищева мы относимъ три его произведенія: «Духовную», въ которой онъ высказываетъ сыну свои нравственные и умственные идеалы въ руководство для его послѣдующей жизни [1]; «Экономическія записки», составленныя имъ для управляющаго деревнею, въ которыхъ онъ высказывалъ свои требованія отъ крестьянъ и свой взглядъ на отношенія попечительнаго помѣщика къ крестьянамъ [2]) и «Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ [3]), гдѣ высказываются съ наибольшею полнотою его воззрѣнія на науку и ея отношенія къ жизни.

---

[1]) «Духовная» издана С. Друковцевымъ подъ заглавіемъ: «Духовная т. с. и Астраханскаго губернатора В. Н. Татищева, сочиненная въ 1733 (?) году сыну его Евграфу Васильевичу». СПБ. 1775, in-8°; втораго изданія in-4°, о которомъ говоритъ Сопиковъ, никто не видѣлъ Любопытно, что въ 50-хъ годахъ въ «Отеч. Зап.» была перепечатана «Духовная» Татищева, по рукописи, за духовную неизвѣстнаго дворянина.

[2]) Напечатаны во «Временникѣ» Общества Исторіи Древностей. Кн. XII.

[3]) Существуетъ въ рукописи, подаренной А. И. Артемьевымъ Публичной Библіотекѣ. Рукопись эта, къ сожалѣнію не совсѣмъ полная, писана in 4, заключаетъ въ себѣ 176 листовъ; писана она до 1767 г., ибо къ этому году относится имѣющаяся на ней приписка одного саратовца о рожденіи у него сына. Хотя имени Татищева на ней нѣтъ, но принадлежность ему несомнѣнна какъ по общности заглавія съ сочиненіемъ, упоминаемымъ въ «Духовной», такъ и по внутреннимъ признакамъ: такъ въ „Разговорѣ“ упоминается разговоръ автора предъ отъѣздомъ въ Швецію съ Блументростомъ и Петромъ: тотъ же самый разговоръ сообщаетъ Татищевъ въ письмѣ къ Шумахеру (П. П. Пекарскаго „Исторія Академіи“ I, XIII); въ „Разговорѣ“ авторъ упоминаетъ о своей исторіи, говоритъ, какъ очевидецъ, о разныхъ инородцахъ. Замѣчательно сходство многихъ мѣстъ „Разговора“ съ другими сочиненіями Татищева: такъ исторію просвѣщенія онъ раздѣляетъ на три періода: до изобрѣтенія азбуки, до Р. Х. и до изобрѣтенія книгопечатанія („Исторія“ I, XXVII, „Разговоръ“, вопр. 36) и т. д. Слѣдственно въ принадлежности „Разговора“ Татищеву не можетъ быть никакого сомнѣнія.

«Духовная» Татищева принадлежитъ къ обширному разряду сочиненій, любимому въ средневѣковыхъ литературахъ, типическимъ представителемъ котораго служитъ извѣстный «Домострой». Еще недавно велся у насъ споръ о томъ, что такое «Домострой»—произведеніе ли это одного лица, или выраженіе цѣлаго общественнаго строя, цѣлостнаго взгляда на жизнь и житейскія отношенія? Въ настоящее время подобный споръ становится невозможнымъ, ибо уже извѣстны болѣе старые списки и указаны точки соприкосновенія нашего «Домостроя» съ домостроями другихъ литературъ. Произведенія этого рода по большей части имѣютъ одну общую форму: отецъ сообщаетъ сыну плоды своего житейскаго опыта и указываетъ ему, какъ онъ долженъ жить. Конечно, очень часто это только удобная форма, ибо авторъ, предлагая совѣты на разные случаи, имѣетъ въ виду не одного только сына. Такъ, напр., Татищевъ въ своей «Духовной» пишетъ о тѣхъ книгахъ, по которымъ начинается ученіе, а между тѣмъ сынъ его уже былъ тогда взрослый: мы видѣли его дѣйствующимъ во время оренбургской экспедиціи. Такимъ образомъ, книга подобнаго содержанія назначалась для болѣе широкаго распространенія; она не была писана исключительно только для близкихъ людей, и дѣйствительно мы знаемъ, что такія книги охотно читались, распространяясь въ рукописяхъ. Вспомнимъ, что мы имѣемъ довольно много списковъ «Домостроя», да и самая «Духовная» Татищева извѣстна до сихъ поръ въ рукописяхъ. Но между домостроями средневѣковыми и домостроями XVIII в. есть одна существенная разница:—люди средневѣковые являются по большей части крѣпкими стоятелями за обычай; въ XVIII в. обычай пошатнулся, поколебался; является личное разсужденіе, личный характеръ, личное образованіе, тогда какъ прежде на всемъ лежала печать общаго для всѣхъ людей порядочныхъ и чинныхъ образованія. Отъ первой половины XVIII в. дошли до насъ два сочиненія этого рода, сравненіе между которыми можетъ быть очень любопытно. Въ первыхъ годахъ

XVIII в. (послѣ 1710 г.) грамотный, довольно начитанный крестьянинъ, истый великоруссъ по уму и смѣтливости, сочувствующій дѣлу реформы съ практической ея стороны, написалъ наставленіе сыну, въ которомъ вполнѣ высказалось то, на сколько новыя понятія, вносимыя реформами, могли привиться къ людямъ просто грамотнымъ и начетчикамъ въ литературѣ до-петровской;—мы говоримъ о Посошковѣ и его «Отеческомъ завѣщаніи» [1]). Въ 1740 г. Татищевъ, одинъ изъ наиболѣе образованныхъ людей русскихъ XVIII в., бывшій въ постоянныхъ сношеніяхъ съ лучшими по образованію людьми, членъ «ученой дружины», стоявшій если не на самомъ верху административной лѣстницы, то вблизи этого верха, пишетъ свою «Духовную». Въ чемъ же сходились и въ чемъ разнились эти два человѣка? Попробуемъ отвѣтить на этотъ вопросъ указаніемъ на то, какъ оба они смотрятъ на одни и тѣ же предметы.

Обѣ книги написаны въ религіозномъ пастроеніи; но въ религіозномъ чувствѣ авторовъ есть значительная разница. Татищевъ между современниками слылъ за вольнодумца: таково было мнѣніе Гануэя; сохранился даже разсказъ о томъ, что Петръ разъ побилъ Татищева за то, что онъ «говорилъ слишкомъ вольно о предметахъ церковныхъ, относя оные къ вымысламъ корыстолюбиваго духовенства; при чемъ касался онъ въ ироническомъ тонѣ и нѣкоторыхъ мѣстъ св. писанія» [2]). Мы видѣли, что «Исторія» его заподозрѣна была въ неправославіи; наконецъ знаемъ, что Θеофанъ написалъ толкованіе на книгу «Пѣсня пѣсней», побуждаемый къ тому сомнѣніями Татищева въ ея каноничности; но тотъ-же Θеофанъ прибавляетъ, что Татищевъ усердно просилъ его написать обѣщанное объясненіе этой книги [3]). Самъ Татищевъ подоб-

---

[1]) Издано А. Н. Поповымъ въ 1873 г.

[2]) Голиковъ «Дополн. къ Дѣяніямъ», XVII, 354; тоже говоритъ и Шлецеръ («Сборн. II отд. Ак. Н.». XIII).

[3]) И. В. Чистовича: «Θеофанъ Прокоповичъ», 614.

ное воззрѣніе на свои вѣрованія объясняетъ такимъ образомъ: «Я хотя о Богѣ и правости Божественнаго закона никогда сомнѣнія не имѣлъ, ниже о томъ съ кѣмъ въ разговоръ или пренія вступалъ; но потому, что я нѣкогда о убыткахъ законами человѣческими въ тягость положенныхъ говаривалъ, отъ несмысленныхъ и безразсудныхъ, невѣдущихъ Божьяго закона и токмо человѣческіе уставы противо заповѣданія Христова чтущихъ, не токмо за еретика, но за безбожника почитанъ и не мало невиннаго поношенія и бѣдъ претерпѣлъ» [1]). Едва-ли это не самое лучшее объясненіе такъ называемаго вольнодумства Татищева, ибо во всѣхъ его сочиненіяхъ едва-ли можно найти примѣръ сомнѣнія въ истинахъ христіанства, а постоянныя его ссылки на различныя книги священнаго писанія свидѣтельствуютъ о близкомъ его знакомствѣ съ библіею. Конечно онъ самъ говоритъ, что человѣкъ въ старости, или подъ вліяніемъ горя и болѣзней, получаетъ болѣе религіозное настроеніе, чѣмъ въ молодости, когда не думаетъ о религіи [2]); но изъ этого общаго факта, и при томъ отмѣченнаго въ духѣ покаянія, нельзя выводить того, чтобы Татищевъ только въ эпоху составленія духовной обратился къ религіи. Совершенно напротивъ: мы видимъ, что и въ «Разговорѣ о пользѣ наукъ», писанномъ за семь лѣтъ до «Духовной», и послѣ написанія «Духовной», въ «Исторіи» и въ личныхъ разговорахъ Татищевъ отдѣлялъ религію отъ суевѣрія и постоянно неблагосклонно относился къ духовенству, въ чемъ — какъ и во многомъ другомъ — онъ оставался вѣрнымъ ученикомъ Петра В., нелюбившимъ «большихъ бородъ, которыя нынѣ по тунеядству своему не въ авантажѣ обрѣтаются». И Петръ и Татищевъ въ борьбѣ съ суевѣріемъ заходили

---

[1]) «Духовная» 15. Впрочемъ, главное обвиненіе противъ Татищева со стороны духовенства состояло въ томъ, что онъ писалъ подъ вліяніемъ протестантскихъ идей; такое мнѣніе высказывалъ въ началѣ XIX в. архіепископъ тверской Меѳодій въ своей исторіи церкви (Исторія Росс. Академіи, I, 243).

[2]) «Духовная» 1—2.

иногда далеко: таково свойство всякой борьбы; но ни Петръ, ни Татищевъ не были тѣмъ, что можно было-бы назвать вольнодумцами [1]). Проникнутыя глубокимъ и крѣпкимъ чувствомъ религіознымъ, первыя страницы «Духовной» говорятъ, кажется, ясно сами за себя, и имъ не противорѣчитъ ничто въ дальнѣйшей умственной дѣятельности Татищева. Какъ въ «Разговорѣ» 1733 г., такъ и въ «Духовной» 1740 г. онъ равно требуетъ изученія закона Божія отъ частнаго и общественнаго воспитанія. Требуя отъ сына, чтобы онъ отъ юности до старости поучался въ вѣрѣ и прилежалъ познать волю Творца, «зане оное просвѣтитъ умъ твой, наставитъ тя на путь правый, есть единый свѣтъ стезямъ нашимъ и премудрость дрожайшая паче злата и серебра и каменія драгоцѣнна», Татищевъ указываетъ сыну на необходимость изучать священное писаніе, творенія св. отцовъ, «между которыми у меня Златоустаго первое мѣсто имѣютъ»; сверхъ того совѣтуетъ читать Ѳеофаново «Истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ») и «Юности честныя зерцало» [3]). Эта послѣдняя книга, которую Татищевъ рекомендуетъ какъ лучшее нравоученіе, заключаетъ въ себѣ, рядомъ съ наставленіями нравственными, и правила общежитія, доходящія иногда до наивныхъ подробностей (о томъ какъ сморкаться, кашлять и т. п.) и свидѣтельствуетъ о томъ, чему въ XVIII в. нужно было учить не въ одной Россіи, ибо книга несомнѣнно переведена съ нѣмецкаго, хотя подлинника и не найдено. Послѣ изученія книгъ православныхъ, Татищевъ совѣтуетъ сыну читать книги иновѣрныя. «Если ты подлинно ихъ основаній и толковъ не знаешь, — говорилъ онъ, — то легко обмануться можешь, а

[1]) Къ многимъ причинамъ, заставлявшимъ Татищева смотрѣть не благосклонно на духовенство, каковы, напр., борьба съ петровскими стремленіями, владѣніе имуществами, не всегда чистая жизнь, отсутствіе образованія и т п. прибавляется личная причина: связь жены его съ извѣстнымъ Рѣшиловымъ.

[2]) Настоящее названіе книги: «Первое ученіе отрокомъ» (Наука и литер.» II, № 499).

[3]) Тамъ же, № 339.

особливо отъ папистовъ, яко весьма въ томъ коварныхъ». Указывая сыну на необходимость изучать чужія вѣрованія, Татищевъ тѣмъ не менѣе предписываетъ ему никогда не мѣнять вѣры, хотя бы «нѣкоторыя погрѣшности и неисправности или излишнее въ своей церкви быть возмнилъ ибо никто безъ нарушенія чести того учинить не можетъ». Опасеніемъ, чтобы сынъ не перемѣнилъ вѣры, увлекшись поверхностнымъ сомнѣніемъ, объясняется и совѣтъ Татищева сыну читать прологи и житія святыхъ только послѣ тщательнаго изученія священнаго писанія: «въ нихъ многія гисторіи въ истинѣ бытія кажется оскудѣваютъ и неразсуднымъ соблазны къ сомнительству о всѣхъ въ нихъ положенныхъ подать могутъ». «Однако жъ—заключаетъ Татищевъ—тѣмъ не огорчевайся, но разумѣвай, что все оное къ благоуханному наставленію предписано, и тщися подражати дѣламъ ихъ благимъ».

Покровскаго села крестьянинъ Иванъ Посошковъ, водившійся въ молодости своей съ монахами [1]) и, быть можетъ, въ монастырѣ научившійся грамотѣ, во всякомъ случаѣ возросшій и воспитанный на произведеніяхъ старорусской духовной литературы, представляетъ образецъ инаго проявленія религіознаго чувства. Вѣра его сопровождается полнѣйшею нетерпимостью: сочувственно одобряя сожженіе раскольниковъ, онъ прибавляетъ: «и буде кости ихъ останутся, то, разбивъ ихъ, паки сожжечь, чтобы въ пепелъ претворились, и тотъ пепелъ въ пометъ человѣчь взмѣсить или въ непроходимое болото развѣять», чтобы ученики не могли собрать этихъ костей. Жечь раскольниковъ онъ считаетъ нужнымъ, потому что «совершенные богохульцы никогда на совершенное покаяніе обратиться не могутъ, понеже отъ таковыхъ благодать Божія отъемлется и владѣетъ ими діаволъ». Посошковъ обращаетъ усиленное вниманіе на внѣшнюю обрядовую сторону религіи и вопросу о молитвѣ посвящаетъ большую главу

---

[1]) «Истор Россіи» С. М. Соловьева, XIV, 242.

своего завѣщанія [1]), въ которой подробно разсказывается, когда и какую молитву читать и что думать при этомъ. Въ примѣръ подобныхъ толкованій приводимъ то, что — по его наставленію—долженъ думать сынъ, когда налагаетъ на себя крестное знаменіе: «Егда же руку свою возложиши на чело, то въ умѣ своемъ помышляй о вышнемъ рогѣ креста Христова. Егда же низводити будеши руку свою на животъ, то помышляй о длинномъ древѣ крестномъ, а егда уже руку свою низведеши на пупъ, то помышляй о нижнемъ рогѣ креста Христова; а егда положиши руку свою на правое плечо, то помышляй о правомъ рогѣ крестномъ; егда же съ праваго плеча понесеши руку свою на лѣвое плечо, и тогда въ умѣ своемъ держи о поперечномъ древѣ крестномъ; егда же положиши руку свою на лѣвое плечо и при томъ положеніи руки въ мысли своей держи о лѣвомъ рогѣ крестномъ». Къ духовенству Посошковъ чувствуетъ большое уваженіе: «отца своего духовна паче родившаго ти отца почитай и во всемъ передъ нимъ рабствуй: яко душа честнѣе плоти, тако и отецъ духовный плотскаго честнѣе есть». — Поэтому онъ предписываетъ никогда не садиться за обѣдомъ выше священника и ничего не предпринимать, не поговоривъ съ отцомъ духовнымъ. Изъ иновѣрныхъ исповѣданій Посошковъ преимущественно вооружается противъ протестантизма, или, какъ онъ выражается, противъ лютеровъ и ихъ учителя Мартина, для которыхъ онъ не щадитъ самыхъ рѣзкихъ словъ. Его обвиненія наивны часто до неприличія и всѣ направлены на внѣшность. Такъ, между прочимъ, Посошковъ ставитъ въ вину лютеранамъ введеніе париковъ. Чрезвычайно характеристично, что представитель старой книжности, подобно Стефану Яворскому, видитъ болѣе вреда въ лютеранствѣ, чѣмъ въ католицизмѣ, и сильнѣе нападаетъ на лютеранство; а представитель новаго образованія, подобно Ѳеофану, видитъ болѣе

---

[1]) Глава IV, 75—141.

вреда въ католикахъ, прибавляя къ своему осужденію чрезвычайно знаменательныя слова, что хотя несвѣдующаго можетъ обмануть близость въ обрядахъ католицизма съ православіемъ, но «въ главнѣйшихъ (они) такъ далеки, что едва можетъ ли кто ихъ за христіанъ, а иногда каѳоликами, какъ они хотятъ именованы быть, почитать». Въ «Разговорѣ о пользѣ наукъ» встрѣчаемъ остроумное сближеніе между калмыцкою вѣрою (ламаизмомъ) и католицизмомъ [1]). Сдѣлавъ оговорку, что между многобожнымъ ламаизмомъ и христіанскимъ католицизмомъ не можетъ быть полнаго сходства, авторъ находитъ сходство въ нѣкоторыхъ, по его выраженію, «исповѣданіяхъ или признаніяхъ». Такъ, если латины и не считаютъ папу Богомъ, то «ему яко единому Богу принадлежащая: безгрѣшность, грѣхи отпущать и спасеніе продавать, согласно съ Далай-Ламою приписуются»; ламаисты вѣрятъ, что Далай-Лама знаетъ все, что дѣлается въ мірѣ черезъ ангеловъ; но написты не такъ глупы: «вѣдая, что то вскорѣ ученые обличить могли, то они имѣютъ, вмѣсто ангеловъ или демоновъ, езуитовъ, которыхъ они братьями или товарищами христовыми именуютъ, хотя мнимъ, что они ближе Веліару неже Христу въ братья годятся (Кор., гл. 1, ст. 15), и сіи, подлинно весь свѣтъ обѣгая, вѣсти папѣ приносятъ и его повелѣнія повсюду исполнять прилежатъ». Безбрачіе католическаго духовенства Татищевъ сближаетъ съ безбрачіемъ ламаистскаго и видитъ въ немъ источникъ богатства папы, «ибо ко вступающимъ въ чинъ духовный богатство прибываетъ, а отъ нихъ никуда кромѣ ихъ наложницъ и дѣтей побочныхъ не выходитъ. Чрезъ оное же безженство духовныхъ вездѣ имъ у женъ, а болѣе молодыхъ, всѣ тайности не скрытны». Католическую продажу реликвій Татищевъ сближаетъ съ ламаистскою; запрещеніе имѣть священныя книги на народныхъ языкахъ авторъ тоже считаетъ пунктомъ соприкосновенія и говоритъ: «чтобы народъ въ темнотѣ не-

---

[1]) Вопросъ 67.

вѣдѣнія содержать, обоихъ вымыселъ единъ, ибо папы, кромѣ латинскаго языка книгъ законныхъ печатать и кромѣ духовныхъ (что съ тяжкою присягою) богословія учить не допущаютъ. Равно у калмыковъ богослуженіе на одномъ тангутскомъ языкѣ отправляется, котораго—я совершенно знаю—во всемъ калмыцкомъ народѣ изъ духовныхъ едва 3 или 4 знающихъ сыщется, а прочіе научены токмо читать; не духовному же и книгу церковную въ руки взять въ грѣхъ поставляютъ» [1]). Таково воззрѣніе Татищева на католицизмъ, вполнѣ связанное со всѣмъ строемъ его религіозныхъ воззрѣній.

За поученіемъ въ вѣрѣ у обоихъ авторовъ слѣдуетъ указаніе на то, какимъ наукамъ должно учиться. Татищевъ говоритъ: «Весьма нужно тебѣ поучитися и въ свѣтскихъ наукахъ, въ которыхъ нужнѣйшее право и складно писать, за тѣмъ ариѳметика, геометрія, артилерія и фортификація, и прочія части математики, такожде нѣмецкій языкъ». Затѣмъ совѣтуетъ изучать исторію и географію Россіи и указываетъ на собранные имъ матеріалы. Въ заключеніе прибавляетъ: «необходимо нужно есть знать законы гражданскіе и воинскіе своего отечества, и для того конечно во младости надобно тебѣ Уложенье и Артикулы воинскіе, сухопутные и морскіе, не одново, а нѣкогда, и печатные указы прочитать, дабы какъ скоро къ какому дѣлу опредѣлишься, могъ силу надлежащихъ къ тому законовъ разумѣть; наипаче же объ ономъ, по причинѣ собственныхъ своихъ и постороннихъ дѣлъ, съ искусными людьми разговаривать, и порядкамъ, якоже и толкованію законовъ, не меньше же и коварствы ябедническія познавать, а не дѣлать, научиться должно, что тебѣ къ немалому счастію послужитъ». Планъ чисто практическій:

---

[1]) Какъ знатокъ русской исторіи, Татищевъ оговаривается, чтобы не почли его мнѣніе местію за вредъ сдѣланный латинянами православію. Интересенъ какъ образчикъ любознательности Татищева сообщаемый имъ здѣсь же фактъ: «Особую книжку: Ѣзда Кутухты Ламы въ рай и муку на калмыцкомъ языкѣ, чрезъ искуснаго переводчика доставъ, императорской академіи отдалъ».

указано все, что нужно знать для примѣненія къ жизни. У Посошкова идеалъ ученія иной: «Въ началѣ отрочества, сынъ мой, паче всѣхъ наукъ прилежи книжному наученію: не токмо славянскому одному, но и греческому, или латинскому, или хотя польскому, понеже и на польскомъ языкѣ много таковыхъ книгъ есть, кои у насъ на славянскомъ языкѣ не обрѣтаются, а къ наукѣ польскій языкъ иныхъ языковъ посмнѣе, и аще латинскому поучишися, обачи не вси ихъ книги пріемли: кіи обрящеши на развратъ благочестивыя нашея вѣры, или къ какому грѣху приводящія, тыи весьма отъ себя отрѣвай». Въ другомъ мѣстѣ совѣтуетъ онъ: научивъ славянской граматикѣ и «выкладкѣ цыфирной до дѣленія», учить по латынѣ, или по гречески, или по польски; и потомъ учить какому-нибудь художеству; но непремѣнно учить рисованію— «аще въ размѣрѣ будетъ силу знати, то ко всякому мастерству будетъ ему способно». Разсматривая «Разговоръ о пользѣ наукъ», мы ближе присмотримся ко взгляду Татищева на науку; но и здѣсь въ объясненіе этой разницы учебныхъ плановъ считаемъ нужнымъ привести его разсужденіе на вопросъ: который языкъ нужнѣе къ наученію? [1]). «Какъ люди— говоритъ онъ —разной породы суть и по оному разныя науки и услуги себѣ и своимъ дѣтямъ избирать склонность имѣютъ, такъ и языки должны полезные и нужные къ тѣмъ наукамъ и услугамъ избирать. Напр., кто хочетъ сына своего въ духовенство привести, то необходимо нужно ему: 1) еврейскій, на которомъ ветхій законъ писанъ; 2) греческій для того, что на ономъ Новый Завѣтъ, соборы первые вселенскіе и помѣстные и всѣхъ Восточной церкви, и многихъ западныхъ, учителей книги писаны; 3) латинскій, на которомъ наиболѣе нужныхъ священнику книгъ, яко риторическія, метафизическія, моральныя и ѳеологическія, находятся. Но у насъ, хотя указомъ Петра Великаго по примѣру другихъ государствъ и по разсу́жденію нашего священства, шляхетству въ священникахъ

[1]) Вопросъ 69.

быть опредѣлено, однакожъ до днесь ничего еще не видимъ. Мню, что никто первый быть не хочетъ, или для того, что священство, для ихъ подлаго обхожденія и недостатка въ наукахъ, въ презрѣніи находится. Да и научась, получить оное, по обстоятельствамъ супружества, неблагонадежно, ибо кто женится по случаю не на дѣвицѣ, священства не достоинъ; и на исповѣди иногда передъ Богомъ лгать не хочетъ или, сказавъ правду, принужденъ будетъ немалыми деньгами докупаться. Да если бы то ему не помѣшало, то другое опаснѣе есть, что если, по несчастью, его жена погрѣшитъ или умретъ, то онъ уже священства лишится или принужденъ будетъ въ монашество противъ воли и возможности вступить. Еще же женатый, хотя сколько бы ученъ не былъ и благочестиво жилъ, въ чинъ епископства не допустится. И для того шляхетству учиться для духовнаго чина, кромѣ самой подлости [1]), не охотно. Однако же, ктобы какой филозовской наукѣ учиться хотѣлъ, то ему латинскій и греческій языки для знанія древнихъ филозовскихъ мнѣній весьма полезны; но понеже и на французскій языкъ почитай всѣ оные переведены и отъ разныхъ ученыхъ преизрядными примѣчаніями изъяснены, то можно и симъ языкомъ довольну быть. Особливо же знатному шляхетству велико и бѣло-русскому [2]) нуженъ и полезенъ нѣмецкій языкъ для того, что онаго много въ Россіи подданныхъ, такожъ сосѣдственные намъ Пруссы, Германія и проч. Онаго мало же меньше нуженъ французскій языкъ, зане оный вездѣ между знатными употребляемъ и лучшія книги во всѣхъ шляхетству полезныхъ наукахъ на ономъ находятся; но Казанской губерніи шляхетству, хотя и оные языки для пріобрѣтенія науки полезны, но по сосѣдству и всегдашнему съ татары обхожде-

---

[1]) Подлость, подлый народъ—низшее сословіе.

[2]) Бѣлоруссія, по Татищеву, нынѣшнія губерніи Московская, Тверская, Ярославская. Костромская, Владимірская, Рязанская; Великоруссія — Сѣверный край. См. статьи Татищева въ «Журн. Минист. Внутр. Дѣлъ» 1839.

нію — и татарскій, а другихъ губерній — сарматскіе (т. е. финскіе) языки нужны. Затѣмъ сосѣднихъ государствъ: китайскій, мунгальскій и турецкій не токмо тѣмъ, которые могутъ тамо быть, но и для пріобрѣтенія находящихся у нихъ собственныхъ наукъ и знанія ихъ исторій не безполезны». Такимъ образомъ татищевская теорія образованія вполнѣ совпадаетъ съ подмѣченнымъ М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ стремленіемъ первой половины XVIII вѣка всякому сословію дать отдѣльное ему свойственное образованіе, стремленіемъ, коренящимся въ необходимыхъ потребностяхъ, созданныхъ реформою Петра, и давшимъ у насъ начало профессіональнымъ, сословнымъ школамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что гуманитарное образованіе, не имѣющее въ виду никакихъ практическихъ цѣлей, теоретически самая высокая форма образованія. Можно спорить только о томъ, что положить въ основу такому гуманитарному образованію. Но несомнѣнно также и то, что въ петровское время такому вопросу не было никакого мѣста. Петръ засталъ у насъ только одну—и то плохо еще прививавшуюся—форму образованія: схоластическое ученіе, представляющее испорченный классицизмъ. Оставить это образованіе, только порождавшее гордость мнимымъ знаніемъ, Петръ не могъ: онъ сталъ заводить практическія школы, и къ этой-то мысли Петра въ ея основѣ — въ необходимости дать образованію практическій характеръ, въ особенности въ виду настоятельныхъ и неотложныхъ потребностей жизни—пристаетъ и Татищевъ, самъ, подобно и Петру, болѣе или менѣе автодидактатъ, пріучившійся схватывать знанія на лету и требовавшій отъ ученія только передачи такихъ знаній, которыя могутъ быстрѣе повесть къ необходимой цѣли—практическому примѣненію. О той задачѣ, которую ставитъ наше время — о необходимости создать самостоятельное просвѣщеніе, взойдти самимъ къ источникамъ, изъ которыхъ вначалѣ черпали и другіе европейскіе народы — тогда и думать никому не приходило въ голову. Тогда нужно было поскорѣе взять результаты и приложить

ихъ къ русской почвѣ; о чистой наукѣ думать было рано: «довлѣетъ бо дневи злоба его». Только наше время, нерѣдко забывающее, что во всякомъ великомъ историческомъ дѣлѣ съ добромъ смѣшивается и зло, т. е. зло можетъ истекать изъ великаго дѣла, если упорно держатся его началъ и тогда, когда они уже перестаютъ быть плодотворными — только наше время — говорю — могло породить обвиненіе Петра въ томъ, что онъ, давая практическое направленіе образованію, убилъ будто бы классическое образованіе въ Россіи [1]). Будемъ же справедливы къ Петру и его сотрудникамъ, первымъ насадителямъ наукъ въ Россіи.

Мало вдаваясь въ разсужденіе о нравственныхъ обязанностяхъ, для яснаго пониманія которыхъ совѣтуетъ внимательно читать св. писаніе, Татищевъ останавливается только на обязанности почитать родителей, считая необходимымъ разъяснить этотъ пунктъ въ виду того, что онъ разстался со своей женою, но отъ сына требуетъ уваженія къ ней. Болѣе онъ останавливается на вопросѣ о бракѣ, вступать въ который совѣтуетъ не ранѣе 30-ти лѣтъ. Противъ раннихъ браковъ, которые тогда поощрялись родителями и считались лучшимъ средствомъ удержать молодыхъ людей отъ безнравственности, Татищевъ возражаетъ на томъ основаніи, что въ случаѣ ранняго брака служебныя отлучки охлаждаютъ любовь; что такимъ образомъ люди себѣ «много ко пріобрѣтенію науки и черезъ службу въ неисканіи себѣ благополучія препятствуютъ; а наипаче многократно здравіе себѣ разрушаютъ». Выборъ невѣсты зависитъ отъ жениха; но слѣдуетъ посовѣтоваться въ этомъ случаѣ и съ родителями. Выбирать невѣсту слѣдуетъ не по красотѣ, не по молодости (хотя и не слѣдуетъ брать старше себя) и не по богатству; но не слѣдуетъ брать жену ни ниже, ни выше себя общественнымъ положеніемъ: «Изъ подлости взятыя жены, хотя бы-

[1]) Такое обвиненіе слышали очень многіе въ одномъ ученомъ собраніи нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

ваютъ довольно милы и честнаго житія, но ихъ родственники за подлость непріятны, презрѣніе и поношеніе наносятъ, а особливо холопки, какъ-бы оныя достаточны ни были; честные дворяне великое къ нимъ отвращеніе имѣютъ. Хотя отцы ихъ по своему природному коварству иногда и въ чиновныхъ людяхъ бываютъ; однако-жъ всегда застарѣвшая подлость въ сердцахъ ихъ обрѣтаетъ свое жилище; а великородные иногда гордостію надменны, и супругамъ уничтожительны являются». Жену должно любить, быть ей вѣрнымъ, не ревновать и обращаться съ нею кротко, хотя и не позволять ей завладѣть собою. «Если-бы—разсуждаетъ Татищевъ—что тебѣ и противно показалось, ненадобно скоро и запальчиво поступать, но добрымъ порядкомъ, тайно, разсужденіемъ отъ того отвратить и на лучшіе поступки наставить, а не разглашать, ниже вида невѣрности другимъ показывать. Паче же имѣя то въ памяти, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница и во всемъ должна другомъ быть нелицемѣрнымъ, такъ и тебѣ къ ней должно быть». Съ женою слѣдуетъ сообща воспитывать дѣтей, управлять домомъ. Свои разсужденія о брачной жизни Татищевъ заключаетъ двумя совѣтами: «Не дѣлай свадебной церемоніи, чтобы не сдѣлать изъ себя живой картины, какъ мыши кота погребаютъ. По сочетаніи-жъ брака, ежели хочешь спокойной жизни, то ханжей, бродягъ и тому подобныхъ потаскушъ и вѣстоношей, какъ злѣйшаго яда, берегись, и елико возможно такихъ отъ дома своего пристойнымъ образомъ отлучай, какъ-бы оныя тебѣ утѣшны ни казались, ибо отъ нихъ всегда поношеніе, ссоры съ друзьями и несогласіе между супружествомъ; однимъ словомъ сказать, кромѣ вреда ничего добраго не бываетъ; сіи звонкіе колокольчики за деньги не токмо тебя, но и себя продать въ состояніи».

Нравственные совѣты Посошкова переносятъ насъ не только къ другой степени образованія, но и въ другую сферу житейскую. Онъ совѣтуетъ сыну прежде всего соблюдать цѣломудріе. Его совѣты въ этомъ отношеніи напоминаютъ

во многомъ подобныя-же наставленія древней Руси. Затѣмъ онъ требуетъ отъ сына смиренія — другой добродѣтели, которую проповѣдывали усердно въ древней Руси. «Никакого человѣка дуракомъ не называй, — говоритъ онъ, — но передъ всѣми себя смиряй, а повыситися ни передъ каковыми и самыми простыми людьми не моги, понеже гордымъ Богъ противится, смиреннымъ-же даетъ благодать Свою». Настаивая на необходимости смиренія и милосердія, Посошковъ требуетъ милосердія и къ животнымъ: «Егда научишися миловать и скоты, то уже устыдишися не жаловати человѣка». Онъ считаетъ даже грѣхомъ срубить безъ нужды дерево. Какъ уживались такія кротія воззрѣнія съ безжалостнымъ отношеніемъ къ еретикамъ и вообще всякимъ преступникамъ — это одна изъ тайнъ человѣческой природы, до извѣстной степени объяснимая состояніемъ умственнаго развитія. Нельзя однако не замѣтить, что подобное ученіе должно было плодотворно дѣйствовать въ средѣ общества, непривыкшаго себя сдерживать, и должно было съ особенной настойчивостью приниматься тѣми, которые всегда могли ждать противъ себя несправедливыхъ, не всегда даже на корысти, а часто только на капризѣ основанныхъ дѣйствій. Мы знаемъ, что Посошковъ видѣлъ надъ собою подобную грозу и стало быть понималъ, какъ-бы хорошо было, если-бы всѣ люди благосклонно относились другъ къ другу, и какъ важно быть смиреннымъ на свѣтѣ. Татищеву, если бы даже подобныя разсужденія и пришли въ голову, не зачѣмъ было на нихъ долго останавливаться: общія нравственныя правила можно было найти въ тѣхъ книгахъ, на которыя онъ указывалъ; ему же важнѣе были результаты его житейскаго опыта; и самъ по себѣ онъ не былъ человѣкомъ мягкимъ, да и по своему положенію чувствовалъ потребность болѣе въ энергіи. Учить же сгибаться передъ людьми, которые поставлены выше, онъ не считалъ необходимымъ: сама жизнь научитъ; да гордому человѣку трудно было и признаться въ этой необходимости, хоть и случалось подчиняться ей. Конечно и Татищевъ говоритъ противъ гор-

дости, но касается этого вопроса слегка: «первая степень—говоритъ онъ—глупости есть гордость и роскошь. Не меньше того презрѣнія достойна и глупость» и совѣтуетъ избѣгать этихъ пороковъ: подъ гордостью разумѣется спѣсь; а смиренія, какое могъ имѣть въ виду Посошковъ, Татищевъ нигдѣ не предписывалъ. О бракѣ Посошковъ распространяется и не рѣдко впадаетъ въ такія разсужденія, которыя въ наше время становятся невозможными въ печатной книгѣ, а тогда, въ то простодушное время, были обычными. Жениться онъ совѣтуетъ въ избѣжаніе грѣха раньше. Наставленія его о сватаніи чрезвычайно характеричны для быта. Онъ совѣтуетъ сыну не сватать за разъ нѣсколько невѣстъ, «понеже дѣвица такой-же человѣкъ, какъ и ты, а не лошадь»; выбирать невѣсту надо не за красоту лица, а за хорошій нравъ; стараться ее увидѣть не на смотринахъ, а случайно; выбирать надо равную себѣ или даже низшую: «жена мужемъ честна, а не мужъ женою». На свадьбу не слѣдуетъ пускать колдуна и вообще беречься отъ порчи: по этому «брака своего—говоритъ Посошковъ—тайно не твори, но приведи свою обручницу ко святой церкви, къ литургіи, и послѣ литургіи при всемъ народѣ начни вѣнчаться». Жить съ женою слѣдуетъ въ мирѣ, учить дѣтей вѣрѣ и грамотѣ, но не баловать ихъ: не водить въ роскошныхъ одеждахъ, не пріучать къ лакомству и отстранять отъ легкомысленной жизни, за покушеніе къ которой сына слѣдуетъ строго наказать: «то ты и ребра ему сокруши». А такимъ покушеніемъ считается шутка съ молодыми дѣвушками. Такъ сказывается въ Посошковѣ до-петровская Русь.

Главное назначеніе дворянина или шляхтича, по понятію нашихъ дѣдовъ, была служба, а потому Татищевъ въ своей «Духовной» много говоритъ о службѣ. Онъ начинаетъ свои нравоученія общими замѣчаніями, весьма характеристическими для оцѣнки его взглядовъ и дѣятельности. «Въ службѣ государя и государству—говоритъ онъ—долженъ ты быть вѣренъ и прилеженъ во всякомъ положенномъ на тебя дѣлѣ;

такъ о пользѣ общей, какъ о своей собственной, прилежать и государю, яко отъ Бога поставленной надъ тобой власти, честь и повиновеніе отдавать». «Если на тебя случится гнѣвъ государевъ, не злобствуй на него, но разсуждай, что сіе по твоей винѣ, или по невинному оклеветанію отъ кого, терпишь и пріемли съ благодареніемъ, яко отъ Бога посланное наказаніе». «Главное же повиновеніе въ томъ состоитъ, что ни отъ какой услуги, куда-бы тебя не опредѣлили, не отрицайся и ни на что самъ не называйся, если хочешь быть въ благополучіи». «Что-же до вѣрности и ревности къ службѣ государю и государству принадлежитъ, то весьма вѣрно служащіе какъ милости и награжденія получаютъ, такъ великимъ и опасностямъ и горестямъ подвержены для того, что отъ вины плутовъ, хищниковъ и прихотью преисполненныхъ ненависть, клеветаніе и гнѣвъ претерпѣваютъ». «Не взирая на такія злостныя нападки, мужественно и благоразумно вѣрность храни и о пользѣ всеобщей неусыпно прилежи, власть и честь государя до послѣдней капли крови защищай; съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда не согласуйся». Въ примѣръ гибели отъ подобныхъ взглядовъ указывается на попытку верховниковъ. «Паче всего тайность государя прилежно храни и никому не открывай; всего же болѣе женщинъ и льстецовъ хитрыхъ охраняйся, чтобъ нечаянно изъ тебя не вывѣдали». «Никогда о себѣ не воображай, чтобъ ты правительству столь много надобенъ былъ, что безъ тебя обойтиться будетъ невозможно, и о другихъ того не думай: знай, что такихъ людей Богъ въ свѣтъ не создавалъ».

Для шляхтича предстоитъ три пути дѣятельности: служба военная, гражданская и придворная; въ духовенство рѣдко поступаетъ шляхетство и то чрезъ монашество; «токмо нынѣ — прибавляетъ Татищевъ — наши дворяне, хотя бъ кто престарѣлыхъ лѣтъ былъ и не имѣющій никакого пропитанія, монахомъ быть никакой склонности не имѣютъ, сіе для такихъ людей весьма не похвально». Военная служба считается

первою для шляхетства; но въ нее надо поступать не моложе 18-ти и не старѣе 25-ти лѣтъ; очень молодому человѣку служба военная можетъ быть вредна для здоровья, и онъ можетъ «между подлостію» благонравіе потерять; но дурно и долго не поступать въ военную службу: «коли кто долго въ домѣ удержится и къ домашнему обхожденію, а болѣе къ своевольству привыкаетъ, то ему подъ властію быть, послушаніе и прилежность изъявлять и себѣ произвожденіе пріобрѣсти весьма трудно является». Воину, по мнѣнію Татищева, не нужно ни опрометчивой храбрости, ни робости, а «надлежитъ посредство хранить, чтобы впередъ не вырываться и назади не оставаться; за тѣмъ прилежать отъ начальниковъ почтеніемъ и послушаніемъ, а отъ подвластныхъ ласкою и благоразуміемъ почтеніе и любовь пріобрѣсти». За военною службою слѣдуетъ гражданская. Татищевъ считаетъ ее самою важною, «ибо безъ добраго и порядочнаго внутренняго правленія ничто же въ добромъ порядкѣ содержано быть не можетъ, и въ ономъ гораздо болѣе памяти, смысла и разсужденія, нежели въ воинствѣ потребно; для того нужно градоправителю законы и состояніе своего государства обстоятельно знать и разумѣть изъ чего можетъ вредъ и польза приключиться». По этому онъ хвалитъ мѣры Петра: опредѣлить при коллегіяхъ и посланникахъ юнкеровъ (т. е. молодыхъ людей для обученія), въ секретари назначать изъ шляхетства; въ столицахъ и губерніяхъ сдѣлать гражданскія должности выборными и опредѣлять въ гражданскую службу лицъ, довольно прослужившихъ въ войскахъ или, по слабости здоровья, къ военной службѣ не способныхъ; не одобряетъ же онъ того, что многіе отставленные отъ военной службы за пьянство и другіе пороки опредѣляются въ гражданскую. «Можетъ ли сіе ихъ управленіе полезнымъ быть?»—говоритъ онъ и продолжаетъ: «чего же ради сіе дѣлается, я не разумѣю и разсуждать не могу». Въ гражданской службѣ Татищевъ требуетъ правосудія и при этомъ развиваетъ уже извѣстную намъ теорію вознагражденія; другимъ условіемъ

хорошаго управленія онъ считаетъ доступность правителя челобитчикамъ. «Для чего у меня—прибавляетъ онъ—никогда, хотя бы на постели лежалъ, двери не затворялись, чему ты самъ свидѣтелемъ былъ, и ни о комъ холопи не докладывали, но всякъ самъ себѣ докладчикъ былъ». Правитель не долженъ поддаваться просьбамъ своихъ знакомыхъ и пріятелей, которые стали бы передъ нимъ хлопотать о чемъ-нибудь, и особенно не слѣдуетъ поддаваться своему секретарю. Татищевъ такъ далеко простираетъ свое недовѣріе къ секретарямъ, что совѣтуетъ даже тогда, когда совѣтъ его справедливъ, исполнять его не сейчасъ, чтобъ онъ не подумалъ, что вполнѣ овладѣлъ начальникомъ. «Когда жь тобою изъ подчиненныхъ примѣченъ будетъ добродѣтели наполненный, не алчный и справедливый человѣкъ, такихъ не токмо совѣты слушай, но и отличнымъ образомъ ихъ во обхожденіе свое принимай». Много вредятъ также правителямъ безсовѣстные товарищи, и потому надо къ товарищамъ приглядываться. Совѣтуя останавливать подчиненныхъ отъ дурныхъ поступковъ разговоромъ на единѣ, Татищевъ считаетъ лучшимъ удалить того, кто не нравится, а не заводить съ нимъ ссоры и не жаловаться на него. Придворная служба многими считается почетною; но Петръ Великій не цѣнилъ ее, и хотя при Аннѣ она была возвышена, но Татищевъ не совѣтуетъ сыну въ нее поступать, «понеже тутъ лицемѣрство, коварство, лесть, зависть и ненависть, едва ли не все вмѣсто добродѣтели происходитъ; а нѣкоторые ушничествомъ ищутъ свое благополучіе пріобрѣсти, не смотря на то, что губятъ невинныхъ». Въ 50 лѣтъ дворянинъ—по мнѣнію Татищева—долженъ поселиться въ деревнѣ и заняться хозяйствомъ [1]). Его совѣты по этому вопросу разсмотримъ вмѣстѣ съ «Экономическими записками».

---

[1]) Говоря о необходимости по ослабленію здоровья оставить службу въ 50 лѣтъ, Татищевъ прибавляетъ: „Весьма остерегайся того, чтобъ тебя безъ прошенія отъ службы не отставили; сіе для честнаго и благороднаго

Посошковъ тоже дѣлаетъ обозрѣніе разныхъ житейскихъ положеній, въ которыя можетъ попасть его сынъ. Такъ онъ обозрѣваетъ положеніе земледѣльца, раба, ремесленника, купца, солдата, офицера, крестьянина, нищаго, судьи и подъячаго. Была, кажется, и глава о духовенствѣ, но она не дошла до насъ. Совѣтуя сыну оставаться хорошимъ человѣкомъ во всѣхъ этихъ положеніяхъ и всюду сохранять смиреніе, Посошковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторыхъ положеніяхъ (офицерства и судейства) предостерегаетъ отъ угнетенія другихъ. Мѣстами онъ вдается въ спеціальные совѣты. Такъ, въ офицерствѣ о стрѣльбѣ въ цѣль, къ чему онъ не разъ обращался въ другихъ своихъ сочиненіяхъ; въ купечествѣ о томъ, чтобы не мѣшать торговлѣ другъ друга; въ судействѣ подробно говоритъ о допросахъ и т. п.

Сопоставивъ два эти сочиненія, мы нисколько не думали сравнивать двѣ одинаковыя величины; мы очень хорошо понимали, что авторы ихъ различаются и своимъ личнымъ характеромъ, и степенью образованія, и общественнымъ положеніемъ; но мы думали, что ихъ сопоставленіе не лишено интереса въ томъ отношеніи, что показываетъ, какая разница между человѣкомъ стараго русскаго образованія, хотя и сочувствующимъ реформѣ, и человѣкомъ образованнымъ уже по европейски, хотя отъ того непереставшимъ быть русскимъ. Не вдаемся въ дальнѣйшія разсужденія, полагая, что дѣло само по себѣ ясно.

Въ «Экономическихъ запискахъ» Татищева, а отчасти и въ «Духовной», высказывается его идеалъ хорошаго хозяина и попечительнаго о крестьянахъ помѣщика. Не вполнѣ одобряя крѣпостное право, онъ однако считаетъ отмѣну его невозможною. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу въ примѣчаніяхъ къ «Судебнику»: «Вольность крестьянъ и холопей

человѣка стыдъ и поношеніе: одни только скоты сего наказанія не ощущаютъ. И для того лучше отстать по своей волѣ, нежели съ нареканіемъ продолжать службу и отъ того терпѣть стыдъ и поношеніе".

хотя во всѣхъ европейскихъ государствахъ узаконенная и многую въ себѣ государствамъ пользу заключаетъ, можетъ и у насъ тогда — т. е. при Иванѣ Грозномъ — отъ обычая пользовало (приносило пользу), особливо когда крестьяне безпутными отчинниками утѣсняемы и къ побѣгамъ ихъ разореніемъ понуждаемы не были». «Тогда въ добрыхъ, вѣрныхъ и способныхъ служителяхъ мы такого недостатка не терпѣли бы; но оное съ нашею формою правленія монаршескаго не согласуетъ, и вкоренившійся обычай неволи перемѣнить небезопасно, какъ то при царѣ Борисѣ и Василіѣ отъ учиненія холопей невольными приключилось» [1]. Признавая такимъ образомъ крѣпостное право необходимымъ зломъ, Татищевъ старается въ «Экономическихъ запискахъ» и «Духовной» устроить эти отношенія такъ, чтобы польза помѣщика тѣсно соединялась съ пользою крестьянъ. На отношенія помѣщика къ крестьянамъ Татищевъ переноситъ во всей его полнотѣ идеалъ XVIII в. отношеній правительства къ подданнымъ. По идеямъ, господствовавшимъ въ началѣ XVIII в. и прилагаемымъ у насъ Петромъ Великимъ, правительство принимало на себя обязанность опеки надъ всѣми нравственными и матеріальными интересами подданныхъ; частному почину открывался только путь, указываемый правительствомъ. Понятіе экономической свободы, не имѣвшее тогда никакого приложенія къ государству и даже до физіократовъ и Адама Смита не вошедшее въ сознаніе, менѣе всего могло быть приложено къ быту помѣщичьихъ крестьянъ. Оттого-то въ тогдашнихъ воззрѣніяхъ на отношенія попечительнаго правительства къ подданнымъ Татищевъ находитъ идеалъ отношеній попечительнаго помѣщика къ своимъ крестьянамъ. Во взглядахъ на этотъ вопросъ сходится съ нимъ и Волынскій въ своей «Инструкціи дворецкому Нѣмчинову объ управ-

[1] Прим. къ § 27. Любопытно, что, различая въ началѣ крестьянъ отъ холопей, въ концѣ Татищевъ называетъ крестьянъ, о которыхъ только и шла рѣчь, холопями, исконно бывшими рабами.

леніи дома и деревень» [1]). Заботясь о нравственномъ благосостояніи крестьянъ, Татищевъ совѣтуетъ имѣть попеченіе о благолѣпіи церкви и о пріобрѣтеніи ученаго священника, «который бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и предикою къ совершенной добродѣтели крестьянъ твоихъ довести могъ, а особливо, гдѣ ты жить будешь; имѣй съ нимъ частое свиданіе; награди его безбѣднымъ пропитаніемъ деньгами, а не пашнею, для того чтобы отъ него навозомъ не пахло: голодный, хотя бы и патріархъ былъ, кусокъ хлѣба возьметъ; за деньги онъ лучше будетъ прилежать къ церкви, нежели къ своей землѣ, пашнѣ и сѣнокосу, что и сану ихъ совсѣмъ неприлично и черезъ то надлежащее почтеніе теряютъ [2]). А крестьяне, живучи въ распутной жизни, не имѣя добраго пастыря, въ непослушаніе приходятъ, а потомъ господъ своихъ возненавидятъ, подводя воровъ и разбойниковъ, смертельно мучатъ и тиранятъ, а иныхъ и до смерти убиваютъ». Указавъ на то, что при исповѣданіи всѣхъ въ одинъ великій постъ священникъ не имѣетъ времени поучить всѣхъ въ вѣрѣ, Татищевъ совѣтуетъ раздѣлить крестьянъ по постамъ и продолжаетъ: «а невѣжды, лѣнивые и неученые попы, получая отъ крестьянъ алтыны, мирволятъ и совсѣмъ на нихъ того не взыскиваютъ; къ тому жь, почасту обращаясь съ крестьянами братствомъ, одни только имъ разсказываютъ и вымышляютъ праздники, велятъ варить безпрестанно пиво,

---

[1]) „Москвитянинъ", 1854; №№ 1, 2.

[2]) Еще Посошковъ („Сочиненія" 1, 23) совѣтовалъ освободить сельское духовенство отъ пашни и положить на прихожанъ давать на содержаніе духовенства 1/10 своего дохода. Волынскій въ своемъ „Разсужденіи о поправленіи государственныхъ дѣлъ" предлагалъ: „учредить по приходамъ сборъ для содержанія священниковъ, недопуская ихъ до необходимости заниматься хлѣбопашествомъ" („Зап. объ Арт. Волынскомъ", 155, въ „Чт въ общ. Ист. и Др." 1858. II); а въ „Инструкціи" предписываетъ, отбирая изъ всего 1/10, продавать и употреблять на церковь и на призрѣніе дряхлыхъ, вдовъ и т. п. (пунктъ X); самъ Татищевъ въ „Запискѣ" 1730 г. рекомендуетъ разсмотрѣть доходъ духовенства, чтобъ деревенскіе могли дѣтей своихъ въ училищахъ содержать и сами бы не пахали („Утро", 377).

сидѣть вино, ѣдятъ и пьютъ безобразно, а о порядочной и прямой христіанской должности никакого и помышленія не имѣютъ. А потомъ пьяные, поссорясь, стараются крестьянъ научить отнять у сосѣда землю; зная, что съ земли платежа въ казну никакого нѣтъ, владѣть будутъ безъ убытка и вѣдая, что челобитьемъ искать на обидчикѣ и вѣку человѣческаго не достанетъ; а хотя по суду и изобличенъ будетъ, однако останется своимъ пронырствомъ безъ надлежащаго наказанія» [1]). Недовольствуясь только устными наставленіями пастыря, Татищевъ приказываетъ въ своихъ вотчинахъ учить грамотѣ: «а крестьянскихъ ребятъ—говоритъ онъ—отъ 5 до 10 лѣтъ учить грамотѣ и писать, какъ мужскаго такъ и женскаго пола, чрезъ что оные придутъ въ познаніе закона»; а отъ 10 до 15 лѣтъ учить разнымъ нужнымъ въ крестьянствѣ мастерствамъ, «дабы ни одинъ безъ рукодѣлія не былъ, а особливо зимою оныя могутъ безъ тяжкой работы получить свои интересы, и въ томъ отъ нихъ не принимать никакого оправданія и всевозможными силами къ тому ихъ принуждать и обучать надлежитъ» [2]). Волынскій тоже заботится объ образованіи крестьянъ: велитъ раздать священникамъ по своимъ вотчинамъ народныхъ книжекъ Ѳеофана и обучать нѣсколькихъ мальчиковъ грамотѣ, а также и мастерствамъ [3]). Принимая на себя обязанность заботиться о нравственномъ здравіи своихъ крестьянъ, Татищевъ считаетъ нужнымъ заботиться и о тѣлесномъ и совѣтуетъ сыну имѣть въ деревнѣ лекаря и покой для пріема больныхъ, а также для призрѣнія старыхъ и увѣчныхъ [4]). Волынскій тоже считаетъ необходимымъ призирать на своемъ дворѣ старыхъ, увѣчныхъ и сиротъ [5]). Если уже помѣщикъ принялъ на себя заботу о крестьянахъ, то логически онъ долженъ опредѣлить весь строй ихъ жиз-

---

[1]) „Духовная", 49—51.
[2]) Экон. Запис. (Врем. XII), 18.
[3]) Пунктъ II.
[4]) „Духовная", 55.
[5]) Пункты XI и XII.

ни. Такъ и понялъ это Татищевъ и даетъ пространное наставленіе, обнимающее весь образъ жизни крестьянина и весь его обиходъ. Мы теперь, зная, что подобныя наставленія не приносятъ большой пользы и что вообще обычаи не истребляются и не укореняются наставленіями, не должны однако смотрѣть ни съ насмѣшкою, ни съ негодованіемъ на подобныя воззрѣнія нашихъ дѣдовъ и отцовъ, а изучать ихъ какъ любопытный фактъ. «Каждый день — говоритъ Татищевъ — необходимо всякій добрый крестьянинъ долженъ по утру встать зимою и лѣтомъ въ 4 часа по полуночи, обуться, одѣться, умыться, голову вычесать, отдать Богу долгъ, принести молитву, потомъ осмотрѣть свою скотину и птицъ накормить, хлѣвы вычистить, коровъ выдоить; послѣ того дѣлать разную по времени надлежащую работу до 10 часовъ; а потомъ обѣдать; а въ 12 часу поить всякій скотъ и птицъ и доить коровъ; а сдѣлавъ то, взять роздыхъ лѣтомъ до 4 часу по полудни; потомъ надлежитъ умыться и ужинать; а въ 5 начать производить съ поспѣшеніемъ надлежащую работу до 10 часу по полудни; послѣ того должно убрать съ поля скотину и птицъ, коровъ выдоить, а въ ночь лѣтомъ корму не давать; сдѣлавъ оное, отблагодаря Бога, спокойно можетъ спать. Зимою же работу производить такимъ же образомъ съ раздѣленіемъ тѣмъ: обѣдать въ 12 часу, ужинать въ 9 часу пополудни, по холодному времени кромѣ 12 часа весь день производить работу; въ субботу по полудни идти въ баню, гдѣ обрѣзывать ногти у рукъ и ногъ; а въ воскресеніе и торжественные праздники, кромѣ пустыхъ крестьянскихъ, должны быть въ церкви слушать божественную литургію въ бѣлыхъ рубашкахъ и во всякомъ опрятствѣ» [1]). Совѣтуетъ даже крестьянину имѣть у себя перину и разводить въ огородѣ разныя овощи, чтобы «отъ скота имѣть различіе въ своемъ покоѣ» и «различить себя отъ скота въ пищѣ». Крестьянинъ долженъ имѣть у себя въ домѣ опредѣленную посуду. «А кто

[1]) Эконом. Зап., 27.

сего вышеписаннаго въ домѣ своемъ имѣть не будетъ—прибавляетъ Татищевъ [1])—таковыхъ отдавать другому въ батраки безъ заплаты, который будетъ за него платить всякую подать и землею его владѣть, а его, лѣнивца, будетъ имѣть работникомъ, пока онъ заслужитъ добрую похвалу». Далѣе опредѣляются признаки лѣниваго крестьянина, между которыми указывается и нечистота въ избѣ и неимѣніе квасу и печеніе дурнаго хлѣба. Волынскій приказываетъ ежегодно пересматривать достатки крестьянъ; обѣднѣвшихъ отъ лѣни наказывать, но давать ссуды, а если это не поможетъ, то брать во дворъ въ конюхи [2]). Прикащику Татищевъ поручаетъ смотрѣть и за работою и за поведеніемъ крестьянъ: «всего наивятще—говоритъ онъ [3])—смотрѣть надлежитъ дабы лѣтомъ во время работы ни малой лѣности и дневнаго покоя крестьянамъ происходить не могло. Кромѣ однихъ тѣхъ праздниковъ, которые точно положены и освобождены отъ работы, не торжествовать, понеже лѣнивые крестьяне ни о чемъ больше не пекутся, какъ только узнать больше праздниковъ. И для того работу производить начать съ вечера ночью и поутру, а въ самое жаркое время отнюдь не работать, ибо какъ людямъ, такъ и лошадямъ оное весьма вредно». «Необходимо во время работы съ крестьянами старостѣ и прикащику съ великою строгостью и прилежностью обращаться надлежитъ, пока хлѣбъ весь съ поля убранъ будетъ какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянскій. Работу жь производить, сдѣлавъ сперва помѣщичью, а потомъ принуждать крестьянъ свою, а не давать имъ то на волю, какъ то есть въ худыхъ экономіяхъ, гдѣ не смотрятъ за крестьянской работой, когда они обращаются къ собственной работѣ, понеже отъ лѣности въ великую нищету приходятъ, а послѣ произ-

[1]) Тамъ-же, 28.

[2]) Пунктъ XIV.

[3]) Эконом. Зап., 20. Замѣтимъ, что въ выпискахъ мы не касаемся техническихъ подробностей работъ, а только обозначаемъ общее направленіе.

носятъ на судьбу жалобу. Когда жъ убранъ будетъ съ поля весь хлѣбъ, то староста и прикащикъ не имѣетъ ихъ больше къ работѣ принуждать, и долженъ имъ дать покой нѣсколько времени; а за труды ихъ, выбравъ свободный день и собравъ всѣхъ, напоить и накормить изъ боярскаго кошта. А въ зиму ревизуетъ художниковъ, что кто сдѣлалъ для своей продажи и не были ль праздны, понеже отъ праздности крестьяне не только въ болѣзнь приходятъ, но и вовсе умираютъ: спятъ довольно, ѣдятъ много, а не имѣютъ муціону». Прикащикъ долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы у крестьянъ было скота не менѣе опредѣленнаго. «Крестьянинъ не долженъ продавать хлѣбъ, скота и птицъ лишнихъ, кромѣ своей деревни, а когда купца нѣтъ, то долженъ купить помѣщикъ по вольной цѣнѣ; а когда помѣщикъ купить не захочетъ, тогда вольно продавать постороннему. А кто безъ вѣдома продастъ или къ работѣ лѣнивъ будетъ, тѣхъ сажать въ тюрьму [1]) и не давать хлѣба двои или трои сутки. А особливо вражды, ссоръ и дракъ между собою отнюдь не имѣть подъ жестокимъ наказаніемъ». «А кто въ томъ виновенъ явится или какимъ злодѣемъ себя окажетъ, то штрафовать денежнымъ штрафомъ и сверхъ того чинить наказаніе: не давать пить и ѣсть время, смотря по винѣ, до трехъ дней. Прикащикъ же ни подъ какимъ видомъ не долженъ имѣть присѣвовъ или пашню, кромѣ своего дохода, положеннаго отъ помѣщика; а можетъ держать скотъ на барскомъ корму, сколько ему позволено будетъ, а лучше содержать прикащика деньгами. Крестьянъ въ чужую деревню въ батраки и пастухи не пускать и въ свою не принимать; вдовъ и дѣвокъ на выводы не давать подъ жестокимъ наказаніемъ, понеже отъ того крестьяне въ нищету приходятъ: всѣ свои пожитки выдаютъ въ приданое и тѣмъ богатятъ чужія деревни. Въ своей деревнѣ между собою кумовства не имѣть, за тѣмъ

---

[1]) Татищевъ предписываетъ въ деревнѣ имѣть „для винныхъ людей тюрьму“ (тамъ-же, 20).

чтобъ было можно жениться. Крестьянъ старыхъ и хворыхъ, мужеска и женска пола, по міру не пущать, а опредѣлять ихъ въ домовую богадѣльню, которыхъ поить и кормить боярскимъ коштомъ. Прикащикъ долженъ имѣть годовой ежедневный журналъ, что когда сдѣлано и зачѣмъ когда работы не было. На барскомъ дворѣ имѣть каждую ночь караульщиковъ по 3 человѣка съ рогатинами. Естьли же, паче чаянія, въ случаѣ недорода хлѣба, или въ дороговизнѣ, долженъ всякій прикащикъ у крестьянъ весь хлѣбъ ихъ собственный заарестовать и продавать имъ запретить, дабы они въ самую крайнюю нужду могли тѣмъ себя пропитать, чрезъ что можно ихъ удержать въ случаѣ крайней нужды отъ разброду». «Всякому помѣщику — говоритъ Татищевъ — должно имѣть на пашнѣ деревни въ одномъ мѣстѣ для того, чтобъ самъ всю экономію могъ видѣть, а прочіи имѣть на оброкѣ по разсмотрѣнію своихъ дачъ и всякихъ угодьевъ. Ежели онъ, помѣщикъ, самъ по случаю своей экономіи видѣть за отлучкою не можетъ, то, отдавъ всю землю и всякія угодья крестьянамъ, пользу себѣ получить симъ положеніемъ полезнѣе, нежели заочно содержать прикащика или старосту». Затѣмъ, исчисливъ поборы, собираемые съ крестьянъ натурою, онъ прибавляетъ: «и ежели довольно земли, луговъ и лѣсовъ, чтобы не менѣе было на каждое тягло въ полѣ трехъ десятинъ мужу съ женою, то за все вышеописанное въ состояніи будетъ заплатить каждое тягло безъ тягости въ годъ помѣщику 10 р.» [1]). Къ умноженію доходовъ помѣщиковъ служитъ винокуреніе и продажа вина, а потому какъ Волынскій желалъ [2]), чтобы винокуреніе предоставлено было исключительно шляхетству (тогда право это принадлежало помѣщику и виннымъ подрядчикамъ [3]), такъ и Татищевъ стоитъ за вольную продажу вина, которою пользовалось бы шля-

¹) Эконом. Зап. 29—30.
²) Зап. объ Арт. Волынскомъ, 155.
³) П. С. З. VIII, № 5342.

хетство. Въ «Духовной» онъ совѣтуетъ сыну въ случаѣ, если правительство спроситъ дворянство, желаетъ ли оно вольной продажи вина, не останавливаться даже на томъ, что потребуется въ такомъ случаѣ новый поземельный сборъ. «Сія— говоритъ онъ [1])—прямая есть должность дворянская, и общенародная въ томъ польза разведеніемъ скота, а отъ большаго навоза уражаемъ хлѣба. Цѣловальники жъ, чумаки, поднощики, смотрителя, повѣренные, кабацкіе головы и самые главные откупщики, которыхъ числомъ всѣхъ въ государствѣ болѣе 5000 человѣкъ праздноживущихъ хлѣбоядовъ и ежегодной саранчи, всѣ тѣ тунеядцы войдутъ къ своимъ мѣстамъ; а многіе изъ нихъ прямо сознаютъ, чьи они прежде были; беззаконно прижитые и бѣглые разные люди опредѣлятся къ прямымъ должностямъ; напротивъ же того, въ городахъ бѣдные жители, вдовы, солдатскія жены и дочери, отъ вольной продажи будутъ получать свое безгрѣшное содержаніе». Даже примѣромъ другихъ государствъ (Швеція) Татищевъ доказываетъ, что и пьянства будетъ тогда меньше.

Отъ управленія деревнями Татищевъ переходитъ къ управленію домомъ. Начинаетъ онъ разсужденіемъ объ экономіи: совѣтуетъ каждому откладывать $^1/_5$ часть дохода на непредвидѣнные случаи. Человѣкъ, получающій 1000 р. дохода, можетъ, по его мнѣнію, имѣть прислуги 9 человѣкъ мужчинъ (камердинера, повара, ученика его, кучера, форейтора, два лакея, истопника, работника), 3 женщины (1 на верху, бѣлую прачку, работную), карету и четверку лошадей.

Не останавливаясь на обязанности каждаго изъ прислужниковъ, укажемъ только общія замѣчанія: «Необходимо должны въ домѣ всѣ люди взяты быть изъ поваровъ—вѣроятно потому, что Татищевъ отъ повара прежде всего требуетъ опрятности—и каждый день быть убраны и напудрены, въ башмакахъ, въ обѣды и ужины всѣ быть у стола». «Сѣрыхъ кафтановъ и нагольныхъ шубъ никому не имѣть; у каждаго

[1]) „Духовная“, 81.

должна быть постель и одѣяло, пара платья и эпанча, а зимою могутъ подъ камзоломъ носить фуфайки байковыя для тепла, три рубашки; всѣ должны умѣть грамотѣ, партесъ пѣть и на музыкѣ играть; жалованья давать на каждаго не менѣе трехъ рублей въ годъ, дабы оные всѣмъ были довольны, и затѣмъ наказывать за вину нещадно: одна милость безъ наказанія быть не можетъ по закону божію». «Никакой пьяница и воръ во дворѣ терпимъ (быть) не можетъ, и какъ можно стараться его изъ числа дворовыхъ людей исключить, хотя бы какъ онъ надобенъ не былъ, ибо отъ того великое поношеніе и разореніе господинъ его терпѣть долженъ. Какъ уже извѣстно, что отъ пьянства всякая бѣда произойти можетъ: пожаръ, воровство, убивство; однимъ словомъ сказать, всему злу корень». Таковы должны быть, по мнѣнію Татищева, отношенія между помѣщикомъ и его крѣпостными, и въ деревнѣ и во дворѣ. По тогдашнимъ понятіямъ, онъ является въ своихъ наставленіяхъ добрымъ и человѣколюбивымъ помѣщикомъ, который заботится не только о своихъ интересахъ, но и объ интересахъ подвластныхъ ему людей. Большаго отъ его времени и требовать было нельзя.

X.

Свои общія понятія о наукѣ и приложеніи ея къ потребностямъ русскаго общества Татищевъ высказываетъ, какъ мы уже видѣли, въ сочиненіи своемъ «Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ науки и училищъ». Смѣло можемъ сказать, что это сочиненіе Татищева принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ произведеній русской литературы XVIII в. Въ немъ высказывается міросозерцаніе человѣка замѣчательнаго ума, большихъ дарованій и обширнаго, многосторонняго образованія. «Разговоръ» долженъ отнынѣ — по моему крайнему убѣжденію — стать центромъ, около котораго будетъ группи-

роваться вся ученая и литературная дѣятельность Татищева. Здѣсь онъ обсуждаетъ вполнѣ всѣ волновавшіе его вопросы изъ высшихъ сферъ вѣдѣнія; здѣсь онъ отстраняетъ недоумѣнія, могшія возродиться и несомнѣнно возрождавшіяся въ окружающемъ его обществѣ; здѣсь онъ дѣлаетъ практическія указанія на тѣ мѣры, посредствомъ которыхъ просвѣщеніе должно водвориться въ русской землѣ. До сихъ поръ мы видѣли Татищева какъ практическаго дѣятеля; такимъ онъ намъ рисовался въ своей обильной перепетіями дѣловой жизни, переносившей его отъ занятія къ занятію, отъ одного края до другаго; мы видѣли, какъ всюду онъ старался опредѣлить и уяснить отношенія, какъ всюду, внося просвѣщенную мысль, онъ заботился о водвореніи просвѣщенія, составлявшаго завѣтную цѣль всѣхъ стремленій его жизни; такимъ рисовался онъ и въ наставленіяхъ сыну и въ наставленіяхъ помѣщика крестьянамъ; и тутъ и тамъ человѣкъ много пожившій и много видѣвшій старается указать другимъ путь къ лучшему практическому устройству себя среди сложившихся существующихъ житейскихъ отношеній. Здѣсь, въ томъ сочиненіи, оцѣнка котораго предлежитъ намъ, является передъ нами человѣкъ умственныхъ интересовъ, стремящійся найдти практическіе пути для осуществленія своихъ идеаловъ. Возможность практическаго приложенія его идеаловъ, практическая сторона занимающихъ его мыслей, конечно, и здѣсь стоятъ на первомъ планѣ—иначе у Татищева и не могло быть; но сфера, въ которой онъ вращается въ этомъ сочиненіи, иная: это не сфера житейскихъ практическихъ отношеній, а высшая сфера знанія и мышленія. Передъ нами стоитъ русскій человѣкъ начала XVIII в., пытающійся обнять однимъ взглядомъ всю многообразную область европейской науки, передъ которою онъ поставленъ впервые лицомъ къ лицу; онъ пытается проникнуть до движущихъ началъ этой сферы, уяснить себѣ ея общность и взаимную связь ея частей, и вмѣстѣ съ тѣмъ указать возможность ея перенесенія къ намъ, въ Россію. Нѣтъ никакого сомнѣ-

нія въ томъ, что общія воззрѣнія, выраженныя въ этомъ сочиненіи Татищева, далеко не всегда плоды его самостоятельнаго мышленія, что многое усвоено имъ отъ его европейскихъ учителей. Предоставивъ будущему любопытное изслѣдованіе корней и развѣтвленій взглядовъ, высказанныхъ Татищевымъ, мы займемся на первый разъ только ознакомленіемъ съ тѣмъ видомъ, въ которомъ они представляются намъ въ разбираемомъ сочиненіи. Въ виду малоизвѣстности самаго сочиненія мы будемъ слѣдить за содержаніемъ въ порядкѣ принятомъ авторомъ и часто его собственными словами, надѣясь, что читатель не посѣтуетъ на насъ за выписки, иногда довольно значительныя; мы, разумѣется, будемъ съ большимъ вниманіемъ слѣдить за тѣмъ, что говоритъ Татищевъ о современной ему Россіи, ибо его свидѣтельство имѣетъ въ этомъ случаѣ значеніе историческаго памятника высокой важности [1]).

Скажемъ предварительно нѣсколько словъ о времени происхожденія разговора. Татищевъ въ «Духовной» [2]) говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Для тебя о тебѣ самомъ и что тебѣ нужно къ разумѣнію слѣдующимъ разговоромъ награждаю, который прошлаго 733 года, будучи здѣсь, по случаю разговора съ князь Сергіемъ Долгоруковымъ началъ; черезъ разговоры же съ архіепископомъ новгородскимъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и князь Алексѣемъ Михайловичемъ Черкаскимъ, яко же съ нѣкоторыми профессоры академіи разсуждая, продолжалъ». Слова эти способны, однако, породить нѣкоторыя недоумѣнія: прежде всего, кто этотъ князь

---

[1]) Желательно было-бы полное изданіе памятника; пока нѣтъ въ виду другаго списка можно-бы издать и по списку библіотеки, не смотря на его неполноту. Впрочемъ, до насъ доходили слухи о другомъ спискѣ. Нельзя не желать, чтобы онъ былъ сдѣланъ доступнымъ. Сверхъ того, М. П. Погодинъ (въ «Моск. Вѣд.» 1875 г., № 161) говорилъ, что когда-то онъ видѣлъ едва-ли не подлинникъ и написалъ о немъ «гдѣ-то». Куда дѣвалась эта рукопись тоже неизвѣстно

[2]) Стр. 55—56.

Сергѣй Долгорукій? Если это Сергѣй Григорьевичъ, бывшій русскимъ посланникомъ въ Польшѣ, то еще въ 1730 г. онъ былъ сосланъ въ дальнія деревни для безвыѣзднаго житія [1]); стало быть, разговоръ долженъ былъ происходить ранѣе. Въ разговорѣ [2]) Татищевъ упоминаетъ о Россійскомъ «собраніи», учрежденномъ при академіи наукъ для исправленія русскаго языка, а собраніе это учреждено въ 1735 г. [3]); наконецъ, передавая свой разговоръ съ Петромъ объ академіи [4]), бывшій, какъ мы замѣтили, въ 1724 г., онъ говоритъ: «по сему отъ того времени черезъ 12 лѣтъ подлинно по губерніямъ и епархіямъ надлежало-бы многимъ школамъ и обученнымъ хотя въ языкахъ довольству быть». Стало быть, слова эти написаны не ранѣе 1736 г. Изъ этого, кажется, можно заключить, что разговоръ начатъ едва-ли не ранѣе 1733 г., оконченъ-же не ранѣе 1736 года.

Форма разговора, въ которую Татищевъ облекъ свое сочиненіе, была въ то время очень распространенною и любимою формою: представляя возможность отклоняться отъ строя систематическаго изложенія трактата и оживляя сухость возраженіями другаго лица, она вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ удобное поле для опроверженія разныхъ возраженій. Въ искусныхъ рукахъ форма эта можетъ получить художественное совершенство и драматическое оживленіе, но тогда берутся уже живыя лица или художественно созданныя. Обыкновенно-же объ отдѣлкѣ формы не думаютъ, а принимаютъ ее какъ удобный способъ изложенія. Такъ сдѣлалъ и Татищевъ: въ лицѣ опонента онъ собралъ всякаго рода возраженія, которыя слышались въ тогдашнемъ обществѣ. Опонентъ у него, какъ и въ большинствѣ такихъ сочиненій, не отличается ни особой стойкостью, ни особою послѣдовательностью убѣжденій; онъ

---

[1]) П. С. З. VIII, № 5532

[2]) Воп. 64.

[3]) Ист. Рос. Акад., 4

[4]) Воп. 75.

высказываетъ свое сомнѣніе и, выслушавъ поученіе, смиренно принимаетъ его. Такимъ образомъ, мы присутствуемъ не на диспутѣ, гдѣ споръ ведутъ два равные между собою бойца, а при катехизаціи, гдѣ наставляемый дѣлаетъ вопросы и заявляетъ свои сомнѣнія, а наставникъ отвѣчаетъ. Иногда представитель древней Руси (между ними отчасти былъ и князь Д. М. Голицынъ) могъ-бы представить замѣчанія болѣе вѣскія, чѣмъ замѣчанія Татищевскаго опонента; но Татищеву такой собесѣдникъ не былъ очень желателенъ, ибо дѣло, которое онъ защищалъ—дѣло европейскаго просвѣщенія—еще такъ шатко стояло въ русскомъ обществѣ, что представлять трудно побѣждаемыя возраженія было совсѣмъ неумѣстно. Къ тому-же возражатель, взятый Татищевымъ, принадлежитъ къ типу наиболѣе распространенному: это, если можно такъ выразиться, средній русскій человѣкъ XVIII в.; онъ готовъ пойдти за тѣмъ, кто его поведетъ, готовъ уступить, лишь-бы только доказали ему несостоятельность навѣянныхъ на него сомнѣній. Впрочемъ, мы никакъ не думаемъ, чтобы всѣ возраженія, высказанныя опонентомъ Татищева, принадлежали дѣйствительности; мы убѣждены, что кое-что вызвано желаніемъ автора предложить тѣ или другія мѣры и составляетъ авторскую хитрость для приданія цѣльности сочиненію. Въ этомъ отношеніи могутъ встрѣтиться переходы отъ одной мысли къ другой очень натянутые, сшитые, такъ сказать, бѣлыми нитками. Мы вообще не намѣрены выставлятъ татищевскаго «Разговора» образцовымъ произведеніемъ въ своемъ родѣ и спѣшимъ оговориться, чтобы насъ не заподозрили въ этомъ намѣреніи.

Разговоръ начинается вопросомъ, самымъ естественнымъ для того времени: зачѣмъ авторъ посылаетъ сына за границу? Приэтомъ высказывается весьма характеристическое замѣчаніе: «въ дѣтяхъ наибольшая намъ польза, когда ихъ въ очахъ имѣемъ, по нашей волѣ содержимъ и наставляемъ и ими веселимся». Отвѣтъ на это замѣчаніе также естественъ: польза эта мнимая, а истинное «увеселеніе въ дѣтяхъ есть разумъ

и способность къ пріобрѣтенію добра, и отвращеніе отъ зла», а для этого нужно учиться съ дѣтства. Но на этомъ голословномъ отвѣтѣ не можетъ успокоиться человѣкъ старой Руси; жизнь представляетъ ему другое: онъ видитъ, что «неученые въ великомъ благополучіи, богатствѣ и славѣ, а ученые въ несчастіи, убожествѣ и презрѣніи находятся». Услыхавъ, что дѣло не во внѣшности, а въ довольствѣ и спокойствіи совѣсти, возражатель хочетъ знать, что же такое эта наука, которою добываются такіе важные результаты, и узнаетъ, что «наука главная, чтобы человѣкъ могъ самъ себя познать». Тутъ онъ совсѣмъ сбитъ съ толку и замѣчаетъ: «сія отповѣдь меня въ недоумѣніе приводитъ, ибо не мню, чтобъ человѣкъ, какъ оный глупъ не былъ, да себя не зналъ». Получивъ въ отвѣтъ, что дѣло идетъ о внутреннемъ знаніи, онъ добивается, что такое внутреннее знаніе и узнаетъ: «еже знати, что добро и зло, т.-е. что ему полезно и нужно и что вредно и непотребно». Слова эти напоминаютъ ему слова, которыя нѣкогда дьяволъ сказалъ Адаму, и онъ спрашиваетъ, не то-ли же это самое, и узнаетъ, что это совсѣмъ не то: «Адамъ отъ Бога созданъ совершенъ и всего добра преисполненъ, а злу непричастенъ, и для того ему зла знать не нужно и не можно». Дьяволъ обманулъ его, а «мы, зная разницу добра и зла, первое пріобрѣсти, а другое избѣжать могли. Премудростью мы признаемъ Бога». Это возбуждаетъ новое сомнѣніе. «Я не знаю, кому вѣрить,—говоритъ возражатель:—ап. Павелъ говоритъ, что премудростію не разуме міръ Бога, а ты сказываешь, что премудростію познать Бога». Услыхавъ въ отвѣтъ, что Павелъ говоритъ о мудрости тѣлесной, а не о душевной, на которую самъ указываетъ, собесѣдникъ нашего автора нѣсколько успокоивается—говоримъ нѣсколько потому, что онъ еще разъ обращается къ этому вопросу—и продолжаетъ бесѣду вопросомъ: что есть добро? и слышитъ, что добро есть «такое обстоятельство, чрезъ которое можемъ истинное наше благополучіе пріобрѣсти и сохранить»; благополучіе же это, какъ узнаемъ изъ отвѣта на

слѣдующій вопросъ, ничто иное, какъ «спокойствіе души и совѣсти». Послѣ опредѣленія зла, къ сожалѣнію несохраненнаго нашею рукописью, представляющею здѣсь перерывъ, собесѣдники переходятъ къ двоякому составу человѣка: изъ души и тѣла. Отказавшись объяснить поселеніе души въ тѣло и ея мѣстопребываніе, о чемъ спорятъ философы, Татищевъ указываетъ на то, что она нераздѣльна, безсмертна и движетъ тѣломъ; на вопросъ о частяхъ души отвѣчаетъ: частей нѣтъ, а есть орудія, силы: умъ, воля. Любопытно, какъ онъ различаетъ умъ отъ разума: «въ людяхъ и глупѣйшихъ по природѣ есть умъ, но разумомъ именуемъ умъ черезъ употребленіе и поощреніе (изощреніе) его качествъ: качества эти: поятность (фантазія)[1], память, догадка (смыслъ) и сужденіе». Указывая на различіе отъ поятности памяти, которую онъ сравниваетъ съ казначеемъ у господина, Татищевъ приводитъ въ примѣръ память Демидова, который, не зная грамотѣ, зналъ библію, слышавъ какъ ему читали.

Отъ ума бесѣда переходитъ къ волѣ, которая, по мнѣнію автора, должна быть подчинена уму. Въ волѣ онъ признаетъ три качества: любочестіе, любоиманіе и плотоугодіе, которыя могутъ имѣть хорошее и дурное приложеніе. Татищевъ объясняетъ такъ: «любочестіе хранитъ насъ отъ непристойнаго и другимъ непріятнаго поступка, который можетъ отъ насъ отвратить другихъ. Любоиманіе нужно намъ для содержанія себя и домашнихъ и ежели избытокъ имѣемъ, то и другимъ, не могущимъ пропитаніе пріобрѣсти, служить можемъ». На плотоугодіи онъ строитъ супружескую жизнь. Вред-

---

[1]) Объясняемъ это слово фантазіей на основаніи замѣчанія Татищева (вопр. 18), что поятность помогаетъ дѣлать „троякое воображеніе: 1) мысленныя (воспроизведеніе того, что мы слышимъ и видимъ; сны); 2) поятность догадки, когда чаянія или вымыслы уму, яко присутственныя, представляетъ; 3) поятность сужденія". Слово поятность мы не нашли въ извѣстныхъ нашихъ словаряхъ, только у Алексѣева встрѣтили слово поятный, которое онъ, основываясь на употребленіи Дамаскина, толкуетъ: постижный, comprehensibilis.

ная сторона сказывается въ неумѣренности. Причемъ авторъ замѣчаетъ: «избытокъ или умаленіе надлежащаго есть грѣхъ». Этимъ замѣчаніемъ вызываетъ онъ возраженіе: не противорѣчитъ-ли онъ законамъ церкви, гдѣ часто уменьшеніе требуемаго считается добродѣтелью. Въ отвѣтъ на что, исходя изъ закона естественнаго, подъ которымъ Татищевъ разумѣетъ врожденное человѣку нравственное чувство, и доказавъ согласіе его съ откровеніемъ, онъ указываетъ на то, что умѣренность во всемъ есть требованіе этого естественнаго закона и подтвержденіе себѣ находитъ въ признаніи брака таинствомъ.

По отстраненіи этого деликатнаго пункта, автору приходится отвѣчать на другое возраженіе: если человѣкъ разумомъ выше животныхъ, то слѣдуетъ-ли ему учиться? отвѣтъ, конечно, былъ утвердительный, и выставлена та причина, что «учится не душа, а образуются орудія, чрезъ которыя она дѣйствуетъ». Но отвлеченный отвѣтъ не удовлетворяетъ практическаго возражателя; онъ является съ новымъ недоумѣніемъ: «Если животныя—говоритъ онъ—могутъ жить благополучно безъ ученія, то отчего же не можетъ и человѣкъ»? Отвѣтъ на такое практическое замѣчаніе тоже становится на практическую почву: «человѣкъ съ внѣшней стороны одаренъ бѣднѣе другихъ и долженъ учиться съ первыхъ дней». Затѣмъ обозрѣвается ученіе, свойственное каждому изъ четырехъ возрастовъ: младенчеству (до 12 лѣтъ), юношеству (до 25), мужеству (до 50) и старости. Младенецъ легкомысленъ, любопытенъ, «ибо обо всемъ спрашиваетъ и знать хощетъ и для того къ наученію легкихъ наукъ, о которыхъ не много думать надобно, онъ лучшее время имѣетъ. Того ради дѣтей особливо въ языкахъ съ самаго младенчества обучать нужно и способно, зане его умъ властно (точно, подлинно) какъ мягкій воскъ, къ которому все легко прилѣпиться, но когда застарѣетъ нескоро уже искорениться можетъ». Съ юностью явится въ человѣкѣ «острѣйшая память и свободный смыслъ, также по искусству (опыту) вреда начнетъ по-

знавать, что оные младенческіе поступки есть самая глупость и хотя, по его мнѣнію, о лучшемъ и полезнѣйшемъ прилежать будетъ, однако въ немалой опасности бѣды состоитъ, зане тогда наиболѣе въ немъ страсть роскошности или плотоугодія властвуетъ, для котораго онъ музыку, танцованіе, гуляніе, бесѣды, любовь женщинъ за наивысшее благополучіе (считаетъ)». Юноша «учтивъ, но и презрителенъ, хотя ласковъ, да скоръ и досадителенъ, небережный, самохвальный, скорый на гнѣвъ, на тайны и въ дружбѣ не надежный; обаче поятный, стыдливый, и легко наставленіе пріемлетъ, для котораго науки большаго разсужденія принимать въ лучшемъ состояніи находится. И тако и симъ помощь другихъ людей и наставленіе мало меньше нежели младенцемъ потребно». Въ мужескомъ возрастѣ преобладаетъ любочестіе, и потому и «сей возрастъ помочи совѣтовъ людскихъ и собственнаго искусства (опыта), еже мы ученіемъ имянуемъ, лишиться безъ страха, вреда и бѣды не можетъ». Хотя старость, познавъ тщету прежнихъ стремленій, заботится о пріобрѣтеніи истиннаго добра, т. е. спокойствія души, и для того поучается въ законѣ Божіемъ; но такъ какъ въ старости преобладаетъ скупость, то и этотъ возрастъ требуетъ поученія, которое — по Татищеву — состоитъ въ чтеніи историческихъ книгъ и въ разговорахъ друзей. Свои разсужденія о возрастахъ авторъ заключаетъ указаніемъ вѣрности пословицы: «Вѣкъ живи, вѣкъ учись». На возраженіе — стоитъ-ли учиться, если вѣкъ человѣческій неравенъ и наука, стало быть, не можетъ быть совершенна, авторъ отвѣчаетъ, что ученіе происходитъ естественнымъ образомъ посредствомъ разговоровъ. Но этимъ недовольствуется возражатель и замѣчаетъ: «почто въ древнія времена меньше учились, но болѣе чѣмъ нынѣ со многими науками благополучія видѣли»? Въ отвѣтъ на это, замѣтивъ, что понятіе о золотомъ вѣкѣ порождено неправильнымъ сравненіемъ дѣтства міра съ дѣтствомъ единичнаго человѣка, свободнымъ отъ заботъ, авторъ прибавляетъ: «что касается до наукъ и разума прежнихъ народовъ, то мы, взирая на из-

вѣстныя намъ древнія дѣйства, равно можемъ о нихъ сказать какъ о единственномъ (единичномъ) человѣкѣ, что со младенчества ничего, въ юности же мало что полезное показали; но приходя въ станъ мужества едва что полезное показывать стали».

Отъ единичнаго человѣка собесѣдники переходятъ къ человѣчеству, умственному развитію котораго опредѣляютъ четыре періода, соотвѣтствующіе періодамъ жизни одного человѣка. Періоды эти разграничиваются тремя важными событіями: изобрѣтеніемъ письменъ, началомъ христіанства, изобрѣтеніемъ книгопечатанія. Первый періодъ равняется младенчеству: «какъ младенецъ безъ языка, такъ тѣ народы безъ письма не могли ничего знать и хранить въ памяти». Такое воззрѣніе кажется ересью возражателю, и онъ прерываетъ опять разсужденіе замѣчаніемъ: «не могу сему вѣрить, чтобы то правда была, наипаче же тѣмъ видя, что въ тѣ древнія времена толико святыхъ отцовъ и праведныхъ мужей было, что нынѣ и въ 1000 лѣтъ столько видѣть не можемъ, а святъ и праведенъ безъ истиннаго познанія Бога быть не можетъ». Отвѣтъ на это замѣчаніе былъ довольно затруднителенъ при тогдашнихъ порядкахъ; но Татищевъ съумѣлъ выйдти изъ затрудненія, непоступясь своей совѣстію: отвѣтъ его вполнѣ откровененъ и доступенъ понятію возражателя. «Вы частію истину сказали — говоритъ онъ — что тогда и суще отъ начала свѣта мужи святые и праведные были, но оное, мню, равно тому, какъ въ темнотѣ намъ малая искра болѣе видима, нежели въ свѣтлое время великій огонь; равно сему и естественное состояніе наше на то влечетъ, что мы въ слабомъ малому совершенству удивляемся, а въ возможномъ и способномъ большое презираемъ. Люди того времени были ближе ко времени Адама и могли бы удерживаться страхомъ, а все таки часто падали, хотя и самый законъ нетруденъ былъ». Затѣмъ онъ указываетъ на то, что отъ сотворенія міра до Моисея въ 4015 лѣтъ едва-ли можно насчитать сто человѣкъ праведниковъ; отъ Моисея-же до Р. Хр. въ 1485 лѣтъ

ихъ было гораздо болѣе; «по пришествіи же Христовѣ, которымъ совершенно прежняя тьма разрушилась и умъ просвѣтился, то, мню. что въ первыя триста лѣтъ тысячу разъ болѣе нежели отъ начала свѣта благоугодныхъ мужей явилось». Слѣдующій періодъ, въ которомъ господствовало язычество, характеризуется появленіемъ законодателей: Моисей, Зороастръ, Миносъ, Нума, Конфуцій. «Но всѣ сіи законы не токмо кратки, но и не весьма съ благонравіемъ и пристойностію сходны». Нравы вообще грубы и развратъ «считался иногда за богослуженіе», въ примѣръ чего приводятся праздники Бахусу и Венерѣ. Тогда-же появляются и философы: имя философа первый носилъ Пиѳагоръ, ученіе котораго о переселеніи душъ имѣетъ нравственную цѣль подобно баснѣ. На вопросъ: почему философы оставались язычниками, хотя Бога можно познать разумомъ, и почему ихъ называютъ атеистами? Татищевъ отвѣчаетъ любопытнымъ разсужденіемъ, замѣтивъ, что Бога точно можно познать по разуму, причемъ ссылается на отцевъ церкви, Димитрія Ростовскаго и Дергэма «въ его преизрядныхъ книгахъ Астро и Физико Ѳеологія, которыя бы весьма не безполезно на нашъ языкъ перевести» [1]); но философы и не были атеистами, а мы ихъ считаемъ такими потому, что знаемъ о нихъ отъ противниковъ, которые «по злобѣ несполна рѣчи противниковъ своихъ берутъ и доказательства или изъясненія утаиваютъ и тако неповинно клевещутъ, какъ вамъ въ книгѣ Вѣры (т. е. Камень Вѣры) противъ протестантовъ на многихъ мѣстахъ пишущаго видно». Философы собственно были, какъ и всѣ тогда, многобожники; но не только для философовъ, но и для народа надъ многими богами возвышается одинъ. «Самояды и т. п. наши язычники — продолжаетъ авторъ — хотя никакого ученія и письма не имѣютъ, въ житіи и обхожденіи болѣе звѣрямъ нежели людямъ подобны, въ вѣрѣ глупѣйшіе идолослужеб-

---

[1]) Уильямъ Дергэмъ (Darham), извѣстный богословъ англійскій, р. въ 1657+въ 1735.

ники, ибо все, что только ему полюбится, за Бога почитаетъ: ему кланяются и отъ него милости просятъ; но когда его спросишь (какъ то мнѣ неоднократно случалось), гдѣ есть сущій Богъ, который сотворилъ небо и землю? то тотъ часъ укажетъ на небо и скажетъ, что они ему единому кланяются и почитаютъ; а сей, т. е. идолъ, токмо образъ его». Тоже замѣчаетъ авторъ и у калмыковъ, которые кланяются тенгри (духамъ, по автору, какъ бы ангелы и демоны) и бурханамъ (идолы), «обаче небо или высшее существо, яко китайцы, признаютъ». Любопытно, что въ подтвержденіе неправильности признанія философовъ за атеистовъ авторъ указываетъ на то, что въ новое время было тоже: считали атеистами Коперника, Декарта и др. Вліяніе христіанства важно — по Татищеву—въ отношеніи духовномъ: «Христосъ проповѣдалъ и научилъ яко же смертію своею и искупилъ и удостоилъ соединенія съ Богомъ, т. е. отпущенія грѣховъ покаяніемъ и пріобрѣтенія царства небеснаго»; и въ нравственномъ; Христосъ училъ любви къ ближнему и милосердію, а также воздержанію отъ пороковъ Развитію науки много помѣшали ереси и споры ими порожденные. Въ свѣтскомъ отношеніи много мѣшало то, что цезари, «опасаясь сильныхъ фамилій», окружили себя людьми изъ подлости, неуками. Послѣ паденія западной римской имперіи препятствіемъ къ развитію образованности служило на востокѣ распространеніе магометанства, а на западѣ власть папъ, которые «свѣтскимъ людямъ чтеніе Библіи запрещали и жгли все, что противно ихъ властолюбію». Изобрѣтеніе книгопечатанія имѣло рѣшительное вліяніе на ходъ образованности: книги стали дешевле: «полную Библію на какомъ-либо языкѣ (кромѣ нашего) можно имѣть за полтину» и не гибли, какъ прежде; поколебалась власть папъ, усилилось занятіе науками (примѣръ математиковъ и астрономовъ); «тако — говоритъ Татищевъ въ заключеніе—сей настоящій вѣкъ началу старости благоразумной или совершенному мужеству примѣниться можетъ».

Выслушавъ эти соображенія, собесѣдникъ нашего автора

припоминаетъ, что онъ отъ многихъ духовныхъ и богобоязныхъ людей слышалъ, «еже науки человѣку вредительны и пагубны суть. Они сказываютъ, что многіе, отъ науки заблудя, Бога отстали, многія ереси произнесли и своимъ злымъ сладкорѣчіемъ и толками множество людей погубили». Эти свои слова толкователи подтверждаютъ ссылками на св. писаніе. Татищевъ подробно останавливается на опроверженіи этихъ замѣчаній. «Что Господь нашъ Іисусъ Христосъ—говоритъ онъ—его ученики и апостолы и по нихъ святые отцы противъ премудрости и философіи говорили оное намъ довольно извѣстно, но надо разумѣть о какой философіи они говорятъ, а не просто за слова хвататься. Напр., объяденіе, пьянство, блудъ и т. п. жестоко запрещены, зане все оное себѣ самому вредительно и губительно; пища-же и вина питіе съ разумомъ, якоже и бракъ, не только не запрещено. но допущено и закономъ Божіимъ намъ, яко нужное и полезное, опредѣлено и похвалено, если только оное съ мѣрностію, къ славѣ Божіей и предписанной въ естествѣ пользѣ употребляемъ. Равномѣрно сему нужно въ любомудріи или философіи разницу разумѣть: и къ познанію Бога и къ пользѣ человѣка нужная философія не грѣшна; толико отвращающая отъ Бога вредительна и губительна». Вредно было-бы, по мнѣнію Татищева, такое изученіе языческихъ философовъ, которое привело-бы къ отрицанію безсмертія души или единаго Бога; но такой выводъ можетъ происходить отъ неразсуднаго изученія философіи и «сему не въ философіи, но въ собственномъ состояніи сущая причина». Доказательство безвредности философскаго ученія можно видѣть въ томъ, что философію изучали апостолы (Павелъ) и ученики ихъ (Діонисій Ареопагитъ, Игнатій Богоносецъ, Юстинъ и др.). «Истинная философія въ вѣрѣ—продолжаетъ Татищевъ — не токмо полезна, но и нужна, а запрещающіе оную учить суть или самые невѣжды, невѣдующіе въ чемъ истинная философія состоитъ, или злоковарные нѣкоторые церковнослужители и для утвержденія ихъ богопротивной власти и пріобрѣтенія богатствъ вымыслами, чтобъ народъ былъ неуче-

ный и ни о коей истинѣ разсуждать имущій, но слѣпо бы и раболѣпно ихъ разсказамъ и повелѣніямъ вѣрили, наиболѣе же всѣхъ архіепископы римскіе въ томъ себя показали и большой трудъ къ приведенію и содержанію народовъ въ темнотѣ и суевѣріи прилагали, для котораго не постыдились противу точныхъ Христовыхъ словъ, еже письмо святое, въ которомъ мы уповаемъ животъ вѣчный пріобрѣсти, не токмо читать, но испытовать, т. е. толковать повелѣлъ, папы оное читать запретили и еще тяжчае того толковали, яко-бы читающіе оное въ умѣ повреждались». Указавъ какъ сильна была власть папы и какъ ей покорялись императоры, Татищевъ продолжаетъ: «да и у насъ патріархи такую же власть надъ государи искать не оставили. Какъ то Никонъ съ великимъ вредомъ государства началъ было, за которое судомъ духовнымъ чина лишенъ и въ заточеніе сосланъ. И хотя по смерти царя Алексѣя Михайловича, собесѣдникъ его Симеонъ Полоцкій, учитель царя Ѳеодора Алексѣевича, привелъ государя на то, чтобы Никона паки взять на престолъ и именовать папою, Іоакима-же патріарха оставить при томъ же титулѣ и еще вмѣсто митрополитовъ трехъ патріарховъ прибавить[1]); но все оное противъ ихъ труда смерть Никона пресѣкла, и Петръ Великій путь къ этому уставомъ церковнымъ—учрежденіемъ сvнода—заперъ».

На замѣчаніе, что чтеніе библіи можетъ подать поводъ къ ересямъ, Татищевъ, отвѣчалъ: «еретиковъ можемъ двояко разумѣть: и суще одни глупые и неразумные или ничего о сущей вѣрѣ неразумѣющіе: слыша кого благоразсудно о вѣрѣ толкующаго и суевѣріе отвергающаго, и за то, что оно несогласно съ его глупымъ мнѣніемъ, не смотря что оно сходно съ основательнымъ ученіемъ и истиною, тотчасъ еретикомъ и еще безбожникомъ имянуютъ и, отъ злости присовокупя лжи, другимъ равнымъ себѣ клевещутъ; а если сила

[1]) См. «Исторію», кн. 1, ч. 2, 573; новое доказательство принадлежности «Разговора» Татищеву.

ихъ не оскудѣваетъ, то проклинать, мучить и умертвить противъ закона Божія не стыдятся. Другіе же сущіе ересеархи и зловѣрія производители. Сіе правда, что сущій простакъ произвести неспособенъ, но надобно, чтобы былъ ученый, а по малой мѣрѣ читатель книгъ и довольно острорѣченъ, коваренъ и ко изъясненію наружнаго благочестія или лицемѣрства способенъ, дабы могъ то свое злонамѣреніе другимъ внятно и вѣроятно представить и хотя неправыми, но наклоняемыми и за волосы натягиваемыми доводы людямъ суевѣрнымъ растолковать, а истинное ученіе въ иное разумѣніе или сумнительство превратить и, оное въ мыслѣхъ суевѣрныхъ неукъ утвердя, ими овладѣть; простой же и неученый народъ, принявъ за истину, вѣрятъ и послѣдуютъ». Приведя примѣръ древнихъ еретиковъ и анабаптистовъ, авторъ говоритъ: «у насъ нѣкоторый выбранный изъ плутовъ плутъ распопа Аввакумъ новую ересь имянующихся старовѣровъ, а паче пустовѣровъ, произнесъ и простой народъ въ погибель привелъ. Потомъ изъ сего же (?) единъ плутъ, древнюю ересь взогрѣвъ, безпоповщиною именовалъ и закономъ Божіимъ бракъ повелѣнный за грѣхъ и скверное дѣяніе поставилъ. И паки недавно [1]) произнесенная и вскорѣ искорененная ересь христовщины вамъ свидѣтельствуетъ, что не токмо отъ истиннаго философа, ниже отъ благоразумнаго человѣка произнесены и приняты быть могли, но все плутами начаты и въ невѣждахъ разсѣяны, ибо благоразсудный легко видѣть можетъ, что всѣ сіи—вѣроятно, толки, или что-нибудь подобное—никоего основанія изъ письма святаго не имѣютъ. Лучшее средство противъ нихъ — образованіе, и того ради вѣчнодостойныя памяти е. и. в. Петръ Великій во всѣхъ епархіяхъ повелѣлъ училища устроить и на оное яко Богу — вѣроятно, угодное — и человѣкамъ полезное безплодно погибаемые доходы монастырей употребить. Въ чемъ и просвѣ-

---

[1] Ересь Лупкина, см. П. С. З. IX, № 6613.

щенные архiереи толико должность и вѣрность свою изъявили, что (какъ слышу о нѣкоторыхъ) всѣ свои излишнiе доходы (которые прежде на роскошность и обогащенiе свойственниковъ противо ихъ обѣщанiя и присяги употребляли) на училища и обученiе убогихъ младенцевъ употребляютъ и многихъ уже обучили. Хотя мнѣ того видѣть не случилось, однакоже, взирая на ихъ должность и любовь къ Богу и ближнему, правда есть или быть можетъ». Къ тому-же предмету авторъ возвращается замѣчанiемъ своего собесѣдника, будто и у насъ запрещено было читать библiю кому-нибудь, кромѣ духовныхъ, и сообщенiемъ его: «Многiе допущенiе того не похваляютъ, сказуя, что, неразумѣя, многiе отъ пути праведнаго заблуждаютъ, въ безумiе и ереси впадаютъ». Въ отвѣтъ на это, замѣчая, что такая мысль перешла къ намъ отъ католиковъ, авторъ снова останавливается на томъ, что папы желали сохранить св. писанiе и богослуженiе на латинскомъ языкѣ, «вѣдая, что оному не токмо великихъ государей но и шляхетскiе дѣти за трудность обучаться неохотно будутъ и потому письма святаго и закона Божiя, а ихъ коварствъ познавать не возмогутъ», «о чемъ — продолжаетъ онъ—многiе иноязычные, яко Германе, Славяне и пр. спорили; но по силѣ ихъ (папъ) къ тому недопущены. Особливо прикладъ имѣемъ о Чехахъ или Боемахъ, которые прилежно папъ о позволенiи служить на славянскомъ языкѣ просили; но папа съ великими грозами запретилъ съ такимъ безумнымъ и богомерзскимъ изъясненiемъ: всевышнiй Богъ не туне письмо святое темно и невнятно положилъ, дабы не всякiй разумѣть могъ» [1]).

Въ Россiи первое изданiе библiи было сдѣлано въ Острогѣ, не «имѣя еще въ Россiи своихъ типографiй» [2]); вто-

[1]) Здѣсь ссылка на Баронiя; опровергается это мнѣнiе словами св. писанiя.

[2]) Такъ пишетъ Татищевъ, относя острожскую библiю ко времени Iоанна III и забывая, что московскiй апостолъ напечатанъ ранѣе острожской библiи.

рое появилось при Алексѣѣ Михайловичѣ, «не принимая отъ духовныхъ противорѣчій и отлаганій». Петръ велѣлъ печатать снова, «токмо не радѣніемъ въ духовныхъ, кои къ тому опредѣлены были, до днесь дождаться не могли». Выразивъ удивленіе, что собесѣдникъ его считаетъ благочестивыми «коварныхъ пустосвятовъ и лицемѣровъ или невѣдущихъ писанія», авторъ говоритъ въ заключеніе: «я довольно тѣже слова слыхалъ, но подивился буйству ихъ, вѣдая, что апостолу Павлу Фистъ рекъ: «бѣснуешися Павелъ: многія тя книги въ неистовство прелагаютъ» [1]). На что нѣкогда принужденъ былъ дать отвѣтъ, сказанный отъ того-жъ св. Павла: «слово крестное погибающимъ средство, а спасаемымъ сила Божія есть» [2]). И тако изволь вѣрить, что намъ полезно, нужно и должно въ законѣ Божіемъ поучаться день и нощь, да возможемъ истинное его повелѣніе познати и сохранити и духа лестна избѣжати».

Авторъ самъ понималъ, что всѣ эти разсужденія не могли вполнѣ убѣдить его достаточно предубѣжденнаго собесѣдника и потому слѣдующій вопросъ мотивируетъ очень знаменательно: «я о семъ, яко до церкви принадлежащемъ, оставляю далѣе вопрошать, но слышу, что свѣтскіе люди въ гражданствѣ искусные толкуютъ якобы въ государствѣ чѣмъ народъ простѣе, тѣмъ покорнѣе и къ правленію способнѣе, и отъ бунтовъ и смятеній безопаснѣе, и для того науки распространять за полезное не почитаютъ». Отвѣчая на этотъ вопросъ, Татищевъ приписываетъ всѣ подобныя сомнѣнія людямъ неразсуднымъ или «махіавелическими плевелы насѣяннаго сердца»; «благоразсудный же политикъ всегда сущею истиною утвердить можетъ, что науки государству болѣе пользы, чѣмъ буйство и невѣжество принести могутъ». «Ты разсуди самъ—продолжаетъ онъ—что по природѣ всякій человѣкъ, каковъ бы онъ ни былъ, желаетъ: 1) умнѣе другихъ быть и

[1]) Дѣян., гл. 26, ст. 24.
[2]) 1 Кор. I, 18.

чтобъ отъ другихъ почтеніе и любовь имѣть; 2) какъ всякому необходимо помощь другихъ нужна, такъ онъ тѣхъ помощниковъ, яко жену, друзей и совѣтниковъ, ищетъ умныхъ и къ принесенію ему пользы способныхъ; 3) зане сіе не въ состояніи всѣмъ намъ потребныя услуги приносить, того ради прилежитъ человѣкъ, если можно, умныхъ, вѣрныхъ и способныхъ служителей имѣть, понеже на умнаго друга можетъ надѣяться, что онъ въ недознаніи совѣтъ и помощь подастъ; служитель же умный все повелѣнное и желаемое съ лучшимъ разсужденіемъ и успѣхомъ, нежели глупый, совершитъ; а въ случаѣ и совѣтъ или помощь подать способенъ». Прежде всего человѣку самому надо обладать разумомъ, чтобы знать, отъ кого именно можно чего-нибудь ожидать или требовать. «Несмысленный и неискусный самъ себѣ вредъ и бѣды неразумѣніемъ начинаетъ и производитъ; совѣтамъ разумныхъ вѣрить неспособенъ и, сумнѣваяся, полезное оставляетъ или, начавъ, произвести неспособенъ, а глупымъ и вредительнымъ совѣтамъ послѣдуетъ, да и обрѣсти умнаго друга не въ состояніи; онъ умному служителю полезное повелѣвать и опредѣлить не знаетъ. Коль же паче трудность и вредъ происходитъ, когда глупыхъ служителей имѣетъ». Наука-же еще усиливаетъ умъ человѣка разумнаго: «разумный человѣкъ чрезъ науки и искусства отъ вкоренившихся въ его умъ примѣровъ удобнѣйшую поятность, твердѣйшую память, острѣйшій смыслъ и безпогрѣшное сужденіе пріобрѣтаетъ, а чрезъ то всякое благополучіе пріобрѣсти, а вредительное отвратить способнѣе есть. Онъ совѣты и представленія испытуетъ и по обстоятельствамъ вещей поемлетъ; преданіе же, дѣянія и случаи, отъ памяти взявъ, съ настоящимъ уподобляетъ и все, благоразсудя, опредѣляетъ; неправильнымъ же и впредь вредительнымъ не прельщается, безстрашныхъ обстоятельствъ не боится и, на отвращеніе страха мужественно поступая, отрѣваетъ и побѣждаетъ; въ радости и счастіи не превозносится и оному не вѣритъ, а въ несчастіи не ослабѣваетъ, бѣды же и горести великодушіемъ преодолѣваетъ

и, своимъ довольствуясь, чужаго не ищетъ». Просвѣщеніе необходимо и народамъ, какъ и отдѣльнымъ лицамъ: много народовъ разорилось и погибло отъ недостатка благоразумнаго разсужденія. «Да почто о другихъ читать, довольно своего государства горесть воспомянуть, что послѣ Владиміра II отъ неразумія князей и потомъ по смерти царя Θеодора Іоанновича до воцаренія царя Михаила Θеодоровича произошло, что едва имя россійское въ конецъ не погибло». Бунтъ никогда не происходитъ отъ людей благоразумныхъ, но «равномѣрно ересямъ отъ коварныхъ плутовъ съ прикрытіемъ лицемѣрнаго благочестія начинается, который между подлостію разсѣявъ производитъ. Какъ то у насъ довольно прикладовъ имѣемъ, что рѣдко когда шляхтичъ въ такую мерзость вмѣшался, но болѣе подлость, яко Болотниковъ и Баловня—холопы; Заруцкій и Разинъ—казаки, а потомъ стрѣльцы и чернь—всѣ изъ самой подлости и невѣжества. Токмо въ чужестранныхъ видимъ Кромвеля, человѣка ученаго; но и тотъ (яко хищникамъ престола нужно есть) все оное съ великимъ лицемѣрствомъ подъ образомъ сущія простоты и благочестія злость свою произвелъ и, прилежа народъ долѣе въ томъ безумномъ суевѣріи содержать, всѣ училища разорилъ, учителей и учениковъ разогналъ, дабы внѣ ученыхъ удобнѣе коварство свое скрыть могъ. Если-же генерально о государствахъ сказать, то видимъ, что турецкій народъ предъ всѣми въ наукахъ оскудѣваетъ, но въ бунтахъ преизобилуетъ». Вотъ отчего въ Европѣ стараются о водвореніи просвѣщенія, на что приводится примѣръ изъ разныхъ государствъ, «въ Россіи Петръ Великій едва ли не всѣхъ оныхъ превосходитъ». Отказываясь отъ похвалы Аннѣ Іоанновнѣ, чтобы его не заподозрили въ пристрастіи, Татищевъ выражаетъ надежду, что будущіе вѣка лучше современниковъ оцѣнятъ ея дѣятельность.

Такъ какъ отвѣтъ касался только шляхетства, то вопрошатель желаетъ знать, какъ онъ прилагается къ подлости, и получаетъ очень характеристическій отвѣтъ: въ началѣ

обязанность защиты лежала на всемъ народѣ; но когда признали необходимость другихъ занятій (торговли, земледѣлія и т. п.), тогда «особыхъ людей къ оборонѣ и защищенію государства опредѣлили; но сіи были двоякіе: одни должны были наслѣдственно въ войскѣ пребывать и для того индѣ всадники или конница, у насъ же дворяне, яко придворные воины, у поляковъ шляхта отъ шляха или пути именованы, зане всегда въ походы должны быть готовы; другіе подлые, яко казаки и пр., и сіи болѣе пѣхотно (вѣроятно слѣдуетъ прибавить: служить должны), но не наслѣдственно, дѣти бо ихъ могли иное пропитаніе искать, какъ то отъ гисторіи другихъ государствъ и нашего видимъ. Для того о умноженіи сего полезнаго стана государи прилежно старались; какъ то царь Алексѣй Михайловичъ нѣсколько тысячъ гусаръ, рейторъ и копейщиковъ, собранныхъ сперва изъ крестьянства и убожества, по прекращеніи польской войны, деревнями пожаловалъ и во дворянство причелъ. Оттого въ крымскомъ походѣ 1689 г. одного шляхетства болѣе 5000 числилось; въ началѣ же шведской войны близь 20 полковъ драгунскихъ изъ дворянства набрано и во всей пѣхотѣ офицерствомъ наполнено было. Затѣмъ великая часть въ услугахъ гражданскихъ употреблялась, а изъ служителей дворовыхъ пѣхота устроена. Но черезъ оную и другія тяжкія и долголѣтнія войны, такъ шляхетства умалилось, что вездѣ сталъ недостатокъ являться и для того нужда позвала изъ крестьянства въ солдаты, матрозы и другія подлыя службы брать. А какъ многократно случается, что на благоразсудности одного солдата благополучіе или безопасность зависитъ, отъ глупости великій вредъ произойти можетъ и для того нужно, чтобъ солдаты были благоразсудные». Сверхъ того солдатъ долженъ надѣяться быть произведеннымъ въ офицеры, для чего нужна грамотность; но—по мнѣнію нашего автора—грамотности мало: «Ежели-бы—говоритъ онъ—такой нашелся, что только писать и читать наученъ былъ и въ нижнихъ чинахъ былъ за страхомъ наказанія благонравіемъ себя къ произвожденію

удостоилъ; но вышедъ изъ подъ палки и не разумѣя, что изъ противныхъ благонравію поступковъ собственный ему вредъ и бѣда происходитъ, весьма инаго и непотребнаго состоянія явится. Каковыхъ мы прикладовъ съ не малою досадою довольно видимъ. Если же бы и того не было, но не имѣя другихъ полезныхъ наукъ, за недостаткомъ или по старшинству до полковничества произошелъ, то какой пользы отъ него надѣяться можно, или нужную команду, гдѣ болѣе на разсужденіи, нежели на инструкціи зависитъ, поручить ему безъ опасности возможно ли»? «Да еще болѣе вредъ отъ неученія народа, что наши духовные или церковно-служители, которыхъ по закону Божію должность въ томъ состоитъ, чтобы невѣдущихъ закону Божію поучали, наставляли;—съ горестью видимъ, что у насъ столько мало ученыхъ, что едва между тысячью одинъ сыщется, чтобъ законъ Божій и гражданскій самъ зналъ и подлому народу оное внятнымъ поученіемъ внушить и растолковать могъ, что убійство, грабленіе, ненависть, прелюбодѣйство, пьянство, обжорство и пр. не токмо по закону Божію смертный грѣхъ, но и по природѣ самому вредительны и губительны, ибо безъ отмщенія и наказанія никое да не преходитъ. Законъ же гражданскій, по обличенію, на тѣлѣ или смертію казнитъ». Вмѣсто всего этого учатъ только обрядности и оттого происходитъ, «что намъ иногда, на благонравіе другихъ взирая, стыдно о себѣ и о своихъ говорить»? «Такіе неучи и невѣдущіе закона Божія оныхъ тяжкихъ злодѣяній и въ грѣхъ не ставятъ, а если и признаетъ за грѣхъ, то онъ въ довольное умилостивленіе Бога поставляетъ, когда къ иконѣ свѣчу поставитъ, икону серебромъ обложитъ, не мясо, но рыбу ѣстъ и на покаяніи попу за разрѣшеніе гривну дастъ». «На онаго Махіавелиста—говоритъ Татищевъ въ заключеніе—кратче скажу: если бы ему по его состоянію всѣхъ служителей, лакеевъ, конюховъ, поваровъ и дровосѣковъ—всѣхъ опредѣлили дураковъ; въ дворецкіе, конюшіе и въ деревни прикащиковъ-безграмотныхъ, то бы онъ узналъ какой порядокъ и польза въ его домѣ

явится; я же радъ и крестьянъ имѣть умныхъ и ученыхъ». Мы уже видѣли, что школы всегда и повсюду составляли постоянный предметъ заботъ Татищева.

Замѣчаніе, сдѣланное авторомъ, что суевѣріе приноситъ вредъ въ отношеніи политическомъ, вызываетъ вопросъ о томъ, въ чемъ состоитъ этотъ вредъ и не заключается-ли причина его въ разности вѣръ? Отвѣтъ Татищева на этотъ вопросъ въ высшей степени любопытенъ, какъ свидѣтельство о той степени развитія, на которой въ первой половинѣ XVIII в. стояли болѣе образованные люди въ Россіи. Опровергая мнѣніе тѣхъ политиковъ, которые считаютъ возможнымъ насиліемъ водворить единство вѣры, что противно св. писанію, онъ полагаетъ, что «свѣтски» разность вѣры вредна только тамъ, гдѣ, какъ въ Германіи, двѣ вѣры «равной силы и ревности», но гдѣ три или болѣе вѣры, тамъ нѣтъ такой опасности; да умное правительство можетъ и предупредить ее, ибо «что распри такія ни отъ кого болѣе, какъ отъ поповъ для ихъ корысти, а къ тому отъ суевѣрныхъ ханжей или несмысленныхъ набожниковъ происходятъ». Умные-же люди не трогаютъ чужой вѣры, ибо знаютъ, что Богъ, «яко судія праведный, на нихъ чужаго зловѣрія не взыщетъ». Указавъ на мнѣнія нѣкоторыхъ политиковъ, что разностію вѣры «къ бунтамъ и опроверженію введенныхъ законовъ гражданскихъ творится препятствіе» и на практику нѣкоторыхъ западныхъ государствъ (Англіи, Голландіи, Швейцаріи, вольныхъ городовъ германскихъ), авторъ переходитъ къ Россіи, гдѣ живутъ не только христіане разныхъ исповѣданій, но магометане и язычники, «но благодаря Бога черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ добрымъ и предусмотрительнымъ государей повелѣніемъ отъ разности вѣры вреда не имѣли, но еще пользу видѣли такую, что во время великаго въ государствѣ междоусобнаго смятенія и отъ поляковъ разоренія Нагайскіе, Касимовскіе и др. татары, а при Разинѣ Черемисса многую противъ бунтовщиковъ услугу показали; а хотя нѣкогда татары и калмыки противность показали, да не для

вѣры, но по причинамъ политическимъ: возмущеніемъ нѣкоторыхъ плутовъ». Недопущеніе нѣкоторыхъ католическихъ монашескихъ орденовъ (іезуитовъ), которыхъ и въ католическихъ земляхъ — Франціи, Венеціи — «съ великою осторожностію содержатъ», евреевъ и цыганъ имѣетъ не религіозное, а политическое основаніе. О причинѣ бунтовъ авторъ повторяетъ свое извѣстное уже намъ мнѣніе, что они происходятъ отъ «коварныхъ и злостныхъ плутовъ», возмущающихъ невѣжественную толпу. Въ примѣръ приводитъ самозванцевъ, стрѣлецкій бунтъ, произведенный «плутами Милославскими», пренія въ грановитой палатѣ. Въ концѣ отвѣта есть замѣчательный намекъ на извѣстнаго кн. Гагарина, бывшаго сибирскаго губернатора, повѣшеннаго при Петрѣ, дѣло котораго мало разъяснено до сихъ поръ: «Гагарина въ Сибири лицемѣрствомъ прикрытое коварство и злопредпріятіе».

Отстранивъ возраженіе противъ пользы науки, бесѣда переходитъ къ вопросу о томъ, чему надо учиться. На просьбу сказать подробнѣе, чему человѣку учиться должно, Татищевъ указываетъ, что всѣ науки раздѣляются на душевныя — богословіе и тѣлесныя — философія [1]).

Другое раздѣленіе есть «моральное, которое различествуетъ въ качествѣ, яко 1) нужныя, 2) полезныя, 3) щегольскія или увеселяющія, 4) любопытныя или почетныя, 5) вредительныя». Но при томъ нѣкоторыя «по стану или состоянію человѣка могутъ быть нужны или полезны». Нужныя науки тѣ, съ помощью которыхъ мы сохраняемъ тѣло и возвышаемъ душу. Человѣкъ отличается отъ животныхъ языкомъ; и такъ прежде всего нужно р ѣ ч е н і е; нужно знать, какъ лучше устроить свою матеріальную обстановку — д о м о в о д с т в о; какъ предохранять себя отъ недуговъ и излечиться

[1]) У англичанъ до сихъ поръ еще не совсѣмъ вышло изъ употребленія слово philosophy въ значеніи естественныхъ наукъ. Такъ, извѣстный журналъ, посвященный естественнымъ наукамъ, наз. philosophical Transactions. Физика долго считалась частью философіи.

отъ нихъ—врачебство; чтобы жить спокойно и въ мирѣ съ совѣстью и людьми, надо знать законъ Божій: естественный и библически-церковный и гражданскій; это знаніе воспрепятствуетъ человѣку обижать другихъ и поможетъ найдти удовлетвореніе себѣ въ случаѣ обиды отъ другаго. Бываетъ иногда нужда въ другой защитѣ—оружіи, и потому шляхетству «нужно обучаться оружіемъ себя, яко шпагою, пистолетомъ и проч. оборонять; зане сей станъ особливо для обороны отечества и отвращенія общаго вреда устроенъ». Душу, конечно, воспитывать нельзя, но можно развивать ея орудія: для укрѣпленія ума нужна логика; для воспитанія воли нужно знать волю Божію—богословіе. Полезныя науки тѣ, которыя «до способности къ общей и собственной пользѣ принадлежатъ». «Сюда относится письмо, чрезъ которое мы прешедшее знаемъ и въ памяти хранимъ, съ далеко отстоящими такъ, какъ присутственно говоримъ и еще лучше нежели языкомъ мнѣніе наше изобразить можемъ». При этомъ полезно учить своего языка грамматику, «чтобъ научиться правильно, порядочно и внятно говорить и писать». Для многихъ (духовныхъ, дипломатовъ, придворныхъ) можетъ быть полезно краснорѣчіе или витійство, «которое въ томъ состоитъ, чтобъ по обстоятельству случая рѣчь свою учредить, яко иногда кратко и внятно, иногда темно и разныя мнѣнія примѣнять удобнѣе, иногда разными похвалами, иногда хуленіями исполнить и къ тому прикладами (примѣрами) украсить». Полезно изученіе иностранныхъ языковъ, какъ народовъ, живущихъ въ Россіи, такъ и имѣющихъ съ нами сношенія. Нужно учиться математикѣ, ибо «надлежитъ знать исчисленіе разныхъ вещей, по ихъ качествамъ и мѣрою и вѣсомъ». «Весьма полезна въ знатныхъ услугахъ быть чающему учить не токмо отечества своего, но и другихъ государствъ дѣянія или лѣтописи или гисторію и хронографію и генеологію (или родословія владѣтелей)—въ которыхъ находятся случаи счастія и несчастія съ причинами, еже намъ къ наставленію и предосторожности въ нашихъ предпрія-

тіяхъ и поступкахъ пользуютъ. Землеописаніе или географія показуетъ не токмо положеніе мѣста, дабы въ случаѣ войны и другихъ приключеніяхъ знать всѣ онаго въ укрѣпленіяхъ и проходахъ способности и невозможности; но при томъ нравы людей, природное состояніе воздуха и земли, довольства плодовъ и богатствъ, избыточества и недостатки во всѣхъ вещахъ». Прежде всего знать нужно свое отечество, а потомъ пограничныя страны, «дабы въ государственномъ правленіи и совѣтахъ будучи о всемъ съ благоразуміемъ, а не яко слѣпой о краскахъ разсуждать». По мнѣнію врачей, человѣкъ, достигнувъ 40 лѣтъ, по опыту уже можетъ самъ для себя быть врачемъ; но для этого нужно еще знать ботанику и анатомію. Полезно также знать физику (по русски естествоиспытаніе) и химію, «которыя показываютъ свойства вещей по естеству: что изъ чего состоитъ, по которому разсуждать можно, что изъ того происходитъ и приключается, а черезъ то многія будущія обстоятельства разсудить и себя отъ вреда предостеречь удобно». Щегольскими науками Татищевъ называетъ стихотворство (поэзія), музыку (по русски скоморошество), танцованіе (плясаніе), вольтежированіе (на лошадь насадиться), знаменованіе (живопись). Любопытными и тщетными науками онъ называетъ такія, которыя «ни настоящей, ни будущей пользы въ себѣ не имѣютъ, но большею частію и въ истинѣ оскудѣваютъ». Таковы: астрологія, физіономика, хиромантія, алхимія. Вредными онъ считаетъ разнаго рода гаданія и волшебства. Науки, по мнѣнію Татищева, различаются еще по сословію (стану) людей, которымъ онѣ нужны; «напримѣръ—говоритъ онъ—наука пневматика, которою толкуется о свойствѣ и качествѣ и силѣ духовъ, богословамъ весьма нужна, философамъ — полезна, историкамъ же и политикамъ и другимъ многимъ почитай обще непотребна; противно же тому историкамъ и политикамъ географія, философамъ—математика необходимо нужны; но духовнымъ до оныхъ дѣла нѣтъ; а паки врачамъ анато-

мія, химія и ботаника суть нужныя, но политикамъ и историкамъ ни мало не нужны». Впрочемъ, онъ сознаетъ, что всякое знаніе приноситъ невидимую пользу тѣмъ, «что память, смыслъ и сужденіе исправляются».

Начало развитія просвѣщенія есть изобрѣтеніе азбуки, и потому бесѣда логически переходитъ къ этому вопросу. Первыми письменами были іероглифы египетскіе; «равно же тому и въ Сибири на нѣкоторыхъ каменныхъ горахъ невѣдомою краскою написанныя и высѣченныя начертанія людей, звѣрей, птицъ видимы»; въ Китаѣ употребляются знаки, которыми обозначаютъ «нѣкую вещь или рѣченіе». Буквы первыя сирійскія, о мѣстѣ изобрѣтенія которыхъ историки спорятъ. Въ Европѣ первые алфавиты греческій и латинскій; у славянъ два: іеронимовъ (его же русскіе Герасимъ именуютъ), изобрѣтенный въ 383 г., т. е. глаголица, которую онъ, стало быть, приписываетъ св. Іерониму, и кириловскій. Признавая въ кириловскомъ алфавитѣ нѣкоторыя буквы лишними, онъ полагаетъ, «что не достаетъ двухъ нужныхъ буквъ, яко латинскаго h и ô, безъ которыхъ мы нетолько иноязычныхъ, но и собственныхъ многихъ словъ правильно, по изрѣченію, написать не можемъ». Кромѣ этихъ алфавитовъ были еще другіе: этрускій, руническій, готическій и пермскій. На вопросъ: были-ли въ Россіи письмена до Владиміра В., авторъ отвѣчаетъ, что, вѣроятно, были руническія или готическія; но теперь мы ихъ не знаемъ, хотя, можетъ быть, что-нибудь и найдется въ книгохранилищахъ.

Необходимость изучать чужіе языки сильно смущаетъ совѣсть людей старорусскаго образованія, и потому Татищевъ влагаетъ своему собесѣднику въ уста такое замѣчаніе: «изъ письма святаго видимъ, что Богъ по столпотворенію раздѣлилъ языки и далъ каждому роду такъ полный и совершенный языкъ, что они каждый своимъ все могли изображать и разумѣть, и—если такъ вѣрю—то ни своего, ни чужаго болѣе, какъ отъ Бога опредѣлено, учиться не потребно». На это онъ отвѣчаетъ· «если бы мы не больше хотѣли знать,

какъ тѣ предки наши, и не болѣе бы въ томъ нужды видѣли, то правда, что по тогдашнему ихъ состоянію такъ казалось имъ и подлинно могло быть довольно, но потомъ видимъ, что тѣ языки не долго въ своей силѣ пребывали и стали умножаться, какъ то изъ одного языка многіе произошли и отъ поврежденія своихъ языковъ одного отродья люди одинъ другаго разумѣть не стали». На вопросъ: сколько языковъ и какіе были при столпотвореніи и какіе языки происходятъ отъ нихъ, Татищевъ отвѣчаетъ, что это неизвѣстно; но достовѣрно, что многіе языки произошли отъ одного и что люди одного происхожденія приняли по обстоятельствамъ языкъ другаго. Въ примѣръ приводятся языки славянскіе, которые «такъ далеко другъ отъ друга раздѣлились, что одинъ другаго безъ довольнаго ученія или долговременной привычки разумѣть не можетъ». Отсюда выходитъ ясный вопросъ: «Какимъ случаемъ сіе раздѣленіе и разность въ языкахъ учинилась»? Въ отвѣтъ Татищевъ указываетъ пять способовъ, которыми произошло это раздѣленіе: 1) «когда они которымъ народомъ овладѣли; [1]) 2) если ими кто силою или инымъ случаемъ обладалъ; [2]) 3) по сосѣдству и обхожденію съ другими народы; [3]) 4) собственно отъ неразумія пользы или вреда, паче же отъ незнанія граматическихъ правилъ; [4]) 5) нуждою ко умноженію: каковыхъ именъ прежде не имѣлъ языкъ умножаютъ» [5]). Всѣ эти замѣчанія не могутъ однако побѣдить старовѣрскихъ сомнѣній, и вотъ снова является вопросъ: нужно-ли учиться языкамъ, а въ особенности латинскому, когда многіе благочестивые люди считаютъ изученіе языковъ противнымъ писанію, гдѣ сказано: «смѣсишася во языцѣхъ и навыкоша дѣломъ ихъ» (пс. 105), да и у насъ

---

[1]) Такъ въ русскій языкъ вошли слова финскія.

[2]) Въ русскомъ слова татарскія.

[3]) Такъ иногда безъ нужды у насъ слова нѣмецкія, греческія и латинскія.

[4]) Этимъ наивнымъ способомъ Татищевъ объясняетъ діалектическія особенности: польское dz, rz, ą, (носовое)—русское полногласіе.

[5]) Греческія—церковныя, европейскія—касающіяся наукъ.

при патріархахъ Іосифѣ и Никонѣ жгли латинскія книги? Въ отвѣтѣ Татищевъ показываетъ, что языки здѣсь значатъ языческіе народы, что изученіе языковъ не только не запрещено, но еще апостоламъ ниспосланъ даръ языковъ, что отцы церкви учились чужимъ языкамъ (Іеронимъ, Ефремъ Сиринъ). «Что же Іосифъ, Никонъ и другіе патріархи о томъ учинили, то можно сказать, что первый отъ самой неразсудности, а другой отъ коварства, по примѣру папскому, властолюбіемъ побѣдяся, прилежалъ народъ, а паче шляхетство, въ невѣдѣніи содержать». Въ противность этимъ примѣрамъ Татищевъ приводитъ примѣры пастырей церкви и царей, заводившихъ училища. Что-же касается до латинскаго языка, то нерасположеніе къ нему въ древней Руси онъ объясняетъ тѣмъ, что языкъ этотъ служилъ орудіемъ папской пропаганды [1]). Если изученіе языковъ и не грѣхъ, то нужно ли оно, въ особенности шляхетству, «ибо если посмотримъ на древнія времена, то видимъ, что у насъ языкъ и наукъ не знали, да какъ въ сенатѣ, такъ въ воинствѣ и вездѣ во употребленіи людей мужественныхъ, благоразумныхъ и прилежныхъ гораздо болѣе было, чѣмъ нынѣ». Таково новое возраженіе, которое предвидитъ Татищевъ и такъ отвѣчаетъ на него: «сей вашъ вопросъ равенъ тому, что вы о древнихъ святыхъ думали, который бы отвѣтъ и сіе рѣшить доволенъ, однакожъ еще обстоятельнѣе скажу. Что шляхтичу языки надобны, то я вамъ довольно выше сказалъ, еже всякому шляхтичу надобно думать какой либо знатный чинъ достать и потомъ или самому для услуги государственной въ чужія края ѣхать, или въ Россіи съ иноязычными обхожденіе имѣть, и тако ему необходимо нужно другой европской языкъ знать. Что же числа людей въ Сенатѣ, или, по тогдашнему, въ Палатѣ, въ разныхъ приказахъ, губерніяхъ и городахъ гражданскихъ, яко и воинскихъ, правителей было

---

[1]) Затѣмъ помѣщено уже извѣстное намъ изъ предъидущей главы сравненіе папы съ Далай Ламою.

не мало, оное правда; токмо сколько между оныхъ иногда достойныхъ того званія было, то тебѣ русскія исторіи обстоятельнѣе покажутъ, нежели я сказать хочу, а особливо прочитай походы казанскіе и дѣйства отъ вельможъ русскихъ отъ времени царя Θеодора Ивановича, которое, чаю, не безъ ужаса и слезъ прочитаешь и познаешь, сколько отъ недостатка наукъ и скудости въ разсудкѣ отъ ихъ порядковъ бѣды и разоренія государству учинилось. Большая же тому причина была фамильная спѣсь». Искоренить ее хотѣли всѣ государи, но удалось только Петру, который «добрый порядокъ въ правленіи и воинствѣ учредилъ, и тѣмъ себѣ и отечеству пользу и славу пріобрѣлъ; да черезъ что же иное, какъ черезъ познаніе состоянія и порядковъ другихъ государствъ, для котораго такъ многое число шляхетства въ разныя государства для обученія посылано, въ Россіи многія школы заведены и знатные иноземцы въ службу приняты были». Мы уже знаемъ, что Татищевъ желалъ изученія не только европейскихъ, но и нашихъ инородческихъ языковъ. Для этой цѣли онъ предполагалъ учить: татарскому — въ Казани, Тобольскѣ, Астрахани и Оренбургѣ; финскимъ— въ Архангельскѣ, Казани и Петербургѣ; калмыцкому — въ Астрахани; сибирскимъ—въ Иркутскѣ, Нерчинскѣ, Якутскѣ и Охотскѣ. Мысль учиться этимъ языкамъ совершенная новость и естественно вызываетъ недоумѣніе въ практическомъ человѣкѣ: «дѣлъ посольскихъ до нихъ не касается; губернаторы же и воеводы вездѣ переводчиковъ и толмачей довольно имѣютъ и безъ нужды дѣла надлежащія исправляютъ». Отвѣтъ Татищева, какъ человѣка близко знакомаго съ тогдашнимъ состояніемъ нашихъ азіатскихъ окраинъ, въ высшей степени любопытенъ. Онъ говоритъ, «что губернаторы и воеводы переводчиковъ и толмачей имѣютъ довольно и черезъ нихъ неоскудно богатиться способъ имѣютъ, оное не спорно; но чтобы безъ погрѣшности и вреда или многимъ подданнымъ безъ обиды править могли, оное сомнительно, ибо всѣ оные переводчики, если русскіе, то изъ подлости и убожества

берутся и едва сыщется, чтобы татарское простое, не говорю ученыхъ, письмо разумѣть и самъ совершенно написать могъ; да большая часть и по русски написать не умѣютъ. Другіе для письма на тѣхъ языкахъ берутся татары и калмыки, не умѣющіе по русски, безъ котораго переводчику никакъ правильно переводить нельзя и ни единъ не знаетъ, то никогда надѣяться нельзя, чтобъ правильно перевели, коль же паче, когда который сплутать похочетъ, то судія, повѣря оному, невѣдѣніемъ неправду и вредъ учинитъ. Наипаче же дѣло, тайности подлежащее, едва можетъ-ли сохранимо быть потому, что не одинъ, но два или три вмѣстѣ для перевода писемъ употребляются. А наипаче магометане закономъ ихъ обязаны въ пользу единовѣрцевъ клятву преступать и то въ грѣхъ не почитаютъ, и видимъ, что у насъ при допросахъ и переводахъ писемъ чрезъ употребленіе многихъ толмачей, а болѣе магометанъ, часто прежде времени открывается и изъ того не малые вреды и бунты происходили. А ежели бы изъ хорошихъ людей и довольно въ обоихъ языкахъ наученые люди (употреблялись), а наилучше когда бы шляхетство, обученые въ оныхъ языкахъ люди, воеводами, судьями и другими управителями были, то бъ весьма такихъ безпорядковъ и народныхъ отъ неправосудія обидъ и бунтовъ не происходило и опасности не было». Въ виду того, что все сказанное могло-бы показаться неубѣдительнымъ, Татищевъ выставляетъ новое возраженіе: «у народовъ этихъ, кромѣ татаръ и калмыковъ, нѣтъ полезныхъ наукъ и даже письма, то многихъ учить не зачѣмъ, а для малаго числа учрежденіе школы—безполезный убытокъ». Въ отвѣтъ онъ указываетъ на то, что письмена тѣхъ народовъ, у которыхъ они существуютъ, могутъ быть полезны для Русской исторіи, а гдѣ нѣтъ письменъ, тамъ можно найдти полезныя преданія. Указываетъ также на возможность объясненія изъ инородческихъ языковъ географическихъ названій разныхъ мѣстностей русской земли, что важно для пониманія древней исторіи; названія указываютъ на то, какой народъ жилъ прежде

въ мѣстности. «Да сія польза—говоритъ онъ далѣе—еще не такъ велика, какъ нужда въ наученіи ихъ закону христіанскому, о которомъ наши духовные не великое попеченіе имѣютъ, да хотя и крестятъ, какъ то Филофей архіепископъ сибирскій, по сказанію его, многія тысячи Вотяковъ крестилъ, но когда посмотримъ, то видимъ, что онъ не болѣе сдѣлалъ, какъ ихъ перекупалъ да бѣлыя рубашки надѣвалъ и оное въ крещеніе причелъ». Крещеніе это потому не удовлетворяетъ Татищева, что по незнанію языковъ духовенство наше учило черезъ толмачей. Потому онъ совѣтуетъ устроить такія школы, въ которыхъ русскіе учились-бы инородческимъ языкамъ, инородцы—русскому. Примѣръ того, что надо дѣлать, онъ видитъ у шведовъ, гдѣ «равно тѣ-жъ лапландцы, что и у насъ, и гораздо дичѣе, нежели Мордва, Чуваши, Черемисы, Вотяки, Тунгузы и пр., но неусыпнымъ духовныхъ трудомъ многое число крещено и для нихъ книги на ихъ языкъ напечатаны, а нашихъ, яко живущихъ деревнями, если-бы токмо такъ ученые и прилежные духовные были, весьма легче научить и на путь спасенія наставить; а невѣдующему языка ихъ, хотябы и лучшій ѳеологъ или риторъ былъ, ничего полезнаго учинить въ нихъ невозможно».

Признавъ необходимость учиться, надо рѣшить вопросъ, гдѣ учиться, и потому бесѣда возвращается къ поставленному въ началѣ сомнѣнію, хорошо-ли посылать дѣтей за границу? Въ настоящемъ случаѣ указывается и на причину почему посылать не нужно: «мы учителей онымъ (т. е. языкамъ) имѣемъ довольно». На это возраженіе Татищевъ отвѣчаетъ любопытными замѣчаніями о тогдашнемъ домашнемъ воспитаніи: учителей выписываютъ многіе, но 1-е, этотъ способъ доступенъ только богатымъ и то, если отецъ живъ и не озабоченъ службою; 2-е, «многіе за недостаткомъ искусства принимаютъ учителей къ наученію весьма неспособныхъ и случается, что поваровъ, лакеевъ или весьма мало умѣющихъ грамотѣ за учителей языка французкаго или нѣмецкаго, или

какихъ либо непотребныхъ волочагъ для наученія благонравію и политики принимаютъ, и потому за положенныя деньги вредъ вмѣсто пользы покупаютъ»; 3-е, если человѣкъ и умѣетъ выбрать учителя, то все-таки трудно найти одного способнаго учить всему нужному, а многихъ держать неудобно, отъ того «знаніе исповѣданія вѣры, законовъ гражданскихъ и состояніе собственнаго отечества назади въ забвеніи остается, которому необходимо первымъ быть надлежало»; 4-е, такъ какъ отцы часто отлучаются отъ дома на службу, «дѣти подъ призрѣніемъ матери и холоповъ воспитываются, то многократно и добрымъ учителямъ въ наученіи дѣтей неразсудностью оныхъ повреждается; 5-е, обхожденіе дѣтей въ домѣ съ бабами, дѣвками и рабскими дѣтьми есть весьма вредное потому, что научаются токма нѣгѣ, лѣни и свирѣпству».

Разобравъ такимъ образомъ домашнее воспитаніе, Татищевъ переходитъ къ общественной школѣ и начинаетъ съ народныхъ училищъ. Указавъ на то, что этихъ училищъ мало, но выразивъ впрочемъ при этомъ, что по краткости времени ихъ довольно и что они составляютъ основу для будущаго, Татищевъ передаетъ свой замѣчательный разговоръ съ Петромъ: «Въ 1724 году, какъ я отправлялся въ Швецію, случилось мнѣ быть у е. в. въ лѣтнемъ домѣ; тогда лейбъ-медикусъ Блюментростъ, яко президентъ Академіи Наукъ, говоритъ мнѣ, чтобъ въ Швеціи искать ученыхъ людей въ учреждающуюся Академію въ профессоры, на что я, разсмѣявся, ему сказалъ: ты хочешь сдѣлать архимедову машину очень сильную, да подымать нечего и гдѣ поставить мѣста нѣтъ. Его Величество изволилъ спросить, что я сказалъ, а я донесъ, что ищетъ учителей, а учить некого, ибо безъ нижнихъ школъ Академія оная съ великимъ разсходомъ будетъ безполезна. На сіе Его Величество сказалъ: «я имѣю жать скирды великія, только мельницы нѣтъ; да и построить водяную и воды довольства въ близости нѣтъ; а есть воды довольно въ отдаленіи, токмо каналъ мнѣ дѣлать уже не

успѣть для того, что долгота жизни нашея ненадежна и для того перво мельницу строить, а каналъ велѣлъ только зачать, которое наслѣдниковъ моихъ лучше понудитъ къ построенной мельницѣ воду провести». Мельница—академія, каналъ—школы математическія и епархіальныя, основанныя Петромъ. «Но сіе желаніе и надежда Его Величества весьма обманула, ибо по его скорому представленію, хотя люди въ наукахъ преславные скоро съѣхались и Академію основали, но по епархіямъ, кромѣ новгородской и бѣлгородской, нетокмо школы вновь устроены, но нѣкоторыя и начатыя оставлены и разорены; вмѣсто того архіереи конскіе заводы созидать прилежали» [1]). Послѣ народныхъ школъ Татищевъ разбираетъ академію. «Всякому — говоритъ онъ — видимо, взирая на сіе учрежденіе, что она учреждена токмо для того, дабы члены каждоседмично собирались, всякъ, что полезное усмотритъ, представляли и оное каждый по своей наукѣ, кто въ чемъ преимуществуетъ въ обществѣ, въ обстоятельствахъ прилежно разсматривали, толковали и къ совершенству произвесть помогали и по сочиненіи для извѣстія желающихъ издавали, какъ то въ изданныхъ отъ оной книгахъ довольно видимъ. Другая ихъ должность: учить младость высокихъ наукъ философскихъ, и потому можемъ уразумѣть, что 1) Богословія, или Закона Божія имъ учить не опредѣлено для того, что учителя или профессора суть не нашего закона; 2) закона гражданскаго отъ нихъ также научиться не можемъ, потому что они за незнаніемъ нашего языка всѣхъ нашихъ законовъ знать и о нихъ разсуждать не могутъ; 3) понеже имъ надобно такихъ обучать, которые бы низшія науки (вѣроятно: знали), въ которомъ наипервѣе языки умѣли, дабы ихъ наставленія разумѣть и нужныя книги чи-

---

[1]) Въ новгородской епархіи былъ Ѳеофанъ, въ бѣлгородской (по 1731 г.) Епифаній Тихорскій, основатель харьковскаго коллегіума. Конскіе заводы—намекъ на Георгія Дашкова, врага Ѳеофана; о заводахъ Дашкова говоритъ Кантеміръ. «Сочиненія», I, 19, 51, изд. 1867 г.

тать могли, такожъ арифметикѣ и географіи хотя нижнія части обучая, къ нимъ токмо для высшихъ наукъ приходили. А понеже оныхъ нижнихъ училищъ довольно не учреждено, то въ оной учиться еще некому. И хотя семинаріумъ и гимназіи при оной устроено, но оное недостаточно, ибо изъ всего государства младенцевъ свозить, а наипаче шляхетскихъ малолѣтнихъ, есть невозможно и вредительно. Невозможность же или трудность есть въ томъ, что многіе родители не имѣютъ случая и возможности туда свести, меньше же ихъ и при нихъ служителей содержать; если же имъ достаточное содержаніе казенное опредѣлить, то надмѣрно великій расходъ будетъ. Если же малыхъ дѣтей, каковыхъ языкамъ наилучше учить время отъ пяти лѣтъ, кто за неимѣніемъ добраго служителя отдастъ, то имѣетъ болѣе страха его погубить, нежели надежды получить: а наипаче, имѣя съ подлостію безъ призрѣнія родительскаго обхожденіе, могутъ скорѣе пристойность и благонравіе погубить. Но современемъ все оное исправится и въ надлежащее состояніе прійдти можетъ, ибо когда нашего закона люди, довольно въ философіи и богословіи обучась, профессорами будутъ, тогда и наставленіе въ законѣ Божіи и гражданскомъ не оскудѣетъ; 4) при оной же многихъ шляхетскихъ нужныхъ наукъ не опредѣлено, яко на шпагахъ биться, на лошадяхъ ѣздить, знаменованіе и проч., которое и впредь до нея непринадлежатъ, того ради надлежитъ для дѣтей шляхетскихъ инаго училища искати». Такое училище—вновь учрежденный тогда кадетскій корпусъ, къ которому и обращается Татищевъ и въ немъ находитъ такіе недостатки: 1) «Для наставленія закона Божія, хотя опредѣлены священникъ и діаконъ изъ людей нѣсколько въ письмѣ святомъ поученныхъ, и нѣкогда имъ катехизисъ толкуютъ и поученіями и благонравію и благочестію наставляютъ, но сіе токмо единою въ седмицу и то невсегда, а иногда за другими науками имъ времени недостаетъ; 2) законы естественный и гражданскій немного меньше онаго нужны, но для онаго учителей нѣтъ, и младенцу не легко оное понять

можно; 3) арифметики, геометріи, фортификаціи, и т. п. нужныхъ наукъ токмо начала показываютъ, равножъ и языки. Многихъ учившихся чрезъ пять лѣтъ и болѣе видѣть случилось, что кромѣ тѣхъ, кои въ домахъ обучались, мало кто научился, зане начальники ихъ наиболѣе прилежатъ ихъ ружьемъ обучать». Въ корпусъ принимаютъ 12-ти лѣтъ, а языкамъ надо учиться съ 5—6, то лучше-бы было устроить особыя школы повсюду, а не въ одномъ мѣстѣ, куда каждый по близости могъ бы отдавать дѣтей. «Еще же видимо, что сіе училище ея императорское величество изволила учредить не для высокихъ наукъ такихъ, которыя министрамъ и главнымъ правителямъ въ государствѣ потребны, но болѣе для произведенія въ офицеры, и не для всего, а паче для ближняго убогаго шляхетства и неимущаго къ собственному наученію способа, какъ то учрежденіе онаго корпуса свидѣтельствуетъ: 1) число оныхъ положено токмо 360 человѣкъ, которое ни для сотой доли шляхетства недовольно, но для того есть довольно, что другіе, видя сихъ обученныхъ скорѣе въ чины производимыхъ, большую къ наукамъ охоту возъимѣть могутъ; 2) мѣсто въ С.-Петербургѣ сначала за лучшее разумѣть надо для того, что ея императорское величество сама и черезъ министерство удобнѣе все видѣть и вѣдать можетъ, и тако въ недостаткѣ новыми милости и полезными исправленія снабдѣвать, а вредное пресѣкать способъ имѣетъ. Еще же тутъ учителей по близости изъ другихъ краевъ способнѣе доставать, а наипаче дабы по близости и отъ Академіи Наукъ къ обученію высшихъ наукъ лучшій способъ учащіеся имѣли. 3) Положенное имъ: мундиръ, жалованье, пища явно показуютъ, что для немогущихъ оное имѣть; имущіе же могутъ свободно не токмо безъ жалованья пробыть, но учителямъ отъ себя платить, мундиръ и пищу охотно свое имѣть, а оную милость неимущимъ оставить. Что же Ея Императорское Величество, по примѣру дяди Его Величества, въ оное сначала знатныхъ дѣтей опредѣлять изволила, оное весьма полезно для того, что и

знатнымъ и неимущимъ способовъ особно учиться есть съ прочими незазорно; а убогимъ лучшая къ наученію охота и по обхожденію со знатными дѣтьми добрыхъ поступковъ научатся и смѣлость имъ подастся. Еще же знатные родители, видя онаго училища пользу, болѣе къ потребному вспоможенію прилежать будутъ». Послѣдняя выписка свидѣтельствуетъ, какъ трудно было въ XVIII в. проходить между разными подводными камнями: корпусъ не нравится Татищеву, а осудить нельзя; не нравится еще болѣе помѣщеніе туда знатныхъ, а надо какъ-нибудь объяснить [1]). Послѣ корпуса онъ разсматриваетъ математическія школы; начиная общимъ замѣчаніемъ, что въ нихъ не учатъ какъ слѣдуетъ ни божьему, ни гражданскому законамъ, ни языкамъ, онъ указываетъ на особенности каждой изъ нихъ: въ Академіи Адмиралтейской, которая устроена за 30 лѣтъ, «до днесь едва три человѣка, которые бы довольно въ маѳематикѣ обучены были, сыщится». И моряки и геодезисты заняты астрономіею только практически; изъ артиллерійской школы [2]) выходятъ тоже только практики; въ инженерной школѣ также не учатъ ни языкамъ, ни законамъ Божьему и гражданскому, ни высшей математикѣ. Причину неуспѣховъ Татищевъ объясняетъ тѣмъ, «что для подлости, можетъ, учителя не прилежатъ, а шляхетство откупаются и долговременно не токмо безъ пользы, но и со вредомъ ихъ собственнымъ живутъ по домамъ и къ наученію время тратятъ». Остается московская Спасская школа [3]), но къ ней Татищевъ очень не благоволитъ. Онъ

---

[1]) Татищевъ потому хорошо зналъ состояніе корпуса, что въ немъ учился сынъ его Евграфъ. Въ „Имянномъ спискѣ всѣмъ бывшимъ и нынѣ находящимся въ сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ штабъ-оберъ офицерами и кадетами" ч. I, Спб. 1761, стр. 50 читаемъ: «Евграфъ Васильевъ, сынъ Татищевъ, вступилъ въ корпусъ 1732 года мая 17, выпущенъ 1736 ноября 4 въ армію въ солдаты съ таковымъ атестатомъ: имѣетъ начало въ геометріи, говоритъ и пишетъ твердо по нѣмецки, училъ исторію и географію, рисуетъ отчасти, искусенъ въ верховой ѣздѣ, фехтованіи и танцованіи; нынѣ въ отставкѣ статскимъ совѣтникомъ».

[2]) См. о ней Данилова: «Записки».

[3]) Славяно-греко-латинская академія.

находитъ: 1) что латинскій языкъ у нихъ не хорошо идетъ, нѣтъ ни грамматики, ни лексикона; классическихъ авторовъ (Цицерона, Ливія и др.) они не читаютъ и потому въ философіи мало успѣваютъ; 2) риторика ихъ такова, что они «болѣе вралями, чѣмъ риторами именоваться могутъ» и нѣкоторые не знаютъ даже правописанія; 3) философы ихъ не только въ лекарскіе, но и въ аптекарскіе ученики не годятся: они не знаютъ математики; физика ихъ состоитъ изъ однихъ именъ, — ни Декарта, ни Мальбранша они не знаютъ; «логика ихъ въ пустыхъ и не всегда правильныхъ силогизмахъ состоитъ». Въ юриспруденціи — «въ ней же и нравоученіе свое основаніе имѣетъ» — они ничего не знаютъ; «основамъ права естественнаго они не учатся, Гроція и Пуфендорфа не читали; объ исторіи, географіи и врачебствѣ понятія не имѣютъ. Итако въ семъ училищѣ нетокмо шляхтичу, но и подлому научиться нечему; паче что во оной болѣе подлости, то шляхетству и учиться не безвредно». Кіевская академія — по его мнѣнію — не лучше московской; по губерніямъ школъ почти нѣтъ. И такъ остается посылать дѣтей за границу.

За границу слѣдуетъ посылать не всѣхъ, но «токмо мню о знатныхъ, къ наученію способныхъ и надежныхъ людѣхъ». Польза поѣздки состоитъ въ томъ, что 1) назначаемые на важныя мѣста въ государствѣ, преимущественно въ посольствахъ, будутъ имѣть объ иностранныхъ земляхъ свѣдѣнія болѣе ясныя и свѣжія, чѣмъ какія могутъ найдти въ книгахъ; 2) узнаютъ военное искусство: «мы военные порядки и искуства отъ другихъ европскихъ пріявъ — говоритъ авторъ — великую славу и пользу пріобрѣли; но Его Императорское Величество Петръ Великій, усмотря обстоятельства, доколѣ россійскіе въ наукахъ потребныхъ преуспѣютъ, опредѣлилъ при арміи и флотѣ россійскомъ треть иностранныхъ офицеровъ имѣть для того, чтобы пріятое не запоминали и все такъ поправленное въ свѣдѣніи имѣть могли; но недовольствуясь тѣмъ, а паче усмотря, что генералы чужестран-

ные многихъ молодыхъ людей для наученія у насъ и пріобрѣтенія денегъ привозили и въ службу русскую употребляли, что было противно намѣреніямъ и пользамъ Его Величества, того ради опредѣлилъ имѣть русскихъ офицеровъ при иностранныхъ войскахъ на своемъ жалованіи». Этому совѣтуетъ авторъ подражать. 3) Купечеству необходимо познакомиться съ состояніемъ торговли, а «гражданству» съ ремеслами; а потому и для нихъ поѣздка полезна. Порчи нравовъ нечего опасаться, но можно поручать дѣтей вѣрнымъ людямъ. Только отъ несоблюденія этого пострадала нравственность нѣкоторыхъ, но далеко не всѣхъ, бывшихъ за границею. Учиться нужно въ странахъ наиболѣе образованныхъ (Англіи, Франціи), но многое можно узнать и въ другихъ; такъ въ Швеціи сдѣланы большіе успѣхи въ исторіи и латинскомъ языкѣ. Развитіе науки въ Европѣ есть дѣло мудрыхъ правителей (Генриха VIII, Елисаветы, Лудовика XIV). Потому Татищевъ опровергаетъ мнѣніе, что «вольность разширенію и умноженію богатствъ, силъ и ученія, а неволя искорененію наукъ причина есть». Опровергаетъ онъ это мнѣніе примѣромъ дикихъ народовъ, которые, пользуясь полною вольностію, ничего путнаго не сдѣлали и подкрѣпляетъ свое мнѣніе изложеніемъ исторіи просвѣщенія въ Англіи и во Франціи. Польшу онъ не считаетъ въ числѣ очень образованныхъ странъ: «подлинно—говоритъ онъ—что монастырей езувитскихъ и въ нихъ училищъ много, но ученія мало, потому что они шляхетство учатъ только латинскому языку, а при томъ поэзіи и риторику; маѳематики же, физики и закона естественнаго не учатъ, развѣ тѣхъ, которые духовными быть хотятъ; тѣхъ прилежно обучаютъ для того, чтобы всегда духовнымъ имѣть надъ свѣтскими преимущество; другихъ же шляхетству нужныхъ наукъ, яко фортификаціи, артиллеріи, архитектуры, гисторіи, географіи не имѣютъ и для того въ нихъ весьма оскудѣваетъ и хотя нѣкоторые любопытныя гисторіи писать трудились, да болѣе лжами, хвастаніемъ и суевѣрными чудесами наполняли». Лучшіе изъ польскихъ писа-

телей тѣ, которые учились въ Чехіи и Италіи, шляхетство учится во Франціи, а для книгъ существуетъ цензура духовныхъ.

Считая изученіе законовъ необходимымъ въ образованіи, Татищевъ даетъ сначала общее понятіе о законахъ Божіемъ, естественномъ, гражданскомъ (дѣйствующихъ въ государствѣ и изданныхъ законодательною властію), исчисляетъ сборники законовъ, бывшіе въ Россіи до уложенія, и показываетъ, что необходимо составить новое уложеніе. Необходимость эту онъ оправдываетъ тѣмъ, 1) что при поспѣшности составленія уложенія—а можетъ быть и отъ неумѣнія редакціи [1])—вошли въ него противорѣчія, неясность, а иногда многорѣчіе, чѣмъ пользуются неблагонамѣренные судьи; 2) возросло число новыхъ законовъ, сначала дѣятельностію «Расправной Палаты», которая учреждена была для пополненія существующаго законодательства, а потомъ вслѣдствіе перемѣнъ, произведенныхъ Петромъ Великимъ. Мысль о необходимости всѣмъ изучать законы Татищевъ спѣшилъ подкрѣпить и разными соображеніями: «Законовъ своего государства—говоритъ онъ—хотя всякому подзаконному учиться надобно; но для шляхетства есть необходимая нужда: 1) понеже шляхтичъ каждый—природный судья надъ своими холопы, рабы и крестьяне, а потомъ можетъ по заслугѣ чинъ судьи нести, яко въ войскѣ, тако и въ гражданствѣ; 2) едвали обходимо, чтобы онъ самъ суда или дѣла приказнаго избѣжать могъ и, если не собственною своею, то своихъ причиною привлечется знать». Конечно, нельзя вытвердить всѣ законы наизусть, «однакожъ главныя должности (обязанности) изъ законовъ нужно со младенчества учить, яко 1) должность къ государю, 2) должность къ своему государству, 3) къ родителямъ и единоутробнымъ, 4) къ своимъ домовнымъ, яко женѣ,

---

[1]) Не считаемъ нужнымъ говорить здѣсь, что этотъ приговоръ слишкомъ строгъ и также поспѣшенъ; не даромъ-же Екатерина II ставила въ образецъ изложеніе уложенія.

дѣтямъ и домочадцамъ, 5) къ другимъ людямъ: въ чемъ я имѣю право отъ другихъ требовать и домогаться»; при этомъ можно кратко объяснить причины и слѣдствія. Когда-же придетъ въ возрастъ, можно объяснить устройство суда и изложить главныя основы естественнаго права. Предвидя возраженіе, что судья можетъ всегда справиться по книгѣ, а въ случаѣ нужды сами тяжущіеся напомнятъ ему законы, Татищевъ, вложивъ этотъ вопросъ въ уста своего собесѣдника, отвѣчаетъ на него тѣмъ, что безъ знанія основныхъ началъ справка затруднительна; ибо на всякій случай нельзя написать закона, а примѣнять существующіе можетъ только тотъ, кто привыкъ вникать въ смыслъ. Что-же касается до помощи со стороны тяжущихся, то ее надо избѣгать, потому что изъ выгоды каждый толкуетъ законы въ свою пользу.

Въ заключеніи разговоръ переходитъ къ вопросу, гдѣ и какія учредить училища? «Указы Петра Великаго изъявляютъ, что по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ учредить надлежитъ, на которое онъ всѣ монастырскіе излишніе сверхъ необходимо нужныхъ на церкви доходы опредѣлилъ и оныхъ весьма достаточно. Еще же и Богу пріятно, что такіе туне гиблющіе доходы не на иное что, какъ въ честь Богу и пользу употребятся; но при томъ нужно смотрѣть, чтобы 1) оные, что шляхетству нужны, особливо отъ подлости отдѣлены были [1]), 2) чтобъ учители къ показанію и наставленію нужнаго и полезнаго способны и достаточны, и паче отъ поданія соблазна безопасны были, 3) чтобъ все шляхетству нужное всюду безъ недостатка къ наученію могло быть показано и для того книгъ и инструментовъ надо имѣть съ довольствомъ, 4) чего казеннаго или опредѣленнаго отъ госу-

---

[1]) Когда въ 1844 г. въ Нижнемъ открытъ былъ дворянскій институтъ, многіе родители, даже изъ городскихъ, предпочли отдать своихъ дѣтей туда, а не въ гимназію, чтобы дѣти не сидѣли рядомъ съ дѣтьми «сапожниковъ». Такъ не будемъ же осуждать Татищева.

дарства недостаточно, то нужно шляхетству сложиться и учредить, чтобы могло и другимъ пользовать (Татищевъ даже рекомендуетъ шляхетству устроивать школы въ складчину); затѣмъ 5) чтобъ надъ всѣми надзираніе такимъ поручено было, которые искусство въ наукахъ, а наипаче ревностное радѣніе къ пользѣ отечества изъяснить въ состояніи». Шляхетскія школы, по мнѣнію Татищева, можно основать на суммы, которыя составятся отъ экономіи въ кадетскомъ корпусѣ: онъ полагаетъ, что посредствомъ экономіи и недаванія жалованія дѣтямъ богатыхъ можно сохранить 400000 р. изъ 700000, отпускаемыхъ на корпусъ. На эти деньги можно по губерніямъ учить до 600 чел.: въ Москвѣ 200, въ Малороссіи и Казани по 100, въ Воронежѣ, Нижнемъ, Смоленскѣ, Вологдѣ по 50; тѣхъ-же, которые назначаются для гражданскихъ дѣлъ, можно прикоманлировать къ коллегіямъ. Что касается до учителей. то «частію о наукѣ, частію о состояніи ихъ смотрѣть должно. Въ началѣ Закона Божія, чтобъ были истинной богословіи, якоже и благонравія правилъ довольно научены, не ханжи, не лицемѣры и суевѣрцы, но добраго разсужденія, и если чернцовъ лѣтами не меньше 50 и житія добраго не сыщется, то непротивно и мирскихъ, имущихъ женъ, въ это употреблять. Офицеры суть главные учители, и хотя за недостаткомъ у насъ довольно ученыхъ людей иноземцы употреблены, однако при томъ нужно смотрѣть, чтобы не были молодые, женъ и дѣтей неимущіе». «Надо стараться, чтобы 1) $^1/_2$ были русскіе; 2) надо смотрѣть, чтобы учителя были способны преподавать и учить и 3) надо приготовить учителей изъ Русскихъ». Замѣчаніями о школахъ оканчивается разговоръ, польза котораго—по мнѣнію автора—состоитъ въ томъ, что онъ можетъ побудить родителей учить дѣтей.

Такимъ образомъ, мы познакомились съ однимъ изъ самыхъ интересныхъ и во всякомъ случаѣ однимъ изъ самыхъ цѣльныхъ произведеній русской литературы XVIII в. Авторъ его рисуется передъ нами яркимъ представителемъ лучшихъ

людей своего времени съ ихъ достоинствами и недостатками: искренняя любовь къ наукѣ и къ Россіи уживается въ немъ съ исключительностію шляхетскою, какъ она уживалась еще много лѣтъ послѣ Татищева. Прочитавъ это подробное изложеніе «Разговора», читатель, вѣроятно, вынесъ тоже убѣжденіе, что и я, т. е. что воспитанникъ новой цивилизаціи, Татищевъ, не разрывалъ связи ни со своей страною, ни съ ея прошлымъ, которое онъ и самъ уважалъ и любилъ и другихъ училъ уважать и любить. И въ этомъ, какъ и во многомъ, онъ напоминаетъ великаго вождя той эпохи. Этою стороной «птенцы гнѣзда Петрова» расходятся съ послѣдующими западниками начала XIX в. и, конечно, не отъ нихъ должны вести эти послѣдніе свою генеалогію.

XI.

Имя Татищева извѣстно въ Россіи преимущественно благодаря его историческимъ и, связаннымъ съ ними, географическимъ трудамъ. Исторія, дѣйствительно, была самою главною заботою большей части жизни Татищева: ея онъ не забывалъ никогда посреди своей разнообразной и многотрудной дѣятельности. Трудъ его, по принятому тогда обычаю объяснительныхъ заглавій, появился подъ многозначительнымъ надписаніемъ: «Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ неусыпнымъ трудомъ черезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная». Въ точности этого надписанія мы уже удостовѣрились: мы видѣли, что трудъ этотъ былъ постояннымъ спутникомъ Татищева отъ Стокгольма до Астрахани, и если въ началѣ онъ, какъ мы знаемъ, обратился къ исторіи, какъ къ средству составить географію, то въ послѣдствіи и географія сдѣлалась для него пособницею исторіи, которую онъ понималъ въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Даже для историка нашего времени почти удовлетворителенъ кругъ явленій, который Татищевъ считалъ подлежащимъ вѣдѣнію исторической науки.

Вполнѣ оцѣнить историческій трудъ Татищева мы можемъ только тогда, когда предварительно взглянемъ на его труды географическіе и на приготовленные имъ къ изданію памятники юридическіе, служившіе въ значительной степени подготовкой его исторіи и свидѣтельствующіе о томъ, въ какую живую связь онъ постоянно ставилъ прошедшее съ настоящимъ. Просматривая эти труды, также и «Исторію» Татищева, мы неизмѣнно встрѣчаемъ извѣстныя уже намъ черты его практической и литературной дѣятельности. Жизнь практическая и литературная никогда не разрывались у Татищева: наука и литература не были для него «областью безпечальнаго созерцанія», въ которой онъ искалъ-бы убѣжища отъ бурь житейскихъ; напротивъ, онѣ были для него такимъ-же служеніемъ отечеству, какъ и его практическая дѣятельность (чиновника, помѣщика). Благо Россіи—ея умственное и матеріальное развитіе — были на всѣхъ поприщахъ постоянною цѣлью Татищева. Въ нихъ высшее единство его жизни и сочиненій.

Мы уже знаемъ, что къ занятіямъ исторіей Татищевъ побужденъ былъ сознаніемъ, что предпринятое по вызову Брюса географическое описаніе Россіи невозможно безъ предварительнаго изученія исторіи. Занятія исторіей шли у Татищева параллельно съ занятіями географіей. Онъ одновременно собиралъ свѣдѣнія по той и другой наукѣ. Изъ Швеціи, въ 1725 г., онъ писалъ къ Черкасову [1]) о томъ, что онъ сочиняетъ географію, указывая на ея пользу: «географія—писалъ онъ — какъ въ своихъ, такъ и въ чужестранныхъ и внутреннихъ совѣтѣхъ и разсужденіяхъ, всѣмъ высокимъ и нижнимъ начальникамъ великую помощь подаетъ, ибо извѣстный о состояніи и положеніи городовъ, предѣ-

---

[1]) „Нов. изв. о В. Н. Татищевѣ", 25.

ловъ и прочихъ мѣстъ, правильнѣе къ полезному предпріятію совѣтовать можетъ». Указавъ на то, что кончиною Петра Великаго это предпріятіе остановилось, а также на то, что шведское правительство употребило нѣсколько сотъ тысячъ на сочиненіе картъ лифляндскихъ, Татищевъ проситъ въ пособіе себѣ на это дѣло 20000 р.; но это предложеніе осталось, кажется, безъ отвѣта. Въ царствованіе Анны Іоанновны Татищевъ снова обратился къ любимой мысли и сдѣлалъ «предложеніе о сочиненіи исторіи и географіи россійской» [1]), гдѣ, объяснивъ въ предисловіи пользу исторіи, которая показываетъ примѣры хорошихъ людей для подражанія и дурныхъ для избѣжанія, авторъ заявляетъ, что исторія не можетъ существовать безъ географіи: «Гисторія всякая хотя дѣйства и времена отъ словъ имѣетъ намъ ясны представить; но гдѣ въ какомъ положеніи или разстояніи что учинилось, какія природныя препятствія къ способности тѣмъ дѣйствамъ были [2]), такожь, гдѣ который народъ прежде жилъ и нынѣ живетъ, какъ древніе города нынѣ имянуются и куда перенесены, оное географія и сочиненныя ландкарты намъ изъясняютъ». Указавъ необходимость географіи для практическихъ нуждъ, авторъ въ заключеніе предисловія говоритъ о недостаточности имѣющихся свѣдѣній для составленія школьной географіи и картъ, о томъ, что эти свѣдѣнія собираются академіей, что собираніе ихъ поручено ему самому и академику Делякроеру (Делиль де ла Кроеръ), посланному въ экспедицію, что посланы даже вопросы къ нѣкоторымъ правителямъ, но, по краткости своей,

---

[1]) „В. Н. Татищевъ и его время" прил. XIII.

[2]) Эти слова показываютъ, какъ ясно понималъ Татищевъ значеніе естественныхъ условій для развитія человѣка. Необходимость знанія внѣшнихъ условій Татищевъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій пояснилъ мелкимъ, но чрезвычайно нагляднымъ и потому убѣдительнымъ для современниковъ примѣромъ: „въ Сибирь и Астрахань во всѣ города присланы указы о нерубленіи дуба, не вѣдая того, что во всей Сибири дуба не знаютъ, а въ Астрахани никакого лѣса почти нѣтъ, слѣдственно бумага, трудъ и провозъ туне приключенъ". „Утро", 386.

остались безъ отвѣта. Эта неудовлетворительность результата побудила составить новые болѣе полные вопросы, которые и были разосланы къ правителямъ областей. Вопросы, составленные Татищевымъ, раздѣлены имъ на три отдѣленія, изъ которыхъ первое касается всей Россіи, второе тѣхъ мѣстностей, гдѣ жили язычники, третье тѣхъ, гдѣ жили магометане. Въ концѣ опять помѣщены вопросы, касающіеся жителей всей Россіи. Вопросы общіе распредѣлены систематически: въ началѣ требуются свѣдѣнія о новыхъ и старыхъ наименованіяхъ края, объ именахъ отдѣльныхъ урочищъ (приведенъ примѣръ Куликова поля), о времени подчиненія края русскому владычеству, при чемъ требуется обозначеніе «изъ какихъ гисторическихъ или приказныхъ писемъ извѣстно, и для того нужно во всѣхъ городѣхъ древнимъ писмамъ или архивамъ обстоятельныя описи имѣть и ихъ въ добромъ порядкѣ для предка хранить». Затѣмъ указывается, какія свѣдѣнія требуются о границахъ: обозначеніе урочищъ, если не точное, то приблизительное, указаніе, нѣтъ-ли спора о границахъ и на чемъ онъ основанъ. Слѣдующіе 50 вопросовъ посвящены естественнымъ условіямъ края: о свойствѣ и дѣйствіи воздуха, о водахъ, о природномъ состояніи земли (какая почва, есть-ли горы, какія произведенія), о подземностяхъ (въ латинскомъ переводѣ de mineralibus). При многихъ изъ этихъ вопросовъ встрѣчаются указанія на то, что водится въ той или другой мѣстности и вопросъ, нѣтъ-ли этого и въ другихъ мѣстахъ или нѣтъ-ли другихъ подобныхъ особенностей. За вопросами, касающимися страны, предлагаются вопросы о жителяхъ: требуются свѣдѣнія о ихъ народности, раздѣленіи на сословія съ указаніемъ по возможности въ цифрахъ распредѣленія по сословіямъ; о томъ, не несутъ-ли они особой службы, не имѣютъ-ли особаго устройства (какъ малороссійскіе казаки), не имѣютъ-ли особыхъ преимуществъ въ торговлѣ, какими ремеслами занимаются (при чемъ для примѣра указаны промыслы нѣкоторыхъ мѣстностей), какой ясакъ платятъ ясачные, нѣтъ-ли имъ

льготъ; не грозитъ-ли краю опасность отъ сосѣднихъ иноземцевъ и какія приняты мѣры (указаны: засѣки, сторожевыя черты); какія въ краѣ болѣзни и какія употребляются отъ нихъ лекарства. Здѣсь любопытно обстоятельное указаніе на необходимость свѣдѣній о народной медицинѣ, которая можетъ заключать въ себѣ полезныя наблюденія надъ силою травъ, еще неизвѣданныхъ наукою. За вопросомъ о жителяхъ слѣдуютъ вопросы о жилищахъ (мѣстахъ поселенія): о прежнемъ и теперешнемъ наименованіи населенныхъ мѣстностей, перечень важнѣйшихъ мѣстностей съ опредѣленіемъ, если возможно, астрономическаго ихъ положенія. При каждомъ городѣ желательно опредѣлить время заселенія, народность жителей, мѣстоположеніе, разстояніе отъ другихъ городовъ, число зданій; нужно указать достопримѣчательности, особые промыслы, ярмарки, торговыя сношенія жителей, замѣчательныя событія, касающіяся города (не былъ-ли осаждаемъ, кто были прежніе владѣтели, не было-ли бунтовъ, особыхъ бѣдствій, не оказалъ-ли особыхъ услугъ государству, кто изъ правителей его какую пользу оказалъ городу, не было-ли по близости битвы, не сохранились-ли развалины старыхъ городовъ и т. п.). Любопытны вопросы, касающіеся археологическихъ находокъ: «не находятся-ль гдѣ въ степяхъ и пустыняхъ каменныхъ болвановъ или камней съ надписями— говорится въ первомъ изъ нихъ—или какими-либо начертаніе, которое елико возможно живописцу надлежитъ назнаменовать (нарисовать) и, описавъ ево мѣру и цвѣтъ, притомъ-же сообщить». Изъ какого-бы матеріала не былъ сдѣланъ предметъ древности его надо хранить, особенно если на немъ есть надпись или изображеніе, «понеже за глиняное заплатится не меньше, какъ за серебро». «Особливо находятся — прибавляется въ поученіе находчиковъ — горшки и кувшины въ гробахъ, на которыхъ надписи есть, да когда ихъ откопавъ скоро вынесть, то они истрескаются или развалятся, того ради оные, откопавъ, надобно не скоро вынимать, провѣтрить на мѣстѣ, а потомъ вынесть, поставить чтобъ отъ

солнца высохли». За металлическія вещи слѣдуетъ платить по вѣсу; но если окажется изображеніе или хорошая работа, то слѣдуетъ плату увеличить: «о томъ такимъ гробоискателемъ надлежитъ объявить, чтобъ знали и невѣдѣніемъ такихъ вещей не портили или за страхъ, что у нихъ даромъ отымутъ, не таили».

Чрезвычайно обстоятельная инструкція тѣмъ, кто будетъ собирать свѣдѣнія объ инородцахъ, заключается характеристическими словами: «сіи всѣ обстоятельства испытать безъ принужденія, но паче ласкою и чрезъ разныхъ искусныхъ людей, знающихъ силу сихъ вопросовъ и языкъ ихъ основательно, къ тому жъ не однова, но черезъ нѣсколько времени спрашивать отъ другихъ»; въ случаѣ новыхъ свѣдѣній сообщить ихъ кому велѣно. «Остерегать-же и то, чтобъ кто отъ крещенныхъ или иного народа умысленно въ поношеніе или хваленіе чего лишняго не прибавилъ, или истиннаго не убавилъ, дабы тѣмъ правости не повредилъ; понеже многіе глупые лжами хотятъ себѣ честь или пользу пріобрѣсти, но въ томъ всегда обманываются». Умѣстность подобныхъ наставленій, даже во времена позднѣйшія, отрицаема быть не можетъ: сколько разъ собираніе подобныхъ свѣдѣній поручалось людямъ невѣжественнымъ или и своекорыстнымъ [1]). Самые вопросы чрезвычайно разнообразны: требуется узнать, какъ русскіе зовутъ какой-либо народъ и почему, какъ онъ самъ себя зоветъ, какъ онъ называетъ русскихъ и другихъ сосѣдей, какъ онъ называетъ населенныя мѣстности и урочища, какое у племени было прежде правленіе, какое времяисчисленіе, нѣтъ-ли преданій, туземцы-ли они или пришельцы, въ чемъ состоитъ ихъ вѣра и ея обряды. Изъ вопросовъ,

---

[1]) Вспомнимъ прелестные своею правдивостью, хотя и мало извѣстные у насъ, «Заволжскіе очерки» гр. Н. С. Толстаго, гдѣ сообщаются совершенно вѣрные (люди, даже не знающіе автора, только изъ книги могутъ видѣть какъ мало способенъ онъ намѣренно искажать факты) очерки того, какъ въ 40 годахъ нашего столѣтія собирались статистическія свѣдѣнія. Припомнимъ также П. И. Мельникова (Печерскаго) «Пояркова».

касающихся религіозной жизни, въ особенности важенъ одинъ: «Бога всевышняго подъ какимъ видомъ или именемъ ни разумѣли, сказываютъ-ли о немъ, что есть: a) безъ начала и конца, т. е. превѣчный, b) невидимый и умомъ непостижимый, c) всюду присутственный, т. е. всегда есть вездѣ, которое ни ангеломъ приписатца можно, d) всемощный, e) вся и предбудущее единъ вѣдущій». Вопросъ этотъ напоминаетъ извѣстную уже намъ теорію Татищева о томъ, что у всѣхъ народовъ языческихъ живо сознаніе объ одномъ верховномъ божествѣ; мысль эта, выраженная имъ въ «Разговорѣ», побуждаетъ его требовать фактическихъ подтвержденій. Съ вопросами о религіи соединяются вопросы о нравственныхъ понятіяхъ народа, о его богослуженіи; затѣмъ идутъ вопросы о бракахъ, погребеніяхъ, о народныхъ объясненіяхъ силъ и явленій природы. Отдѣленіе это заключается вопросами о примѣтахъ и повѣрьяхъ.

Вопросы о магометанахъ составлены менѣе подробно, но касаются существенныхъ пунктовъ: принадлежитъ-ли народъ къ суннитамъ или шіитамъ [1]), какъ устроено духовенство, велика-ли его власть, съ какими обрядами совершаются обрѣзаніе, бракъ, погребеніе, какую часть наслѣдства получаетъ жена, какія письмена, какъ обозначаютъ цифры, какими чернилами пишутъ: ежели особаго состава, то прислать для испытанія. Этотъ чисто практическій вопросъ чрезвычайно характеристиченъ для Татищева. За вопросами о магометанахъ слѣдуетъ нѣсколько общихъ вопросовъ, преимущественно касающихся народной медицины и вообще тайнъ природы, которыя могутъ случайно быть замѣчены въ той или другой мѣстности. Затѣмъ, сообщивъ нѣсколько правилъ о томъ, какъ передавать русскими буквами инородческія слова, Татищевъ въ заключеніе ставитъ непремѣннымъ условіемъ описаніе внѣшняго вида и костюма каждаго племени; при чемъ

---

[1]) Татищевъ этотъ вопросъ выражаетъ такъ: «съ турками или персіанами оные въ вѣрѣ согласіе имѣютъ».

заявляетъ желаніе, чтобы, если можно найти живописца, приложены были рисунки.

Такова эта инструкція, полагавшая у насъ основаніе не только географіи, но и этнографіи и археологіи. Ширина требованій Татищева, его просвѣщенное вниманіе ко всему, что должно имѣть какое-либо значеніе, не можетъ не остановить на себѣ внимательнаго читателя: мы старались въ нашемъ изложеніи указать на это значеніе Татищевской инструкціи. Общія свойства взглядовъ Татищева ярко просвѣчиваютъ въ этомъ памятникѣ: здѣсь, какъ и вездѣ, мы видимъ отсутствіе узости пониманія; здѣсь, какъ и вездѣ, замѣчаемъ, что для Татищева исторія не повѣствованіе о достопамятныхъ событіяхъ, а многостороннее изображеніе прошедшихъ судебъ народа въ тѣсной связи съ его настоящимъ. Конечно, нельзя было и думать, чтобы отовсюду съ одинаковой ревностью отозвались на эти вопросы, тѣмъ не менѣе на нихъ получено было нѣсколько отвѣтовъ [1]). Самое важное, впрочемъ, сдѣлано самимъ Татищевымъ, который для этой цѣли употреблялъ приданныхъ ему геодезистовъ. Тогда у всѣхъ областныхъ правителей были геодезисты, трудамъ которыхъ мы обязаны атласомъ, изданнымъ въ 1745 г. Геодезисты эти были подчинены, по волѣ императрицы Анны Іоанновны, Татищеву, и всѣ губерніи обязаны были сообщать ему извѣстія [2]).

Въ 1741 году, представляя замѣчанія на данную ему инструкцію по случаю смутъ калмыцкихъ, Татищевъ жало-

---

[1]) «Татищевъ и его время», 439—440. Въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ изъ Томска, много любопытнаго. Укажемъ на слѣдующія двѣ замѣтки: «въ канцеляріи старыхъ дѣлъ и писемъ довольное число и, можетъ, что есть и дивное къ историческому извѣстію, токмо за вѣтхостью пріискать невозможно, ибо оныя несмотрѣніемъ всѣ погнили, лежа въ каменномъ магазинѣ»; (тамъ-же, 571) «по усмотрѣнію во время описанія въ здѣшнихъ мѣстахъ хотя могилъ и довольно, однакожъ отъ русскихъ людей уже всѣ разрыты для добычи, а въ дальнихъ мѣстахъ можетъ что и находится, однако намъ не объявляютъ» (тамъ-же, 573).

[2]) «Нов. изв. о Татищевѣ», 44. О геодезистахъ: «В. Н. Татищевъ и его время» 440, пр. 147.

вался на то, что геодезисты безплодно живутъ третій годъ по провинціямъ, и что прекратилось собираніе историческихъ документовъ изъ архивовъ, которое поручено было въ нѣкоторыхъ городахъ этимъ-же самымъ геодезистамъ [1]). Къ царствованію императрицы Анны относится сообщеніе Татищевымъ въ академію образчиковъ своихъ историко-географическихъ работъ; сообщеніе это сопровождалось «изъясненіемъ на посланныя начала историческія» [2]). Въ этомъ изъясненіи онъ считаетъ нужнымъ возстановить историческія имена областей, вмѣсто названій губерній по городамъ; возстановить Петровское дѣленіе на губерніи и вице-губерніи; отдѣлить города, очень отдаленные отъ провинціальныхъ, въ особыя провинціи; уничтожить черезполосицу уѣздовъ. Въ этомъ-же изъясненіи сообщаетъ о приготовляемомъ имъ словарѣ географическомъ и задуманномъ историческомъ. Это представленіе Татищева заключаетъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ указаній на современныя ему обстоятельства; такъ, между прочимъ, здѣсь находимъ извѣстіе о томъ, что при Петрѣ нѣкоторые изъ губернаторовъ «по захватчивости» присоединили къ своимъ губерніямъ области, которымъ не слѣдовало-бы къ нимъ принадлежать: Менщиковъ—Тверь и Ярославль къ Петербургу; Апраксинъ—Касимовъ къ Азову [3]) и т. д.

---

[1]) „В. Н. Татищевъ“, 440—441. Въ библіотекѣ Татищева хранились выписки изъ архивовъ: казанскаго, астраханскаго, томскаго, тарскаго. „Нов. изв. о Татищевѣ“, 59.

[2]) „Изъясненіе“ у Н. А. Попова, пр. XII, а одинъ изъ образчиковъ подъ заглавіемъ „Россія или какъ нынѣ зовутъ Руссія“ въ Ж. М. В. Д. 1839 г. Напрасно Н. А. Поповъ скептически относится къ этому отрывку, называя его „приписываемымъ Татищеву“ (443); принадлежность его Татищеву несомнѣнна, и онъ стоитъ въ непосредственной связи съ напечатаннымъ имъ „Изъясненіемъ“. Въ этомъ послѣднемъ онъ указываетъ на необходимость сохранить въ административномъ раздѣленіи слѣды исторіи, а въ „Россіи“ представляетъ планъ подобнаго историко-географическаго раздѣленія: губернія Петербургская называется—Великорусская, Московская—Бѣлорусская, Казанская—Болгарская и т. д.

[3]) Въ другомъ своемъ сочиненіи Татищевъ объясняетъ этотъ фактъ подробнѣе: онъ говоритъ, что Менщиковъ приписалъ „Ярославль для бо-

Изъясненіе это Татищевъ оканчиваетъ вѣчнымъ грустнымъ указаніемъ на зложелателей: «вѣдаю напередъ — говоритъ онъ — что нѣкоторые будутъ недовольны, что я, иногда не закрывая истины, нѣкоторыя обстоятельства положилъ, токмо — вспомня Павла св. слова: «творяй благая не боится власти», чему и Назіанзенъ согласуя сказуетъ: законъ храня страхи вонъ извержеши — на всѣхъ не угодить, понеже болящему желчію и медъ горекъ, но здравый умомъ сладость обрѣтаетъ».

Словарь, о которомъ упоминаетъ Татищевъ, не былъ доведенъ имъ до конца, а остановился на буквѣ *к* и изданъ уже послѣ его смерти [1]). Словарь этотъ составился изъ замѣтокъ о разныхъ предметахъ, которые могли бы требовать объясненія: сюда входятъ русскія географическія названія древнія и новыя, названія должностей, юридическіе термины, названія вооруженій, монетъ и т. п. Какъ первый опытъ въ своемъ родѣ, словарь Татищева въ высшей степени замѣчателенъ, и ни Полунинъ, ни Максимовичъ, составившіе чисто географическіе словари, не могли упразднить пользы Татищевскаго словаря даже въ то время, когда онъ былъ изданъ [2]). Для современнаго изслѣдованія словарь Татищева служитъ не только памятникомъ состоянія науки въ его время, но и обильнымъ источникомъ для изученія этого времени, въ чемъ чи-

---

гатаго купечества; Тверь для его свойственниковъ, въ посадѣ бывшихъ". Тамъ-же онъ указываетъ еще причину черезполосицы: „оное поручено было секретарямъ, которые, хотя выше объявленныхъ наукъ не слыхали, но къ собранію богатствъ весьма хитрые; оные довольно при семъ росписаніи свою пользу хранили и послѣ города, по щедрымъ просьбамъ, изъ одной провинціи въ другую переписывали". „Утро", 379.

[1]) „Лексиконъ россійскій историческій, географическій, политическій и гражданскій". 3 т. Спб. 1793. Не понимаю, отчего Н. А. Поповъ, ссылающійся часто на „Лексиконъ", сказалъ въ прим. 153: „Лексиконъ Татищева изданъ уже въ нынѣшнемъ столѣтіи".

[2]) Старо-русскіе „Азбуковники", по самому свойству нашего стараго просвѣщенія, въ этомъ случаѣ въ счетъ нейдутъ. Въ практическомъ пользованіи могъ съ нимъ соперничать еще болѣе широкій по плану словарь свящ. Алексѣева: „Пространное поле", М 1793—1794 г., 2 т. (тоже неоконченный). Словарь Полунина вышелъ въ 1773, Максимовича—въ 1788 и 1789 (это первое изданіе, а второе вмѣстѣ со Щекатовымъ въ 1807—1809).

татель могъ уже убѣдиться изъ предлагаемой статьи, для которой нерѣдко приходилось обращаться за объясненіями къ «Лексикону» Татищева. Къ сожалѣнію, онъ оставилъ мысль о словарѣ біографическомъ [1]). Тогда мы имѣли бы образчикъ того словаря отчизновѣдѣнія, какой въ послѣдніе годы замышлялъ незабвенный труженикъ М. Д. Хмыровъ и который совершить не удалось и ему. Самая мысль о трудахъ, подобныхъ которымъ въ Россіи еще не было и для которыхъ не было собрано никакихъ матеріаловъ, свидѣтельствуетъ о той умственной высотѣ, на которой стоялъ Татищевъ, и о томъ рѣдкомъ пониманіи именно тѣхъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ потребно и желательно въ данную минуту. Если нѣкоторыми своими начинаніями Татищевъ какъ будто доказалъ справедливость пословицы: «одинъ въ полѣ не воинъ», то все-таки многое въ его дѣятельности свидѣтельствуетъ о томъ, что и одинъ можетъ сдѣлать много, хотя, конечно, не можетъ сдѣлать всего, что желалъ-бы сдѣлать. Появись лексиконъ Татищева въ наше время, мы могли-бы требовать отъ него и большей полноты и большей обстоятельности; но для своего времени онъ является изумительнымъ подвигомъ настойчиваго трудолюбія, и насъ удивляетъ не то, что Татищевъ не довелъ до конца

---

[1]) ,,Я сначала хотѣлъ сочинить историческій лексиконъ нашего государства, по подобію Мореріа (,,Историческій и географическій словарь'' Морери, вышедшій въ первый разъ въ 1673 году въ I т. in f., былъ переиздаваемъ и дополняемъ въ XVIII в. и наконецъ доведенъ до 10 т. in f. Наши современники знаютъ Морери болѣе потому, что онъ подалъ поводъ Бейлю издать его ,,Dictionnaire critique'', но Морери и теперь не безполезенъ для справокъ: въ немъ встрѣчаются имена лицъ, которыхъ трудно найдти въ другихъ словаряхъ), чтобы..... всѣхъ россійскихъ государей, яко же знаменитыхъ людей и фамилій съ родословіемъ и приключеніями описать, котораго начало показало, что требуется къ тому нѣсколько искусныхъ и къ тому охотныхъ людей, а одному, особливо какъ мнѣ по моей слабости и отягощенію дѣлами, ни въ десять лѣтъ окончить не можно и для того оставилъ''. ,,Татищевъ и его время'', прил. XII. Изъ письма къ Шумахеру (1745 г. іюня 7) видно, что лексиконъ уже былъ доведенъ до буквы к, ,,но къ окончанію способа не вижу''. (Входящія письма въ Арх. Ак.).

своего подвига, но то, какъ многое успѣлъ онъ совершить [1]).

Собирая источники для своей исторіи, Татищевъ встрѣтился съ памятниками юридическими и два изъ нихъ: «Русскую Правду» и «Судебникъ царя Іоанна Васильевича», приготовилъ къ изданію съ своими объясненіями [2]).

Приготовивъ къ изданію эти памятники, Татищевъ написалъ любопытное предисловіе, въ которомъ вкратцѣ разсказываетъ исторію ихъ, причемъ описываетъ самый списокъ «Судебника», по которому издаетъ. Списокъ этотъ, великолѣпно писанный, поднесенъ имъ Аннѣ Іоанновнѣ и купленъ изъ дома Бартенева, предокъ которыхъ былъ казначеемъ у Александра Романова и, донесши на него царю Борису, получилъ въ награду нѣкоторыя его вотчины и пожитки, почему Татищевъ полагаетъ, что книга эта могла принадлежать Романовымъ [3]). Говоря о древнихъ юридическихъ памятникахъ, Татищевъ приводитъ любопытное указаніе, что видѣлъ у кн. Д. М. Голицына «книгу не малую, въ которой были собраны областныя узаконенія; а также духовныя в. князей». Къ сожалѣнію, здѣсь онъ не говоритъ какія, ибо между ними могли быть и неизвѣстныя намъ. Любопытно, что ему пришлось въ томъ-же предисловіи отстранять возраженіе невѣждъ, которые «оныя древности не токмо складомъ и нарѣчіемъ порицаютъ; но ихъ и печатать болѣе за вредъ и поношеніе, нежели за пользу и честь почитаютъ, говоря: «когда мы ихъ въ судѣ употреблять не можемъ, то они останутся втуне и что ихъ странное сложеніе и обстоя-

---

[1]) Сохранилась попытка Татищева написать краткую школьную географію Россіи. „В. Н. Татищевъ", 443.

[2]) Оба памятника напечатаны въ „Продолженіи Древней Россійской Библіотеки", I, Спб. 1786; сверхъ того Судебникъ два раза былъ изданъ отдѣльно. (М. 1768—1786). Въ отдѣльномъ изданіи примѣчанія полнѣе.

[3]) Пр. Вивл. I. 5. Татищевъ говоритъ, что дополнительныя статьи къ Судебнику идутъ въ рукописи до года ссылки Романовыхъ (1601, напечатано 1610).

тельства поносны». Онъ возражаетъ на это, что знаніе всякой древности полезно, и что хотя тоже можно сказать о трудахъ древнихъ законодателей, но «для того ихъ не презираютъ, всюду со изъясненіемъ печатаютъ и славнѣйшіе юристы ихъ читать и силу ихъ разумѣть не гнушаются» [1]). Комментарій Татищева не филологическій, а реальный. Комментарій на Русскую Правду по большей части кратокъ: онъ состоитъ изъ объясненій древнихъ званій (не всегда удачныхъ: такъ ябетникъ, по мнѣнію Татищева, обѣтникъ или по договору служащій, т. е. холопъ) и толкованій по разуму той или другой статьи. Попадаются любопытныя указанія; напр., сближеніе 12 мужей «Русской Правды» съ шведскими, гдѣ «сей порядокъ хранится до днесь» [2]); или по поводу древнихъ денегъ: «до употребленія жъ серебряныхъ монетъ счисляли бѣліи лобки, ихъ же нѣколико въ Новѣградѣ я лѣтъ предъ 38 видѣлъ хранимые и слышалъ, что въ гривнѣ счисляли 380» [3]). Болѣе важны замѣчанія на Судебникъ, изданный Татищевымъ по тремъ спискамъ. Замѣчанія или представляютъ объясненія юридическихъ терминовъ, или поясненія на статьи, состоящія то изъ разсужденій, характеризующихъ взгляды Татищева, то изъ разсказовъ, касающихся близкаго къ Татищеву времени (Алексѣя, Ѳеодора, Петра). Для характеристики взглядовъ Татищева любопытно, напр., его разсужденіе о посулѣ [4]). «Посулъ есть безгрѣш-

---

[1]) Тамъ-же, 6—7. По этому поводу говоритъ Татищевъ въ письмѣ къ Блюментросту („Входящія письма 1750 въ Арх. Акад.): „о потребности и пользѣ сихъ напечатанія я хотя главное по моему скудоумію показалъ, что мудрѣйшій профессоръ лучше можетъ изъяснить, однакоже сіи сами собою довольно могутъ наставленіемъ быть, сколько къ сочиненію законовъ наука юриспруденціи, граматика и риторика нужны и сколько знаніе древнихъ законовъ, а паче сочиненіе вновь по правиламъ государству пользуетъ, а безразумно сложенные вредны и въ корень сами собою разорятся и сочинителямъ поношеніе оставляютъ".

[2]) Тамъ-же, 14.

[3]) Тамъ-же, 18.

[4]) Пр. къ § 1. Свой методъ приводить примѣры Татищевъ въ указанномъ выше письмѣ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „я въ изъясненіяхъ

ный,—говоритъ авторъ,—когда судящійся, видя соперника коварнаго ябедника, проситъ о его охраненіи, или кто, не хотя долго за дѣломъ волочиться, имѣя другую неменьшую нужду, проситъ о скоромъ рѣшеніи»; тогда судія хотя «въ домѣ имѣетъ отъ дѣлъ свободу, но когда хочетъ, то можетъ, оставя свой домовный распорядокъ, умалить свой покой или веселія и забавы, а употребить то время къ разсмотрѣнію дѣлъ просящихъ его: то уже взятое за трудъ не есть лихоимство, но мзда должная, яко Ап. Павелъ учитъ: дѣлающему мзда не по благодати, но по долгу». Это разсужденіе уже извѣстно намъ по разговору Татищева съ Петромъ [1]). Здѣсь Татищевъ прибавляетъ, что Петръ хотѣлъ издать объ этомъ указъ, «только, знатно, время и другія дѣла воспрепятствовали». Анекдоты, сообщаемые Татищевымъ въ поясненіе той или другой статьи Судебника, давно уже обратили на себя вниманіе нашихъ юристовъ и историковъ. Укажемъ для примѣра на анекдотъ о дворянинѣ, просившемъ кормленія у царя Алексѣя Михайловича и нажившемъ менѣе, чѣмъ думалъ, узнавъ о чемъ и убѣдившись, царь далъ ему другой городъ [2]). Такія извѣстія, а также поясненія юридическихъ терминовъ, нынѣ вышедшихъ изъ употребленія, но еще памятныхъ Татищеву, даютъ труду его все значеніе первоначальнаго источника [3]).

нѣкоторыя исторіи въ примѣръ внесъ въ томъ разумѣніи, что правила морали и закона естественнаго многимъ не столько какъ приклады понятнѣе, вразумительнѣе и пріятнѣе. Персонъ я въ случаяхъ досадныхъ не упоминалъ, а въ похвальныхъ всѣхъ положилъ, чрезъ что оное многимъ будетъ пріятно, а нѣкоторые собственно къ чести государей принадлежатъ".

[1]) „Дух." 34—37.

[2]) Прим. къ § 24.

[3]) Н. А Поповъ (въ прил. XVIII) напечаталъ по рукописи нѣкоторыя замѣтки Татищева на Судебникъ, не вошедшія въ печатныя изданія. Любопытно, что пропущено указаніе на нераздачу вотчинъ при Петрѣ II и въ малолѣтство Петра Великаго; быть можетъ опасались, что это покажется намекомъ на современность; сокращено прим. на § 164 объ отдачѣ вотчинъ въ монастыри. Важно также въ примѣчаніи къ Борисову указу о выходѣ уничтоженіе словъ: „суще въ то время, какъ онъ о Лже-Дмитріѣ

Занятію вопросами политическими, юридическими и экономическими Татищевъ посвящалъ не мало времени, что видно изъ ссылокъ въ исторіи на Пуффендорфа, Локка, Гобеса, Маккіавели; изъ того, что въ его библіотекѣ встрѣчаются Europaischer Staatscantzley (сборникъ въ 40 томовъ), Lünigs Teutsche Reichs-cantzley [1]); изъ того, что въ своемъ «Разговорѣ» онъ считаетъ нужнымъ изученіе не только дѣйствующаго законодательства, но и права естественнаго. Ясно, что Татищевъ не могъ не отзываться на политическіе и юридическіе вопросы своего времени; и дѣйствительно мы видимъ, что онъ считаетъ нужнымъ высказаться не только тамъ, гдѣ его дѣятельность требуется прямо его службою, какъ, напр., при составленіи горнозаводскаго устава, но и тамъ, гдѣ онъ считаетъ выраженіе своего мнѣнія полезнымъ, какъ, напр., въ событіяхъ 1730 г. До насъ дошли еще два произведенія Татищева въ публицистическомъ родѣ, на которыхъ лучше всего остановиться именно здѣсь. Одно изъ нихъ «Напомнѣніе на присланное росписаніе высокихъ и нижнихъ государственныхъ и земскихъ правительствъ» [2]), другое—«Разсужденіе о о ревизіи поголовной» [3]). Первое изъ этихъ сочиненій писано при Аннѣ Іоанновнѣ и—по мнѣнію Н. А. Попова—въ концѣ ея царствованія [4]). Мнѣніе это писано къ лицу очевидно высокопоставленному и бывшему въ сношеніяхъ съ Татищевымъ (быть можетъ, къ кн. Н. Ю. Трубецкому, извѣстному

Отрепьевѣ вѣдомость получилъ, тогда будучи въ превеликой робости". Замѣтимъ, что въ „Продол. Вивл." послѣдніе §§ не имѣютъ никакихъ примѣчаній. Татищевъ въ 1750 г. занимался приготовленіемъ къ изданію этихъ памятниковъ. Вотъ что мы читаемъ въ упомянутомъ письмѣ къ Блюментросту: „я увидавъ, что негдѣ еще старые законы въ домѣхъ и архивахъ находятся, бывшіе до уложенія, а особливо боярскіе въ междоцарствіи отъ 1611 г., о чемъ писалъ къ пріятелямъ, чтобъ, списавъ, мнѣ прислали, и какъ получу, то такимъ же порядкомъ, какъ и сіи, переписавъ, къ вамъ пришлю, да не останутся въ забытіи".

[1]) „Нов. Изв. о Татищевѣ", 60—63.

[2]) „Утро" М. 1859, 379—388.

[3]) „В. Н. Татищевъ и его время", прил. XVI и XVII.

[4]) Тамъ-же. 513.

своею образованностію и дружбою съ кн. Кантеміромъ). Поводъ, по которому оно написано, не ясенъ; но видно, что дѣло идетъ о проэктѣ государственныхъ и губернскихъ учрежденій. Татищевъ находитъ, что проэктъ грѣшитъ противъ основъ политической науки (мудрости) и географіи, и рѣшается въ общихъ чертахъ напомнить главныя—по его мнѣнію—требованія этихъ наукъ. Въ началѣ онъ спѣшитъ оговориться, что не дерзаетъ считать себя умнѣе ни сената, который составилъ проэктъ, ни того лица, къ которому пишетъ; рѣшается-же писать, потому что хотя прежнее росписаніе губерній и составлено сенатомъ, однако заключаетъ въ себѣ многія ошибки, причины которыхъ Татищевъ видитъ въ маломъ знаніи Россіи и недосугѣ собрать подробныя свѣдѣнія, властолюбіи и любоиманіи сильныхъ, своекорыстіи секретарей. Что-же касается до лица, то Татищевъ припоминаетъ слова Соломона: «Даждь премудрому причину и премудрѣе будетъ, скажи мудрому и той пріявъ умножитъ», и на этомъ основаніи рѣшается говорить.

Возведя начала общества и власти въ немъ къ союзу семейному: супруговъ, родителей и дѣтей, господъ и слугъ, и намекнувъ на переходъ семейнаго союза въ гражданскій и государственный, причемъ перечисляетъ формы правленія, Татищевъ останавливается на дѣйствіяхъ власти государственной относительно вѣры, просвѣщенія, суда, народнаго богатства. По вопросу о вѣрѣ авторъ высказываетъ такія положенія: «всякая область пріятое содержитъ и хранитъ и оное почитаетъ за главное. А для пользы государства благоразсуднѣйшія правительства терпятъ всѣ законы». Такъ дѣлается и въ Россіи, «токмо единъ законъ еврейскій у насъ отъ 1124 г. сеймомъ князей изверженъ и жестоко запрещенъ. Какъ оныхъ къ правовѣрію христіанскому принуждать за неполезно и паче вредно признано, такъ всѣмъ иновѣрцамъ народно учить и отъ православія отвращать жестоко запрещено; равно безбожное и аѳеистовъ ученіе и разсужденія никакая власть и правительство, яко весьма вреднаго,

терпѣть не можетъ». По вопросу о народномъ образованіи авторъ вкратцѣ разсказываетъ исторію школъ въ Россіи. Для характеристики мнѣній Татищева важно, что уменьшеніе просвѣщенія въ періодъ по-татарскій онъ приписываетъ усилившейся власти духовенства, въ которомъ также видитъ причину медленнаго роста школъ, заведенныхъ Петромъ. Судъ — по мнѣнію Татищева — «есть главная должность и преимущество высокихъ властей». «Судейство—продолжаетъ онъ— тишину внутреннюю сохраняетъ и страхомъ наказанія всѣхъ въ тишинѣ и любви содержитъ, и вражды и междоусобія пресѣкаетъ, безъ котораго, если вражда умножится, междоусобіе родится и весь народъ легко въ смятеніе придти можетъ: тогда ни великія богатства, ни сила войскъ крайнему всего общества разоренію воспрепятствовать не могутъ». Судъ долженъ исходить отъ верховной власти: примѣръ Соломона: «Богъ, видя его искреннюю любовь къ подданнымъ, даровалъ ему неисчерпаемое богатство, преславныя побѣды на враги и славу вѣчную съ мудростью правосудія. Сіе же утверждаютъ всѣ титулы древнихъ государей, яко царь, rex, βασιλεύς; всѣ на тѣхъ языкахъ обозначаютъ судью». Но такъ какъ государь не можетъ повсюду лично отправлять правосудіе, то слѣдуетъ избирать въ области достойныхъ судей, «достоинство же оное состоитъ не въ чести породной или заслугами пріобрѣтенномъ чинѣ; но въ природномъ умѣ, благонравіи и черезъ науку пріобрѣтенной мудрости, дабы чрезъ глупость и злонравіе оныхъ честь царская не нарушалась и въ судахъ невинные обидъ не терпѣли. И хотя у насъ въ наученіи, какъ выше сказано, великъ недостатокъ, то хотя бы смотря на природный умъ и благонравіе въ судьи выбирали. Кто не можетъ ужасаться или съ горестью удивляться, когда видитъ изъ войска за пьянство, воровство, или иное непотребство и за лѣность изгнаннаго судьею немалаго предѣла»? Мало опредѣлить достойнаго судью, надо составить сборникъ законовъ. Татищевъ, какъ мы уже видѣли, недоволенъ Уложеніемъ. Неудачу предпріятія Петра составить новое Уложеніе онъ

объясняетъ такимъ образомъ: «какъ оное тѣмъ, которые обыкли съ большею ихъ пользою въ мутной водѣ рыбу ловить, было непріятно, и, не имѣя инаго способа оному воспрепятствовать, избрали къ тому людей болѣе безсовѣстныхъ, ябедниковъ, которые ово за расположеніемъ надъ потребность, ово за спорами время туне провождали». Заботы о народномъ благосостояніи (мудрость экономіи) по Татищеву — «состоятъ въ пріобрѣтеніи и храненіи всѣхъ пользъ государственныхъ, яко: во умноженіи народа; въ довольстіи всѣхъ подданныхъ; побужденіе и способы къ трудолюбію, ремесламъ, промысламъ, торгамъ и земскимъ работамъ; во умноженіи всякихъ плодовъ отъ животныхъ и рощеній; въ поученіи страху Божію и благонравію, въ умѣренномъ управленіи имѣніемъ и т. д.». Свое изложеніе содержанія науки государственнаго права авторъ заканчиваетъ замѣтками объ областныхъ правителяхъ. Въ Россіи, по его мнѣнію, правители областей различаются между собою только названіями; но нужно ввести различіе по положенію въ чести и въ обязанностяхъ. «Ежели кто— разсуждаетъ онъ—на чести оскорбленъ бываетъ, то конечно или въ вѣрности, или въ прилежаніи ослабѣваетъ; а изъ того иногда великій вредъ происходитъ. У насъ сей порядокъ непреложно наблюдаютъ; напр., въ нѣкоторыхъ конторахъ и канцеляріяхъ главный полковникъ или бригадиръ указы посылаетъ генералу или губернатору, правящему цѣлое царство; да еще съ неучтивыми угрозы и досадительными включеніи. Нужна по чину повѣренность и власть; а ежели сіе отнимется, то не иначе какъ вѣрность и ревность ко изобрѣтенію пользы отъемлется»; далѣе Татищевъ замѣчаетъ, что въ предоставленіи преимуществъ, власти и почета правительство должно быть осторожно, «помня примѣры многихъ и своего государства, что нѣкоторые въ отдаленіи, получа надменную власть, великій вредъ или совершенное паденіе государству причинили». Совѣтуя опредѣлить преимущества и права правителей, Татищевъ требуетъ и строгаго опредѣленія ихъ обязанностей. Требуя точнаго

разграниченія правъ и обязанностей разныхъ правителей, Татищевъ требуетъ также точнаго опредѣленія отношенія сословій: «сія разность чиновъ временная,—говоритъ онъ,—но другая есть пребывающая и наслѣдственная, яко шляхетство, гражданство и подлость, а негдѣ четвертое счисляютъ — духовенство. У насъ въ уложеніи неколико шляхетство отъ прочихъ отмѣнено, токмо безъ основанія, недостаточно и неясно. Для того у насъ всякъ, кто только похочетъ, честь шляхетскую похищаетъ». Таковъ этотъ конспектъ государственнаго права, показывающій, что Татищевъ вникалъ въ теорію этой науки и былъ знакомъ съ европейскими трудами. Его взглядъ на сословія объясняется господствовавшимъ и на практикѣ и въ теоріи раздѣленіемъ общества на сословія и нисколько не долженъ удивлять насъ, тѣмъ болѣе, что внимательное изслѣдованіе русскаго XVIII в. показываетъ, что именно въ это время и правительственными мѣрами и стремленіями интелигенціи создается у насъ сословное различіе, которое въ древней Руси было не сознаваемо ясно и существовало только въ видѣ раздѣленія на людей служилыхъ и тяглыхъ, т. е. основанное на томъ, какъ и чѣмъ человѣкъ служитъ государству, и принаровленное къ потребностямъ государства. Знакомство съ бытомъ Европы, гдѣ сословныя различенія крѣпко вросли въ почву, не могло не отразиться у насъ въ стремленіяхъ дворянства (принимавшаго въ XVIII в. многознаменательное названіе шляхетства); «собираніе разсѣянныхъ храминъ» касалось не только городскаго общества; но и шляхетство образуется изъ «разныхъ чиновъ и службъ служилыхъ людей» и стремится достигнуть до сословнаго сознанія. Въ депутатскихъ наказахъ и преніяхъ знаменитой екатерининской коммисіи ясно видно это стремленіе, на встрѣчу которому идутъ попытки правительства организовать «средняго рода людей», т. е. создать tiers-etat; духовенство-же, въ силу другихъ обстоятельствъ, организуется въ замкнутое сословіе. Съ этой точки зрѣнія замѣтка Татищева становится намъ понятной. Вообще-же во

всемъ мнѣніи важно обращеніе къ теоріи вызываемой здѣсь на мѣсто дотолѣ признаваемой практики, къ указаніямъ которой дома и за границей любили обращаться въ началѣ XVIII в. Передъ нами рисуется въ неясной дали знаменитый «Наказъ». Не будемъ останавливаться на томъ, что Татищевъ говоритъ далѣе о географіи: здѣсь онъ повторяетъ самъ себя.

Другимъ публицистическимъ трудомъ Татищева было «Разсужденіе о ревизіи поголовной», по случаю объявленной въ 1742 г. второй ревизіи. Здѣсь, какъ и всегда, Татищевъ начинаетъ съ общихъ понятій: перепись людей (или ревизія) имѣетъ цѣлію «управленіе дани или сбора съ людей». Доходы государства раздѣляются на окладные и неокладные дани (по нашему—сборы); окладныя: поголовныя, поземельныя, оброки съ угодій опредѣляютъ собою и окладные (опредѣленные) расходы, при опредѣленіи которыхъ должно стараться, «чтобы для случаевъ нечаянныхъ нѣчто въ казнѣ въ запасъ оставалось»; неокладные-же: пошлины съ торговли, ремеслъ — болѣе случайны. Оклады доходовъ и расходовъ слѣдуетъ по временамъ измѣнять, частью въ слѣдствіе благоразумныхъ мѣръ къ умноженію доходовъ и уменьшенію расходовъ, частью въ слѣдствіе случайныхъ перемѣнъ въ состояніи подданныхъ. Мѣрами къ умноженію доходовъ со стороны правительства, по мнѣнію автора, могутъ быть: 1) мѣры къ увеличенію нáродонаселенія; 2) учрежденіе въ государствѣ «домостроительства, дабы елико возможно работы и труды крестьянъ уменьшить, а плодородіе въ житѣхъ, скотахъ и пр. умножить»; 3) хорошіе законы и строгій надзоръ за жизнью и работами населенія; 4) увеличеніе мануфактуръ, и особенно тѣхъ, которыя обработываютъ мѣстныя произведенія; 5) усиленіе и улучшеніе внѣшней и внутренней торговли; 6) улучшеніе путей сообщенія, безопасности сношеній, «устроеніе училищъ къ пріобрѣтенію разума и способности въ разсужденіяхъ и поступкахъ, яко же имъ знаніе закона Божія и гражданскаго главное»; 7) мѣры про-

тивъ тунеядства; 8) «содержаніе войскъ во время мирное въ такомъ порядкѣ. чтобы оное работамъ и торгамъ не токмо не повредило, но паче тому помоществовало и не праздно или туне хлѣбъ ѣли»; 9) правосудіе; 10) заботы о томъ, чтобы подданные не имѣли причины выселяться за границу и призывъ населенія въ степи; 11) учрежденіе коммерческихъ банковъ. Разсказавъ вкратцѣ исторію податной системы въ Россіи, авторъ останавливается на подворной переписи 1711 г. и ревизіи 1723 г. и указываетъ на ихъ неполноту, побудившую въ 1727 г. предписать повѣрку. Новые недоборы понудили въ 1743 г. предписать новое свидѣтельствованіе. Татищевъ не доволенъ веденіемъ дѣла и потому представляетъ критику инструкціи, предварительно замѣтивъ, что срочныя переписи дѣло хорошее, что подтверждаетъ примѣромъ римской имперіи (индиктъ черезъ 15 лѣтъ) и Швеціи. Разсматривая подробно инструкціи, Татищевъ останавливается на томъ, что назначены офицеры изъ полковъ, которые оторваны отъ службы, «а въ дѣлѣ многіе никакого искусства не имѣютъ, но болѣе обыкли властію повелѣвать и чужимъ, а не своимъ быть довольны»; многіе назначены къ своимъ деревнямъ, что ведетъ къ продолженію ревизіи и утѣсненію людей (въ объясненіе припомнимъ, что тогда служба продолжалась 25 лѣтъ). Недовольные данными имъ секретарями, офицеры эти потребовали «тѣхъ, на кого имѣли злобу, чтобы отомстить, или своихъ доброхотовъ, чтобы обогатить». Укажемъ изъ подробнаго и основательнаго разбора нашего автора на болѣе важные пункты: запрещено крестьянамъ отлучаться на промыслы, что ведетъ къ разстройству; нѣтъ общей формы вѣдомостей; крестьянъ пишутъ безъ прозвищъ, что ведетъ къ путаницѣ. Всего затруднительнѣе является вопросъ о бѣглыхъ: трудно было ихъ отыскиваніе, опредѣленіе пожилаго (плата тому, кто, купивъ бѣглаго не зная, держалъ его у себя), штрафа за нихъ, подушныхъ съ нихъ и т. п. Указавъ на недостатки инструкціи, Татищевъ предлагаетъ свой планъ. Онъ совѣ-

туетъ вмѣсто офицеровъ для веденія ревизіи выбрать самому шляхетству каждой провинціи отставныхъ изъ мѣстныхъ жителей, причемъ въ выборы не должны вступаться мѣстныя власти; гдѣ нѣтъ шляхетства, тамъ можно «по два мужика лучшихъ опредѣлить, выбравъ отъ волостей самимъ волостнымъ, какъ въ Судебникѣ Іоанна II о судьяхъ волостныхъ написано», разослать форму сказокъ, крестьянъ писать съ прозваніями. Вопросы о бѣглыхъ Татищевъ старается разъяснить, опираясь на существующія узаконенія. Мы уже видѣли, что съ этимъ вопросомъ онъ встрѣтился практически на Уралѣ. Такъ, между прочимъ, вмѣсто строгихъ наказаній, иногда не исполнявшихся, онъ предлагаетъ ввести умѣренный штрафъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ былъ не разрѣшимъ, пока существовало крѣпостное право: какія-бы мѣры ни принимались, бѣглые все-таки были. Любопытно, что полагая полезнымъ при межеваніяхъ, вводахъ во владѣніе и т. п. опредѣлять коммисаровъ изъ шляхетства, онъ прибавляетъ: «сіе по состоянію нынѣшняго шляхетства было-бы тщетно: 1) у насъ между шляхтичемъ и подлымъ никакой разности и закона о томъ нѣтъ, а почитаются всѣ, имѣющіе деревни: подъячіе, посадскіе, холопы, имѣющіе отчины, купленныя или инымъ случаемъ полученныя, за шляхетство; гербы себѣ берутъ, кто какой самъ вымыслитъ, и почитаются по богатству, чего нигдѣ не ведется; 2) шляхетство не учено и училищъ не устроено». Въ концѣ разсужденія [1]) Татищевъ говоритъ: «Всѣ сіи законы, какъ-бы они полезны ни были, не могутъ быть дѣйствительны, если по нимъ исполненія судей не послѣдуетъ, какъ того съ горестію довольно видимъ, что сильнымъ и немощнымъ, ябедникамъ и простодушнымъ иные порядки въ судѣ и иные законы къ рѣшенію находятся: но сіе болѣе отъ разногласныхъ законовъ и безстрашія судей происходитъ, что толковать оставляю». Этотъ грустный

---

[1]) Середина котораго, къ сожалѣнію, не отыскана.

припѣвъ, какъ мы видѣли, не разъ приходилось повторять Татищеву. Обзоръ сохранившихся его мнѣній объ общихъ вопросахъ показываетъ, что и въ нихъ Татищевъ оставался вѣренъ себѣ, и въ нихъ мы видимъ постоянное стремленіе объяснить настоящее прошедшимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, употреблять всѣ усилія улучшить это настоящее по указаніямъ и теоріи, и опыта, и русскаго и другихъ странъ; словомъ, мы видимъ передъ собою человѣка, идеалъ котораго—прогрессъ на исторической почвѣ, а единственный прочный путь къ достиженію этого идеала—развитіе просвѣщенія. При такихъ воззрѣніяхъ Татищевъ долженъ былъ стать тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ, и потому весьма естественно, что одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей XVIII вѣка сдѣлался первымъ русскимъ историкомъ.

Исторія Татищева—памятникъ многолѣтнихъ и добросовѣстныхъ трудовъ, воздвигнутый при условіяхъ самыхъ неблагопріятныхъ, при отсутствіи не только предварительныхъ работъ, не только собраннаго матеріала, но даже указаній на то, гдѣ какой матеріалъ существуетъ — долго оставалась непонятою и неоцѣненною. Мы уже знаемъ, что при жизни Татищевъ встрѣтилъ не только холодность, но даже враждебное отношеніе къ своему предпріятію, и исторія его появилась только при Екатеринѣ и то безъ послѣдней книги, случайно найденной и изданной уже въ настоящемъ столѣтіи; а многочисленныя замѣтки его остаются и до сихъ поръ не вполнѣ изданными [1]). Встрѣченная сарказмомъ Шлецера [2]), заподозрѣнная въ выдумкахъ Карамзинымъ, «Исторія» Тати-

---

[1]) „Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, неусыпнымъ трудомъ черезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная покойнымъ, т. е. астраханскимъ губернаторомъ В. Н. Татищевымъ“ кн. 1, ч. 1. М. 1768; кн. 1, ч. 2. М. 1769; кн. II, М. 1773; кн. III, М. 1774; кн. IV, Спб. 1784 Пятая книга появилась въ „Чт. общ. исторіи“ годъ 3 (1847—48), а потомъ отдѣльно. Первое извѣстіе о ней сообщено было С. М. Соловьевымъ въ „Москвитянинѣ“. Переписку о печатаніи „Исторіи“ см. въ „Нов. изв. о Татищевѣ“, 49—55, 64—66.

[2]) Во введеніи къ „Нестору“.

щева долго не пользовалась никакимъ авторитетомъ; но изслѣдователи позднѣйшіе начали однако обращать вниманіе и на Татищева: М. П. Погодинъ и Бутковъ въ борьбѣ со скептиками обращались къ Татищеву; имъ пользовался С. М. Соловьевъ въ своихъ дисертаціяхъ и въ исторіи; пр. Макарій въ исторіи «Русской церкви» и др. Благодаря статьямъ С. М. Соловьева[1]) и часто упоминаемому труду Н. А. Попова теперь уже никто изъ ученыхъ не сомнѣвается въ добросовѣстности Татищева; подозрѣніе въ выдумки «Іоакимовой лѣтописи» — опровергнуто въ замѣчательной статьѣ П. А. Лавровскаго[2]). Впереди остается еще важная и трудная работа, которая могла-бы служить достойною темою для магистерскаго или докторскаго разсужденія: отдѣленіе всѣхъ особыхъ извѣстій Татищева, опредѣленіе, какія изъ нихъ принадлежатъ которому изъ его неизвѣстныхъ источниковъ, и затѣмъ оцѣнка ихъ достовѣрности на основаніи частью памятниковъ сохранившихся, а частью внутреннихъ соображеній[3]). Многое, конечно, было-бы гадательнымъ въ подобной работѣ; но всетаки были-бы достигнуты важные результаты, по крайней мѣрѣ вошли-бы окончательно въ исторію многіе факты. Вся первая книга «Исторіи» посвящена собственно введенію въ сводъ лѣтописныхъ извѣстій, составляющихъ главное содержаніе труда Татищева. Начинаетъ онъ съ опредѣленія понятія исторіи, подъ которое онъ подводитъ не только дѣла

---

¹) Въ „Арх. историко-юрид св.“, кн. II, пол. 1.

²) „Зап. II отд. Ак. Наукъ“ кн. II, вып. I. Бутковъ тоже написалъ обширное разсужденіе объ этой лѣтописи, которое Академія собиралась издавать нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но что остановило изданіе — неизвѣстно.

³) Какъ на блистательный образчикъ возможности подобныхъ повѣрокъ укажемъ на объясненіе извѣстія Татищева о походѣ Мономаха на помощь грекамъ, сдѣланное по соображеніямъ съ византійцами однимъ изъ самыхъ талантливыхъ молодыхъ изслѣдователей В. Г. Василевскимъ въ его статьѣ „Византія и Печенѣги“ (Ж. М. Н. пр. 1872, кн. 12, стр. 305—306). Сомнѣнія Н. П. Лыжина въ подлинности полоцкихъ лѣтописей, будто-бы поддѣланныхъ Хрущевымъ („Изв. Ак. Наукъ“, VII), были основательно опровергнуты Н. А. Поповымъ („Татищевъ, 461“).

человѣческія, но и «приключенія естественныя или чрезъестественныя». «Нѣтъ такого приключенія, —говоритъ онъ— чтобъ не могло дѣяніемъ назваться, ибо ничто само собою и безъ причины или внѣшняго дѣйствія приключиться не можетъ: причины-же всякому приключенію разныя, яко отъ человѣка»[1]). Раздѣливъ исторію на Сакра или святая («лучше сказать—прибавляетъ онъ—божественная»), еклезіастика или церковная, политика или гражданская («у насъ болѣе обычно именовать свѣтской»), па исторію наукъ и ученыхъ, Татищевъ переходитъ къ пользѣ исторіи, причемъ указываетъ сначала на пользу добрыхъ и худыхъ примѣровъ, потомъ переходитъ къ пользѣ ея для богослова, юриста[2]), медика и вообще философа (естествоиспытателя), политика; (по Татищеву политика заключаетъ три части: правительство внутреннее или экономическое, дѣла внѣшнія и дѣйствія воинскія). Всѣмъ имъ нужна исторія какъ собраніе примѣровъ; «многіе великіе государи — говоритъ Татищевъ—есть ли не сами, то людей искусныхъ къ писанію ихъ дѣлъ употребляли, не токмо для того, чтобы ихъ память со славою осталась, но паче для прикладовъ наслѣдникамъ своимъ показать прилѣжали». Сказавъ, что все это относится къ русской исторіи, какъ и ко всякой другой, Татищевъ доказываетъ необходимость пользоваться иностранными источниками, ибо 1) писателямъ не всегда было извѣстно, какія обстоятельства въ ихъ земляхъ помогали или препятствовали событіямъ; 2) современники многое умалчиваютъ или искажаютъ изъ страха или пристрастія. Съ

---

[1]) Эти слова онъ подтверждаетъ ссылкою на „Физику" и „Мораль" г. Волфа. Такъ слѣдилъ Татищевъ за всѣмъ, что было любопытнаго въ тогдашней наукѣ.

[2]) „Юриспруденція учитъ благонравію и должности каждаго къ Богу, къ себѣ самому и другимъ, слѣдственно къ пріобрѣтенію спокойствія души и тѣла, то не можетъ никакой юристъ мудрымъ названъ быть, если не знаетъ прежнихъ толкованій и преній о законахъ естественныхъ и гражданскихъ, и какъ можетъ судія право дѣло судить, если древнихъ и новыхъ законовъ и причины премѣненіямъ неизвѣстенъ".

тѣмъ вмѣстѣ указываетъ и на то, что иностранцы найдутъ разъясненіе многому касающемуся древней исторіи въ исторіи русской. За указаніемъ на пользу и значеніе исторіи слѣдуетъ указаніе на вспомогательныя ея науки: географію, хронологію, генеалогію, а затѣмъ авторъ переходитъ къ условіямъ изложенія историческаго: по способу изложенія исторія бываетъ генеральная (общая), универсальная (пространная), партикулярная (частная) и спеціальная (особенная). По эпохамъ исторія дѣлится на древнюю, среднюю и новую; по порядку изложенія одни пишутъ исторію областей, другіе государей (архонтологія), третьи пишутъ погодно (лѣтопись, временникъ). Переходя къ тому, что требуется отъ историка, Татищевъ указываетъ, что одни желаютъ только начитанности, памяти и разсудка, другіе полнаго философскаго образованія. По его мнѣнію, первое требованіе «скудно», а второе «избыточественно»; желая держаться середины, онъ требуетъ отъ историка начитанности, критическаго смысла, знанія логики и риторики (причемъ однако замѣчаетъ, что иногда грѣшатъ и ученые, а похвалы заслуживаютъ неученые). Важнѣйшее-же требованіе отъ историка есть справедливость сказаній и отверженіе басенъ.

Далѣе авторъ представляетъ краткій перечень своихъ источниковъ, между которыми есть нѣсколько неизвѣстныхъ намъ (напр., лѣтопись Муромская, Нижегородская, сказанія Луговскаго о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, Лихачева о Ѳедорѣ и др.) [1]. Потомъ, разсказавъ уже извѣстную намъ неудачу, которую потерпѣлъ онъ, привезя исторію въ Петербургъ, Татищевъ разсказываетъ, какъ онъ принялся за исторію, что мы тоже уже знаемъ, и переходитъ къ плану своей исторіи, которую дѣлитъ на четыре книги: 1) до начала русскаго государства; 2) до 1238 г.; 3) до 1462 г.; 4) до

[1]) Въ спискѣ книгъ его библіотеки, сгорѣвшей въ деревнѣ его, встрѣчаются лѣтописи Нижегородская до 1347; Ростовская до 1318 («Нов. изв. о Татищевѣ, 51»).

1613 г. Новой исторіи онъ писать не хочетъ, потому что она болѣе извѣстна, «а наипаче, что въ настоящей исторіи явятся многихъ знатныхъ родовъ великіе пороки, которые есть ли писать, то ихъ самихъ или ихъ наслѣдниковъ подвигнуть на злобу, а обойдти оные — погубить истину и ясность исторіи». Заявивъ потомъ, что изъ иностранцевъ самъ онъ могъ пользоваться только польскими и нѣмецкими книгами, Татищевъ жалуется на недостатокъ переводчиковъ. Указавъ на то, что для первой книги онъ много пользовался статьями Байера и что слѣдующія намѣренъ былъ сначала писать «историческимъ порядкомъ, сводя изъ разныхъ лѣтъ къ одному дѣлу», но потомъ, зная трудность добывать лѣтописи и видя отступленія одной отъ другой, предпочелъ сдѣлать простой, объясненный примѣчаніями сводъ, подновивъ коегдѣ языкъ и исключивъ то, что не входитъ въ свѣтскую исторію: чудеса, явленія и т. п. [1]). Татищевъ заключаетъ свое «предвозвѣщеніе» исчисленіемъ періодовъ умственнаго развитія, которое онъ начинаетъ съ изобрѣтенія письменъ. Это ему было необходимо, потому что свое введеніе въ исторію онъ начинаетъ главою: о древности письма славянъ.

Говоря о письмѣ древнихъ славянъ, авторъ высказываетъ мысль, что до извѣстныхъ намъ азбукъ у славянъ могла быть своя самостоятельная азбука. Мы уже знаемъ, что глаголицу Татищевъ приписываетъ св. Іерониму. Слѣдующая глава посвящена идолослуженію славянскому. Любопытно, что въ этой главѣ пришлось указывать на различіе иконъ отъ идоловъ. За вопросомъ объ идолослуженіи авторъ излагаетъ

[1]) По случаю этого подновленія вотъ что говоритъ авторъ въ письмѣ къ Шумахеру (1745 г. іюля 9): «Исторія русская, какъ вамъ извѣстно, древнимъ нарѣчіемъ писана и какъ я ихъ не мало читалъ, то мнѣ казалось довольно ясно, но когда я по просьбѣ нѣкоторыхъ принялся оную на новое нарѣчіе переложить, то не токмо монахъ, коему было поручено, ни самъ точно и ясно настоящимъ нарѣчіемъ положить безъ труда не могъ, однакожъ оной близь половины переложилъ, нѣкакія темныя мѣста изъяснилъ». (Вход. пис.).

исторію крещенія Руси и переходитъ къ лѣтописи, названной Іоакимовою. Лѣтопись эта, сообщенная ему архимандритомъ Бизюкова монастыря (Херсонской губерніи), долго подавала поводъ къ сомнѣнію въ добрссовѣстности Татищева; но послѣ превосходныхъ изслѣдованій П. А. Лавровскаго нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что сборникъ этотъ составленъ задолго до Татищева и принадлежитъ къ довольно многочисленной семьѣ сборниковъ лѣтописныхъ XVII в., составленныхъ по образцу польскихъ лѣтописцевъ; характеристическимъ представителемъ этого разряда служитъ знаменитая книга «О древностяхъ россійскихъ» Каменевича-Рвовскаго[1]). Помѣщеніе этой лѣтописи отдѣльно отъ свода, въ основу котораго легла лѣтопись такъ называемая Несторова, авторъ объясняетъ такъ: «мнѣ ни на какой манускриптъ извѣстный сослаться нельзя», ибо архимандритъ сообщилъ ему только выписки. Лѣтопись эта раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ одна состоитъ изъ баснословныхъ сказаній о древнихъ славянахъ и не имѣетъ никакого значенія; другая, представляя нѣкоторыя извѣстія, касающіяся первыхъ варяжскихъ князей, иногда принимается историками къ свѣдѣнію (напр., причины успѣха Владиміра противъ Ярополка, извѣстіе о томъ, что Анна—царевна Болгарская, сказаніе о крещеніи Новгорода); и дѣйствительно эти извѣстія имѣютъ нѣкоторую долю вѣроятности, хотя форма ихъ слишкомъ книжна; но быть можетъ въ основу легли какія-нибудь древнія сказанія. Печатая сообщенную рукопись, Татищевъ по своему обыкновенію снабдилъ ее примѣчаніями, изъ которыхъ нѣкоторыя весьма интересны. Такъ, по поводу сна матери Рюрика онъ сообщаетъ объ юродивыхъ, жившихъ при дворѣ царицы Прасковіи Ѳеодоровны. Въ послѣднемъ примѣчаніи Татищевъ изъявляетъ надежду, что можетъ найдется полная исторія того

---

[1]) В. И. Григоровичъ пытался найдти какіе-нибудь слѣды происхожденія этого сборника въ Бизюковомъ монастырѣ; но тщетно (см. „Замѣтки Антиквара“ От. 1874.).

времени, и выражаетъ желаніе, чтобы синодъ повелѣлъ монастырямъ сдѣлать полную опись своихъ библіотекъ и архивовъ. Желаніе это и до сихъ поръ еще не вполнѣ осуществлено; а сколько съ тѣхъ поръ погибло памятниковъ! Слѣдующая глава посвящена изложенію свѣдѣній о Несторѣ и общимъ замѣчаніямъ о характерѣ сохранившихся списковъ первоначальной лѣтописи. Затѣмъ авторъ указываетъ на продолжателей Нестора, причемъ по догадкамъ называетъ имена нѣкоторыхъ; въ этой главѣ есть много указаній на списки, извѣстные Татищеву и теперь уже погибшіе. Такъ, онъ указываетъ на списокъ, который онъ называетъ Волынскимъ, составитель котораго описываетъ наружность князей XII в. Дѣйствительно, много такихъ описаній встрѣчается въ выпискахъ Татищева. Куда дѣвался этотъ списокъ и къ какому времени онъ принадлежалъ — неизвѣстно. Описанія Татищева очень неясны; впрочемъ, ясными они не могли быть въ виду того, что ни палеографія, ни исторія языка тогда не были нисколько развиты. Въ этой-же главѣ есть первое указаніе на то, что лѣтопись замолкла при Алексѣѣ Михайловичѣ съ учрежденіемъ тайной канцеляріи. Это показаніе повторялось многими, но теперь оставлено, ибо теперь извѣстно, что «Приказъ тайныхъ дѣлъ» Алексѣя Михайловича совершенно не то, что тайная канцелярія временъ Бирона: это просто государева канцелярія, вѣдавшая тѣ дѣла, которыя ей государь поручалъ. Описанію списковъ, которыми пользовался Татищевъ, посвящена слѣдующая глава. Здѣсь, кромѣ указаній на списки утраченные, важность которыхъ можетъ оказаться только послѣ такого труда, о какомъ мы говорили выше, встрѣчается любопытное замѣчаніе о «Никоновскомъ спискѣ» и «Степенной книгѣ», что въ нихъ видно стремленіе возвысить духовную власть. Изложивъ вопросъ объ источникахъ, Татищевъ переходитъ къ вопросу о хронологіи; здѣсь онъ излагаетъ различныя времяисчисленія, указываетъ на существованіе у насъ мартовскаго и сентябрьскаго года. Какъ добросовѣстенъ былъ Татищевъ въ своихъ работахъ

видно изъ одного указанія этой главы: видя разнорѣчіе въ показаніяхъ списковъ, Татищевъ составилъ для себя пасхальную табель на все время, обнимающее его исторію, и алфавитный списокъ святыхъ со днями ихъ чествованія, что помогало въ хронологической работѣ, ибо нерѣдко въ лѣтописяхъ обозначенъ только святой, памяти котораго посвященъ день. Слѣдующія главы заняты разсужденіями о происхожденіи, раздѣленіи и смѣшеніи народовъ, о причинѣ разности званій народовъ, о скиѳахъ; затѣмъ слѣдуютъ извлеченія—съ примѣчаніями нерѣдко любопытными—извѣстій о древнемъ состояніи русской территоріи Геродота, Страбона, Плинія Секунда, Клавдія Птоломея, Константина Порфирогенета (переведено изъ Байера), изъ книгъ сѣверныхъ писателей (тоже по Байеру). Представивъ этотъ матеріалъ, Татищевъ обращается къ соображеніямъ по древней этнографіи и посвящаетъ нѣсколько главъ сличенію данныхъ древней и новой этнографіи: скиѳы, по его мнѣнію, народъ тюркскій; въ этой главѣ много любопытныхъ этнографическихъ и географическихъ свѣдѣній, относящихся ко времени автора и собранныхъ имъ въ Оренбургѣ. Здѣсь есть ссылка на сибирскую исторію Татищева, не дошедшую до насъ [1]). Сарматовъ авторъ считаетъ финнами и по этому поводу сообщаетъ множество свѣдѣній о современныхъ ему финскихъ народахъ. Гетовъ и готовъ онъ соединяетъ въ одинъ народъ и считаетъ его сарматскимъ. Кимбровъ онъ относитъ тоже къ сарматамъ. Первоначальное ихъ жительство на Волгѣ подтверждаетъ названіемъ села Кимры, гербомъ ярославскихъ князей—медвѣдемъ, который былъ и на кимбрскихъ знаменахъ, и толкованіемъ словъ Птоломея, что они живутъ къ сѣверу отъ Каспійскаго моря; древнихъ агрипеевъ и иседоновъ онъ считаетъ

---

[1]) Кн. 1, ч. 2, 290—291. Если не относить этихъ словъ къ сдѣланному для него переводу Строленберга, на который онъ написалъ примѣчанія («В. Н. Татищевъ» 585—589), или къ запискамъ его о сибирскихъ народахъ (тамъ же, прим. XV).

болгарами и хвалисами, послѣднихъ считаетъ хозарами. Въ другой главѣ онъ раздѣляетъ болгаръ на городскихъ и сельскихъ и считаетъ первыхъ славянами, а вторыхъ—сарматами (т. е. финнами); козаръ-же считаетъ славянами. Въ этой главѣ любопытны указанія на развалины; между прочимъ, отъ считаетъ развалины на Ахтубѣ, рукавѣ Волги, за козарскія; теперь-же извѣстно, что это развалины Сарая. Печенѣговъ, половцевъ и торковъ Татищевъ называетъ тоже сарматами. Узовъ, которыхъ онъ сливаетъ съ гуннами, Татищевъ считаетъ славянами, а аваровъ (обровъ) сарматами, алановъ и роксолановъ тоже сарматами. Нѣсколько слѣдующихъ главъ посвящены варягамъ и руси. Татищевъ излагаетъ всѣ извѣстныя ему мнѣнія о происхожденіи Рюрика и Руси, причемъ приводитъ цѣликомъ всю статью Байера о варягахъ; самагоже Рюрика производитъ отъ королей или князей финляндскихъ, причемъ замѣчаетъ: «при Абовѣ въ самомъ почти городѣ зовется русскою гора, гдѣ сказано издавна жили Русы» [1]). Такимъ образомъ выходитъ, что основаніе русскому государству, по Татищеву, положилъ скандинавскій князь, владѣвшій Финляндіей; мы уже видѣли, что таково же было мнѣніе и пріятеля Татищева, шведскаго ученаго Біорнера. Обозрѣвъ всѣ свѣдѣнія и мнѣнія о варягахъ, Татищевъ обращается къ славянамъ, которыхъ производитъ отъ малоазійскихъ енетовъ, и подробно сообщаетъ всѣ найденныя имъ свѣдѣнія и мнѣнія о движеніяхъ славянъ, причемъ представляетъ обозрѣніе славянъ восточныхъ, южныхъ, западныхъ и сѣверныхъ (новгородцевъ и великоруссовъ—по Татищеву бѣлоруссовъ). Татищевъ счелъ нужнымъ обозрѣніе всѣхъ славянскихъ племенъ потому, — какъ онъ говоритъ, — что «безъ описанія прочихъ славянскихъ областей и предѣловъ о славянахъ въ Россіи поселившихся нѣколико будетъ неясно, а нѣкоторыя древнихъ сказанія останутся въ сумнѣніи». Въ этомъ мнѣніи поддержали его Ѳеофанъ и Брюсъ, съ которыми

---

[1]) Кн. I, ч. 2, 390.

онъ бесѣдовалъ въ 1722 г. Они снабдили его книгами: другія онъ выписалъ изъ Германіи; но о сербахъ и албанцахъ онъ ничего не нашелъ, но слышалъ, «что о тѣхъ славянехъ исторій нѣтъ, а хотя и есть нѣгдѣ письменныя, токмо списты печатать не допускаютъ, и гдѣ свѣдаютъ, отнявъ, истребляютъ» [1]). Любопытно, что Татищевъ первый изъ русскихъ указываетъ на возможность переселенія новгородцевъ съ балтійскаго поморья. Домыслъ этотъ находитъ себѣ впослѣдствіи много сторонниковъ и едва-ли можно его отвергнуть, хотя вполнѣ доказать трудно. Слѣдующая глава о славянскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ состоитъ изъ общихъ разсужденій, объясняющихъ происхожденіе нарѣчій искаженіемъ и заимствованіемъ изъ чужихъ языковъ. Мы уже видѣли, что этому вопросу Татищевъ посвятилъ подробное разсужденіе въ «Разговорѣ». Въ главѣ о умноженіи и умаленіи славянъ и языка указывается на тотъ фактъ, что русскіе славяне распространили и власть свою и языкъ, а другіе значительно умалились.

Окончивъ это обозрѣніе славянъ, Татищевъ переходитъ къ географіи. Опредѣливъ понятіе географіи, разсказавъ вкратцѣ ея исторію и вообще указавъ на ея пользу, Татищевъ передаетъ и исторію своихъ географическихъ занятій и переходитъ къ исторической географіи Россіи. Въ обширной главѣ (44) онъ излагаетъ свои свѣдѣнія по древней русской географіи: указываетъ на области, княжества, племена. Многое здѣсь неточно, но нельзя не замѣтить обилія фактовъ и той внимательности, съ которою многое отмѣчается.

За географіею слѣдуетъ разсужденіе о древнемъ правительствѣ русскомъ, гдѣ авторъ развиваетъ свою теорію происхожденія власти государственной отъ семейной и власти

---

[1]) Кн. I, ч. 2, 467. Татищевъ пользовался сочиненіемъ Вальвазара († 1693) о Крайнѣ; хроникою Гельмольда (жилъ въ XII в; издана въ 1659 г.); Кранцемъ о Вандаліи († 1517); Кромеромъ о Польшѣ († 1589); Гагеціемъ о чехахъ (здѣсь разумѣется хроника Гайка † 1553); но у трехъ послѣднихъ „о древности не токмо о другихъ, но и о ихъ собственныхъ многое не описано или описано неправо“.

господъ надъ служителями. Эту послѣднюю Татищевъ отличаетъ отъ власти побѣдителя надъ побѣжденнымъ: «преодолитель или хищникъ—говоритъ онъ—отъ господина разнится тѣмъ, что первый какимъ-либо насиліемъ своего непріятеля или нагло безсильнаго преодолѣвъ себѣ покоритъ; противо тому сущій господинъ правомъ благодѣянія, яко отецъ надъ чады, или добровольнымъ договоромъ въ служеніи или холопство приметъ, такъ между рабомъ и холопомъ есть разница». Это идеальное представленіе крѣпостнаго права уже знакомо намъ изъ «Экономическихъ Записокъ» Татищева. Разрозненныя семьи, подвергаясь опасности, соединяются вмѣстѣ; является городъ, а въ немъ раздѣленіе труда, ремесла и городское управленіе. Между семьями, живущими въ городѣ, начинаютъ возвышаться нѣкоторыя и образуютъ аристократію. Ссоры аристократовъ побуждаютъ избраніе монарха. Указавъ на происхожденіе верховной власти, Татищевъ исчисляетъ разные способы правленій и приходитъ къ извѣстной уже намъ мысли, что способъ правленія долженъ согласоваться съ условіями общества. Въ большихъ государствахъ правленіе должно быть монархическое, наслѣдственное, но съ правомъ государя назначить себѣ наслѣдника, что Татищевъ подтверждаетъ примѣрами изъ русской исторіи и свидѣтельствомъ св. Писанія, что отцы могутъ передавать старшинство меньшимъ (самъ Богъ такъ избралъ Моисея). Исчисливъ титулы государей, Татищевъ припоминаетъ исторію измѣненія титула въ Россіи (великій князь, царь, императоръ) и переходитъ къ развитію власти: до удѣловъ онъ видитъ самодержавіе, въ удѣльное время аристократію, съ Іоанна возстановлено самодержавіе. Потомъ указываетъ на попытку боярства при Шуйскомъ, причемъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о Мстиславскомъ, «котораго два раза избирая на царство просили, но онъ безнаслѣдія ради отрекся». Боярскому правленію конецъ положилъ Алексѣй Михайловичъ и то не вполнѣ: ему мѣшало властолюбіе Никона, а послѣ болѣзнь. Окончательно утвердилъ самодержавіе Петръ. Послѣ него «нѣкоторый коварный

вельможа (Менщиковъ) ко умноженію власти своей вымыслилъ учредить верховный тайный совѣтъ». Уничтоженіе его окончательно утвердило самодержавіе. Въ послѣднихъ главахъ введенія Татищевъ разсказываетъ исторію русскаго государственнаго герба, представляетъ краткое родословіе великихъ князей и царей до Шуйскаго, разбираетъ вопросъ объ іерархіи духовной, ея происхожденіи, взаимныхъ отношеніяхъ и ея исторіи въ Россіи, притомъ сильно возстаетъ противъ притязаній духовной власти на преобладаніе надъ свѣтской. Оканчиваетъ замѣтками о чинахъ и суевѣріяхъ древнихъ (т. е. обрядахъ), гдѣ говоритъ объ обрядахъ при рожденіи, нареченіи имени, бракахъ и погребеніяхъ.

Таково это введеніе, свидѣтельствующее о любознательности, начитанности и ширинѣ ученыхъ требованій автора: географія и этнографія, политика и правовѣдѣніе, филологія и археологія—все занимаетъ его, все кажется ему важнымъ на страницахъ исторіи. И этотъ человѣкъ стоитъ въ самомъ началѣ нашей исторической науки и работаетъ почти что одинъ на полѣ, совершенно неразработанномъ. Грустно только думать, что такъ долго мы его не знали или, что еще хуже, пренебрегали имъ. Что-же касается до самаго свода, то подробно говорить о немъ здѣсь не мѣсто; довольно только замѣтить, что Татищевъ часто указываетъ свои источники—и это по большей части въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы не находимъ свѣдѣній въ сохранившихся до насъ лѣтописяхъ—и тѣмъ облегчаетъ трудъ тому, кто принялся-бы за полную провѣрку его извѣстій. Примѣчанія Татищева, заключающія въ себѣ, по обыкновенію, множество указаній важныхъ для исторіи его времени и для характеристики его воззрѣній, идутъ только до нашествія татаръ [1]).

---

[1]) Н. А. Поповъ («Татищевъ и его время» 591—598) описываетъ сохранившіяся рукописи Татищева, не вошедшія въ исторію. Сверхъ того извѣстно, что сохранились его замѣтки о Θеодорѣ Алексѣевичѣ. Въ письмахъ Татищева есть указанія на то, какъ тяжка была ему неизвѣстность

Отъ Татищева сохранилась довольно большая переписка, касающаяся не только служебныхъ дѣлъ, но и ученыхъ вопросовъ. Ее частью напечаталъ П. П. Пекарскій, частью приводитъ С. М. Соловьевъ. Въ теченіи этого труда мы пользовались нѣкоторыми письмами. Въ письмахъ Татищевъ рисуется намъ со всею своею любознательностію: онъ пишетъ и о правописаніи, и о недостаткѣ переводчиковъ, проситъ книгъ, математическихъ инструментовъ, предлагаетъ завести общество въ складчину, которое поощряло-бы переводы; вкладчики вносили-бы деньги и получали-бы книгами. Самъ онъ предлагаетъ внести 1,000 р. «Разсудя что не токмо всему отечеству польза, но мнѣ, моимъ дѣтямъ и внучатамъ будетъ награжденіе съ увеселеніемъ». Переводить всего нужнѣе «греческія и латинскія древнія исторіи и географіи, а наипаче церковныя и бизантина (т. е. византійцевъ)». Въ письмахъ-же встрѣчаемъ повтореніе выраженнаго въ сочиненіяхъ желанія о дозволеніи вольныхъ типографій, ибо прежде были только казенныя, что и исполнено было при Екатеринѣ.

Въ виду важности этой переписки нельзя не желать, чтобы она была издана въ строго-хронологическомъ порядкѣ; желательно также собраніе всѣхъ мелкихъ какъ напечатанныхъ, такъ и остающихся въ рукописи статей Татищева. Надѣемся, что когда-нибудь это будетъ сдѣлано Академіею, владѣющей и рукописями и письмами Татищева.

Боюсь, что мой слабый очеркъ не вполнѣ уяснилъ образъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей XVIII в., но думаю, что кой какія новыя встрѣчающіяся въ немъ подробности, а также сводъ всего существеннаго стараго, помогутъ,

---

судьбы его исторіи. Такъ пишетъ онъ Блюментросту (1750 г. марта 6): «исторію русскую за неполученіемъ отъ васъ посланныхъ мною главъ также доканчивать оставилъ, и принялся изъяснять Лызлова Скифію, въ которой опасности о противныхъ разсужденіяхъ не чаю, да хотя бы кому нынѣ противно явилась, то можетъ до времени пролежать, когда опасность минетъ, тогда можетъ съ благодарностью примется».

быть можетъ, со временемъ другому воздвигнуть ему достойный памятникъ. Изучая внимательно и пристально и жизнь и сочиненія Татищева, я пришелъ къ тому убѣжденію, что, уступая Ломоносову силою творческаго генія, онъ тѣмъ не менѣе долженъ занять равное съ нимъ мѣсто въ исторіи русскаго развитія. Естествоиспытатель Ломоносовъ стремился возвести къ общему философскому единству ученіе о природѣ; историкъ и публицистъ, Татищевъ стремился съ своей стороны найдти общее начало человѣческаго общежитія и человѣческой нравственности. Менѣе самостоятельный въ этомъ отношеніи, онъ однако не теряетъ своего значенія относительно общества, среди котораго жилъ и на которое могъ и долженъ былъ имѣть дѣйствіе. Если его философское сочиненіе оставалось неизвѣстнымъ (и то не вполнѣ, ибо рукописи—говорятъ—попадаются), то въ другихъ его трудахъ разсыпаны тѣ-же мысли. Одно уже стремленіе внести обобщеніе есть важный шагъ въ умственномъ развитіи. Но не это одно даетъ право Татищеву на вѣчную благодарную память: онъ поставилъ науку русской исторіи на правильную дорогу собиранія фактовъ; онъ обозрѣлъ, на сколько могъ, сокровища лѣтописныя и указалъ дорогу къ другимъ источникамъ; онъ тѣсно связалъ исторію съ другими сродными ей знаніями. Но еслибы даже и этого не было, имя Татищева должно-бы жить вѣчно за то одно, что онъ всюду заводилъ школы и хлопоталъ о развитіи просвѣщенія.

АВГУСТЪ-ЛЮДВИГЪ ШЛЕЦЕРЪ [1].

Семьдесятъ лѣтъ уже минуло съ тѣхъ поръ, какъ геттингенскій университетъ похоронилъ Шлецера, одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ профессоровъ, одного изъ основателей современной исторической науки. Сколько событій совершилось послѣ этого времени, сколько воззрѣній высказано вновь,—принятыхъ или отвергнутыхъ наукой, — сколько забыто именъ, прогремѣвшихъ на время, сколько системъ похоронено ранѣе ихъ творцовъ, а имя Шлецера до сихъ поръ живо, воззрѣнія его до сихъ поръ возбуждаютъ почти тѣ-же чувства, которыя возбуждали они при первомъ своемъ появленіи, до сихъ поръ историки русскіе считаютъ себя или учениками или врагами Шлецера. Стоитъ вспомнить, что Погодинъ постоянно писалъ подъ портретомъ Шлецера, рекомендовалъ всѣмъ начинающимъ заниматься изучать его «Нестора», что Соловьевъ, вступивъ въ полемику съ славянофилами, на-

---

[1]) О Шлецерѣ см. „Общественная и частная жизнь А Л. Шлецера имъ самимъ описанная (переводъ г. Кеневича въ „Сборн. отд. русскаго языка и слов. Имп. Ак. Н.“, XIII;—Хр. Шлецера „A. L. von Schlötzer öffentliches und Privatleben“ Leipzig, 1828, 2. Bd;—Bock „Shlötzer“, Hannover, 1844;—Wesedenck „Die Begründung der neuen deutsche Geschichtsschreibung durch Gatterer und Schlötzer“, Leipzig, 1876. — По русски: „Отеч. Зап.“ 1844 (статья Г. Ф. Головачева) и „Русскій Вѣстн.“, 1856—57. (статья С. М. Соловьева). Гоголь „Арабески“, Спб. 1835, I, 9—23;—А. Н. Поповъ („Моск. Лит. и Ученый Сборникъ“ за 1847 г. 397—485).

чалъ ее во имя метода, принесеннаго въ русскую науку Шлецеромъ; что, съ другой стороны, въ славянофильскомъ сборникѣ помѣщена была въ 1847 г. статья, направленная противъ общихъ взглядовъ Шлецера, что И. Е. Забѣлинъ имѣетъ въ виду преимущественно Шлецера въ своихъ нападеніяхъ на нѣмцевъ-историковъ. И такъ, этотъ суровый учитель оставилъ по себѣ глубоко врѣзавшійся слѣдъ. Попытаемся же безпристрастно опредѣлить характеръ и значеніе его дѣятельности и указать, что въ ней полезно и осталось, что должно быть отвергнуто. Понимаю, что въ настоящее время, въ виду событій крупныхъ и мелкихъ,—хотя бы забалотированіе Д. И. Менделеева, чтобы не говорить о чемъ нибудь другомъ, — русскому человѣку трудно быть вполнѣ объективнымъ, но попытаться нужно. Прибавлю, что стѣсненный объемомъ статьи и невозможностію входить въ большія спеціальности, ограничиваюсь краткимъ очеркомъ жизни и дѣятельности замѣчательнѣйшаго изъ нѣмецкихъ ученыхъ, приписавшихся къ русской исторіи [1]), останавливаясь только на самомъ, по моему мнѣнію, характеристическомъ.

Августъ-Людвигъ Шлецеръ родился въ миніатюрномъ, нынѣ несуществующемъ, княжествѣ Гогенлоэ-Кирхенбергѣ (во Франконіи), въ деревнѣ, гдѣ отецъ его былъ пасторомъ (1735). Рано лишившись отца, онъ былъ воспитанъ отцомъ своей матери, фамилію котораго, Гейгольдъ, принялъ впослѣдствіи Шлецеръ издавая «Neuveränderte Russland». У него, а потомъ въ городской щколѣ сосѣдняго Лангенбурга, Шлецеръ получилъ начальное образованіе. Успѣхи его были такъ быстры, что на десятомъ году онъ писалъ латинскія письма, возбуж-

---

[1]) Говоря это, я не забылъ Эверса. Знаю, что ему принадлежитъ часть указанія необходимости изученія начала, которымъ жило первоначальное общество и отъ котораго пошло дальнѣйшее развитіе. Но знаю также, что вліяніе Эверса далеко не стало обще и широко, ибо Шлецеръ далъ методъ, а Эверсъ указалъ начало. Методъ примѣняется всѣми, а начало, принятое за основу пониманія нѣкоторыми, лишь видоизмѣненное вошло въ общее сознаніе

дая удивленіе дѣда, предсказывавшаго ему будущую знаменитость. Мальчика думали сначала готовить въ аптекаря, но, замѣтя большія способности, рѣшили продолжать образованіе, и Шлецеръ перешелъ въ домъ зятя своего Шульца, бывшаго начальникомъ школы въ Вертгеймѣ. Ужь съ этихъ лѣтъ Шлецеръ отличался замѣчательнымъ прилежаніемъ и обстоятельностію; онъ хранилъ всѣ получаемыя имъ письма, велъ свой дневникъ и такъ прилежно изучалъ классиковъ въ эльзивирскихъ изданіяхъ, что развилъ въ себѣ близорукость. Подъ руководствомъ зятя онъ изучалъ библію, занимался языками, латинскимъ, греческимъ, еврейскимъ и французскимъ, и при этомъ находилъ время учиться музыкѣ и давать уроки, чѣмъ пріобрѣлъ возможность покупать книги. Когда ему минуло 16 лѣтъ, Шульцъ объявилъ, что въ Вертгеймѣ ему учиться болѣе нечему, и онъ поѣхалъ въ Виттенбергъ, университетъ котораго славился своимъ богословскимъ факультетомъ. Шлецеръ готовился теперь къ духовному званію. Пробывъ здѣсь около трехъ лѣтъ и защитивъ диссертацію «О жизни Бога» (De vita Dei), Шлецеръ перешелъ въ начинающій славиться тогда геттингенскій университетъ. Мы, русскіе, торопимся кончить курсъ и получить скорѣе степень кандидата и вообще слѣдуемъ правилу: «подписано и съ рукъ долой»; въ Германіи же до сихъ поръ держатся инаго воззрѣнія. Тамъ студенты, пробывъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ университетѣ, ѣдутъ, а иногда и идутъ, въ другой послушать того или другаго профессора; изъ другаго нерѣдко еще и въ третій. Впрочемъ, при нашемъ бюрократическомъ взглядѣ на университетъ иначе и быть не можетъ: нужны скорѣе люди съ извѣстнымъ дипломомъ, а людямъ нужно поскорѣе получить дипломъ. Круговая порука! Потому у насъ существуетъ правило о томъ, чтобы не оставались болѣе извѣстнаго числа лѣтъ въ университетѣ: чтобы напрасно мѣста не занимали. Впрочемъ, объ этомъ слѣдовало-бы поговорить отдѣльно, теперь же сказано къ слову. Въ Геттингенѣ, благодаря связи Ганновера съ Англіею и покровитель-

ству просвѣщеннаго министра Мюнгаузена, процвѣтала свобода преподаванія въ широкомъ смыслѣ слова. Это обстоятельство привлекало сюда въ то время лучшихъ профессоровъ, между которыми особенно ярко выдавался Михаэлисъ, имѣвшій на Шлецера положительное вліяніе. Подъ этимъ вліяніемъ развилась у Шлецера и широкая ученая требовательность и умѣніе сосредоточивать около одной цѣли многостороннія знанія. О Михаэлисѣ Шлецеръ писалъ впослѣдствіи своему сыну: «Съ тѣхъ поръ какъ Гейне—знаменитый филологъ-классикъ—и Михаэлисъ начали вносить политику въ древности, все получило иной видъ». Знаменитый оріенталистъ Сильвестеръ де-Сасси такъ оцѣниваетъ дѣятельность Михаэлиса: «Онъ первый началъ объяснять еврейскія древности медицинскими, естественными и другими науками». На любознательный, пытливый духъ Шлецера такой учитель долженъ былъ дѣйствовать возбудительно. «Радуюсь сильно— писалъ онъ ему—и поздравляю самъ себя съ такимъ счастіемъ, что по какому-то случаю, ни кѣмъ не побуждаемый, прибылъ въ Геттингенъ и встрѣтилъ такого учителя». Передъ нимъ открывался широкій горизонтъ, и онъ уже и тогда учился заразъ и филологическимъ и естественнымъ наукамъ. Но кабинетная ученость не могла удовлетворить юноши: изученіе библейскаго міра онъ хотѣлъ освѣтить обозрѣніемъ самой сцены, на которой совершались событія. Мысль о путешествіи на востокъ овладѣла имъ, и, занимавшись уже и прежде еврейскимъ языкомъ, онъ началъ теперь заниматься арабскимъ. Чтобы добыть себѣ средства для путешествія, Шлецеръ принялъ въ 1755 г. предложенное ему мѣсто учителя въ одномъ шведскомъ семействѣ въ Стокгольмѣ. Въ Швеціи любознательность молодаго ученаго нашла себѣ пищу: онъ учился по-готски, по-исландски, по-лапландски, по-польски и издалъ свой первый трудъ: «Исторію учености въ Швеціи». Не теряя изъ виду своей цѣли, путешествія на востокъ, онъ старался пріобрѣсти себѣ свѣдѣнія въ промышленности и торговлѣ; тогда-то написалъ онъ по шведски

«Опытъ всеобщей исторіи мореплаванія и торговли съ древнѣйшихъ временъ», ограничившійся только исторіею финикіянъ. Но при этомъ онъ не оставлялъ и другихъ занятій: велъ съ великимъ Линнеемъ переписку по вопросамъ естествознанія. Занятія эти входили въ программу подготовки къ путешествію. Изъ Швеціи переѣхалъ онъ въ Любекъ, желая практически ознакомиться съ торговлею, пріобрѣсти свѣдѣнія въ искусствѣ мореплаванія и найдти себѣ между богатыми купцами такого, который бы доставилъ ему средства для путешествія. Послѣдняя надежда Шлецера не осуществилась; но вознагражденія, полученнаго имъ за его ученые труды, было достаточно для того, чтобы онъ могъ въ апрѣлѣ 1759 г. возвратиться въ Геттингенъ и снова предаться здѣсь занятіямъ по совершенно различнымъ отраслямъ знанія: онъ изучалъ тамъ медицину и естественныя науки, метафизику и этику, естественное право (по нашему философія права), математику, политику и статистику, Моисеево законодательство, феодальное и вексельное право. Все это разнообразіе знаній какъ-то укладывалось въ его головѣ и, взаимно дополняясь, возбуждало въ немъ все новыя и новыя мысли: вырабатывалось критическое возрѣніе, готовился тотъ мощный аппаратъ, которымъ создана новая историческая наука и новое государствовѣдѣніе. Одаренный умомъ строгимъ и положительнымъ, саркастическій, нетерпимый и самодовольный, Шлецеръ лишенъ былъ и чувства изящнаго и той высшей творческой способности, которая отличаетъ великихъ художниковъ слова и мысли: поэтовъ и философовъ. Не къ этой творческой дѣятельности былъ призванъ Шлецеръ; передъ нимъ лежала иная задача—ему предстояло создать критическій методъ отношенія къ источникамъ, предстояло разрушить вѣками накопившіеся предразсудки въ наукѣ и жизни. Раціоналистическій вѣкъ требовалъ такой раціоналистической науки, а къ ней-то всего болѣе былъ способенъ Шлецеръ и по своему уму и характеру и по своей многосторонней подготовкѣ, дававшей ему возможность подмѣтить ложь и фальшь тамъ, гдѣ люди

съ чисто ученымъ и при томъ одностороннимъ—напр., филологическимъ образованіемъ—ничего подмѣтить не могли. Люди, не выходившіе изъ своего кабинета далѣе аудиторіи или сосѣдняго кнейпа, люди, не выѣзжавшіе всю жизнь за предѣлы маленькаго города, не входившіе въ подробности практической жизни, и не могли быть пригодны къ такой дѣятельности. Правда, что уединенный Кенигсбергскій мыслитель, творецъ новой философіи, нашелъ Архимедову точку въ своемъ громадномъ умѣ; но то была точка логическая, да и умъ былъ размѣровъ рѣдко достигаемыхъ людьми. Для критической же работы въ положительной области науки, для приданія этой области точнаго положительнаго характера, нужны были другія способности, нужна была другая подготовка. И способности эти и эта подготовка нашлись именно у Шлецера. Въ началѣ 1761 года открылось передъ Шлецеромъ новое, неожиданное имъ поприще: онъ получилъ приглашеніе поступить домашнимъ учителемъ къ русскому исторіографу Миллеру, и, склоняясь на убѣжденія Михаэлиса, что этимъ открываются ему средства къ осуществленію его любимой мечты—путешествію на востокъ—Шлецеръ принялъ приглашеніе. Въ его жизни начинается новый періодъ, и русская историческая наука тоже вступаетъ въ новый періодъ.

Послѣ опаснаго осенняго морскаго плаванія, продолжавшагося восемь недѣль, Шлецеръ вышелъ на финляндскій берегъ и сухимъ путемъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Самъ Шлецеръ въ автобіографіи весьма характеристично указываетъ на то вліяніе, какое имѣло это плаваніе на развитіе его характера:—онъ лучше сталъ понимать поэтовъ, описывающихъ бурю; на примѣрѣ матросовъ научился цѣнить и уважать человѣческую силу и «началъ изучать очень полезное искусство освоиваться со смертью». Такъ этотъ сильный умъ стремится все анализировать, все уяснять, изъ всего вывести очевидныя слѣдствія. Поселясь у Миллера, у котораго былъ свой домъ и который держалъ свои экипажи и

многочисленную прислугу — тогда еще можно было такъ жить въ Петербургѣ на 1,700 руб., не входя въ долги, —Шлецеръ нашелъ радушный пріемъ, и на первыхъ порахъ Миллеръ ему очень понравился. Впрочемъ, почти съ самого начала оказалось недоразумѣніе—источникъ послѣдующихъ столкновеній. «Миллеръ—говоритъ С. М. Соловьевъ—вызывалъ студента, домашняго учителя, который долженъ былъ также помогать ему въ ученыхъ занятіяхъ, дѣлать то, что ему укажутъ, и который будетъ въ восторгѣ, если со временемъ Миллеру удастся пристроить его какъ нибудь въ академіи. Но Шлецеръ не считалъ себя студентомъ; онъ гордился обширнымъ ученымъ подготовленіемъ, какого въ его глазахъ не имѣлъ Миллеръ и его ровесники; Шлецеръ считалъ себя уже извѣстнымъ писателемъ, котораго знали и уважали ученые знаменитости Германіи. Онъ смотрѣлъ на мѣсто у Миллера, какъ на средство для достиженія своей завѣтной цѣли; видѣлъ, что условія для него унизительны, а между тѣмъ принялъ ихъ».

По пріѣздѣ въ Петербургъ Шлецеру по случаю боли въ ногѣ пришлось шесть недѣль высидѣть дома. Но онъ не терялъ времени. Готовясь къ отъѣзду, онъ собралъ всѣ тѣ свѣдѣнія о Россіи, которыя можно было получить тогда внѣ ея предѣловъ. «И такъ,—говоритъ онъ,—я зналъ то, чего я не зналъ, и умѣлъ спрашивать (особенное искусство), чѣмъ давалъ поводъ Миллеру во всѣхъ нашихъ разговорахъ изливать свое неизчерпаемое богатство свѣдѣній о Россіи». Но не все, что зналъ, сообщалъ ему Миллеръ;—долголѣтнее пребываніе въ Россіи научило его искусству молчать. Въ то время скончалась императрица Елизавета. «Миллеръ—продолжаетъ Шлецеръ - ни однимъ словомъ не высказался передо мною ни объ окончившимся, ни о начинающемся правленіи; но никто лучше его не зналъ ни того, ни другаго. Только объ Екатеринѣ II онъ началъ говорить, выражалъ свой энтузіазмъ; онъ нѣсколько разъ говорилъ съ нею въ то время, когда она была великою княгинею, и удивлялся ея

ученымъ свѣдѣніямъ о Россіи». За изученіе русскаго языка Шлецеръ принялся съ жаромъ. Съ помощью двухъ плохихъ лексиконовъ и краткой грамматики онъ принялся за переводъ Крашенинникова «Описаніе Камчатки». Слова, которыхъ онъ не зналъ, сообщалъ ему Миллеръ. Любопытно, что когда дѣло дошло до рыбъ, то онъ сталъ обращаться съ вопросами къ г-жѣ Миллеръ, и та угощала его за обѣдомъ тѣми изъ нихъ, которыя можно было найдти на рынкѣ. Когда Миллеръ доставилъ ему рукописный лексиконъ Кондратовича въ корнесловномъ порядкѣ, Шлецеръ пришелъ въ восторгъ и принялся его переписывать. Большая филологическая подготовка и знаніе многихъ языковъ помогли Шлецеру очень быстро усвоивать русскій языкъ. Миллеръ дивился его успѣхамъ и съ восторгомъ показывалъ Тауберту переводъ указа, сдѣланный имъ черезъ два мѣсяца послѣ пріѣзда; но никакъ не могъ помириться съ сравнительнымъ методомъ, вынесеннымъ Шлецеромъ изъ Геттингена, и бранилъ его Рудбекомъ (шведскій ученый, отличавшійся смѣлыми и странными словопроизводствами). Къ помощи въ своихъ работахъ Миллеръ, тогда издававшій Sammlung russischer Geschichte, неохотно пускалъ Шлецера; причина такого недовѣрія выясняется изъ восклицанія, вырвавшагося у него, когда онъ увидѣлъ, что Шлецеръ выписывалъ изъ сообщенной ему рукописи о торговлѣ: «Боже мой! вѣдь вы все переписываете!» —Въ тѣ времена такія свѣдѣнія считались государственною тайною. Лѣтописей, познакомиться съ которыми онъ сильно желалъ, Шлецеръ долго не могъ добиться. Наконецъ Миллеръ прислалъ ему нѣсколько отпечатанныхъ листовъ Кенигсбергскаго списка, съ котораго задумали начать изданіе «Библіотека Россійская». Шлецеръ, нашедшій тогда славянскую грамматику, съ жадностію принялся за изученіе лѣтописи. Въ самомъ началѣ онъ встрѣтилъ Вактры вмѣсто Бактрія, Фиѳулій вмѣсто Ѳивы Ливія, и сообщилъ Миллеру. Тотъ торжествовалъ: изданіе велъ врагъ его Таубертъ и противъ его совѣтовъ. Тотчасъ досталъ онъ Шлецеру одинъ изъ списковъ

первоначальной лѣтописи; начались сличенія, переводы лѣтописи на латинскій языкъ:—основа «Нестору» [1]).

Вскорѣ послѣ пріѣзда Шлецера въ Петербургъ—въ январѣ 1762 г.—начались переговоры съ нимъ Миллера объ опредѣленіи его въ академію. Но переговоры шли туго. Шлецеру не правились условія: быть адъюнктомъ (отчего не профессоромъ); получать 300 р.; опредѣлиться адъюнктомъ на пять лѣтъ; посвятить себя совершенно русскому государству; а главное, отказаться отъ путешествія на востокъ. Шлецеръ приписывалъ эти условія зависти Миллера и искалъ даже частнаго мѣста, но только съ тѣмъ, чтобы не связывать своей свободы на продолжительный срокъ. На выручку его явился Таубертъ, управлявшій академическою канцеляріею и врагъ Миллера. И нѣмцы, получивъ власть, начинаютъ ссориться между собою: примѣръ несогласій Бирона и Миниха памятенъ всѣмъ. Случайно Шлецеръ разговорился съ нимъ. Узнавъ, что Миллеръ затягиваетъ дѣло, Таубертъ сдѣлался благосклоннымъ и сказалъ: «Вы должны остаться у насъ; вы будете довольны». Таубертъ устроилъ, что онъ остался адъюнктомъ на неопредѣленное время. Восшествіе на престолъ Екатерины помѣшало утвержденію Шлецера, и только въ іюлѣ былъ онъ утвержденъ. Миллеръ, которому пришлось дѣлать о немъ представленіе, кажется желалъ намекнуть Шлецеру о томъ, что онъ зависитъ отъ него, Миллера, и предложилъ ему составить указатель къ его Sammlung Russischer Geschichte; на это обиженный Шлецеръ отвѣчалъ: «Составленіе указателя, даже какъ испытаніе, было бы слишкомъ ничтожно для адъюнкта академіи наукъ». Сожительствомъ его Миллеръ тяготился. Хотя Шлецеръ вскорѣ долженъ былъ переѣхать къ дѣтямъ К. П. Разумовскаго, учить которыхъ онъ получилъ приглашеніе чрезъ Тауберта, тѣмъ не менѣе Миллеръ заставилъ его, не смотря на то, что квар-

[1]) «Библіотека Россійская» появилась лишь въ 1767 году съ предисловіемъ написаннымъ Шлецеромъ

тира еще не была готова, выѣхать изъ его дома. Шлецеръ нашелъ пріютъ у совѣтника лифляндской юстицъ-коллегіи Шишаева, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но который поразилъ его своими взглядами на крѣпостныхъ. «Однажды—говоритъ Шлецеръ—онъ мнѣ разсказывалъ, что въ числѣ его крестьянъ есть одинъ превосходный человѣкъ, который мало по малу поправитъ все его имѣніе: продержавъ его пять лѣтъ на пустошѣ, которую тотъ съ искусствомъ и несказаннымъ трудомъ приводитъ въ цвѣтущее состояніе, онъ переводитъ его потомъ на другое такое же безплодное мѣсто, и честный малый опять начинаетъ съизнова; такъ проведетъ онъ его по всему имѣнію. Я удивлялся долготерпѣнію честнаго невольника, но въ тоже время сомнѣвался, не обнаруживаетъ-ли эта процедура неблагородства и безчеловѣчія въ самомъ господинѣ. Въ другой разъ онъ жаловался, что внутри Россіи на десять и болѣе верстъ въ окружности нѣтъ не только врача, но даже хирурга, и удивлялся, что ни одному помѣщику не придетъ въ голову послать на свой счетъ одного изъ своихъ крѣпостныхъ за границу учиться медицинѣ и хирургіи, точно такъ же какъ ихъ обучаютъ другимъ ремесламъ для пользы имѣнія». Позднѣе бывали у насъ крѣпостные фельдшера, а у Аракчеева былъ крѣпостной архитекторъ, объ отношеніяхъ къ которому знаменитаго временщика можно прочесть въ статьѣ г. Отто въ «Древней и Новой Россіи». Въ качествѣ адъюнкта Шлецеръ переводилъ указы на нѣмецкій — а разъ для гернгутеровъ и на латинскій—языкъ и продолжалъ свои занятія по древней русской исторіи. Онъ началъ тогда вникать въ генеалогію князей, изучалъ Татищева и Селіевъ переводъ одной изъ пространныхъ лѣтописей [1]), принялся за

[1]) Хранился въ академ. библіотекѣ. Цѣлъ-ли онъ и отчего до сихъ поръ съ нимъ не познакомили публику, и даже не оказалось возможнымъ въ академическомъ изданіи перевода автобіографіи Шлецера объяснить, что это за рукопись?

византійцевъ, сознавъ ихъ необходимость для русской исторіи, и для лучшаго пониманія языка лѣтописей, началъ изученіе другихъ славянскихъ языковъ.

Наконецъ, помѣщеніе у Разумовскихъ было готово, и Шлецеръ переѣхалъ въ него. Дѣти гетмана вмѣстѣ съ сыномъ Теплова, рекетмейстера и статсъ-секретаря у пріема прошеній Козлова и Олсуфьева помѣщались отдѣльно отъ родителей, по мысли Тауберта, чтобы устранить вліяніе матери. Дѣти жили подъ надзоромъ гувернера, француза Бурбье, хотя и бывшаго лакея, но правильно писавшаго по французски. Съ ними жили полуученый іезуитскій ученикъ изъ Вѣны, математикъ Румовскій, и Шлецеръ. Шлецеръ, собираясь переѣзжать, былъ недоволенъ и приготовленнымъ ему помѣщеніемъ и неопредѣленностью своего положенія. Но все устроили, и онъ переѣхалъ и принялся учить дѣтей сперва по нѣмецки, потомъ и по латыни. «Однажды—говорить Шлецеръ—я осмѣлился сказать Тауберту, что въ учебномъ планѣ нашихъ молодыхъ людей забыта географія, или даже и того болѣе важная наука, вполнѣ соотвѣтствующая назначенію нашихъ воспитанниковъ, а именно—отчизновѣдѣніе. Подъ послѣднимъ я разумѣлъ статистику, но не осмѣлился выговорить этого совершенно незнакомаго слова, котораго не произносилъ еще языкъ ни одннаго русскаго». Таубертъ согласился. «Мои первые уроки—продолжаетъ Шлецеръ—были: Какъ велика Россія въ сравненіи съ Германіею и Голландіею?—За нѣсколько дней передъ тѣмъ математикъ сообщилъ понятіе о квадратныхъ миляхъ; такъ согласно мы работали!—Что такое юстицъ-коллегія? что покупаетъ и что продаетъ русскій? откуда получаетъ онъ золото и серебро?» Таубертъ съ удивленіемъ слушалъ эти уроки и дополнялъ ихъ за обѣдомъ своими разсказами. Скоро онъ, пользуясь своими связями и знакомствами, началъ доставлять Шлецеру офиціальные матеріалы для статистики. Когда гувернеръ оказался неспособнымъ преподавать исторію, преподаваніе ея перешло также къ Шлецеру. «Здравый смыслъ—

говоритъ Шлецеръ—привелъ меня къ первой попыткѣ превратить универсальную исторію—Universal Historie—во всемірную исторію — Weltgeschichte. Сообразно съ своимъ идеаломъ, который впослѣдствіи я старался осуществить въ Геттингенѣ, съ 1770 г. до 1792 г., я выбросилъ множество фактовъ относительно ненужныхъ, которыми всеобщая исторія была переполнена, и вмѣсто ихъ помѣстилъ много другихъ. Даже о цѣлыхъ народахъ, которые прежде едва упоминались, должно было сказать, въ особенности русскому ученику. Не важнѣе ли для него, напр., всемірные завоеватели, калмыки и монголы, чѣмъ ассирійцы и лонгобарды? Древняя исторія въ своихъ главныхъ событіяхъ давно была мнѣ извѣстна; я выросъ на филологіи, но въ выборѣ и сочетаніи фактовъ—что зависитъ отъ историческаго вкуса—моими путеводителями и образцами была не римская и англійская всемірная исторія, но Goguet [1]) и Вольтеръ, а впослѣдствіи Робертсонъ».

Дѣятельностію учителя не ограничивался Шлецеръ въ своемъ институтѣ. Сближеніе съ Таубертомъ дало ему возможность высказывать свои ученые планы и искать имъ примѣненія. Такъ, онъ передавалъ Тауберту свои взгляды на необходимость государственной статистики. Результатомъ этихъ разговоровъ—конечно, переданныхъ Таубертомъ высшимъ лицамъ—былъ указъ о доставленіи приходскихъ списковъ о населеніи по формѣ, составленной Шлецеромъ. Изученіе этихъ таблицъ было возложено на академію; но мысль объ образованіи особой статистической конторы, по шведскому образцу, была не исполнена. Узнавъ о томъ, что составленная имъ образцовая форма уже введена, Шлецеръ былъ непріятно пораженъ: онъ думалъ удовлетворить личному любопытству Тауберта и набросалъ свои мысли на-скоро, не предполагая возможности ихъ практическаго примѣненія. Свои выводы,

---

[1]) Goguet—французскій ученый—родился въ 1716, умеръ въ 1752 г.,—авторъ книги: De l'origine des lois, des arts et des sciences.

на основаніи этихъ матеріаловъ, Шлецеръ напечаталъ въ Геттингенѣ въ 1763 году, въ книжкѣ о народонаселеніи Россіи. Впослѣдствіи списки эти обработывались разными академиками, а результаты трудовъ ихъ помѣщались въ академическихъ изданіяхъ. Изъ разговоровъ съ Таубертомъ выросло другое предпріятіе Шлецера: знаменитая, надѣлавшая столько хлопотъ ему русская грамматика, въ которой онъ пробовалъ—не всегда впрочемъ удачно—прилагать свои общія филологическія свѣдѣнія къ русскому языку. Ломоносовъ, какъ извѣстно, заподозрилъ его въ намѣренномъ искаженіи, тогда какъ много-много что можно было,—это обвинить его въ ученомъ самомнѣніи. Грамматика Шлецера имѣетъ много замѣчательныхъ сторонъ: вноситъ исторію языка, сравнительный методъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ тогда существовалъ, представляетъ попытку сравненія не только корней, но и флексій. Грамматика осталась недопечатанною и только недавно въ русскомъ переводѣ [1]) стала общедоступною. Оцѣнка ея принадлежитъ филологамъ, которые, вѣроятно, найдутъ въ ней несомнѣнныя достоинства.

Шлецеръ въ этотъ періодъ жизни работалъ неутомимо. Но работа и климатъ Петербурга вредно дѣйствовали на его здоровье. «Теперь я самъ понимаю,—говорилъ онъ,—что такое напряженіе было неблагоразумно. Но да простятъ голодному, если онъ объѣстся за хорошимъ столомъ. Какой міръ новыхъ знаній открывался передо мною и преимущественно такихъ знаній, которыя я могъ только тамъ пріобрѣсти! Чтобы съ пользою употребить драгоцѣнное время, я долженъ былъ спѣшить». Тогда-то сложился у него планъ: пристроиться къ академіи окончательно, но вмѣстѣ съ тѣмъ уѣхать года на три въ Германію и тамъ издать собранные имъ матеріалы по русской исторіи и статистикѣ. Въ доношеніи своемъ академіи, прося о трехгодичномъ отпускѣ,

---

[1]) При русскомъ переводѣ автобіографіи Шлецера („Сборникъ отд. русскаго языка“, XIII).

Шлецеръ указывалъ на то, чѣмъ онъ можетъ быть полезнымъ академіи. Планъ его распадался на двѣ части. Въ первой высказаны были мысли о способѣ обработки древней русской исторіи. Здѣсь онъ указывалъ на необходимость критическаго изученія отечественныхъ и иностранныхъ свидѣтельствъ; словомъ, тотъ планъ, который легъ въ основу его «Нестора». Для общаго обозрѣнія онъ намѣренъ былъ составить по нѣмецки руководство къ русской исторіи по Татищеву и Ломоносову. «Самое лучшее,—говоритъ онъ,—что я здѣсь предложилъ, составляло бы только черновую работу; но какъ благодѣтельно было-бы для будущаго истиннаго *историка*, еслибъ эта работа продолжалась многіе годы».—Другая часть плана состояла въ предложеніи мѣръ для распространенія знанія въ Россіи. При этомъ онъ предполагалъ, что «1) слѣдуетъ предлагать эти знанія въ *малыхъ* дозахъ; римскую, напр., исторію не въ 26 томахъ in 4°—намекъ на Роллена, переведеннаго Тредьяковскимъ,—но для начала въ одинъ или, самое большое, въ два алфавита (тогда печатные листы помѣчались не цифрами, а буквами; отсюда выраженіе одинъ, два, три и т. д. алфавита, т. е. 24, 48 и т. д. листовъ);—2) высоко-ученыхъ, классическихъ волюминозныхъ иностранныхъ сочиненій еще нельзя было предлагать тогдашнему поколѣнію; никто ихъ еще не понималъ. Венгерцы слишкомъ рано перевели на свой языкъ «Esprit des lois»;—3) даже тѣхъ небольшихъ хорошихъ иностранныхъ книгъ, которыя были полегче, нельзя было предложить русской публикѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были, особенно если онѣ были очень богато надѣлены литературою, совершенно чуждою русскимъ» (т. е. указаніемъ источниковъ). Шлецеръ въ академіи встрѣтилъ двухъ противниковъ своимъ желаніямъ: Ломоносова и Миллера. Ломоносовъ возсталъ со стороны національной. Постоянно и чутко охраняя русскіе интересы, онъ замѣтилъ въ этомъ самоувѣренномъ нѣмцѣ опасность. Свое окончательное сужденіе о Шлецерѣ Ломоносовъ, приведя нѣсколько примѣровъ его неправильныхъ словопроизводствъ, выразилъ

словами: «какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ такая допущенная къ русскимъ древностямъ скотина». Миллеръ съ своей стороны, опираясь на то, что Шлецеръ непроченъ Россіи, считалъ безполезнымъ доставленіе ему возможности узнать многое, чѣмъ онъ воспользуется въ Германіи и для Германіи. Только просьба, поданная государынѣ чрезъ рекетмейстера Козлова, сынъ котораго учился вмѣстѣ съ дѣтьми Разумовскаго, послужила къ рѣшенію вопроса согласно съ желаніемъ Шлецера: онъ оставленъ былъ при академіи въ званіи ординарнаго академика и съ правомъ представлять свои работы самой государынѣ или тому, кому она поручитъ разсмотрѣніе этихъ работъ.

Въ 1765 г. онъ отпросился побывать въ Германіи. Ломоносовъ тогда уже умеръ. Другъ Шлецера, Таубертъ, безгранично правилъ академіею, и стало быть онъ надѣялся найдти по возвращеніи свои дѣла въ хорошемъ положеніи. Сверхъ порученія покупки книгъ, ему еще дано было отъ правительства порученіе осмотрѣть дома для умалишенныхъ, которые въ то время намѣревались заводить въ Россіи. Повидавшись съ родными, Шлецеръ провелъ большую часть своего отпуска въ Геттингенѣ. Здѣсь онъ написалъ свое знаменитое изслѣдованіе о Лехѣ, увѣнчанное преміею института Яблоновскихъ—въ Данцигѣ—и навсегда изгнавшее это миѳическое лицо изъ исторіи. Здѣсь же, въ Обществѣ Наукъ, онъ прочелъ изслѣдованіе о происхожденіи славянъ; написалъ нѣсколько рецензій, изъ которыхъ одна имѣла послѣдствіемъ то, что издатели перевода англійской всемірной исторіи рѣшили нѣкоторыя части не переводить, а поручитъ переработать нѣмецкимъ ученымъ. Впослѣдствіи самъ Шлецеръ написалъ для этого изданія свою „Сѣверную Исторію". Здѣсь онъ сблизился съ Гаттереромъ—съ которымъ раздѣляетъ честь созданія новой исторической науки—и съ Кастнеромъ, профессоромъ математики, впослѣдствіи его ярымъ врагомъ. Здѣсь онъ устроилъ порученныхъ академіею его заботамъ студентовъ; распредѣлялъ ихъ занятія, знакомилъ

ихъ съ профессорами, устраивалъ ихъ матеріальный бытъ. Въ числѣ ихъ былъ извѣстный впослѣдствіи академикъ Иноходцевъ [1]). Задержанный болѣзнью, онъ прожилъ въ Германіи до октября; а между тѣмъ въ Петербургѣ ждало его извѣстіе о полученной имъ наградѣ за сочиненіе о Лехѣ.

Въ академіи Шлецеръ, оставшійся единственнымъ представителемъ исторіи,—Миллеръ былъ переведенъ въ Москву сначала въ воспитательный домъ, а потомъ въ архивъ иностранной коллегіи, который онъ началъ приводить въ порядокъ и въ которомъ до сихъ поръ сохраняются его портфели, неизчерпаемый источникъ матеріаловъ,—принялся усердно за работу. Онъ нашелъ себѣ ревностнаго помощника въ академическомъ переводчикѣ Башиловѣ. Съ его помощью Шлецеръ издалъ «Русскую Правду»—по отъѣздѣ Шлецера Башиловъ издалъ еще «Судебникъ царя Іоанна Васильевича»—и началъ печатаніе «Никоновской лѣтописи», въ первомъ томѣ которой помѣщено его любопытное предисловіе; онъ же написалъ предисловіе къ Тауберто-Барковскому изданію Кенигсбергскаго или Радзивиловскаго списка. Никоновскій списокъ былъ избранъ Шлецеромъ потому, что онъ довольно исправенъ, языкъ его не такъ древенъ и слѣдовательно понятнѣе; къ тому же онъ идетъ далѣе другихъ—тогда извѣстныхъ—и полнѣе другихъ по содержанію. Недостатки, замѣченные въ немъ Шлецеромъ, были указаны имъ въ предисловіи; въ немъ замѣною старыхъ словъ новыми придается часто ложное толкованіе тексту, а также въ немъ есть вставки, подлинность которыхъ сомнительна. При изданіи принято слѣдовать какъ можно ближе подлиннику, внося только ради ясности пониманія знаки препинанія. Такимъ образомъ, это было первое образцовое изданіе лѣтописи, знакомившее съ подлинникомъ и чуждое поправокъ, подновленій и урѣзокъ, которыя позволяютъ себѣ позднѣйшіе издатели (хотя бы Львовъ). Съ помощью Баши-

---

[1]) См. М. И Сухомлинова: „Ист. Россійской Академіи“, III. Въ біографіи Иноходцева.

лова Шлецеръ началъ тогда же свою, какъ онъ выражается, гигантскую работу. Ему удалось собрать 12 списковъ первоначальной—такъ называемой Несторовой—лѣтописи; началось сличеніе этихъ списковъ между собою, отмѣтка ихъ варіантовъ—матеріалъ для будущаго «Нестора». Въ управленіи академіею произошла перемѣна. Назначенъ былъ президентомъ графъ В. Орловъ, подчиненный не сенату, а лично государынѣ. Таубертъ палъ; но Шлецеръ сохранилъ свое вліяніе. Такъ онъ успѣлъ поддержать Стриттера, которому внушилъ планъ незамѣнимаго до сихъ поръ систематическаго сборника извлеченій изъ Византійцевъ о Россіи и народахъ, исторія которыхъ связана съ ея исторіею [1]). При всѣхъ своихъ недостаткахъ, сборникъ этотъ, какъ единственный, служитъ еще и въ наше время настольною книгою людей, занимающихся древнею русскою исторіею. Графъ Орловъ былъ такъ внимателенъ къ мнѣніямъ Шлецера, что по указаніямъ его выбралъ пять геттингенскихъ ученыхъ въ корреспонденты къ открывавшейся «Коммисіи для составленія проекта новаго уложенія».

Разстроивъ свое здоровье неустанною работою, Шлецеръ снова сталъ проситься въ отпускъ и былъ уволенъ въ сентябрѣ 1767 г. Готовясь къ отъѣзду, онъ очевидно думалъ, что быть можетъ и не вернется: онъ забралъ съ собою все, за исключеніемъ тяжелой мебели. Свои выписки изъ лѣтописей, составившія два фоліанта, онъ постоянно носилъ съ собою и на ночь клалъ подъ подушку. «Въ случаѣ кораблекрушенія, —писалъ онъ, — это я могъ спасти; а остальное утраченное можно было бы возстановить». Окончивъ передъ отъѣздомъ тѣ работы, которыя считалъ себя обязаннымъ окончить, Шлецеръ уѣхалъ.

Прибывъ въ Геттингенъ, куда его привлекала возможность общенія съ людьми умственныхъ интересовъ, собрав-

[1]) Memoriae Populorum, olium ad Danubium, Pontum Euxinum... in colientium 4. t, Spb. 1771—79.

шихся тогда въ этомъ университетѣ, — подобнаго общества онъ не могъ найдти въ Петербургѣ, — Шлецеръ снова принялся за работу. Здѣсь издалъ онъ «Probe russischer Annalen»; вышла только первая часть, заключающая въ себѣ введеніе и общее понятіе о русскомъ лѣтописаніи; образцы самыхъ лѣтописей не были тогда изданы (впрочемъ Шлецеръ въ то время издалъ, но въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, одинъ листъ, долженствовавшій служить образцомъ его критической работы надъ лѣтописями). Тогда же началъ онъ изданіе «Neuveränderte Russland», заключающее въ себѣ переводъ указовъ, уставовъ, словомъ, всего того, изъ чего видны были стремленія и намѣренія Екатерины. Въ особо издаваемыхъ прибавленіяхъ — Beilage — къ этой книгѣ помѣщались статистическія свѣдѣнія о Россіи. Изданіе это, выходившее подъ псевдонимомъ Гейгольда, остановилось на второмъ томѣ потому — какъ характеристически выражается сынъ Шлецера — что отецъ его «не получилъ отъ государыни никакой награды, которой можно было-бы ожидать». Пребываніе въ Геттингенѣ становилось все привлекательнѣе для Шлецера; отъѣздъ оттуда казался все болѣе и болѣе печальнымъ. Тогда онъ рѣшился просить отставки отъ академіи, которую и получилъ въ 1769 г. и тогда же приглашенъ былъ профессоромъ исторіи въ геттингенскій университетъ съ обязанностію читать статистику, политику и политическую исторію европейскихъ государствъ. Съ этихъ поръ Шлецеръ, кромѣ двухъ поѣздокъ — во Францію въ 1773—74 г. и въ Италію въ 1781—82 г. — не оставлялъ Геттингенъ до своей смерти. На тридцать четвертомъ году Шлецеръ наконецъ усѣлся на мѣстѣ и завелся семействомъ; годы его странствованій кончились, но не остались для него безплодными. Одинъ изъ его біографовъ мѣтко примѣняетъ къ нему гомеровскій стихъ: «Странствуя долго, многихъ людей города посѣтилъ и обычаи видѣлъ».

Жизненный опытъ расширилъ его умственный горизонтъ; ему стало понятнымъ многое непонятное для исключительно

кабинетныхъ ученыхъ; отсутствіе же въ его произведеніяхъ художественности или раціоналистическая сухость—признаки его природы, а не результаты опыта; даже поклоненіе внѣшнему могуществу слѣдуетъ приписывать не столько его пребыванію въ Россіи, сколько дѣловому практическому складу его ума. Въ Геттингенѣ началась усиленная преподавательская дѣятельность Шлецера. Онъ читалъ лекціи о всеобщей исторіи, о русской исторіи, о политикѣ, государственномъ правѣ, статистикѣ и т. д. Чрезвычайно оригинальны для нашего вѣка могутъ показаться тѣ лекціи, на которыхъ онъ объяснялъ своимъ слушателямъ газетныя извѣстія и на которыхъ излагалъ выгоды путешествія и способы путешествовать съ пользою (Reise-ünd Zeitungs-collegium). Газетъ тогда было немного; выходили онѣ не ежедневно; привычка читать ихъ еще не была распространена; вотъ почему въ Германіи еще съ конца XVII в. держался обычай съ каѳедры толковать газетныя извѣстія. «На такихъ лекціяхъ—говоритъ Веденкъ — слушатели пріучались узнавать силы, слабость и разныя особенности главныхъ государствъ. Вообще узнавали, какъ съ пользою читать газеты, научались не вѣрить безусловно всему печатному, ибо уже и тогда были подкупныя и продажныя газеты, какъ и въ наше основательное время». Лекціи политики, въ особенности статистики, которыя читалъ Шлецеръ, пользовались большимъ успѣхомъ. «Ни одинъ баричъ — говоритъ Шлецеръ — не уѣзжаетъ отсюда, чтобы не послушать ихъ хотя изъ приличія.... Такіе предметы преподаванія въ другихъ университетахъ едва извѣстны по имени». Въ числѣ слушателей Шлецера были Іоганнъ Мюллеръ, прославленный историкъ Швейцаріи, и знаменитый государственный дѣятель начала XIX в., баронъ Штейнъ, памятный и для исторической науки тѣмъ, что основалъ Monumenta Germaniae, сборникъ лѣтописей и актовъ. Придавая исторіи главнымъ образомъ значеніе науки политической и общественной, Шлецеръ весьма высоко ставилъ науки общественныя и требовалъ, чтобы въ университетѣ, если нельзя от-

крыть пятаго политическаго факультета, былъ покрайней мѣрѣ введенъ полный курсъ этихъ наукъ. Развитію этихъ наукъ онъ придавалъ тѣмъ большее значеніе, что былъ врагомъ господства посредствомъ невѣжества и видѣлъ въ знаніи средство провѣрить дѣятельность исключительно практическихъ людей, безъ научнаго образованія. Онъ издалъ, подъ названіемъ «Ученіе о государствѣ», энциклопедическое обозрѣніе всѣхъ наукъ этой отрасли знанія,— государственнаго права, статистики, метаполитики или ученія объ обществѣ, родъ философіи исторіи. Мы видѣли, что еще въ институтѣ Разумовскихъ (академія X-й линіи) Шлецеръ обратилъ вниманіе на отсутствіе знаній объ обществѣ и старался внести ихъ въ преподаваніе. Въ Геттингенѣ онъ былъ призванъ преподавать исторію и политику. Въ своемъ преподаваніи Шлецеръ старался держаться исключительно фактической почвы; но факты онъ любилъ не для фактовъ, а для тѣхъ практическихъ выводовъ, которые можно изъ нихъ извлечь. Статистика, которую онъ постоянно приводилъ въ живую связь съ исторіею («исторія — остановившаяся статистика, статистика—движущаяся исторія»), была по его опредѣленію «наукою, которая должна доставлять намъ свѣдѣнія о дѣйствительныхъ достопримѣчательностяхъ государства». Она должна останавливаться только на тѣхъ предметахъ, которые составляютъ преимущество или недостатки страны, силу или слабость государства, на тѣхъ, которые дѣлаютъ правителей сильными или слабыми внутри и внѣ; словомъ, на томъ, что служитъ къ возвышенію одного государства и къ упадку другого.

Въ своихъ воззрѣніяхъ на государство Шлецеръ былъ ближе всего къ Монтескье. Смѣшанный образъ правленія казался ему наилучшимъ; республики никогда ему не нравились; онъ былъ даже врагомъ американскаго движенія и тѣмъ пріобрѣлъ сочувствіе короля Георга III. Но всегда далекій отъ догматизма, Шлецеръ требовалъ прежде всего изученія существующаго, не желалъ крутыхъ переворотовъ

и надѣялся достигнуть признанія человѣческихъ правъ путемъ сознанія. Но съ правами онъ постоянно соединялъ обязанности, какъ для управляемыхъ, такъ и для управляющихъ. Въ своей метаполитикѣ — ученіе объ образованіи обществъ и государствъ — Шлецеръ исходитъ изъ общепринятаго тогда начала — естественнаго состоянія; но это естественное состояніе не то блаженное состояніе, которое такими яркими красками рисуетъ Руссо. Въ естественномъ состояніи Шлецеръ видитъ жалкихъ дикарей, лишенныхъ даже языка. Общества и государства образуются и по Шлецеру посредствомъ договора. Любопытно, что образованіе аристократіи онъ объясняетъ землевладѣніемъ а не военною службою. Проводя свои идеи съ каѳедры, Шлецеръ искалъ и болѣе широкой аудиторіи, сознавая необходимость развить общественное мнѣніе и гражданское чувство. Съ этою цѣлью онъ издалъ въ 1775 году «Опыты переписки», содержанія преимущественно статистическаго; съ 1777 г. по 1782 г. онъ издавалъ «Новую переписку»; а съ 1783 по 1792 г. «Государственныя Извѣстія». Ярко характеризуетъ великій историкъ нашего времени журнальную дѣятельность Шлецера. «Онъ создалъ — говоритъ Шлоссеръ — судилище, предъ которымъ блѣднѣли всѣ ненавистники просвѣщенія, всѣ безчисленные маленькіе злодѣи Германіи. Для изданія журнала, въ которомъ говорилось бы о государственномъ управленіи и современной исторіи, въ то время никто не былъ способнѣе Шлецера по его безчисленнымъ знакомствамъ во всѣхъ земляхъ, по его многостороннимъ знаніямъ, по его качествамъ и даже недостаткамъ. Если принять въ соображеніе, что онъ имѣлъ въ виду только германскія государства и что въ то время, когда Виландъ съ какою-то робостію взвѣшивалъ каждое слово въ своемъ беллетристическомъ журналѣ, ясно будетъ, что мужество и желѣзная воля геттингенскаго профессора какъ будто созданы были для политическаго современнаго изданія». Журналъ читали съ особеннымъ интересомъ Марія-Терезія и Іосифъ II; но во время французской войны ганноверское

правительство нашло возможнымъ помѣшать его продолженію, придравшись къ ссорѣ между Шлецеромъ и мѣстнымъ почтмейстеромъ.

Еще важнѣе заслуги Шлецера, какъ историка и критика. Въ этомъ отношеніи заслуги его раздѣляетъ товарищъ его по преподаванію Гаттереръ, вышедшій на поприще исторіи нѣсколько раньше. Всеобщей исторіи, можно сказать, не существовало дотолѣ въ преподаваніи. Отсутствіе критики, отсутствіе общихъ взглядовъ было еще чрезвычайно чувствительно въ Германіи, тогда какъ въ другихъ странахъ уже начиналось иное понятіе объ исторіи (для критики припомнимъ Фрере во Франціи, для общихъ построеній Боссюэта, Вольтера, Монтескье); Германія же жила средневѣковыми компендіумами. Въ такое время выступилъ Гаттереръ. Онъ старался въ своихъ учебникахъ разъяснять и связывать въ одно цѣлое религіозныя, политическія и семейныя отношенія народовъ, указывать ихъ степень образованія, вносить географію и этнографію, такъ какъ закладывалъ зданіе будущей исторіи цивилизаціи. Другой заслугою Гаттерера было разъясненіе такъ называемыхъ вспомогательныхъ наукъ исторіи — хронологіи, генеалогіи, дипломатики. Отъ Шлецера Гаттереръ отличался тѣмъ, что былъ исключительнымъ ученымъ, не заботившемся о томъ, что дѣлается вокругъ него; только французская революція, возбудивъ въ немъ ужасъ, обратила на себя его вниманіе. Не таковъ былъ Шлецеръ. Страстный публицистъ, человѣкъ, одаренный большимъ здравымъ смысломъ, практикъ прежде всего, онъ и въ исторіи оставался такимъ же, какимъ былъ въ политикѣ. Для него исторія была прежде всего и главнѣе всего воспроизведеніемъ развитія общественныхъ отношеній, школою гражданскихъ чувствъ. Но для того, чтобы исторія была достойна своего назначенія, она должна опираться на точно изслѣдованныя и провѣренныя здравымъ смысломъ данныя; исторія должна начинаться съ критики и изученія источниковъ. Отсюда два стремленія въ Шлецерѣ. Съ одной стороны, онъ пробуетъ въ своемъ

«Идеалѣ Всеобщей исторіи» указать общій планъ исторіи, что онъ отчасти и исполнилъ относительно древности. Его всеобщая исторія — по мнѣнію Шлоссера — «относится къ появившимся почти одновременно съ нею идеямъ Гердера, какъ проза къ поэзіи. Шлецеру была доступна только внѣшняя матеріальная сторона жизни; онъ признаетъ только явленіе само по себѣ, только осязаемую величину и физическую силу; фантазію же, чувство, величіе души едва считалъ существенными свойствами человѣка. Въ своей оцѣнкѣ онъ обращаетъ вниманіе только на достоинства управленія, порядокъ, безопасность и справедливость. У него было неподдѣльное отвращеніе отъ безпокойнаго, невѣдавшаго полиціи греческаго народа; онъ считалъ заслуживающими внимательнаго изученія китайцевъ, монголовъ и турокъ. Впрочемъ, Шлецеръ, не смотря на односторонность своихъ воззрѣній, имѣетъ большія заслуги. Онъ принадлежитъ къ числу людей, тѣмъ проложившихъ путь исторической наукѣ нашего времени, что соединили взгляды Болинброка и Вольтера съ ученымъ способомъ изложенія нѣмцевъ, и такимъ образомъ, съ критикой имъ свойственной, соединили то, чего имъ недоставало: основательное знаніе и ученую изслѣдовательность». Многосторонняя ученость Шлецера дала прочную основу его критикѣ источниковъ, которую онъ раздѣлялъ на низшую и высшую. Первая касается внѣшней достовѣрности текста; а вторая его внутренняго значенія. И ту и другую онъ впервые приложилъ къ русской исторіи.

Обратимся теперь къ двумъ наиболѣе для насъ важнымъ его сочиненіямъ: къ «Всеобщей Исторіи сѣвера» и къ «Нестору». «Всеобщая исторія сѣвера» составляетъ одинъ изъ томовъ дополненія къ нѣмецкому переводу «Всеобщей исторіи» составленной обществомъ англійскихъ ученыхъ. Книга эта состоитъ изъ нѣсколькихъ статей, писанныхъ частію самимъ Шлецеромъ, частію заимствованныхъ у другихъ ученыхъ (Шеннига, Ире). Начинается она статьею Шеннига «О невѣжествѣ древнихъ въ землеописаніи сѣвера». Статью

сопровождаютъ примѣчанія Шлецера. Въ примѣръ отношенія Шлецера къ источникамъ можно привести его примѣчаніе, объясняющее, почему нельзя вѣрить разсказамъ путешественниковъ. «И въ наше время—говоритъ онъ—случается кому нибудь путешествовать въ земляхъ, гдѣ уже существуютъ и географія и статистика; однако и тамъ бываетъ трудно собрать вѣрныя географическія и статистическія свѣдѣнія и отличить факты дѣйствительные отъ пустыхъ разсказовъ, передаваемыхъ за вѣрные. Но поставьте себя на мѣсто путешественника древняго, когда не знали или знали очень шатко географію. Большею частью онъ слушалъ и вѣрилъ тому, что слышалъ. Геродотъ самъ былъ въ Скиѳіи и ѣздилъ по многимъ рѣкамъ; но ѣхать по рѣкѣ или описывать ее—двѣ вещи совершенно различныя: онъ видитъ ту часть рѣки, по которой ѣдетъ, но дальше, источниковъ ея, онъ не видитъ; такъ что ему приходится вѣрить тому, что ему говорятъ о мѣстѣ ея истока. Онъ ѣдетъ въ городъ, положимъ, для того, чтобы узнать, насколько вѣрно сообщенное ему свѣдѣніе объ истокахъ рѣки, и съ удивленіемъ узнаетъ, что толпа ничего не знаетъ объ этомъ. Еще во время Клювера спорили объ истокахъ Дуная. Христофоръ Колумбъ былъ самъ въ Америкѣ и тѣмъ не менѣе вѣрилъ, что былъ въ Остъ-Индіи». Также очень важны его замѣчанія о томъ, насколько вредна произвольная этимологія, равно какъ и о фантастической этнографіи древнихъ, для которыхъ всѣ народы, кромѣ грековъ, римлянъ, персовъ и другихъ, лучше имъ извѣстныхъ народовъ, принадлежатъ къ четыремъ племенамъ: къ скиѳскому на сѣверѣ, эѳіопскому на югѣ, индскому на востокѣ и кельтскому на западѣ. За статьей Шеннига идетъ статья Шлецера «Исторія сѣвера во всемъ объемѣ»—преимущественно о финнахъ и скандинавахъ;—исторія Литвы, исторія славянъ, очеркъ христіанскаго сѣвера, очеркъ русскаго сѣвера, о путешествіи скандинавовъ въ Константинополь (статья Ире), о скандинавскихъ письменахъ—рунахъ. Во всемъ этомъ можно многому научиться. Но замѣтимъ, что критика Шлецера есть

критика здраваго смысла и во многомъ уже неудовлетворительна. Преданію, миѳу онъ не даетъ никакого значенія:—все это басни, и для него народное преданіе стоитъ на одной доскѣ съ вымысломъ книжника; развитію идей онъ не даетъ никакой цѣны. Такъ кажется намъ; но не такъ было въ то время, когда приходилось указывать на элементарные пріемы, когда нужно было отдѣлять достовѣрное отъ недостовѣрнаго, устанавливать послѣдовательность фактовъ.

Тѣ же пріемы прилагаетъ онъ въ своемъ «Несторѣ», результатѣ сорокалѣтнихъ трудовъ. Эта знаменитая книга состоитъ изъ введенія, гдѣ предлагаются свѣдѣнія о лѣтописяхъ русскихъ, затѣмъ подробно и живо, хотя не безъ значительной доли пристрастія, передается исторія науки исторической въ Россіи. Самое сочиненіе состоитъ изъ текста лѣтописи, раздѣленнаго на мелкіе отрывки — сегменты — и комментарій къ нимъ. Въ изданіи текста Шлецеръ поставилъ себѣ задачею возстановить первоначальный текстъ. Но такъ какъ до насъ не дошло ни подлинника, ни списка близкаго по времени къ подлиннику, то цѣль эта могла быть достигнута только сличеніемъ имѣющихся подъ руками списковъ. Съ такого сличенія и началъ Шлецеръ, принимая мелкія отступленія за варіанты, необходимо встрѣчающіеся въ рукописяхъ, и отдѣляя всякія встрѣчающіяся въ одномъ или нѣсколькихъ спискахъ извѣстія, считая ихъ въ большинствѣ случаевъ за выдумки книжниковъ. Вопросъ о различныхъ редакціяхъ, имѣвшихъ сверхъ общаго источника весьма вѣроятно и свои отдѣльные, былъ еще не поднятъ. За сличеннымъ текстомъ Шлецеръ помѣщаетъ свой, очищенный. Мысль Шлецера легла въ основу плана изданія «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей»; но уже Бередникову пришлось отказаться отъ этой мысли. Вмѣсто одного текста онъ призналъ три: древній, средній, новый. Въ настоящее время—въ изданіи Лаврентьевскаго и Ипатьевскаго списковъ—археографическая коммиссія два раза издала древній текстъ по двумъ редакціямъ и поступила очень хорошо. То, что Шлецеръ считалъ

прибавками и даже глупыми баснями, теперь подвергается всестороннимъ изслѣдованіямъ и оказывается важнымъ источникомъ, если не для былевой, то для бытовой исторіи. Въ комментаріяхъ своихъ Шлецеръ показалъ большую ученость: онъ принялъ во вниманіе извѣстные ему памятники сосѣднихъ съ Россіей народовъ и тѣмъ много способствовалъ расширенію знаній. Съ этой стороны его «Несторъ» дѣйствительно служитъ хорошею школою. Но рядомъ съ этимъ онъ внесъ большую смуту въ умы: по его представленію, славяне до прихода варяговъ—по Шлецеру скандинавовъ, т. е. нѣмцевъ—были похожи на американскихъ дикарей; варяги принесли къ нимъ вѣру, законы, гражданственность. Странно, что это повторялъ Погодинъ. Изъ этой мысли вышелъ и Каченовскій, утверждавшій недостовѣрность источниковъ первоначальныхъ временъ на томъ основаніи, что показанія ихъ какъ будто не подходятъ къ такому взгляду. Въ немъ, въ этомъ взглядѣ, главная причина того, почему такъ подозрительно многіе смотрятъ на Шлецера Но пора же понять, что взглядъ этотъ отжилъ и противорѣчитъ не только показаніямъ правильно понятыхъ источниковъ, но и непререкаемымъ свидѣтельствамъ археологіи. Заслуга же Шлецера, какъ критика, все-таки несомнѣнна и велика.

Въ 1809 году Шлецеръ умеръ. Послѣдніе годы его жизни были тяжелы; борьба съ товарищами, преимущественно съ Кастнеромъ, преслѣдовавшимъ его своими эпиграммами, борьба за журналъ, старанія отстранить отъ себя подозрѣнія въ атеизмѣ, въ политической неблагонадежности (его обвиняли въ оправданіи казни Карла I); наконецъ униженіе Германіи, созданіе Вестфальскаго королевства — все это сильно огорчало Шлецера и утѣшало его только вниманіе русскаго правительства, которое нерѣдко обращалось къ нему съ учеными вопросами; ему принадлежитъ мысль Общества Исторіи; къ нему за совѣтомъ указано было обращаться Карамзину; сынъ его былъ сдѣланъ профессоромъ въ Москвѣ и т. д.

Честный, гордый и непреклонный, Шлецеръ бывалъ часто

тяжелъ въ личныхъ сношеніяхъ и деспотъ въ семьѣ, что признаетъ и сынъ его, который сошелся съ нимъ ближе лишь въ послѣдніе годы и, проникнутый понятнымъ благоговѣніемъ, написалъ его біографію. Характеристично для Шлецера, что желая доказать способность женщины къ высшему образованію, онъ добился, что дочь его Доротея выдержала экзаменъ на доктора математики.

КАРАМЗИНЪ КАКЪ ИСТОРИКЪ [1]).

Собираясь занять вниманіе ваше, мм. гг., нѣсколькими мыслями о Карамзинѣ, какъ историкѣ, я вполнѣ сознаю, что беру на себя обязанность, хотя и пріятную, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудную. Пріятно говорить о томъ произведеніи, съ которымъ связаны для меня, какъ и для многихъ, дорогія воспоминанія дѣтства: по «Исторіи Государства Россійскаго» мы знакомились съ тѣмъ что совершалось въ давніе годы; въ ней находили мы уроки высокой нравственности; учились любить родную землю, любить добро, ненавидѣть зло, презирать ложь, лесть и коварство; въ живыхъ образахъ являлись намъ и великіе подвиги, и позорныя дѣянія; яркіе образы запечатлѣвались въ памяти и на всю жизнь становились свѣтлыми маяками. Каждый изъ насъ, кто занялся исторіей своей страны, занялся, можетъ-быть, и потому отчасти, что впервые онъ познакомился съ нею въ высокохудожественномъ разсказѣ Карамзина, и въ позднѣйшіе годы, много разъ обращаясь къ знакомымъ страницамъ, находилъ здѣсь поученія другаго рода: учился, какъ относиться къ источникамъ, какъ ихъ находить, какъ ихъ изучать. Провѣряя Карамзина по источникамъ, каждый убѣждался въ томъ, что если теперь есть успѣхъ въ

---

[1]) Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго университета 2-го декабря 1866 года.

занятіяхъ русскою исторіей, то самый успѣхъ этотъ зиждется, какъ на твердомъ основаніи, на великомъ твореніи Карамзина; каждая новая попытка возсоздать въ цѣломъ прошедшую судьбу Русскаго народа была только новымъ доказательствомъ недосягаемаго величія «Исторіи Государства Россійскаго» —этой единственной исторіи въ полномъ смыслѣ слова, какую только имѣетъ Русская земля. Не разъ были мы свидѣтелями страннаго явленія: подымаются голоса противъ Карамзина; но вотъ является попытка поставить на его мѣсто или по крайней мѣрѣ рядомъ съ нимъ другое имя, и что же? —дѣло кончается тѣмъ, что по общему сознанію, мѣсто Карамзина остается за нимъ, и по прежнему не кого поставить съ нимъ рядомъ. Вотъ почему не мнѣ только, но многимъ и многимъ пріятно говорить о Карамзинѣ; но не все то легко что пріятно: оцѣнить всѣ заслуги Карамзина трудно въ немногихъ словахъ. Карамзина каждый занимающійся узнаетъ и оцѣниваетъ самъ, и чѣмъ усерднѣе работаетъ, тѣмъ болѣе узнаетъ и оцѣниваетъ. Каждое обращеніе къ этому высокому памятнику русской науки открываетъ внимательному работнику новыя стороны въ немъ и ярче выказываетъ всю недостижимость этого почти идеальнаго совершенства. Вотъ почему трудно говорить о Карамзинѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый занимающійся чувствуетъ нравственную потребность, — скажу даже болѣе — долгъ помянуть того, кому такъ много обязанъ въ своемъ человѣческомъ развитіи, чьимъ трудомъ такъ много пользовался и учась, и уча, и будетъ пользоваться, пока будетъ и учиться и учить.

Пушкинъ замѣтилъ чрезвычайно остроумно и мѣтко, что Карамзинъ открылъ древнюю Русь, какъ Колумбъ открылъ Америку. Въ концѣ XVIII, а особенно въ началѣ XIX вѣка, въ эту пору самаго сильнаго разгара русскаго европеизма, въ такъназываемой образованной средѣ, древность русская была совершенно неизвѣстна: мѣсто отцовскихъ библіотекъ, состоявшихъ изъ старыхъ рукописей, заняли въ боярскихъ палатахъ собранія французскихъ писателей XVIII вѣка и ихъ англій-

скихъ первообразовъ, разумѣется, во французскомъ переводѣ; старинное воспитаніе, съ дѣтства пріучавшее слухъ къ звукамъ языка церковно-славянскаго, то воспитаніе, о которомъ съ такимъ умиленіемъ воспоминаетъ фонъ-Визинъ, отошло въ область преданій; русскія дѣти съ самаго нѣжнаго возраста залепетали по французски; многіе герои и думали, и говорили по французски; самъ Растопчинъ былъ остроумнѣе на французскомъ языкѣ, чѣмъ въ своихъ знаменитыхъ афишахъ, гдѣ счелъ нужнымъ явиться, для возбужденія патріотизма, въ народномъ зипунѣ. Въ высшихъ сферахъ дѣйствуютъ — какъ видно изъ книги барона Корфа и нѣкоторыхъ недавно изданныхъ источниковъ—галломаны, англоманы и даже враги Россіи. Наполеоновъ кодексъ — созданіе отвлеченнаго мышленія—переводится на русскій языкъ и назначается служить руководствомъ въ нашихъ судахъ и училищахъ; поэты, въ минуту опасности отечества, чтобъ одушевить войско, взываютъ къ тѣнямъ героевъ прежнихъ лѣтъ, и встаютъ на ихъ зовъ тѣни Оссіановыхъ героевъ, только названные русскими именами; въ этихъ туманныхъ картинахъ мы не узнаемъ тѣхъ, чьи имена должны быть дороги сердцу каждаго Русскаго; лица, создаваемыя воображеніемъ тогдашнихъ поэтовъ, такъ же мало похожи на русскихъ людей, какъ эти герои на русскихъ героевъ: это—лица Расина или Мольера, но не живые русскіе типы. Къ памятникамъ старины не было никакого уваженія: если великая Екатерина, умѣвшая своимъ высокимъ духомъ породниться съ Россіей, усвоить себѣ ея интересы до того, что никогда не могла помириться съ мыслію о господствѣ чужеземцевъ въ древней столицѣ Льва Даниловича, — если она не допустила осуществиться безумному замыслу Бажанова, обратить Кремль въ огромный дворецъ, то въ XIX вѣкѣ смотрѣли на сохраненіе памятниковъ старины вовсе не такъ строго: въ книгѣ г. Забѣлина [1]) можно найдти правдивую оцѣнку дѣятельности бывшей Кремлевской

[1]) См. его „Домашній бытъ Русскихъ Царей“, т. I, стр. 101—105.

экспедиціи.—Екатерина велѣла собрать въ одно мѣсто всѣ историческія рукописи; но послѣ ея кончины приказано было разослать ихъ по тѣмъ мѣстамъ, откуда онѣ были взяты; онѣ были, говорятъ, свалены на возы и отправлены по назначенію. Сколько погибло ихъ по дорогѣ, до этого никому не было дѣла; да и многіе ли не считали тогда «грамоты царей»—по знаменитому выраженію Пушкина—«за пыльный сборъ календарей?» Только тамъ, гдѣ еще живы были преданія старины, гдѣ еще читали лѣтописи и хронографы, тамъ безсознательно жилъ русскій духъ, любовь и уваженіе къ славѣ предковъ: то была сфера грамотныхъ простолюдиновъ. Еще Новиковъ замѣтилъ въ предисловіи къ Живописцу: «У насъ тѣ только книги третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются, которыя симъ простодушнымъ людямъ, по незнанію ихъ чужестранныхъ языковъ, нравятся». Это сказано при Екатеринѣ, когда примѣръ Великой Царицы обязывалъ, если не быть, то казаться Русскимъ, и когда европеизмъ еще не вошелъ глубоко въ плоть и кровь; а что же было послѣ? Читайте повѣсть Растопчина: «Охъ, Французы!» Читайте «Русскій Вѣстникъ» Глинки. Кто хотѣлъ возбудить патріотизмъ, тотъ употреблялъ для этой цѣли исторію, и исторія отъ отсутствія чувства мѣры переходила въ хвалебный гимнъ всему что только носитъ имя русскаго; такая исторія, конечно, никому не была нужна и только наводила на скептицизмъ, а такою была «Русская Исторія» Сергѣя Глинки, въ которой, по мѣткому выраженію Полеваго, Святополкъ Окаянный заткнетъ за поясъ любаго героя добродѣтели. Въ такую-то пору Карамзинъ написалъ свое письмо къ Муравьеву и, получивъ благопріятный отвѣтъ, «постригся въ историки» (выраженіе кн. Вяземскаго). 12 лѣтъ онъ работалъ безъ отдыха, собиралъ, оцѣнивалъ матеріалы, приводилъ ихъ въ стройную систему и не разъ переработывалъ свой планъ, уничтожалъ совершонный трудъ. Наконецъ, послѣ этой продолжительной, безустанной работы, онъ представилъ первые восемь томовъ своей исторіи. Что-же онъ нашелъ готовымъ, насколь-

ко онъ самъ былъ готовъ къ своему труду? Въ отвѣтъ на эти вопросы позволю себѣ припомнить въ общихъ чертахъ состояніе науки русской исторіи передъ началомъ работы Карамзина.

Изданіе источниковъ началось еще въ XVIII вѣкѣ; но бо̀льшая часть рукописей была и прочитана и издана чрезвычайно небрежно. Всѣмъ извѣстно, какъ князь Щербатовъ въ изданіи такъ-называемаго «Древняго Лѣтописца», вмѣсто: «утечьними ловцы», читалъ: «Утечь и Миловцы», принимая эти слова за собственныя имена [1]). Львовъ, издавая «Русскій Временникъ», оговаривался въ предисловіи, что за слогъ онъ не отвѣчаетъ. «Все дѣло мое было—говоритъ онъ—привести оныя (старыя тетради; что за тетради, это объяснить издатель счелъ за лишнее) только въ порядокъ, исправить ошибки писцовъ, объяснить неупотребительныя слова и вычернить нѣкоторыя нелѣпости». Для объясненія неупотребительныхъ словъ издатель счелъ возможнымъ замѣнить ихъ въ текстѣ словами новаго времени: напримѣръ, вы встрѣчаете слово «баталія» въ описаніи битвы Ярослава съ Святополкомъ, и т. д. Не считаю уже нужнымъ послѣ этого говорить о Барковѣ, исказившемъ Радзивилловскій списокъ начальной лѣтописи. Изданія были до того небрежны, что страницы, перепутанныя въ рукописи, путались и въ изданіи и даже въ изложеніи исторіи: такъ случилось съ Царственною Книгой. Щербатовъ напечаталъ ее такъ, какъ нашелъ въ рукописи, и отнесъ событія, записанныя на перепутанныхъ листахъ, къ тѣмъ годамъ, куда они попали ошибкой. Самые важные списки лѣтописи оставались не только не изданными, но даже не извѣстными; такъ, Шлецеръ, списавшій себѣ первыя страницы Ипатьевскаго списка, не подозрѣвалъ даже, что въ томъ же спискѣ заключается Кіевская лѣтопись, извѣстная только Татищеву, и Волынская, никому неизвѣстная.

---

[1]) Древній Лѣт. I, 22.

Въ послѣдствіи Карамзинъ нашелъ этотъ списокъ въ числѣ дефектовъ академической библіотеки. Если не было хорошихъ изданій лѣтописи, то тѣмъ менѣе можно было ждать ученыхъ коментаріевъ. Дѣйствительно только Шлецеръ началъ объясненіе нашихъ лѣтописей, и въ ту пору появился одинъ первый томъ его «Нестора». Только Шлецеръ (иногда, можетъ-быть, и черезчуръ строго) началъ отдѣлять источники, годные къ употребленію, отъ негодныхъ, сталъ добиваться, какимъ путемъ дошли извѣстія. Прежде объ этомъ такъ мало думали, что даже Болтинъ, одинъ изъ самыхъ умныхъ и даровитыхъ дѣятелей по русской исторіи, упрекалъ Щербатова за то, что онъ извѣстія Татищевскія не предпочиталъ лѣтописнымъ; коментаріи самого Татищева ограничивались по большей части соображеніями здраваго смысла. Его примѣчанія интересны главнымъ образомъ своими указаніями на нравы и обычаи XVII и XVIII вѣка и вовсе не имѣютъ цѣны, какъ ученыя объясненія самаго текста. Какъ печатали лѣтописи, такъ печатали и грамоты: печатали то, что подъ руку попадется, съ перваго попавшагося списка, и рѣдко заявляли, откуда взята грамота. Ученыхъ пособій совсѣмъ не было: генеалогическія таблицы были такъ перепутаны, что одинъ князь являлся два раза сыномъ двухъ разныхъ князей. Такъ у Щербатова случилось со Всеволодомъ Чермнымъ. Вообще, чтобы понять всю эту путаницу, происшедшую отъ неумѣнья согласить два разные источника — лѣтопись и родословныя, стоитъ взять второй томъ Исторіи Щербатова. Географія древней Россіи была не въ лучшемъ состояніи: постоянно путались такіе извѣстные города какъ Владиміръ на Клязьмѣ и Владиміръ на Волыни, такіе народы какъ Болгары Камскіе и Болгары Дунайскіе. Состояніе археологіи было таково, что въ 1824 году, уже послѣ изданія исторіи Карамзина, ученое общество печатаетъ въ своемъ изданіи описаніе Грузинской хоругви св. Владиміра. Конечно, нашелся Оленинъ, доказавшій ея поддѣльность; но тѣмъ не менѣе возможенъ ли былъ бы этотъ фактъ при дру-

гомъ состояніи науки? О миѳологіи уже и говорить не стоитъ: въ XVIII вѣкѣ миѳологію считали дѣломъ празднаго любопытства, и миѳографы, для забавы читателя, изобрѣтали не только обряды, но даже боговъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить огромное количество недоразумѣній: такъ изъ Перунова уса злата сдѣлали бога Услада, и потомъ уже придали ему разные атрибуты. Такъ писалась у насъ миѳологія; тотъ же взглядъ замѣтенъ и въ собираніи пѣсенъ, сказокъ и т. п. Въ сборникахъ постоянно являлись присочиненныя пѣсни и сказки: изслѣдователи не только не умѣли отличать ихъ отъ дѣйствительно народныхъ, но даже не считали этого нужнымъ, ибо и произведенія народной словесности считали занятіемъ празднаго любопытства, и то для черни. Вспомнимъ, съ какимъ презрѣніемъ относился, напримѣръ, Сумароковъ, не говоря уже о Тредьяковскомъ, къ произведеніямъ народной словесности; Державинъ, понимая эту поэзію чувствомъ и пользуясь ею для времени довольно удачно, очевидно предпочиталъ ей оссіанизмъ — эту передѣлку первоначальной поэзіи на нравы XVIII вѣка.

Все это было чрезвычайно понятно: наука всякая, а съ тѣмъ вмѣстѣ и историческая, была новостью въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка; оттого весь XVIII вѣкъ прошелъ въ намѣчиваніи границъ этой науки, въ ея, такъ-сказать, генеральномъ размежеваніи, въ общей описи ея сокровищъ. Самое это дѣло сопряжено было съ громаднымъ трудомъ, и съ изумленіемъ останавливаешься предъ неутомимою дѣятельностію Миллера, громадные портфели котораго еще до сихъ поръ не исчерпаны вполнѣ, хотя около ста лѣтъ пользуются ими, въ журналахъ котораго еще до сихъ поръ много важныхъ и полезныхъ указаній; съ благодарностію помянетъ каждый Татищева, чувствовавшаго, гдѣ и чего надо искать, съумѣвшаго написать такую программу для собиранія этнографическихъ и археологическихъ свѣдѣній, какой (говоря относительно) мы и теперь не имѣемъ, съумѣвшаго собрать множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній, только къ сожалѣнію, не по-

нимавшаго всѣхъ условій исторической критики, чего, впрочемъ, отъ него и требовать было нельзя. Онъ былъ историкомъ между дѣломъ; онъ былъ ученикъ Петра, по требованію котораго способные люди должны были на все годиться; а Татищевъ былъ одинъ изъ самыхъ способныхъ. Много труда поднялъ на себя цѣлый рядъ академическихъ путешественниковъ, изъѣздившихъ Россію и описавшихъ ее во всѣхъ отношеніяхъ: естествоиспытатели по преимуществу, они не чужды были и этнографическаго и археологическаго интереса; сколько памятниковъ, которыхъ уже нѣтъ теперь на лицѣ земли русской, знаемъ мы только изъ ихъ тщательнаго описанія. Глухо тогда было общество на зовъ науки; но уже начинала просыпаться любознательность въ отдѣльныхъ лицахъ: въ Архангельскѣ нашелся Крестининъ [1]), въ Оренбургѣ Рычковъ. Много было и другихъ безкорыстныхъ тружениковъ; но здѣсь не мѣсто поминать ихъ; ихъ и такъ помнитъ каждый, кто занимается дѣломъ. Тѣмъ не менѣе, самые плоды этой работы ждали еще новаго труда: много было собрано, да не все собранное могло годиться; не все то собиралось, что слѣдуетъ собирать, и не все такъ собиралось, какъ слѣдуетъ. Иначе и быть не могло: дѣло было новое; всѣ учились сообща — кто пріемамъ науки, кто самому свойству и характеру матеріала. Первые были наши русскіе самоучки, вторые — наши учители Нѣмцы. Въ историческомъ дѣлѣ этихъ послѣднихъ (я говорю о главныхъ) было три: одинъ не потрудился выучиться по русски, и потому на всю жизнь засѣлъ па Скиѳахъ и на Варягахъ, самъ, впрочемъ, неясно различая годные источники отъ негодныхъ и говоря иногда то, что смѣшно каждому русскому человѣку (хоть бы производство Москвы отъ мужика); другой, умный и трудолюбивый, принесъ огромную

---

[1]) Архангельскій мѣщанинъ, принятый въ 1786 г. въ корреспонденты Академіи Наукъ. Изъ его сочиненій главныя: „Исторія о древнихъ обитетляхъ Архангелогородскихъ“ 1783 г.; „Историческіе начатки о Двинскомъ народѣ“ 1784 г.; „Историческій опытъ о сельскомъ домоводствѣ Двинскаго народа“ 1875 г.

пользу какъ собиратель матеріала, и даже въ нѣкоторыхъ эпохахъ какъ толкователь (въ смутномъ времени); но его громадной дѣятельности хватило почти только на собираніе и изданіе подручнаго матеріала, который онъ печаталъ тщательно и вѣрно, но всегда по одному списку. Третій явился дѣйствительнымъ учителемъ и исторической критикѣ, и историческимъ воззрѣніямъ. Его умъ точный, ѣдкій, но вмѣстѣ съ тѣмъ узкій, а слѣдовательно и исключительный, видѣлъ все спасеніе въ Нѣмцахъ и все понималъ только въ западныхъ формахъ: оттого, оказавъ великія услуги русской наукѣ, этотъ учитель внесъ въ нее и много заблужденій, съ которыми еще и въ наше время приходится бороться. Я говорю о Байерѣ, Миллерѣ и Шлецерѣ.

Накопившійся матеріалъ, по неизмѣнному свойству человѣческой природы, спѣшили связывать, и на его основаніи старались возсоздать зданіе прошлой жизни. Исторія нужна была и для цѣлей практическихъ, то какъ учебникъ, то какъ книга для справокъ по разнымъ текущимъ вопросамъ; съ этой-то стороны и Петръ заботился о сочиненіи исторіи; съ этой же стороны принялся за нее и Татищевъ, вызванный къ историческимъ трудамъ потребностью знанія исторіи для сочиненія географіи. Литературныя цѣли явились позднѣе: исторію, какъ литературное произведеніе, началъ писать Ломоносовъ. Еще позднѣе является пониманіе исторіи, какъ науки, и какъ науки, уясняющей связь настоящаго съ прошедшимъ; впервые такая мысль мелькнула у Болтина, и въ этомъ его важнѣйшая заслуга. Можно ли, впрочемъ, было ждать сколько-нибудь удовлетворительнаго общаго при неудовлетворительномъ состояніи частностей? Охотно признаемъ всю заслугу Татищева, Щербатова, преосвященнаго Платона; но не можемъ не видѣть въ исторіи Татищева пересказа источниковъ безъ всякой критики и даже не всегда съ указаніемъ на нихъ. У Щербатова есть попытка на прагматизмъ; но такъ какъ прагматизмъ былъ еще совершенно невозможенъ, то все дѣло ограничивается простодушными за-

мѣчаніями въ родѣ того, что излишнее благочестіе нашихъ князей сдѣлало ихъ невоинственными, и оттого завоевали Русь Татары, или сравненіемъ древней Руси со священною Римскою имперіей въ томъ видѣ, какъ эта послѣдняя существовала въ XVIII вѣкѣ, и т. п. Болтинъ и преосвященный Платонъ высказали много умнаго; но и имъ еще не суждено было воспроизвести древнюю Русь въ живомъ образѣ: у Болтина преобладалъ умъ, и умъ критическій, несмотря на то, что онъ часто поддавался искушенію принимать на вѣру Татищевскія извѣстія; но у него не было творчества; преосвященный же Платонъ занялся только одною стороной русской исторіи, и притомъ уже въ преклонныя лѣта; нельзя не изумляться силѣ его ума, но слѣдуетъ признать, что его трудъ былъ только однимъ изъ камней для возведенія стройнаго зданія.

Таково было положеніе науки исторической въ ту пору, какъ Карамзинъ принялся за свой трудъ; но былъ ли онъ самъ готовъ? Карамзинъ не былъ спеціалистомъ ни по одной изъ тѣхъ отраслей наукъ, которыя по преимуществу готовятъ историка: онъ не былъ ни филологъ, ни юристъ; спеціально не подготовленный наукою, онъ не былъ подготовленъ и жизнію: онъ не участвовалъ ни въ дѣлахъ государственныхъ, ни въ переговорахъ. Литераторъ, журналистъ, свѣтскій человѣкъ — вотъ чѣмъ былъ Карамзинъ до своего постриженія въ историки. Съ кѣмъ онъ знакомится въ свое путешествіе, о комъ наиболѣе говоритъ? О философахъ, поэтахъ: Кантъ, Вейссе, Виландъ, Гердеръ, Боннетъ, Лафатеръ — вотъ кого онъ посѣщалъ. Что его занимало въ его путешествіи? Природа, жизнь общественная, литература. Какъ человѣкъ мыслящій, онъ, конечно, не оставался чуждымъ тѣмъ великимъ событіямъ, которыя совершались вокругъ него: кровавыя событія конца XVIII вѣка оставили глубокій слѣдъ на его политическихъ идеалахъ, на его историческихъ воззрѣніяхъ. Не вдаваясь въ подробности, вспомнимъ здѣсь переписку Филалета съ Мелодоромъ (1794): Милодоръ приходитъ въ

отчаяніе отъ ужасовъ революціи, выражаетъ опасенія, чтобы просвѣщеніе не погибло, чтобы не восторжествовали враги наукъ; Филалетъ его утѣшаетъ религіознымъ убѣжденіемъ. Г. Галаховъ справедливо видитъ въ этихъ двухъ лицахъ олицетвореніе двухъ нравственныхъ состояній самого Карамзина. Въ размышленіяхъ о событіяхъ конца XVIII вѣка созрѣлъ тотъ общій взглядъ, который легъ въ основаніе «Исторіи Государства Россійскаго»: отвращаясь отъ ужасовъ террора, Карамзинъ остался однако вѣренъ требованіямъ, высказаннымъ передовыми людьми XVIII вѣка, требованіямъ просвѣщенія, человѣколюбія; но люди сами по себѣ не могутъ идти къ этой высокой цѣли: имъ нужны вожди. Отсюда ясно, что царствованіе Екатерины II должно было стать идеаломъ для Карамзина. Его «Похвальное слово Екатеринѣ II» (1801) было выраженіемъ такого образа мысли; этимъ «Словомъ» Карамзинъ хотѣлъ принести пользу и настоящему. «Исторія есть священная книга царей и народовъ», говоритъ онъ въ предисловіи къ «Исторіи Государства Россійскаго», и гдѣ считаетъ нужнымъ и возможнымъ, постоянно прибѣгать къ исторіи. Это «Слово» одинаково замѣчательно какъ произведеніе литературы и какъ политическое сочиненіе: Карамзинъ, первый нашъ историкъ, былъ у насъ и первымъ политическимъ писателемъ. «Слово» не даромъ явилось на порогѣ новаго царствованія, не даромъ посвящено имени Государя. Правительственная мудрость Екатерины, выставляемая имъ въ образецъ, умѣніе все дѣлать въ пору и въ мѣру,—вотъ что, по мнѣнію Карамзина, составляетъ ея высочайшую славу. Идеальное представленіе образа Екатерины въ этомъ сочиненіи уже свидѣтельствуетъ о высокомъ историческомъ талантѣ Карамзина, и хотя позднѣе, въ «Запискѣ о древней и новой Россіи», онъ прибавилъ нѣсколько темныхъ штриховъ къ облитой яркимъ свѣтомъ картинѣ ея царствованія, но въ цѣломъ онъ остался вѣренъ этому пониманію, и былъ правъ. Въ этомъ же «Словѣ» ясно выступаетъ ученіе о преобладающемъ въ исторіи значеніи великихъ людей,—ученіе столь

важное для нравственнаго воспитанія и столь удобное для исторической живописи, хотя и не вполнѣ вѣрное исторически И позднѣе не разъ пользовался Карамзинъ исторіей для политическихъ цѣлей. Когда онъ увидѣлъ нововведенія, несогласныя съ его убѣжденіями, онъ написалъ свою знаменитую «Записку о древней и новой Россіи» (1811) съ высокимъ эпиграфомъ: «Нѣсть льсти на языцѣ моемъ», и блистательно оправдалъ свой эпиграфъ; къ исторіи же прибѣгъ онъ и тогда, когда нашлись люди въ совѣтѣ Русскаго Императора, желавшіе отмежевать къ Польшѣ западно-русскія губерніи; своею запискою 1819 г. Карамзинъ содѣйствовалъ неосуществленію этого пагубнаго проекта и явился, и тутъ, и тамъ, доблестнымъ гражданиномъ, любящимъ свое отечество. Впрочемъ, обѣ эти записки писаны уже тогда, когда, далеко подвинувшись съ своемъ великомъ трудѣ, Карамзинъ ближе узналъ и русскую жизнь, и русскую исторію, хотя и остался все тѣмъ же въ своихъ общихъ взглядахъ.

И такъ, до начала исторической работы Карамзинъ вырабатывалъ свой общій взглядъ и вмѣстѣ съ тѣмъ развивалъ его и въ обществѣ своею дѣятельностію. Въ политическихъ статьяхъ Вѣстника Европы онъ вѣрно судилъ Наполеона, а мелкими историческими статьями распространялъ въ публикѣ вкусъ къ русской исторіи и самъ исподоволь готовился къ своему великому труду. Мысль о художественномъ воспроизведеніи русской исторіи давно уже смутно носилась предъ нимъ. «Говорятъ—пишетъ онъ изъ Парижа въ «Письмахъ Русскаго Путешественника»—что наша исторія менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ умъ, вкусъ, талантъ; можно выбрать, одушевить, раскрасить; читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и пр. могло выйдти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословная князей, ихъ ссоры, междоусобія, набѣги Половцевъ не очень любопытны, соглашаюсь; но зачѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно, то можно сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ англійской исто-

ріи; но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа Русскаго, характеръ древнихъ нашихъ героевъ—отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя, описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій — Владиміръ, свой Лудовикъ XI—царь Іоаннъ, свой Кромвель—Годуновъ, и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобныхъ—Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи, и даже въ исторіи человѣчества; его-то надобно представить, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель-Анджело». Отъ такой исторіи онъ требовалъ философскаго ума, критики, благороднаго краснорѣчія, и образцами выставлялъ Тацита, Юма, Робертсона, Гиббона. Чтеніе великихъ историковъ древности и великихъ англійскихъ историковъ XVIII вѣка осталось далеко не безъ вліянія на Карамзина, хотя онъ сознавалъ ихъ недостатки. Такъ, въ Юмѣ осуждалъ онъ холодность къ отечественному; едва-ли также могъ онъ сочувствовать легкомысленному отношенію Гиббона къ христіанству. Но тѣмъ не менѣе историческое изложеніе Карамзина—живое и стройное, съ обращеніемъ вниманія на черты быта, нравовъ, на просвѣщеніе, съ политическими и нравственными разсужденіями, далеко отъ педантизма и легкомыслія—болѣе всего напоминаетъ этихъ историковъ. Признавая достоинство Іоганна Миллера, Карамзинъ, хотя и осторожно, но мѣтко указалъ на главный недостатокъ швейцарскаго историка—на болтливость въ нравственныхъ разсужденіяхъ. «Сіе желаніе блистать умомъ или казаться глубокомысленнымъ едва-ли не противно истинному вкусу», говоритъ онъ, и прибавляетъ: «Замѣтимъ, что сіи апоѳегмы бываютъ для основательныхъ умовъ или полуистинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ цѣны въ исторіи». Умъ Карамзина, практическій и ясный, склонялъ его болѣе на сторону Англіи, и онъ также оцѣнилъ Юма, мастера образно живописать характеры, объяснять психологическія пружины дѣйствій, какъ первый у насъ оцѣнилъ Шекспира. Все ту-

манное отвращало отъ себя Карамзина: фантазіи о до-исторической Швейцаріи, которыя Миллеръ предпослалъ своей исторіи, Карамзинъ остроумно назвалъ геологическою поэмой. Въ древнихъ онъ не одобрялъ выдуманныхъ рѣчей, но хорошо понималъ всѣ ихъ достоинства: плавный, величавый Ливій ближе всѣхъ къ Карамзину изъ древнихъ. Готовясь къ занятіямъ историческимъ, Карамзинъ прежде всего хотѣлъ познакомиться съ англійскими историками и съ древними. Въ записной его книжкѣ 1797 г. [1]) записано: «Начну я съ Джиллиса; послѣ буду читать Фергюссона, Гиббона, Робертсона, читать со вниманіемъ и дѣлать выписки, а тамъ примусь за древнихъ авторовъ, особливо за Плутарха».

Въ то время какъ Карамзинъ отдалился отъ всего міра и весь погрузился въ свой громадный трудъ, стали появляться одинъ за другимъ новые дѣятели по русской исторіи, съ новыми требованіями, съ лучшими пріемами, съ иными взглядами; къ немногочисленнымъ прежде любителямъ старины (Мусинъ-Пушкинъ, Бантышъ-Каменскій, Малиновскій, Оленинъ и др.) присоединились новые. Одинъ за другимъ явились митрополитъ Евгеній, Кругъ, Лербергъ, Френъ, Кеппенъ, и др.; около графа Румянцева собирались Калайдовичъ, Григоровичъ и позднѣе всѣхъ Строевъ. Мы здѣсь пересчитываемъ эти почтенныя имена за все время, пока Карамзинъ писалъ свою исторію. Стали появляться и готовиться важныя изданія; зарождалась русская палеографія, русская археологія, русская филологія; составлялись драгоцѣнныя, до сихъ поръ незамѣнимыя пособія, какова Исторія Россійской Іерархіи; находка шла за находкой: найдены Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, Кириллъ Туровскій, Кирикъ, и т. д. О находкахъ Карамзина мы скажемъ далѣе. Со всѣми сотрудниками по занятіямъ Карамзинъ былъ въ сношеніи: съ кѣмъ лично, съ кѣмъ чрезъ посредство А. И. Тургенева, живаго, умнаго,

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1866 г., кн II, 166.

даровитаго, француза по наружности, русскаго въ душѣ. Никогда не бывъ ученымъ по призванію, Тургеневъ былъ въ сношеніяхъ со всѣми учеными и любилъ науку. Карамзину онъ оказалъ важную помощь: то сообщитъ рѣдкую книгу или рукопись, то не напечатанную статью котораго-нибудь изъ академиковъ. У Карамзина работа кипѣла: въ 1805 г. былъ уже готовъ первый томъ, въ 1808 г. уже писался четвертый, въ 1810 г. пятый, въ 1814 г. седьмой, въ 1815 г. осьмой. Въ 1818 г. первые восемь томовъ были въ рукахъ у русской публики. Пушкинъ живо представляетъ первое впечатлѣніе, произведенное Исторіей Государства Россійскаго на тогдашнее общество. Всѣ читали: кто хвалилъ, кто бранилъ — и то и другое безъ доказательствъ. Критики не было до 20-хъ годовъ (первою сколько-нибудь серіозной критикою была статья Лелевеля въ Сѣверномъ Архивѣ 1823 г.). Написать критику было не легко: надо было самому стоять на высокомъ уровнѣ по крайней мѣрѣ по знаніямъ; русская исторія въ полномъ ея объемѣ тогда была извѣстна немногимъ; что же касается до частныхъ замѣчаній, то ихъ присылали самому автору, и онъ помѣщалъ ихъ въ примѣчаніяхъ. (Такъ внесено имъ много замѣтокъ Ходаковскаго по древней русской географіи).

Что же дала Исторія Государства Россійскаго тогдашнему обществу? что внесла собою въ литературу русской исторіи? чѣмъ важна и нужна для насъ? Посильно и по возможности кратко отвѣчая на эти вопросы, мы должны коснуться Исторіи Государства Россійскаго со стороны нравственныхъ воззрѣній (имѣвшихъ глубокое воспитательное значеніе), со стороны художественной, со стороны ея цѣльности и плана и, наконецъ, въ ея отношеніи къ наукѣ. Избираю такой порядокъ разсмотрѣнія именно потому, что въ такой послѣдовательности она дѣйствовала на общество и на каждаго изъ насъ въ частности.

Не думаю, чтобы кому-нибудь изъ людей, хорошо знающихъ Исторію Государства Россійскаго—а кто изъ людей сколько-нибудь образованныхъ не знаетъ ея? — показалось

страннымъ то мнѣніе, что трудно найдти въ какой-либо литературѣ произведеніе болѣе благородное. Оно благородно сочувствіемъ ко всему великому въ природѣ человѣческой, благородно отвращеніемъ отъ всего низкаго и грубаго. 9-й томъ Исторіи Карамзина служитъ лучшимъ доказательствомъ, что авторъ не останавливался ни передъ какими соображеніями, если хотѣлъ высказать все свое негодованіе: мягкій, снисходительный, любящій, Карамзинъ умѣлъ быть неумолимъ, когда встрѣчался съ явленіемъ, возмущавшимъ его душу; вспомните, съ какимъ негодованіемъ онъ относится къ Грозному, съ какимъ презрѣніемъ къ его окружающимъ. Я выбралъ самый рѣзкій примѣръ, а такихъ примѣровъ можно найдти множество. Карамзинъ не проходитъ ни одного позорнаго дѣянія, чтобы не выразить къ нему своего отвращенія. За то съ другой стороны посмотрите, съ какою любовію онъ останавливается на каждомъ свѣтломъ лицѣ, на каждомъ доблестномъ подвигѣ: какъ ярко выходитъ защита Владиміра отъ татаръ, Куликовская битва; какъ онъ изображаетъ митрополита Филиппа, Владиміра Мономаха, и т. д. Въ нравственномъ чувствѣ Карамзина есть одна высокая сторона, доступная немногимъ: для него не существуетъ Бренново «vae victis!»; онъ понимаетъ законность борьбы, историческое значеніе побѣды, но съ сожалѣніемъ, съ участіемъ останавливается на участи побѣжденнаго. Его плачъ о паденіи Новгорода, по изящному краснорѣчію высокаго нравственнаго чувства, достоинъ стать на ряду съ лѣтописнымъ плачемъ о паденіи Пскова. Карамзинъ, какъ и лѣтописецъ (Карамзинъ, разумѣется, еще больше лѣтописца) понимаетъ нравственную неправду, погубившую Новгородъ и Псковъ; но ни тотъ, ни другой не могъ воздержать своего сожалѣнія. Карамзинъ еще сверхъ того понимаетъ государственную необходимость; если сердцемъ онъ сожалѣетъ о Новгородѣ, то по разуму онъ на противной сторонѣ. Въ наше время считаютъ—и совершенно основательно—неумѣстнымъ вмѣшательство личнаго чувства; но, вспомнивъ, какое сильное воспитательное дѣйствіе имѣли эти

выраженія личнаго чувства на нравственное развитіе нѣсколькихъ поколѣній, удержимся осуждать ихъ. Когда-то было въ модѣ нападать на сентиментализмъ (простите за варварское слово), введенный въ русскую литературу Карамзинымъ; но нападавшіе забывали, при какихъ обстоятельствахъ это направленіе зародилось въ Германіи и перешло къ намъ: и тамъ, и здѣсь господствовала ужасающая грубость нравовъ (когда-нибудь исторія разберетъ, гдѣ ея было больше и гдѣ она болѣе извинительна: въ ученой ли Германіи, или на границахъ степей киргизскихъ). Поколѣніе, воспитанное Карамзинымъ, уже не могло повторить Куралесова или Салтычиху; по крайней мѣрѣ оно значительно смягчило эти типы. Извѣстная доля преувеличенія, неизбѣжная у всякаго новообращеннаго, перешедшая у послѣдователей Карамзина въ смѣшную крайность, у него самого съ годами смягчилась, а высокое чувство нравственное оставалось.

Любя хорошее вездѣ, Карамзинъ преимущественно любилъ его въ Россіи. «Чувство: мы, наше — говоритъ онъ въ предисловіи къ «Исторіи» — оживляетъ повѣствованіе, и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, несносно въ историкѣ, такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души». «Для насъ, русскихъ съ душею — писалъ онъ къ Тургеневу — одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ; все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе. Мыслить, мечтать мы можемъ въ Германіи, Франціи, Италіи, а дѣло дѣлать единственно въ Россіи: если нѣтъ гражданина, нѣтъ человѣка, есть только двуножное животное съ брюхомъ». «Истинный космополитъ — говоритъ онъ въ предисловіи къ «Исторіи» — есть существо метафизическое, или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить о немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане, въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя». Слова эти не оставались только словами: истин-

ный патріотизмъ, состоящій не въ томъ, чтобы безъ разбора хвалить все, особенно то, что льститъ вкусу дня, не разбирая того, какой день — дни вѣдь бываютъ разные, — а въ томъ, чтобы по совѣсти сказать правду, — такой патріотизмъ въ высокой степени отличалъ Карамзина: надо было много любить Россію, чтобы написать обѣ его безсмертныя записки, изъ которыхъ каждая была подвигомъ гражданскаго мужества. Многіе смотрятъ на «Записку о древней и новой Россіи» съ той точки зрѣнія, что Карамзинъ слишкомъ стоитъ за учрежденія, отжившія свой вѣкъ: въ этомъ винить его нельзя, ибо онъ все-таки былъ человѣкомъ своего времени и тогда уже человѣкъ довольно пожилой (ему было 47 лѣтъ, а въ эти годы люди уже рѣдко мѣняются); да еще надо прибавить, что во многихъ случаяхъ онъ былъ правъ: новыя учрежденія не всегда были лучше старыхъ. Надо помнить также, что исторія воспитала въ Карамзинѣ осторожную медленность при всякихъ постройкахъ и ломкахъ.

Въ «Исторіи» патріотическое чувство Карамзина сказалось чрезвычайно ярко и сказалось такъ, что невольно сообщается читателю: онъ страдаетъ во время ига татарскаго, торжествуетъ освобожденіе отъ него, тяготится временемъ Грознаго, негодуетъ на Шуйскаго. Высокій художественный талантъ Карамзина не подлежитъ никакому сомнѣнію; но никакой талантъ не въ состояніи увлечь до такой степени, если бы писатель самъ не чувствовалъ того, что онъ внушаетъ. Только любви дается эта способность живаго представленія, только живя сердцемъ въ изображаемой эпохѣ, можно перенести въ нее другаго; тутъ мало и ума, и знаній. Карамзинъ, говорятъ, былъ литераторъ; онъ только съ большимъ талантомъ шелъ по тому же направленію, по которому шли Эминъ и Елагинъ. Въ такой формѣ — это совершенная неправда. Конечно, Карамзинъ не всѣ явленія понималъ такъ какъ ихъ теперь понимаютъ; да все ли хорошо понимаютъ его возражатели, такъ ли они безошибочны, какъ это многимъ кажется? Не надо забывать, какой громадный трудъ

принялъ на себя Карамзинъ и какъ онъ много сдѣлалъ, и много сдѣлалъ именно потому, что любилъ. Положимъ, что въ свои лица онъ влагалъ кое-что свое, и что теперь исторія старается и должна стараться представлять то что́ было, а не то что̀ могло быть; но это теперь. А если мы вспомнимъ, что Карамзинъ первый оживилъ столько лицъ, которыя до него казались мрачными тѣнями, и оживилъ именно потому, что въ силу своего патріотическаго чувства отказался отъ прежней мысли сократить древнюю исторію, то и этотъ упрекъ долженъ замереть. Самъ Карамзинъ хорошо понималъ, что первое требованіе отъ историка есть истина. «Не дозволяя себѣ никакихъ изобрѣтеній — говоритъ онъ — я искалъ выраженій въ умѣ моемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ», и, прибавимъ отъ себя, нашелъ. Но въ пониманіи прошлаго ничто не дается съ разу; истина не бываетъ абсолютною: ее достигаютъ постепенно, и каждое новое поколѣніе прикладываетъ свое къ наслѣдству отцовъ.

Цѣлостность, единство труда Карамзина сказались въ его заглавіи: «Исторія Государства Россійскаго». Исторія государства—вотъ главный предметъ этого труда. Государственное единство, по Карамзину, ключъ ко всей русской исторіи. Государство это создалось умомъ и талантомъ московскихъ князей и въ особенности Іоанна III. Говорятъ, что Карамзинъ идеализировалъ московское государство, идеализировалъ въ особенности Іоанна, поставилъ его даже выше Петра. Правда, но могъ ли онъ представлять иначе, исходя изъ той мысли, что переворотъ Петра былъ насильственный; а по крутости мѣръ Петровыхъ, онъ инымъ и не могъ представиться въ то время, когда еще не знали многихъ источниковъ и когда было много людей, именно за то и прославлявшихъ Петра и даже поставлявшихъ все свое человѣческое достоинство во внѣшнемъ европеизмѣ. Развѣ не могло тогда придти въ голову: да стоитъ ли эта внѣшность такихъ жертвъ? Къ такой мысли Карамзинъ пришелъ не первый:

изъ историковъ ея держался Болтинъ. Выводъ изъ этого былъ ясенъ: Іоаннъ не измѣнялъ обычаевъ, а поставилъ государство на высшую степень; стало быть, Іоаннъ выше Петра. На этомъ Карамзинъ и остановился. То же слѣдуетъ замѣтить и объ идеализированіи Московскаго Государства: первое, что поражаетъ изслѣдователя, это блестящая обстановка, и она естественно должна поразить. Положимъ, что государственное единство есть единство внѣшнее; но уяснили ли мы себѣ и теперь сущность внутренняго единства Русскаго народа, которое сказывается на нашихъ глазахъ (напримѣръ, въ Галичанахъ)? Прежде она сказывалась въ стремленіи къ единовѣрной Москвѣ Малороссіи, сначала одного берега, а потомъ другаго, а передъ ними еще въ Новгородцахъ, шедшихъ на судъ въ Москву и ни за что не хотѣвшихъ покориться литовскому королю. Факты мы знаемъ, какъ зналъ ихъ Карамзинъ, но существенное пониманіе тайны народной жизни еще далеко. Внѣшнее единство, приданное русской исторіи Карамзинымъ, пытались замѣнить внутреннимъ: смѣною началъ и т. п. Конечно, послѣ Карамзина есть нѣкоторое движеніе впередъ и въ этомъ отношеніи; но съ другой стороны вопросъ едва-ли не запутался еще болѣе. Карамзинъ былъ правъ. Онъ, «пройдя всю эту длинную дорогу, видѣлъ многое на право и на лѣво, требующее изысканій и поясненій, но долженъ былъ оставлять до времени». (Собственныя его слова, сказанныя М. П Погодину въ 1826 г.). А большая дорога лежитъ именно тамъ, гдѣ онъ ее искалъ. Исторію государства можно было написать; исторію народа писать было рано, да рано и теперь. Ярко выставить эту сторону русской исторіи — собираніе Русской земли — было большою заслугой передъ наукою, да и передъ обществомъ, которое училось уважать свое прошлое, видѣть въ немъ не исторію варварскаго народа, а исторію народа европейскаго. Карамзинъ часто указываетъ на аналогію съ Европою: такъ поступаетъ и при Іоаннѣ III. Такія аналогіи должны были убѣдительно дѣйствовать на людей, привык-

шихъ смотрѣть на Европу и тамъ искать образцевъ и примѣровъ. «Стало быть, и мы тоже имѣемъ исторію не наполненную только Аттилами и Чингисханами, какъ говорятъ о насъ въ Европѣ»;—вотъ что многимъ могло прійдти въ голову, а Карамзина читали многіе: нельзя, онъ былъ въ модѣ.

Убѣжденія, сложившіяся у Карамзина вслѣдствіе размышленій о событіяхъ, совершившихся на его глазахъ, еще болѣе укрѣпились отъ изученія исторіи: сравненіе Іоанна съ Петромъ поддержало въ немъ ту мысль, что прочные результаты легче достигаются безъ крутыхъ переворотовъ, противъ которыхъ его вооружилъ еще терроръ; Іоаннъ Грозный еще болѣе увеличилъ въ немъ ненависть ко всякому насилію. То обстоятельство, что мысль его обращена была преимущественно къ государственной сторонѣ исторіи, подкрѣпило въ немъ сознаніе необходимости для народа вождей, и слѣдственно, необходимости для Россіи самодержавной власти. Въ этомъ случаѣ онъ сошелся съ мнѣніемъ народа. Изученіе исторіи показало ему, что все дѣло не въ формѣ, а въ томъ, какъ она прилагается. Эта мысль съ особою силой высказывается въ его «Запискѣ о старой и новой Россіи».

Обращаясь къ чисто-научной сторонѣ «Исторіи Государства Россійскаго», припомнимъ, въ какомъ неудовлетворительномъ состояніи была у насъ наука историческая передъ появленіемъ исторіи Карамзина, и увидимъ, какъ великъ былъ его трудъ. Хорошо было работать современнымъ ему историкамъ Запада: у нихъ Болландисты, и Бенедиктинцы, и Дюканжъ, и Мураторн и Монфоконъ; у нихъ и памятники были изданы, и библіотеки и архивы въ большемъ порядкѣ, и пособій больше. Въ предисловіи Карамзинъ какъ бы оправдывается въ обиліи своихъ примѣчаній; онъ говоритъ: «Множество сдѣланныхъ мною примѣчаній и выписокъ устрашаетъ меня самаго. Если бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, очищены критикою, то намъ оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая ихъ часть въ рукописяхъ, въ темнотѣ, когда едва-ли что обработано, изъяснено, соглашено,

надобно вооружиться терпѣніемъ... Для охотниковъ все бываетъ любопытно: старое имя, слово, малѣйшая черта древности даетъ поводъ къ соображеніямъ». Карамзинъ говоритъ, что читатель воленъ не заглядывать въ примѣчанія; нашлись издатели, которые задумали избавить читателя отъ этихъ хлопотъ: у насъ есть два изданія (3 и 4) съ сокращенными примѣчаніями, а между тѣмъ примѣчанія — одно изъ правъ Карамзина на безсмертіе.

Много памятниковъ уже издано изъ тѣхъ, которые при Карамзинѣ еще были не изданы, а между тѣмъ примѣчанія сохраняютъ все свое значеніе и будутъ сохранять его еще долго, если не всегда: сюда будутъ ходить и за справкою, и за поученіемъ; здѣсь всего виднѣе, какъ работалъ Карамзинъ и какъ слѣдуетъ работать.

Просматривая примѣчанія Карамзина, нельзя не чувствовать глубокаго уваженія къ громадной его работѣ. Едва-ли можно указать большое число памятниковъ, теперь намъ извѣстныхъ, которые были бы неизвѣстны Карамзину. Перечислимъ болѣе крупные. Такъ, у него не было «Домостроя», «Тверской лѣтописи», «Панонскихъ житій», Несторова «Житія Бориса и Глѣба», «Слова нѣкоего Христолюбца» и еще немногихъ; но за то какъ громадна масса памятниковъ, которые онъ въ первый разъ нашелъ или которыми онъ впервые пользовался. Сюда принадлежитъ Хлѣбниковскій списокъ (можно считать и Ипатьевскій), Лаврентьевскій, Троицкій, Ростовскій, нѣкоторыя изъ Новгородскихъ лѣтописей и едва-ли не обѣ Псковскія (впрочемъ, считаю нужнымъ оговориться: Щербатовъ цитуетъ лѣтописи по нумерамъ, и потому трудно сказать, что именно было у него въ рукахъ); потомъ Даніилъ Паломникъ, «Илларіонова Похвала Владиміру», множество житій святыхъ, множество грамотъ, сказаній. Важно было бы составить списокъ всѣхъ памятниковъ, которыми пользовался Карамзинъ: можетъ-быть, иные изъ нихъ до сихъ поръ ускользаютъ отъ изслѣдователей. И все это онъ прочелъ, изучилъ, провѣрилъ;

изъ всего выписалъ самое любопытное и нигдѣ не спутался. Выписывалъ онъ часто то, что ему не пригодилось бы самому, но могло бы пригодиться другому. Выписывая, онъ часто подчеркивалъ слова, особенно любопытныя сами по себѣ или по соединенному съ ними факту. Выписывалъ онъ даже изъ памятниковъ, которые не казались ему достовѣрными: такъ, напримѣръ, у него выписано много изъ сказаній Мологскаго діакона Камсневича-Рвовскаго, сочиненіе котораго, писанное въ XVII вѣкѣ, онъ нашелъ въ синодальной библіотекѣ, въ книгѣ: Древности Россійскаго Государства; отъ него не ускользнуло и то обстоятельство, что кое-что записано у Каменевича пѣсеннымъ размѣромъ (можетъ-быть, онъ и пользовался пѣснями). Эта любопытная книга, къ сожалѣнію, послѣ ни у кого не была въ рукахъ, а она могла бы, можетъ-быть, повести къ разрѣшенію вопроса о такъ-называемой Іоакимовской лѣтописи, напечатанной Татищевымъ по поздней рукописи, съ весьма странною обстановкою, и до сихъ поръ составляющей предметъ спора между нашими учеными. Карамзинъ выписываетъ также разныя баснословныя извѣстія о построеніи Новгорода и Москвы, отмѣчаетъ всегда тѣ свѣдѣнія изъ лѣтописей или Татищевскаго свода, которыя онъ считаетъ баснословными. Выписки его такъ точны, что даже имѣющіяся печатныя изданія не всегда въ равной степени удовлетворительны. До него никто—кромѣ Миллера и Успенскаго, котораго книга вышла впрочемъ въ 1813 г.—не пользовался такъ много иностранными писателями о Россіи. Встрѣтивъ указанія на неизвѣстный ему матеріалъ, онъ не успокоивался, пока не добывалъ этого матеріала; такъ, съ большимъ трудомъ досталъ онъ себѣ Баварскаго географа, но нашелъ его недостовѣрнымъ.

Встрѣчающіяся въ памятникахъ слова, вышедшія изъ употребленія, онъ старается объяснить, и объясняетъ большею частію вѣрно, для чего ему нужны бываютъ выписки изъ другихъ памятниковъ, совершенно другаго времени. Конечно, не будучи филологомъ, Карамзинъ объясняетъ слово

только сличеніемъ текстовъ и не прибѣгаетъ къ филологическимъ соображеніямъ, даже не всегда пользуется помощію другихъ славянскихъ нарѣчій.

Каждый памятникъ онъ подвергаетъ критикѣ, и къ тому же критикѣ всегда удачной; такъ, превосходно разобрано «Житіе Константина Муромскаго», «Дѣяніе собора на Мартина Армянина». Въ лѣтописяхъ онъ также нерѣдко указываетъ на ихъ составныя части: такъ, въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» онъ очень основательно подмѣтилъ одно чисто Новгородское сказаніе; съ помощью приписки на Остроміровомъ Евангеліи возстановилъ одинъ годъ въ лѣтописи; указываетъ въ Кіевской лѣтописи одно извѣстіе, записанное, вѣроятно, въ Черниговѣ, и т. д. Не довольствуясь нашими библіотеками и архивами, ищетъ возможности получать нужные для него документы и изъ архивовъ заграничныхъ: такъ, изъ Кенигсбергскаго архива ему доставляется много интересныхъ бумагъ, между прочимъ грамоты Галицкихъ князей, о которыхъ только изъ этихъ грамотъ и можно было получить нѣкоторыя свѣдѣнія; такъ через Муравьева ищетъ онъ возможности добыть переписку папъ изъ Ватиканскаго архива, и т. д.

Памятники вещественные интересуютъ его такъ же, какъ и памятники письменные: онъ собираетъ всѣ извѣстія о святынѣ, хранимой въ ризницахъ, о раскопкахъ, кладахъ, зданіяхъ,—словомъ, обо всемъ, что сохранилось отъ жизни нашихъ предковъ. Имъ помѣщены рисунки буквъ Десятинной церкви, изображеніе старипнаго рубля, буквы зырянской азбуки Стефана Пермскаго. Когда въ наличныхъ источникахъ онъ не находитъ требуемыхъ свѣдѣній, то вступаетъ въ переписку съ мѣстными жителями и получаетъ нужное свѣдѣніе на мѣстѣ.

Все что возбуждаетъ какой-либо вопросъ касательно древностей не остается у Карамзина безъ изслѣдованія: какая-нибудь сомнительная дата, генеологія того или другаго князя, банное строеніе, старинный русскій счетъ, вѣсы и монеты, и т. д., и т. д. Всѣ чужія мнѣнія тщательно имъ разсматриваются

и провѣряются. Изслѣдованія Карамзина обыкновенно чрезвычайно точны и могутъ опровергаться только столь же точными изслѣдованіями или новыми памятниками.

Замѣтки, которыя присылали къ нему, онъ всегда вносилъ и всегда указывалъ, кто ихъ доставилъ. Въ 5-мъ изданіи есть нѣсколько такихъ замѣтокъ, найденныхъ на поляхъ его собственнаго экземпляра и написанныхъ уже послѣ выхода втораго изданія, послѣдняго при жизни автора.

Словомъ, на пространствѣ времени до 1611 г. немного найдется вопросовъ, которые бы онъ не предвидѣлъ и на которые нельзя было бы найдти у него рѣшенія, указанія или по крайней мѣрѣ намека. Кто самъ работалъ, тотъ пойметъ, сколько трудовъ нужно было употребить, чтобы собрать такую массу свѣдѣній, и тому покажется страннымъ только одно: какъ успѣлъ собрать все это Карамзинъ въ 22 года, если еще припомнимъ притомъ, что въ послѣднее время онъ уже старѣлъ и былъ часто боленъ и что, наконецъ, самое изложеніе требовало много времени; много также времени уходило и на соображенія. Этою-то своею стороной исторія Карамзина особенно сильна и въ наше время: можно утверждать, что онъ не такъ изобразилъ ту или другую эпоху, то или другое лицо, и быть правымъ; но отвергать въ немъ великаго ученаго, утверждать, что онъ былъ только литераторъ, нельзя. Сюда, въ эти примѣчанія, долженъ ходить учиться каждый занимающійся русскою исторіей, и каждому будетъ чему тутъ поучиться.

Въ Карамзинѣ мы видѣли рѣдкое соединеніе силъ, которыя по большей части встрѣчаются порознь: огромнаго таланта и изумительнаго трудолюбія. Это—ученый; но въ немъ есть еще человѣкъ, а человѣка Карамзинъ цѣнилъ въ себѣ болѣе, чѣмъ историка. «Жить—писалъ онъ къ Тургеневу—есть не писать исторію, не писать трагедію или комедію, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душою къ его источнику: все другое, любезный мой пріятель, есть шелуха — не исключая и моихъ восьми или девяти томовъ». Писатель и человѣкъ тѣсно

сливались въ Карамзинѣ въ одно гармоническое цѣлое; никогда слово его не противорѣчило дѣлу, и этотъ одинъ изъ самыхъ геніальныхъ людей Русской земли былъ, если не самый чистый, то одинъ изъ самыхъ чистыхъ. Чѣмъ болѣе узнаемъ мы его, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе къ нему привязываемся, тѣмъ сильнѣе развивается желаніе еще болѣе познакомиться съ нимъ. Я сказалъ въ началѣ, что образы имъ возсозданные становились для насъ свѣтлыми маяками; но надъ ними еще ярче горитъ его собственный образъ, высокій образъ благороднаго человѣка, честнаго гражданина и неутомимаго труженика. Въ нашемъ молодомъ, не установившемся обществѣ эти качества всего дороже. Такой талантъ, какой былъ у Карамзина — рѣдкій даръ природы, и Богъ знаетъ, когда мы дождемся другаго Карамзина въ области русской исторіи; но каждый долженъ работать — по мѣрѣ силъ, каждый долженъ стараться искать истины и честно служить ей. Въ этомъ да служитъ Карамзинъ образцомъ всѣмъ намъ.

МИХАИЛЪ ПЕТРОВИЧЪ ПОГОДИНЪ

(1800—1875).

«Дѣятельность ваша была обширнѣе и могущественнѣе, нежели моя, ограниченная тѣсными предѣлами моего отечества»—говоритъ исторіографъ чешской земли Палацкій, привѣтствуя въ 1871 г. Погодина по случаю его юбилея и припоминая при этомъ, что и его юбилей былъ тоже отпразднованъ, «хотя лишь въ домашнемъ кругу и въ болѣе узкихъ размѣрахъ». Юбилей Погодина — въ этомъ согласится со мною каждый изъ присутствовавшихъ на немъ — былъ явленіемъ небывалымъ въ русскомъ обществѣ: въ праздникѣ, чествующемъ дѣятельность исключительно литературную, приняли участіе лично, или письменно, не только всѣ сословія русской земли, отъ министровъ и государственныхъ людей до хоругвеносцевъ московскихъ соборовъ, но и представители умственной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ. Стоитъ вспомнить телеграммы отъ «матицъ», отъ славянскихъ писателей, сербскаго митрополита и т. д. На этомъ праздникѣ вполнѣ оправдались стихи, произнесенные тогда Н. В. Бергомъ:

Добрый другъ! сегодня рада
Не одна твоя Москва:
Гласъ несется отъ Бѣлграда;
Шлютъ поклонъ Дунай, Нева;
Керконоши и Балканы,
Татры, Черная гора,
Пѣнятъ въ честь твою стаканы
И кричатъ тебѣ ура!

Такого рода праздники не дѣлаются никакими искуственными средствами: они непремѣнно должны служить выраженіемъ истинныхъ чувствъ, быть признаніемъ истинныхъ заслугъ. Въ декабрѣ 1875 г., провожая бренные останки Погодина, Москва снова торжественно выразила, что она понимаетъ его значеніе: университетъ прекратилъ на этотъ день свои лекціи, дума отложила свое засѣданіе. Прахъ его покоится въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ виду того дома, въ которомъ прошла большая часть его жизни: въ Россіи нѣтъ Вестминстерскаго аббатства, нѣтъ общей усыпальницы для ея замѣчательныхъ людей; а если бы была, то Погодинъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ бы занять въ ней мѣсто. Москва заплатила свой долгъ «сердитому стоятелю за народъ, за Москву, за Русскую землю» [1]). Теперь осталось заплатить свой долгъ людямъ литературнымъ, представителямъ мысли и слова: біографію Погодина писать еще рано, ибо жизнь его тѣсно связана съ умственнымъ и общественнымъ нашимъ развитіемъ болѣе чѣмъ за 50 лѣтъ; но не рано собирать для нея матеріалы, печатать все, что можно печатать; семейство покойнаго, конечно, приметъ участіе въ этомъ дѣлѣ и подѣлится съ публикою тѣмъ богатымъ запасомъ писемъ, записокъ, воспоминаній, который—вѣроятно—хранится въ бумагахъ М. П. Кого изъ видныхъ дѣятелей недавняго прошлаго онъ не зналъ, съ кѣмъ не былъ въ болѣе или менѣе продолжительныхъ, въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ? Въ его журнальныхъ статьяхъ, иногда даже въ его книгахъ, встрѣчаются драгоцѣнныя данныя о людяхъ, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ, или о которыхъ ему удалось собрать свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ. Біографія Погодина, когда придетъ время ее написать и когда она будетъ написана умно, полно и безпристрастно, можетъ быть одною изъ самыхъ поучительныхъ книгъ русскаго XIX в. Понять, оцѣнить и воспроизвести жизнь

[1]) Слова И. А. Лямина, бывшаго головою московскимъ въ 1871 г.

Погодина—задача не легкая: иные люди выскажутъ все, что могутъ сказать, въ одномъ сочиненіи или въ рядѣ сочиненій одного рода, въ одномъ дѣйствіи или въ рядѣ одинаковыхъ дѣйствій; но бываютъ и такіе, дѣятельность которыхъ чрезвычайно многостороння и которые высказываются по частямъ, такъ что только изъ совокупности всѣхъ ихъ дѣйствій и писаній можетъ явиться полный и цѣльный образъ. Къ этимъ людямъ принадлежитъ и Погодинъ. Чтобы вполнѣ понять Погодина, не довольно знать его большія сочиненія, которыя никогда или почти никогда (здѣсь мнѣ вспомнился «Несторъ») не отличались ни внутренней, ни внѣшней законченностію: конченнаго и завершеннаго ничего не было въ Погодинѣ, въ чемъ едвали не заключается самая большая его сила; нужно знать еще всѣ его замѣтки, мелкія статьи, «афоризмы»; нужно знать всѣ событія его жизни. Только при такомъ знаніи передъ нами встанетъ весь человѣкъ. Такая біографія, когда она будетъ, освѣтитъ—я увѣренъ въ этомъ—неожиданнымъ свѣтомъ все умственное развитіе русскаго общеста XIX в., ибо нельзя указать ни на одного человѣка, который болѣе, чѣмъ Погодинъ, связанъ былъ бы съ движеніемъ мысли всего русскаго общества, а не только отдѣльной его части. Намъ, современникамъ, потому и трудно оцѣнить Погодина, что каждый хотѣлъ бы видѣть его въ своемъ приходѣ; а ни одному приходу Погодинъ не могъ отдать себя вполнѣ. Всѣ мы болѣе или менѣе крыловскіе «Прихожане»:

Да плакать мнѣ какая стать?
Вѣдь я не здѣшняго прихода.

Погодинъ былъ одинъ изъ немногихъ упорно ограждавшихъ себя отъ такой ограниченности: сходясь, болѣе чѣмъ съ кѣмъ-нибудь, съ славянофилами, Погодинъ никогда не былъ славянофиломъ; слѣдя за всѣми движеніями мысли, принимая въ нихъ дѣятельное и живое участіе, онъ—представитель здраваго смысла русскаго народа—любилъ преиму-

щественно простаго русскаго человѣка, цѣнилъ русскихъ самородковъ. Погодинъ былъ вполнѣ русскій человѣкъ съ русскими достоинствами и русскими недостатками—въ этомъ его высокое значеніе, и будущему біографу предстоитъ выяснить, какъ выросъ и развился такой типическій русскій человѣкъ. Но біографію Погодина—какъ мы уже сказали—писать рано; здѣсь же мы имѣемъ намѣреніе припомнить главныя черты его жизни и дѣятельности, да помянутъ русскіе люди чистаго, кореннаго русскаго человѣка.

М. П. Погодинъ [1]) родился въ Москвѣ 11-го ноября 1800 г. Онъ родился въ небогатой, но граматной мѣщанской семьѣ: отецъ его былъ другъ типографщика Рѣшетникова; а типографщики въ то время по большей части были любители литературы, а не просто промышленники. Вспомнимъ хоть Селивановскаго, бывшаго въ перепискѣ съ митрополитомъ Евгеніемъ. Не мудрено, что Погодинъ началъ рано читать и читалъ очень много. Отецъ не только не мѣшалъ ему, но даже въ то время, когда послѣ 1812 г. дѣла его разстроились, покупалъ ему книги и иногда очень недешевыя, напр., «Собраніе образцовыхъ сочиненій». Мать его, судя по трогательному воспоминанію о ней сына, слышанному членами перваго археологическаго съѣзда на обѣдѣ, который онъ давалъ имъ, была женщина добродушная и гостепріимная. Первое систематическое ученіе Погодинъ началъ съ дѣтьми друзей своего отца, сначала Рѣшетникова, а потомъ протоіерея Кондорскаго. Тогда родители нерѣдко складывались, чтобы приглашать учителей, или болѣе богатые, по родству или дружбѣ, давали болѣе бѣднымъ воспитаніе вмѣстѣ съ своими дѣтьми. Въ 1814 г. Погодинъ поступилъ въ московскую гимназію, откуда выпущенъ въ 1818 г. студентомъ. Въ его статьѣ «Школьныя воспоминанія» [2]) живо

[1]) Фактическимъ основаніемъ очерка послужила автобіографія Погодина въ „Біограф. словарѣ проф. московс. университета“. М 1855 г. т. II.
[2]) „Вѣстникъ Европы“, 1868 г., августъ.

изображена эта гимназія. Педагоги нашего времени находятъ, что старыя гимназіи не удовлетворяли педагогическимъ требованіямъ; тѣмъ не менѣе онѣ выпускали много людей, проникнутыхъ любовію къ знанію и литературѣ; этотъ результатъ не всегда замѣчается педагогами. Ученіе шло очень посредственно въ московской гимназіи 10-хъ годовъ, и Погодинъ указываетъ только на одного изъ своихъ учителей, который принесъ существенную пользу: Либрехта, учившаго нѣмецкому и латинскому языкамъ; но за то у учениковъ было много времени читать; они посѣщали театръ и знали наизусть знаменитаго тогда Озерова. Было и еще одно важное обстоятельство: гимназіи начала XIX в. стояли въ тѣсной связи съ университетами, что не могло не имѣть благодѣтельнаго вліянія, хотя быть можетъ не на педагогическую сторону, а на поддержаніе высокаго идеала. Въ 40-хъ годахъ еще сохранялись остатки этой связи, и я самъ помню ихъ важное значеніе. Погодинъ въ это время добылъ себѣ только что вышедшую «Исторію государства Россійскаго». Къ великому его горю, переплетчикъ пропилъ книгу, еще не прочитанную; пришлось ждать втораго изданія; но дождавшись, Погодинъ прочелъ его съ жадностію. Направленіе его будущаго было рѣшено.

Поступивъ студентомъ на словесное отдѣленіе, Погодинъ оставался въ университетѣ съ 1818 по 1821 г. Между профессорами болѣе всѣхъ дѣйствовалъ на тогдашнихъ студентовъ Мерзляковъ, не смотря на то, что его классическая теорія уже отживала вѣкъ и краснорѣчивый профессоръ шелъ противъ любимыхъ писателей того поколѣнія; но его авторитетъ, сила чувства, высказываемаго его краснорѣчивымъ словомъ, поддерживали его значеніе между студентами и заставляли—по свидѣтельству Погодина—гимназистовъ завидовать студентамъ, шедшимъ на его лекцію. Еще болѣе лекцій развивали студентовъ того времени общія чтенія и бесѣды между собою. Въ такихъ-то бесѣдахъ Кубаревъ, будущій профессоръ, указалъ Погодину на Шлецерова «Нес-

тора», который съ тѣхъ поръ сталъ руководителемъ его работъ. Погодинъ до конца своей жизни считалъ Шлецера самымъ высокимъ образцомъ исторической критики: на изученіи его создались собственные ученые пріемы Погодина; выводы Шлецера служили часто основою его собственнымъ выводамъ; молодымъ людямъ, начинающимъ заниматься исторіею, Погодинъ прежде всего давалъ въ руки «Нестора». Это я знаю по собственному опыту, когда студентомъ перваго курса я обратился къ нему, тогда уже не профессору, за совѣтомъ. Надъ его письменнымъ столомъ постоянно висѣлъ портретъ Шлецера, подаренный ему сыномъ знаменитаго критика, профессоромъ московскаго университета, и онъ любилъ показывать посѣщавшимъ его экземпляръ «Нестора» съ собственноручными помѣтками автора, подаренный ему тѣмъ же сыномъ. Великій нѣмецкій критикъ своими достоинствами и своими недостатками оставилъ яркій слѣдъ въ развитіи русской исторической науки: онъ указалъ необходимость изучать всѣ списки лѣтописи и далъ методъ для этого изученія, который впослѣдствіи прилагался Погодинымъ; онъ указалъ на необходимость аналогій не только внѣшнихъ, но и внутреннихъ, не только между отдѣльными обычаями и учрежденіями, но и между общими состояніями различныхъ народовъ; но увлекаясь гордостію своего нѣмецкаго патріотизма, онъ придалъ слишкомъ преувеличенное значеніе варяжскому элементу, непоколебимую вѣру въ скандинавизмъ котораго онъ передалъ и своему ревностному ученику, Погодину. Подъ вліяніемъ Шлецера написанъ не только 2-й томъ «Изслѣдованій, лекцій и замѣчаній», заключающій въ себѣ магистерскую диссертацію автора «О происхожденіи варяговъ», но и 3-й, посвященный обозрѣнію общества въ варяжскій періодъ; здѣсь все приписано скандинавскому, т. е. германскому, вліянію: и религія, и право, и обычаи. Борьба съ этою крайностію норманистовъ велась съ разнымъ успѣхомъ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, и побѣда надъ этимъ заблужденіемъ едва-ли даже и теперь можетъ считаться полною. Какъ

ни странно то, что Погодинъ, котораго русское чутье держало на сторожѣ противъ всего что вредно національному развитію и что противно внутренней правдѣ, поддался этому заблужденію: но это фактъ. Замѣчательно, что отказаться отъ этой мысли Погодинъ никогда не могъ. Таково противорѣчіе человѣческой природы! Въ то же время Погодинъ познакомился съ французской литературой, гостя каждое лѣто въ Знаменскомъ у кн. Трубецкаго, и съ нѣмецкой, къ чему побудили его разговоры съ Ѳ. И. Тютчевымъ. Увлеченный Шатобріаномъ, онъ перевелъ «Génie du Christianisme», отрывокъ изъ котораго, «Рене», былъ напечатанъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ». Вскорѣ послѣ окончанія курса въ университетѣ Погодинъ помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы» свою первую статью: «Разборъ историческихъ таблицъ Филистри» [1]); затѣмъ послѣдовало нѣсколько статей, объясняющихъ Нестора, въ томъ же «Вѣстникѣ Европы». Скоро однако между редакторомъ «Вѣстника Европы», Каченовскимъ, и Погодинымъ произошелъ разрывъ: Погодинъ написалъ разборъ Фатерова разсужденія о происхожденіи Руси, «въ переводѣ котораго Каченовскій выразилъ свое мнѣніе» [2]), т. е. объ южномъ происхожденіи этого имени. Каченовскій не напечаталъ этой статьи. «Такъ начался споръ съ Каченовскимъ и борьба въ университетѣ, продолжавшаяся почти 30 лѣтъ, наравнѣ съ тридцатилѣтней религіозной войной въ Германіи» [3]). Для пользы науки весьма важна борьба между ея дѣятелями, представляющими собой разностороннія направленія; а съ человѣческой точки зрѣнія нѣтъ зрѣлища болѣе прискорбнаго, какъ взаимное непониманіе двухъ полезныхъ дѣятелей; относительно же такихъ людей, какъ Каченовскій и Погодинъ, можно сказать и гораздо болѣе. Впрочемъ, что же дѣлать? Таковъ ходъ развитія, котораго цѣлость и гармонія основаны

---

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1822, октябрь.
[2]) „Біогр. Слов." II, 237.
[3]) Тамъ-же.

на противоположности и борьбѣ. Каченовскій и Погодинъ взаимно дополняютъ другъ друга. «Важная заслуга Каченовскаго — говоритъ С. М. Соловьевъ, ученикъ и Погодина и Каченовскаго, но болѣе послѣдняго, чѣмъ перваго—состояла въ стараніи сближать явленія русской исторіи съ однохарактерными явленіями у другихъ и, что всего важнѣе, преимущественно у славянскихъ народовъ, при чемъ отрицаніе скандинавскаго происхожденія Руси освобождало отъ вредной односторонности, давало просторъ для другихъ разнородныхъ вліяній, для другихъ объясненій, отъ чего наука много выигрывала» [1]). Заслуга Погодина состояла въ томъ, какъ увидимъ, что онъ внесъ въ науку требованіе строгой шлецеровской документальности, а съ тѣмъ вмѣстѣ свой русскій инстинктъ, почти всегда указывавшій на истинное значеніе событій и побудившій его никогда не позабывать тѣсной связи прошедшаго съ настоящимъ,

Кончивъ курсъ университетскій въ 1821 г., Погодинъ поступилъ учителемъ географіи въ университетскій благородный пансіонъ. Давно уже нѣтъ этого замѣчательнаго заведенія, выпустившаго Жуковскаго, Тургеневыхъ, Шевырева, кн. В. Ѳ. Одоевскаго и многихъ другихъ, оставившихъ по себѣ имя въ потомствѣ, и мы не можемъ не пожалѣть, что реформаторская дѣятельность, которая отъ времени до времени какъ то лихорадочно охватываетъ русскій бюрократическій міръ, не пощадила этого для своего времени образцоваго заведенія. Въ Англіи вѣками стоятъ заведенія, измѣняясь, какъ все органическое, постепенно; но вѣдь то Англія, страна коснаго консерватизма, мы—дѣло другое:

Русскій умъ понять не можетъ,
Что ихъ [2]) и мучитъ, и тревожитъ,
Чего имъ кинуть стало жаль.

говоритъ А. А. Григорьевъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Намъ, какъ извѣстно, ничего не жаль кидать.

---

[1]) Тамъ же, I, 402.
[2]) Людей запада.

Въ этомъ-то заведенiи, стоявшемъ въ тѣсной связи съ университетомъ, Погодинъ началъ свою педагогическую дѣятельность подъ наблюденiемъ Антонскаго, котораго такъ благодарно вспоминали всѣ ученики пансiона тѣхъ временъ. [1]). Литературная дѣятельность Погодина продолжалась съ тѣхъ поръ непрерывно: въ 1823 г. онъ издалъ «Оды Горацiя» съ комментарiями лучшихъ нѣмецкихъ комментаторовъ, трудъ начатый еще въ университетѣ подъ руководствомъ проф. Давыдова, и переводъ «Начертанiя древней географiи» Нича.

Кончивъ въ 1823 г. экзаменъ на магистра, Погодинъ въ 1825 г. защищалъ свою диссертацiю «О происхожденiи Руси». Сочиненiе это, до сихъ поръ представляющее лучшiй сводъ главнѣйшихъ доказательствъ норманизма, далеко выдѣлялось изъ ряда тогдашнихъ диссертацiй, по большей части очень жидкихъ, что въ значительной степени объясняется многопредметностью тогдашнихъ экзаменовъ на ученыя степени. Посвященная Карамзину, которому Погодинъ и лично представился въ томъ же году, книга эта заслужила его одобренiе: Карамзинъ говорилъ, какъ писалъ Погодину К. С. Сербиновичъ, что онъ находитъ въ немъ болѣе усердiя къ исторiи и способностей къ критикѣ, чѣмъ въ комъ-либо изъ тогдашнихъ своихъ молодыхъ знакомыхъ. Книгу хвалилъ и Кругъ, и другiе ученые того времени; впослѣдствiи Кругъ хлопоталъ о томъ, чтобы Погодинъ сдѣлался его адъюнктомъ въ академiи, что впрочемъ не устроилось [2]).

Въ 1825 г. Погодинъ вступилъ преподавателемъ въ университетъ: сначала онъ преподавалъ всеобщую исторiю сту-

---

[1]) См. „Воспоминанiя“ Н. В. Сушкова. Отецъ пишущаго эти строки тоже учился въ благородномъ пансiонѣ въ эпоху Жуковскаго и всегда съ благодарностью вспоминалъ о пансiонѣ.

[2]) „Вѣстн. Европы,“ сообщая основательно о причинѣ неутвержденiя Погодина адъюнктомъ: смѣшенiе его съ Полевымъ, ошибается въ одномъ. Погодинъ точно послѣ былъ утвержденъ, но по другому отдѣленiю, именно по отдѣленiю русскаго языка и словесности.

дентамъ перваго курса; въ 1828 г. ему порученъ былъ курсъ новой и русской исторіи на этико-политическомъ отдѣленіи (юридическій факультетъ); въ 1833 г., послѣ выхода въ отставку проф. Ульрихса, Погодинъ избранъ ординарнымъ профессоромъ всеобщей исторіи; а въ 1835 г. былъ переведенъ съ каѳедры всеобщей исторіи на каѳедру русской, которую и продолжалъ преподавать до 1844 г., послѣ чего оставался только академикомъ русскаго отдѣленія (выбранъ въ 1841 г.). Не бывши слушателемъ Погодина, я не могу передать собственныхъ воспоминаній; но вотъ что говорилъ на юбилеѣ, покойный уже теперь, И. Д. Бѣляевъ о способѣ преподаванія Погодина: «Вы обыкновенно приходили на лекціи съ кипою книгъ и, высказавши намъ то или другое положеніе, то или другое выработанное вами рѣшеніе, и высказавъ его кратко и прямо, раскрывали книги и читали изъ нихъ тѣ мѣста, на основаніи которыхъ вы дошли до такого-то результата, и затѣмъ живо и занимательно объясняли пріемы, которые были вами употреблены при вашей работѣ. Такимъ образомъ мы за одинъ разъ узнавали отъ васъ и новое изслѣдованіе, и способъ, какъ дойти до результата, найденнаго вами. Но вы не останавливались на одномъ указаніи пути, а задавали и намъ работы для домашнихъ занятій, и наши работы всегда были прочитываемы вами со вниманіемъ и сдавались намъ съ замѣчаніями, а по инымъ работамъ вы вызывали подавшихъ къ себѣ на домъ и подолгу бесѣдовали съ ними, и давали имъ или указывали книги, которыя нужно прочесть. Кромѣ того, для каждаго студента вашъ кабинетъ и ваша библіотека были открыты по праздникамъ; здѣсь иные справлялись по книгамъ, иные спрашивали вашихъ указаній и сидѣли по нѣсколько часовъ, а иные просили книгъ себѣ на домъ». О нравственномъ вліяніи лекцій Погодина превосходно говорилъ на томъ же юбилеѣ кн. В. А. Черкасскій: «Вокругъ его каѳедры—сказалъ онъ—охотно собиралась университетская молодежь. Ее привлекало не щегольство изложенія, не внѣшнее краснорѣчіе преподавателя, но,

независимо отъ существенныхъ ученыхъ достоинствъ курса, его живое, беззавѣтное, горячее отношеніе къ дѣлу. Онъ читалъ намъ русскую исторію по источникамъ, знакомилъ насъ не съ одними внѣшними явленіями исторіи, но и съ сокровеннымъ внутреннимъ ихъ смысломъ; онъ училъ насъ любить науку, любить и уважать Россію, цѣнить тѣ великія тяжелыя жертвы, которыя древняя Русь умѣла принести ради сохраненія своего самостоятельнаго бытія и созданія единственнаго устоявшаго въ буряхъ исторіи славянскаго государства; онъ училъ насъ сознавать себя русскими, членами одной русской,—одной общей, великой славянской семьи». Таковъ былъ Погодинъ въ своемъ преподаваніи; такимъ онъ оставался и во всей своей общественной дѣятельности. Никогда не гоняясь за внѣшностью, онъ всегда старался уловить внутренній смыслъ, а потому и лекціи его, къ формѣ которыхъ—и по собственному признанію—онъ никогда не готовился, имѣли такое глубокое вліяніе. Даже преподаваніе чуждаго ему предмета—всеобщей исторіи—осталось не безъ результата. Сознавая недостатокъ въ русской литературѣ книгъ по всеобщей исторіи, Погодинъ рѣшился распредѣлить свое преподаваніе такимъ образомъ, чтобы на каждый годъ избирать двѣ эпохи: одну изъ древней, другую изъ средней или новой. Для этого онъ предполагалъ дѣлать извлеченія изъ классическаго сочиненія по выбранной эпохѣ. Началомъ этого предпріятія послужило изданіе «Лекцій по Герену о политикѣ, связи и торговлѣ древняго міра» (2 т. М. 1835 — 37) [1]. Въ эпоху своего профессорства Погодинъ началъ свое знаменитое Древнехранилище, книжная часть котораго (руко-

[1]) Кромѣ того, Погодинымъ было еще издано нѣсколько книгъ по всеобщей исторіи: „Всеобщая Исторія для дѣтей" Шлецера, въ его собственномъ переводѣ (М. ч. I., 1829, ч. II, 1830); „Древняя исторія" Герена (въ переводѣ Кояндера); „Средняя исторія" Де-Мишеля (въ переводѣ студентовъ 1-го курса), и начало перевода нѣмецкаго изданія Historisches Taschen Bibliotek, которое появилось подъ именемъ „Всеобщей исторической библіотеки" (вышло 14 томовъ).

писи, старопечатныя книги, автографы), хранясь въ настоящее время въ публичной библіотекѣ, составляетъ ея честь и гордость. Кто изъ ученыхъ не пользовался сокровищами этого древнехранилища. Какъ не удивляться тому, что частный человѣкъ на ограниченныя средства успѣлъ составить такое обширное собраніе! Это было возможно только при обширныхъ связяхъ Погодина, при его способности сходиться съ простымъ человѣкомъ.

Занятія преподавательскія не только не мѣшали литературной дѣятельности Погодина, но еще усиливали ее. Мы уже видѣли, что и на каѳедрѣ университетской Погодинъ являлся не художникомъ слова, не проповѣдникомъ отвлеченной науки; напротивъ, въ наукѣ онъ искалъ опоры своимъ инстинктивнымъ воззрѣніямъ; на каѳедру смотрѣлъ какъ на средство не только передавать свои воззрѣнія, но и одушевить ими слушателей. Для этого ему не нужно было прибѣгать къ поддѣлкѣ фактовъ, напротивъ—въ фактахъ онъ находилъ подкрѣпленіе своихъ завѣтныхъ воззрѣній. Воззрѣнія эти были не философскою системою, а вѣрою, потребностію его духа: они зародились въ немъ въ той простой русской семьѣ, въ которой онъ выросъ, поддерживались событіями 12-го года, укрѣплялись всей русской литературой временъ его молодости: отъ «Русскаго Вѣстника» Глинки до «Исторіи Государства Россійскаго». Воззрѣнія эти, которыя въ подробностяхъ видоизмѣнялись во всю жизнь Погодина и никогда не сложились и не могли, по живости и впечатлительности его характера, сложиться въ цѣльную систему, оставались всегда одинаковыми въ своей сущности; а сущность ихъ заключалась въ томъ, что величіе Россіи создано всею ея исторіею, всею дѣятельностью ея народа; уваженіе къ прошлому, къ этой исторіи, къ этому народу, составляетъ необходимое условіе ея будущаго величія. Многіе думаютъ также, но не многіе живутъ однако этою мыслію, не многіе умѣютъ радоваться болѣе всего тому, что ихъ земля идетъ по вѣрной дорогѣ, и печалиться, видя отклоненія, хотя бы

и временныя. Въ комъ живъ этотъ огонь, тому могутъ быть прощены многія человѣческія слабости и недостатки. Огонь этотъ былъ у Погодина, «сердитаго стоятеля за Москву, за русскую землю». Вотъ почему онъ не могъ запереться даже въ университетской аудиторіи, не могъ уйти отъ «злобы дня» даже въ чистую науку и рано явился журналистомъ. Издавъ въ 1826 г. ученолитературный альманахъ «Уранію», онъ въ 1827 г. приступилъ къ изданію журнала «Московскій Вѣстникъ», который и продолжалъ четыре года (1827—1830).

Въ журналистикѣ то было время преобладанія «Московскаго Телеграфа» (1825—1834). Ни полумертвый «Вѣстникъ Европы», который только въ послѣдніе два года гальванизовалъ остроумный Недоумка (Надеждинъ), понятный впрочемъ очень немногимъ и очень многимъ даже изъ понимавшихъ несимпатичный, ни сухой «Сынъ Отечества», ни спеціальныя «Отечественныя Записки» и «Сѣверный Архивъ»—не могли бороться съ мощнымъ журнальнымъ атлетомъ, органомъ котораго служилъ «Московскій Телеграфъ», поддерживаемый почти имъ однимъ. Высоко-даровитый, живой по своей природѣ, Полевой былъ рожденъ быть журналистомъ: «Русь меня знаетъ и я знаю Русь»—говорилъ онъ, и былъ правъ. Дѣйствительно, рѣдко журналистъ угадываетъ свою публику такъ хорошо, какъ угадалъ ее Полевой, и успѣхъ вполнѣ законно наградилъ его старанія. «Телеграфъ» былъ журналъ чрезвычайно разнообразный; въ немъ было всего по-немножку, начиная отъ высшихъ философскихъ воззрѣній и политико-экономическихъ теорій, до модныхъ картинокъ, еще долго сохранявшихъ свою привлекательность для русскаго подписчика. Къ сожалѣнію, Полевой не былъ приготовленъ къ своей дѣятельности серіознымъ образованіемъ, которое впрочемъ въ то время (да и въ одно ли то время?) было рѣдко въ Россіи; спѣшная журнальная работа мѣшала ему углубляться во многое. Глубоко любящій Россію (для насъ въ этомъ нѣтъ сомнѣнія), полный энтузіазма къ только что узнаннымъ выво-

дамъ европейской науки, онъ спѣшилъ передать ихъ Россіи, искалъ на скорую руку примѣненія къ русской исторіи и, конечно, передавалъ иногда слишкомъ поспѣшно, примѣненія находилъ далеко не всегда вѣрно. Оттого, находя многочисленныхъ поклонниковъ въ публикѣ, Полевой находилъ многочисленныхъ противниковъ въ литературѣ, къ числу которыхъ принадлежали, съ одной стороны, старые литераторы, недовольные его непочтительнымъ отношеніемъ къ ихъ трудамъ, съ другой—люди болѣе серіозно-образованные, недовольные его поспѣшною передачею европейскихъ идей, его слишкомъ легкимъ отношеніемъ къ наукѣ. Число послѣднихъ было довольно значительно въ Москвѣ. Они составляли кружокъ, группировавшійся около молодаго Веневитинова, одного изъ числа тѣхъ высоко даровитыхъ и симпатичныхъ юношей, которымъ было суждено нравственнымъ своимъ вліяніемъ, болѣе чѣмъ трудами, не многочисленными потому, что судьба не дала имъ жить долго, оставить по себѣ вѣчную память. Кружокъ этотъ рѣшился издавать журналъ, редакцію котораго принялъ на себя Погодинъ, и въ которомъ вкладчикомъ явился самъ Пушкинъ. Начался «Московскій Вѣстникъ», успѣхъ котораго былъ весьма ограниченъ, почему, просуществовавъ четыре года, онъ закрылся. Просматривая теперь «Московскій Вѣстникъ», нельзя не видѣть въ немъ журнала весьма серіознаго: печатая много изящныхъ произведеній Пушкина, Баратынскаго (лучшее стихотвореніе котораго, «Смерть», появилось въ «Моск. Вѣст.»), Языкова, Веневитинова и др., онъ печаталъ историческіе матеріалы, ученыя статьи, и оригинальныя, и переводныя (очень часто съ нѣмецкаго), замѣчательныя критическія статьи: статья Шевырева объ «Еленѣ» Гете, предпочитаемая Веймарскимъ Юпитеромъ статьямъ Карлейля и Вильмена, помѣщена тамъ же. За всѣми новыми книгами по русской исторіи «Московскій Вѣстникъ» слѣдилъ пристально, хотя иногда и черезъ-чуръ страстно. Этимъ характеромъ отличаются преимущественно статьи объ «Исторіи

русскаго народа» [1]). Къ сожалѣнію «Московскій Вѣстникъ» былъ часто не по плечу тогдашней публикѣ: такъ, въ немъ помѣщена была остроумная, тянувшаяся въ нѣсколькихъ книжкахъ статья: «Взглядъ на кабинеты журналовъ», гдѣ журналы сравнивались съ разными державами и лицами историческими (Телеграфъ съ Дмитріемъ Самозванцемъ). Сколько свѣдѣній необходимо для того, чтобы понимать эту статью? Можно-ли, напечатавъ ее и теперь, надѣяться на большой успѣхъ? Статью эту литературное преданіе приписываетъ самому Погодину (слышано отъ Грановскаго), что едва-ли не вѣрно. Окончивъ изданіе «Московскаго Вѣстника», Погодинъ участвовалъ своими статьями въ «Телескопѣ», «Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета» и т. д., издалъ нѣсколько книгъ, изъ числа которыхъ замѣчательны—извѣстное сочиненіе Кирилова: «Цвѣтущее состояніе россійскаго государства послѣ Петра В.» (М. 1831) и переводъ (съ Шевыревымъ) «Славянской грамматики Добровскаго» (М. 1833) и т. д. [2]).

Въ 1835 г. Погодинъ въ первый разъ поѣхалъ за границу, проѣхалъ Германію, Швейцарію, познакомился съ знаменитостями германской науки; но, главное, завелъ въ Прагѣ дружескія отношенія съ тогдашними представителями славянства: Шафарикомъ, Коляромъ, Юнгманомъ, Ганкой, Палацкимъ, которымъ онъ впослѣдствіи служилъ словомъ своимъ и письменнымъ—въ отчетахъ министру народнаго просвѣщенія, сдѣлавшихся извѣстными государю—и печатнымъ, а иногда и болѣе осязаемой помощью. Погодинъ, давно уже заявлявшій свое сочувствіе славянамъ и изданіемъ «Древнихъ и новыхъ болгаръ» Венелина (1829), и своимъ воз-

---

[1]) Когда въ «Спб. Вѣд.» 1872 г. появилась статья П. Н. Полеваго о «Древн. русск. ист.», Погодина, М. П. писалъ мнѣ: «Кажется, будто тѣнь Полеваго встала изъ гроба мстить за статью 1830 г.». Цитую на память, такъ какъ не могъ отыскать письма въ своихъ бумагахъ.

[2]) Къ этому времени главнымъ образомъ относятся поэтическія произведенія Погодина: драмы и повѣсти. Мы о нихъ говорить не будемъ; вспомнимъ только, что «Марфу» хвалилъ Пушкинъ, а повѣсти одобрялъ Бѣлинскій («Телескопъ», 1835).

ваніемъ къ славянскому единству въ актовой рѣчи 1830 г., теперь сталъ еще болѣе ревностнымъ проповѣдникомъ славянской идеи, посредникомъ между Россіею и славянствомъ. Прот. Раевскій, въ письмѣ къ Погодину, передаетъ слѣдующимъ картиннымъ образомъ перемѣну, происшедшую въ сознаніи идеи славянской взаимности отъ времени перваго путешествія Погодина: «Было время, вы это помните, какъ разъ Ганка, Юнгманъ, Шафарикъ и еще кто-то четвертый (вѣроятно самъ Погодинъ), собравшись въ одной комнатѣ, разсуждали о судьбѣ чеховъ, о славянствѣ, и вдругъ разбѣжались отъ страха, какъ-бы не провалился надъ ними потолокъ и съ ними не задавилъ-бы всего, тогда маленькаго, славянства; теперь, учитель, такого потолка не найдется въ цѣломъ мірѣ, который могъ-бы подавить подъ собою все славянство» [1]).

Послѣ этого достопамятнаго путешествія, Погодинъ еще много разъ посѣщалъ западную Европу и никогда не забывалъ славянскихъ земель, связи съ которыми становились болѣе тѣсными, особенно во время изданія «Москвитянина», въ которомъ отведено было такое важное мѣсто славянскимъ народамъ.

Съ 1837 по 1844 г. Погодинъ былъ секретаремъ «Общества исторіи и древностей россійскихъ» и издавалъ «Русскій историческій сборникъ» (7 т.), въ которомъ помѣщено много важныхъ статей и между прочимъ любопытное изслѣдованіе самаго Погодина о мѣстничествѣ, служащее введеніемъ къ собранію документовъ, сообщенныхъ покойнымъ П. И. Ивановымъ, впослѣдствіи управлявшимъ московскимъ архив. мин. юст. Въ этой статьѣ сдѣлано много важныхъ указаній на связь между мѣстничествомъ и междокняжескими отношеніями древней Руси. Въ 1837 г. Погодинымъ напечатана «Псковская лѣтопись» съ предисловіемъ и указателемъ—первое, послѣ «Софійскаго временника» П. М. Строева,

[1]) „Пятид. гражд. и учен. службы. М. П. Погодина“ М. 1871, стр. 90.

тщательное изданіе лѣтописи. Въ 30-хъ годахъ Погодинъ вступилъ въ полемику съ Каченовскимъ и его учениками,—съ такъ-называемой скептической школой,—статьи которыхъ появлялись въ «Ученыхъ запискахъ московскаго университета» и отдѣльными брошюрами. Въ статьяхъ и брошюрахъ опровергалась достовѣрность первоначальной лѣтописи и всего, что сообщается ею о древнѣйшемъ періодѣ. Каченовскій, человѣкъ большаго ума и широкаго образованія, въ сущности не былъ близко знакомъ съ лѣтописями или, лучше сказать, принималъ выводы, дѣлаемые изъ лѣтописи, за показанія самой лѣтописи; съ другой стороны онъ слишкомъ увлекся мнѣніемъ Шлецера, что Русь до Рюрика была страной ирокезовъ. Явленія, передаваемыя лѣтописью и другими памятниками—«Русской Правдой»,—казались ему такимъ образомъ слишкомъ въ преувеличенной окраскѣ съ одной стороны, невозможными—съ другой. Вслѣдствіе того онъ заподозрилъ лѣтопись, а не выводы, которые изъ нея дѣлались; въ этомъ самая важная его ошибка. Противъ этихъ-то воззрѣній Погодинъ выступилъ сначала со статьею въ «Библіотекѣ для чтенія» 1836 г. и потомъ съ отдѣльною книгою: «Несторъ» (М. 1839 г., въ послѣдствіи 1-й томъ «Изслѣдованій, лекцій и замѣчаній»). Скажу не колеблясь, что это сочиненіе, по стройности построенія, по полнотѣ матеріала—самое лучшее изъ всѣхъ научныхъ сочиненій Погодина; въ особенности чрезвычайно остроумно возстановленіе древней исторіи въ главныхъ чертахъ, безъ помощи первоначальной лѣтописи, на основаніи иноземныхъ источниковъ, которые приводятъ къ необходимости вполнѣ признать лѣтопись произведеніемъ XI в. Это было полною побѣдою надъ скептиками, и наука приняла окончательно всѣ основные выводы этого сочиненія, хотя частности его подвергались и подвергаются опроверженію; но даже тѣ самые, которые не признаютъ ни цѣлостности первобытной лѣтописи, ни принадлежности ея Нестору, сознаются однако, что «Несторъ» Погодина—мастерское критическое изслѣдованіе, и соглашаются съ нимъ въ основѣ.

Съ 1841 по 1856 г. Погодинъ издавалъ «Москвитянинъ». Журналъ этотъ близко извѣстенъ всѣмъ занимающимся русской исторіей и даетъ имъ огромное количество матеріаловъ и указаній. Въ ту пору, когда былъ основанъ «Москвитянинъ», въ литературѣ преобладало такъ называемое западничество; оно же господствовало по большей части на каѳедрахъ университетовъ, ибо къ этому направленію принадлежало большинство даровитѣйшихъ профессоровъ и очень многіе изъ образованныхъ людей въ обществѣ. Съ другой стороны, начало формироваться такъ называемое «славянофильское» направленіе, хотя тогда еще въ частныхъ разговорахъ и кружкахъ. «Москвитянинъ», не бывши органомъ славянофильскимъ исключительно, что доказываетъ статья, которой начинается его первый №: «Петръ В.», хвалебный гимнъ Петру, написанный, какъ самъ Погодинъ признается, по случаю пререканій въ одномъ дружескомъ кружкѣ о Петрѣ [1]), печаталъ ихъ статьи, сочувствовалъ имъ по многимъ вопросамъ и разъ, въ 1845 г., перешелъ не надолго подъ редакцію Кирѣевскаго. Все это было причиною раздражительной полемики, которая, быть можетъ, усиливалась отсутствіемъ симпатіи въ представителяхъ тогдашней журналистики къ дѣятельности Шевырева, главнаго эстетическаго критика «Москвитянина». Въ основѣ же всего лежала болѣе общая причина: при тогдашнемъ отсутствіи гласности такъ называемыя партіи, т. е. немногочисленные кружки образованныхъ людей, играли въ жмурки, не понимая другъ друга, ибо по многимъ вопросамъ изъясниться окончательно было нельзя въ печати. Оттого раздраженіе переходило даже въ личные разговоры, и люди перестали отчетливо понимать другъ друга. Теперь разъяснилось, что такое славянофильство, и многіе изъ бывшихъ его противниковъ относятся къ нему съ уваженіемъ. Но тогда видѣли въ славянофилахъ

---

[1]) „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра В.“ М. 1875 г., пред

враговъ просвѣщенія, въ «Москвитянинѣ»—ихъ органъ. Вотъ почему осыпали этотъ журналъ такими насмѣшками, которыхъ онъ не заслуживалъ вовсе. Къ полемикѣ славянофильской съ теченіемъ времени примкнула другая полемика: въ наукѣ русской исторіи появилась новая школа, тогда называвшаяся школою родоваго быта. Главами ея явились: преемникъ Погодина по каѳедрѣ—съ 1845—С. М. Соловьевъ и другой профессоръ московскаго университета К. Д. Кавелинъ. Не вдаваясь въ подробности оцѣнки справедливости той и другой стороны въ этой борьбѣ, замѣчу здѣсь только, что, отвергая иногда удачно крайности новаго направленія, Погодинъ не признавалъ его важныхъ заслугъ, что впрочемъ въ значительной степени объясняется самыми симпатическими сторонами его ума и таланта. Погодинъ былъ, какъ я уже замѣтилъ, человѣкъ по преимуществу инстинкта; а заслуга противной школы главнымъ образомъ заключается въ исканіи послѣдовательности явленій—логическаго объясненія исторіи, причемъ важную роль играетъ смѣна одного общественнаго состоянія другимъ, идея развитія. Погодину могло и должно было показаться все это словопреніемъ, и онъ вооружился. Теперь же, когда крайности направленія сгладились, а лучшія его стороны прочно утвердились, нельзя оставаться на томъ отношеніи, въ которомъ стоялъ къ нему Погодинъ; теперь мы имѣемъ полную возможность быть справедливыми къ обѣимъ сторонамъ. Останавливаясь на полемикѣ «Москвитянина», мы имѣемъ въ виду ту сторону, которая занимала современниковъ и въ которой потомки будутъ искать слѣдовъ воззрѣній людей той эпохи; но въ сущности значеніе «Москвитянина» болѣе въ положительной, чѣмъ въ отрицательной его сторонѣ. Стоитъ перебрать указатель, составленный П. И. Бартеневымъ, чтобы понять, какъ необходимъ для историка «Москвитянинъ». Здѣсь, въ «Москвитянинѣ», появлялись также путевыя замѣтки Погодина изъ путешествія за границу и по Россіи. Россію Погодинъ въ разное время изъѣздилъ чуть не всю: отъ Вологды до Астрахани, отъ

Петербурга до Крыма и Кавказа. Драгоцѣнно было-бы собраніе всѣхъ его путевыхъ замѣтокъ, которыя разсѣяны по разнымъ изданіямъ, начиная, если не ошибаюсь, съ «Москвитянина». Позволю себѣ повторить здѣсь то, что я сказалъ, обращаясь къ самому Погодину на юбилейномъ обѣдѣ: «Ища повсюду живаго начала, вы не ограничили вашихъ занятій одними лѣтописями и грамотами; вы хотѣли видѣть самыя мѣста событій, вы хотѣли видѣть и теперешнюю жизнь, провѣрить прошедшее настоящимъ. Съ этими цѣлями вы объѣхали почти всю Россію, и собраніе вашихъ путевыхъ замѣтокъ представитъ историку много указаній и много предостереженій: указаній на то, что живетъ въ народѣ, но нигдѣ не записано, или записано, да никому не извѣстно; — предостереженій отъ увлеченій предвзятыми теоріями. Много рукописей собрали вы въ этихъ поѣздкахъ для вашего древлехранилища, но наблюденія, собранныя во время этихъ поѣздокъ, дороже можетъ быть самихъ рукописей. Быть можетъ, не разъ результаты вашихъ путевыхъ наблюденій не сходились съ результатами вашихъ кабинетныхъ занятій; но что же изъ этого? Вы указали и то, и другое [1]. Какъ часто въ вашихъ замѣткахъ вы ставите только вопросъ, и этотъ вопросъ, сдастся мнѣ, въ иныхъ случаяхъ важнѣе даже отвѣта; отвѣтовъ на досугѣ можно писать много, а попасть на вопросъ не всегда бываетъ легко. Да, ваши путешествія по Россіи и результаты ихъ—путевыя замѣтки—важная услуга передъ наукою» [2]. Знакомя съ Россіей, Погодинъ знакомилъ въ своемъ журналѣ и со славянскими землями—и переводами («Народопись» Шафарика), и статьями, и извѣстіями. Конечно, самую важную сторону — политическую — Погодинъ оставлялъ для позднѣйшаго времени, или для своихъ непечатныхъ писемъ, писанныхъ во время крымской войны, пи-

---

[1] При этихъ словахъ—какъ теперь помню—покойный склонилъ голову въ знакъ согласія. Въ изданіи они напечатаны ошибочно.

[2] „Пятидесятилѣтіе“, 65.

семъ, которыя имѣютъ значеніе еще большее, чѣмъ его отчеты гр. Уварову. Но что можно было тогда проводить въ печать, то Погодинъ проводилъ, и проводилъ въ то время, когда моднымъ убѣжденіемъ было то мнѣніе, что австрійскій жандармъ есть цивилизующее начало въ славянскихъ земляхъ. Такимъ образомъ, «Москвитянинъ» имѣетъ все право на почетную страницу въ исторіи русской литературы и образованности.

Еще во время изданія «Москвитянина» Погодинъ началъ печатаніе своихъ «Изслѣдованій, лекцій и замѣчаній по русской исторіи» [1]), которыя во многихъ случаяхъ служатъ драгоцѣннымъ руководствомъ для занимающагося исторіей до-татарской, и нельзя не пожалѣть о томъ, что начатый имъ хронологическій указатель событій, который долженъ былъ войдти въ это собраніе, остался не оконченнымъ. Не вдаваясь въ подробности, скажемъ только, что не смотря на отрывочность изложенія, на сомнительность нѣкоторыхъ результатовъ, на то, что иногда, приводя свидѣтельства лѣтописи, авторъ какъ-то прихотливо разрываетъ одно и тоже мѣсто на нѣсколько рубрикъ, что лишаетъ мѣсто его настоящаго значенія и т. п., все-таки многіе учились и будутъ еще учиться по этой книгѣ; пишущій эти строки и самъ многимъ ей обязанъ. Другой сборникъ статей—«Историкокритическіе отрывки» [2])—заключаетъ въ себѣ статьи Погодина по разнымъ историческимъ вопросамъ, между прочимъ изслѣдованіе о Посошковѣ, котораго онъ первый издалъ довольно полно (до того въ наукѣ были извѣстны двѣ небольшія статьи, изъ которыхъ одна едва-ли Посошкова); всѣ эти статьи имѣютъ значеніе, иногда довольно важное, напр., статья о древней русской аристократіи.

Въ послѣдніе годы дѣятельность Погодина не только не ослабла, но еще какъ будто-бы возросла. Въ журналахъ онъ

---

[1]) 7 т. М 1846—59.
[2]) Т I. М 1846, т. II, М. 1867.

помѣщалъ разнообразныя статьи, и прежде всего являлся публицистомъ, причемъ нѣкоторыя статьи, напр., по вопросамъ остзейскому и польскому были прочитаны, вѣроятно, всѣми грамотными русскими людьми: мнѣ случилось слышать восторженный отзывъ о нихъ въ Екатеринбургѣ отъ тамошняго купца. Какъ публицистъ, Погодинъ былъ вполнѣ русскій человѣкъ, и это его величайшая заслуга. Собственная его газета, «Русскій», не имѣла успѣха главнымъ образомъ по неакуратности выхода, а отчасти и по небрежности въ изложеніи и составѣ: журналъ не можетъ держаться только статьями одного публициста, какъ бы даровитъ и остроуменъ онъ ни былъ. Кромѣ статей публицистическихъ, онъ велъ научную полемику съ Д. И. Иловайскимъ по варяжскому вопросу и съ Н. И. Костомаровымъ по поводу разныхъ лицъ историческихъ и также по вопросу варяжскому. Все это слишкомъ свѣжо въ памяти, чтобы долго останавливаться на этомъ. Кромѣ того, въ журналахъ появлялись его путевыя замѣтки («Русская Газета» Поля и «Московскія Вѣдомости»), а также цѣлыя изслѣдованія (объ Ермоловѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», о Сперанскомъ въ «Русскомъ Архивѣ»). При этомъ онъ былъ гласнымъ въ думѣ, гдѣ говорилъ иногда рѣчи, предсѣдателемъ «Славянскаго благотворительнаго комитета», «Общества любителей россійской словесности» (до Н. В. Калачева) и «Общества исторіи и древностей россійскихъ» (съ 1875 года). Въ тоже время онъ издалъ два большія сочиненія: въ 1872 г., вскорѣ послѣ юбилея, о которомъ мы говорили, «Древнюю русскую исторію до монгольскаго ига» [1]) и въ 1875 г. «Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго». Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ двухъ сочиненіяхъ.

«Древняя русская исторія» состоитъ изъ двухъ частей:

[1]) Есть два изданія: одно in 4° съ атласомъ, а другое составляетъ два первые тома «Собранія сочиненій»; вышло еще три тома этихъ сочиненій: въ III рѣчи, въ IV—политическія письма, въ V—политическія статьи.

въ одной живой пересказъ лѣтописныхъ извѣстій о событіяхъ до нашествія татарскаго. Этимъ разсказомъ Погодинъ доказалъ, что онъ могъ бы быть историкомъ-художникомъ, если-бы живая его природа не отвлекала его въ разныя стороны: художественное изложеніе требуетъ обдуманности и спокойствія. Въ доказательство справедливости своихъ словъ укажу на блистательный разсказъ объ Андреѣ Боголюбскомъ, гдѣ такъ удачно оживлено повѣствованіе лѣтописца, и безъ того весьма характерное, изображеніемъ мѣстности современнаго Боголюбова. Кто, прочитавъ лѣтописный разсказъ, посѣтитъ Владиміръ и съѣздитъ въ Боголюбово, тотъ согласится со мною, что нѣкоторыя страницы этого перваго тома непремѣнно должны быть прочитаны въ каждой русской семьѣ; послѣ «Исторіи Государства Россійскаго» ничего подобнаго мы не читали; но авось либо прочтемъ, когда вполнѣ выйдетъ тотъ трудъ, отрывокъ изъ котораго уже появился въ № 1 «Древней и Новой Россіи» за 1876 г. и которому, быть можетъ, суждено снова напомнить намъ Карамзина; но будущее—не настоящее [1]). Вторымъ томомъ «Древней русской исторіи» мы довольны меньше: это сокращеніе изслѣдованій автора напечатанныхъ и ненапечатанныхъ, дополненныхъ, тѣмъ что онъ считалъ нужнымъ, изъ чужихъ изслѣдованій. Картины быта, которая была бы необходима въ популярной книгѣ,—картины, какою Прескоттъ начинаетъ свои исторіи завоеванія Мексики и Перу, или Маколей свою «Исторію Англіи» — здѣсь нѣтъ. Атласъ, приложенный къ книгѣ, не заключая въ себѣ ничего новаго, очень важенъ какъ собраніе въ одно цѣлое того, что было разсѣяно, и много помогаетъ пониманію текста.

---

[1]) Предсказаніе оправдалось: два тома «Исторіи Россіи» Д. И. Иловайскаго уже въ рукахъ читателя. Кто изъ людей понимающихъ изящное не приходилъ въ восторгъ отъ многихъ страницъ этой книги, которая, къ сожалѣнію, еще мало оцѣнена публикою. Авось либо появленіе 3-го тома обратитъ вниманіе и на первые.

«Семнадцать первыхъ лѣтъ жизни Петра Великаго» уже оцѣнены на страницахъ «Древней и Новой Россіи» Е. А. Бѣловымъ съ его обыкновеннымъ умѣніемъ, съ его высокимъ пониманіемъ и русской жизни, и русской исторіи. Слѣдственно, мнѣ осталось заявить свое полное согласіе съ его мнѣніемъ и сказать только, что, на мой взглядъ, никакая многотомная исторія Петра не дастъ такихъ живыхъ картинъ, какъ изображеніе стрѣлецкаго бунта у Погодина; а его обзоръ источниковъ—образецъ критики источниковъ.

Обозрѣвая жизнь и дѣятельность Погодина, я многаго коснулся слегка, многое пропустилъ, и понятно почему: разомъ, въ короткій срокъ, охватить всю эту дѣятельность, продолжавшуюся болѣе 50-ти лѣтъ, было очень трудно; я сказалъ, что могъ вспомнить, что нашелъ въ доступныхъ мнѣ матеріалахъ. Настоящая же біографія Погодина и настоящая его оцѣнка еще въ будущемъ. Я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что значеніе Погодина, какъ чисто русскаго человѣка, послужившаго своей странѣ добросовѣстно и честно, какъ человѣка, который постоянно искалъ истины и не считалъ себя ея полнымъ, исключительнымъ обладателемъ, какъ человѣка, готоваго всюду отыскивать заслугу (вспомнимъ множество скромныхъ людей имъ отысканныхъ—хоть бы посѣщеніе имъ Хмырова)—будетъ рости, а не уменьшаться, чѣмъ ближе мы съ нимъ будемъ знакомиться.

СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ [1].

4-го октября 1855 года скончался Грановскій, 4-го октября 1879 года скончался Соловьевъ. Но не однимъ только случайнымъ совпаденіемъ цифръ эти два имени соединяются въ памяти учениковъ того и другаго; они соединяются преимущественно воспоминаніемъ о томъ блистательномъ времени Московскаго университета, когда онъ былъ центромъ умственной жизни не одной Москвы, но и всей Россіи. Для людей другаго поколѣнія можетъ показаться страннымъ сопоставленіе блестящаго, остроумнаго, живаго Грановскаго съ сосредоточеннымъ, какъ бы суровымъ Соловьевымъ, съ Соловьевымъ, котораго общество привыкло считать представителемъ строго-ученаго, фактическаго знанія, главою школы, основывающейся исключительно на архивныхъ документахъ. Этотъ взглядъ общества и мѣшаетъ оцѣнить Соловьева какъ слѣдуетъ, оцѣнить его съ той стороны, съ которой онъ самъ желалъ быть цѣнимымъ, которою онъ самъ дорожилъ. Помню, разъ, въ засѣданіи Археографической Коммиссіи, собравшемся у покойнаго А. С. Норова, говорили о трудахъ одного очень уважаемаго ученаго, который любилъ выводить свои мысли изъ полнаго собранія фактовъ и печаталъ свои работы вполнѣ

---

[1]) Лекція, прочитанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 3-го ноября 1879 года.

въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ онъ велъ ихъ. Соловьевъ сказалъ при этомъ: «У кого нѣтъ черновыхъ тетрадей, да кто же ихъ печатаетъ». Въ другой разъ, бывши у него, я упомянулъ—въ разговорѣ о недолговѣчности ученыхъ — объ одномъ русскомъ научномъ дѣятелѣ, который сохраняетъ свѣжесть и въ преклонныхъ лѣтахъ и котораго труды еще фактичнѣе. «Развѣ это наука?» замѣтилъ на это Соловьевъ. Для него, какъ и для Грановскаго,—въ этомъ ихъ самое большое сходство,—исторія была наука, по преимуществу воспитывающая гражданина. Для того и для другаго поучительный характеръ исторіи заключался не въ тѣхъ прямыхъ урокахъ, которыми любила щеголять исторіографія XVIII вѣка и которыми богаты страницы Карамзина, гдѣ выставляются герои добродѣтели, какъ на Монтіоновскихъ состязаніяхъ, въ примѣръ для подражанія, чудовища порока, какъ спартанскіе пьяные илоты, въ образецъ того, чего слѣдуетъ избѣгать; нѣтъ, ни тотъ, ни другой изъ этихъ незабвенныхъ профессоровъ не считалъ исторію «Зеркаломъ добродѣтели», но каждый изъ нихъ имѣлъ въ виду другую цѣль: они старались воспитать въ своихъ слушателяхъ сознаніе вѣчныхъ законовъ историческаго развитія, уваженіе къ прошлому, стремленіе къ улучшенію и развитію въ будущемъ; они старались пробудить сознаніе того, что успѣхи гражданственности добываются труднымъ и медленнымъ процессомъ, что великіе люди суть дѣти своего общества и представители его, что имъ нужна почва для дѣйствія; не съ насмѣшкою сожалѣнія относились они къ прошлому, но съ стремленіемъ понять его въ немъ самомъ и въ его отношеніяхъ къ настоящему: «Спросимъ человѣка, съ кѣмъ онъ знакомъ, и мы узнаемъ человѣка; спросимъ народъ объ его исторіи, и мы узнаемъ народъ». Этими словами Соловьевъ началъ свой курсъ 1848 года, когда я имѣлъ счастіе его слушать: въ исторіи народа мы его узнаемъ, но только въ полной исторіи, въ такой, гдѣ на первый планъ выступаютъ существенныя черты, гдѣ все случайное, несущественное отходитъ на второй планъ, отдается въ жертву со-

бирателямъ анекдотовъ, любителямъ «курьезовъ и раритетовъ». Кто такъ высоко держалъ свое знамя, тотъ вѣрилъ въ будущее человѣчества, въ будущее своего народа и старался воспитывать подростающія поколѣнія въ этой высокой вѣрѣ. Съ этою-то воспитательною цѣлью такіе профессора держались преимущественно общихъ очерковъ, гдѣ въ мелочахъ не теряется общая мысль. Такимъ былъ всегда характеръ курсовъ Грановскаго, такимъ постепенно дѣлалъ свой курсъ Соловьевъ; но и на первыхъ своихъ шагахъ въ университетѣ онъ уже давалъ много мѣста общимъ соображеніямъ и выводамъ. Соловьевъ умѣлъ цѣнить Грановскаго: «Вы блистательно представили французскія общины», говорилъ онъ на докторскомъ диспутѣ Грановскаго,—«которыя разцвѣли пышнымъ цвѣтомъ на страницахъ Августина Тьерри и засушены въ гербаріяхъ нѣмецкихъ ученыхъ». Но не одно это роднитъ двухъ этихъ нашихъ наставниковъ: сознаніе тѣсной связи между прошедшимъ и настоящимъ, сознаніе долга растить въ настоящемъ будущее побуждало ихъ съ сердечнымъ интересомъ относиться къ событіямъ настоящаго. «Листокъ современной газеты»—говорилъ Грановскій—«такъ же дорогъ для историка, какъ хартія лѣтописи». Соловьевъ, живя въ мірѣ прошлаго, умѣлъ скорбѣть и о невзгодахъ настоящаго и радоваться его радостямъ: никогда не забуду я той глубокой скорби, съ которою онъ говорилъ о нашихъ неудачахъ въ Крымскую войну, что тогда далеко не было общимъ явленіемъ въ средѣ нашей интеллигенціи. Теперь вамъ понятно, почему я началъ свои поминки о Соловьевѣ сравненіемъ его съ Грановскимъ, съ которымъ такъ странно соединила его случайность кончины въ одинъ день. Перейдемъ же къ бѣглому очерку жизни и дѣятельности Соловьева.

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ родился 4-го мая 1820 года. Онъ былъ сынъ законоучителя первой Московской гимназіи, гдѣ и получилъ свое первоначальное образованіе. По свидѣтельству его автобіографіи въ «Словарѣ профессоровъ Московскаго университета», еще въ эту пору онъ началъ инте-

ресоваться исторіею; говорятъ, что тогда онъ прочелъ «Исторію Государства Россійскаго», которая въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ пробуждала любовь къ Россіи и къ русской исторіи: на ней воспитался Погодинъ, на ней выросъ Соловьевъ, ею зачитывалось поколѣніе первыхъ учениковъ Соловьева. Никѣмъ не замѣненная, она, къ сожалѣнію, заброшена послѣдующими поколѣніями; а между тѣмъ трудно найдти книгу болѣе способную въ гимназическіе годы пробудить и патріотизмъ, и любовь къ исторіи. Недостатки Карамзина незамѣтны въ этомъ возрастѣ, а достоинства его именно приноровлены къ нему: его величавый разсказъ поражаетъ воображеніе, а художественное умѣнье выбирать подробности мѣшаетъ забраться скукѣ. Къ сожалѣнію, въ наше время отвыкли отъ Карамзинскаго языка; раннее знакомство съ народною рѣчью, при всемъ своемъ высокомъ значеніи, имѣетъ одно неудобство; оно насъ слишкомъ отдаляетъ отъ писателей не только XVIII вѣка, но даже и начала XIX. Такимъ образомъ, никѣмъ не замѣненный Карамзинъ утратилъ, быть можетъ, слишкомъ рано все свое воспитательное значеніе; его читаетъ теперь только спеціалистъ или какъ пособіе, или какъ матеріалъ для характеристики его времени. Не то было сорокъ лѣтъ тому назадъ, и Соловьевъ воспитался на Карамзинѣ.

Поступивъ въ университетъ, откуда онъ вышелъ въ 1842 году, Соловьевъ сдѣлался слушателемъ двухъ профессоровъ, которые представляли тогда двѣ враждующія партіи въ наукѣ русской исторіи: онъ слушалъ М. Т. Каченовскаго и М. П. Погодина. Хотя Каченовскій уже перешелъ на каѳедру славянскихъ нарѣчій, но ученики его еще писали, и самъ онъ на лекціяхъ высказывалъ свои воззрѣнія. «Старикъ уже дряхлѣлъ»,—разсказывалъ мнѣ какъ-то С. М. Соловьевъ,—«но оживлялся всякій разъ, когда приходилось выражать какое-нибудь сомнѣніе: тогда глаза его горѣли». Каченовскаго мало помнитъ современность; полной оцѣнки его намъ еще приходится ждать, и хотя В. С. Иконниковъ въ

своей почтенной монографіи «Скептическая школа» и собралъ для нея много данныхъ, но лучшимъ, что мы имѣемъ о Каченовскомъ, все-таки остается краткая біографія его въ «Словарѣ профессоровъ Московскаго университета», писанная Соловьевымъ. Каченовскій отрицалъ первоначальную лѣтопись, «Слово о полку Игоревѣ», «Русскую Правду»; Погодинъ доказалъ неосновательность его сомнѣній. Этимъ почти можно ограничить все то, что извѣстно о Каченовскомъ; а во имя чего Каченовскій отрицалъ, чѣмъ плодотворно было его отрицаніе, почему въ сущности побѣдитель оказывается побѣжденнымъ, это остается показать и доказать. Здѣсъ, впрочемъ, не мѣсто слишкомъ много говорить о Каченовскомъ, и мы можемъ сказать только, что въ основѣ его сомнѣній лежала мысль о постепенномъ ростѣ общества: ему казалось, что въ лѣтописяхъ заключаются представленія о состояніи общества болѣе зрѣломъ, чѣмъ то, какое могло быть въ дѣйствительности; въ сущности Каченовскій отвергалъ не самыя лѣтописи, а выводимыя изъ нихъ толкованія; своими сомнѣніями онъ заставилъ снова пересмотрѣть вопросы и тѣмъ вызвалъ новое движеніе исторической науки—вотъ важная заслуга Каченовскаго. Онъ пріучилъ искать въ фактахъ связи, общаго смысла; онъ поднялся надъ «низшею критикою», водворенною въ нашей литературѣ Шлецеромъ, къ «высшей критикѣ»; по словамъ С. М. Соловьева, онъ старался «сблизить явленія русской исторіи съ однохарактерными явленіями у другихъ и, что всего важнѣе, преимущественно у Славянскихъ народовъ». Съ этой стороны онъ явился предшественникомъ и учителемъ самого Соловьева. Иное дѣло Погодинъ, у котораго были двѣ очень важныя стороны: инстинктивное пониманіе русской жизни и точность ученой изслѣдовательности; это послѣднее качество преимущественно способствовало ему нанести тяжкіе удары Каченовскому и его школѣ. Но до общихъ воззрѣній Погодинъ не возвысился и чувствовалъ къ нимъ какой-то ужасъ; съ этой стороны дѣятельность его была болѣе отрицательная, чѣмъ положительная; оттого боль-

шая часть его жизни прошла въ «борьбѣ не на животъ, а на смерть» (заглавіе сборника его полемическихъ сочиненій) съ общими воззрѣніями, появлявшимися въ продолженіе его долгой жизни. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что полемика его была очень полезна для движенія науки: указывая слабыя стороны каждой школы, онъ училъ будущихъ дѣятелей избѣгать крайностей; нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что мѣткія афористическія замѣчанія Погодина, брошенныя имъ въ разныхъ статьяхъ, путевыхъ замѣткахъ и т. п., принесли и принесутъ свой плодъ; но общаго воззрѣнія Погодинъ не создалъ и не могъ создать; а между тѣмъ общее воззрѣніе было крайне необходимо для объединенія фактовъ, для возможности поступательнаго движенія впередъ. Когда позднѣе Соловьевъ принесъ въ науку это общее воззрѣніе, Погодинъ немедленно вооружился противъ него и почти тридцать лѣтъ сряду былъ его неутомимымъ противникомъ. Во время пребыванія въ университетѣ Соловьевъ еще не опредѣлился и работалъ въ «древлехранилищѣ» Погодина, гдѣ ему удалось отыскать рукопись, оказавшуюся 5-ю частью исторіи Татищева. Замѣтка его объ этой безымянной рукописи, обстоятельно доказавшая ея принадлежность Татищеву, обратила на себя вниманіе, и рукопись была обнародована въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кончивъ въ 1842 году курсъ, Соловьевъ поѣхалъ за границу. Въ Прагѣ онъ завелъ сношенія съ тогдашними корифеями чешской науки, о чемъ, по свидѣтельству одного изъ его некрологовъ, онъ вспоминалъ незадолго до смерти, перебирая только что изданную переписку Погодина съ славянскими учеными; въ Прагѣ Вигель читалъ ему свои записки и сначала увлекъ его своимъ талантомъ: и тогда новая исторія интересовала его не менѣе древней. Въ Парижѣ онъ слушалъ лекціи Мишлэ и помѣстилъ о нихъ замѣтку въ Москвитянинѣ. Въ 1845 г. Погодинъ оставилъ каѳедру, и рекомендуя нѣсколько лицъ въ свои преемники, назвалъ и Соловьева. Весною 1845 года Соловьевъ былъ назначенъ преподавателемъ, вы-

державъ предварительно магистерскій экзаменъ. Любопытно, что покойный А. И. Чивилевъ (намъ разсказывали современники), заподозривъ Соловьева въ славянофильствѣ, не хотѣлъ пропускать его. Дѣйствительно, въ эту пору Соловьевъ бывалъ въ славянофильскихъ кружкахъ, да и послѣ, расходясь съ ними въ воззрѣніяхъ на европейское просвѣщеніе и Петровскую реформу, онъ сохранилъ много общаго съ ними, преимущественно въ тепломъ религіозномъ чувствѣ, которое всегда его отличало. Ал. Н. Поповъ, бывшій живою лѣтописью этого времени, увѣрялъ меня, что магистерская диссертація Соловьева создалась подъ вліяніемъ разговоровъ въ этихъ кружкахъ. Осенью въ 1846 году была имъ защищена диссертація «Отношенія Новгорода къ в. князьямъ» [1]. Книгу встрѣтили привѣтливо въ журналистикѣ, тогда ревностно слѣдившей за ученою литературою (я помню въ высшей степени сочувственную статью Отечественныхъ Записокъ); общая надежда тогда обратилась на Соловьева. Позволю себѣ личное воспоминаніе: я помню, съ какою жадностью читалъ я тогда эту диссертацію и какимъ неожиданнымъ свѣтомъ облились для меня событія древней русской исторіи. Нельзя не сознаться въ томъ, что диссертація Соловьева поставила одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи на настоящую почву. Сличеніе Новгорода съ средневѣковыми городами, которое тогда было очень въ ходу, стало невозможнымъ, лишь только Соловьевъ показалъ, какъ выросли Новгородскія учрежденія на туземной почвѣ, какъ много было въ жизни Новгорода общаго съ жизнью другихъ русскихъ городовъ; остается только еще одинъ шагъ: сближеніе этой жизни съ древне-арійскою вообще и античною въ особенности. Труды А. И. Никитскаго (мы не считаемъ ихъ свободными отъ заблужденій) направлены именно въ эту сторону, въ чемъ ихъ самое важное значеніе; но путь указанъ уже

---

[1]) Замѣчу для библіографа, что въ отдѣльномъ изданіи нѣтъ приложеній, которыя помѣщены при 2-мъ изданіи (въ Чтеніяхъ).

и Соловьевымъ: его теорія старыхъ и новыхъ городовъ основана столько же на извѣстномъ мѣстѣ лѣтописи: «на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ», сколько и на аналогіи съ античнымъ міромъ. Теорія старыхъ и новыхъ городовъ едва-ли можетъ считаться вполнѣ безупречною; во всякомъ случаѣ она объясняетъ переходъ отъ Кіевской къ Суздальской Руси односторонне; тѣмъ не менѣе мы должны признать, что эта остроумная гипотеза сослужила свое дѣло: указала на необходимость найдти внутреннюю связь между двумя періодами русской исторической жизни.

Съ 1845 года до настоящаго академическаго [illegible]а исключеніемъ небольшаго перерыва) Соловьевъ занималъ каѳедру въ Московскомъ университетѣ. Всѣ некрологи говорятъ о преподаваніи его въ послѣдніе года, вотъ почему нелишнимъ будетъ припомнить и того молодаго профессора, котораго слушали мы въ 1848—1849 годахъ. Соловьевъ въ то время читалъ два курса: общій для словесниковъ III-го и юристовъ II-го курсовъ и спеціальный для словесниковъ IV-го курса; спеціальные курсы составляли обыкновенно продолженіе общихъ и представляли подробное изложеніе того періода, на которомъ остановился курсъ общій. Изъ такихъ спеціальныхъ курсовъ образовались статьи въ Современникѣ: «Обзоръ событій смутнаго времени» и «Обзоръ царствованія Михаила Ѳеодоровича». Читавшіе эти статьи не могутъ не пожалѣть, что первая изъ нихъ не была перепечатана: VIII-й томъ Исторіи Россіи, въ которомъ отброшена вся критическая часть, далеко ея не замѣняетъ. Общій курсъ 1848—1849 годовъ начинался понятіемъ объ исторіи, какъ народномъ самосознаніи; затѣмъ, охарактеризовавъ разные виды лѣтописей краткими, но мѣткими чертами, профессоръ переходилъ къ изложенію исторіографіи, при чемъ останавливался и на запискахъ современниковъ. Изложеніе исторіографіи кончается на Полевомъ, о которомъ Соловьевъ выражался, что онъ задумалъ передѣлать Карамзина по Карамзину же. Изложеніе науки начиналось съ всѣмъ извѣстнаго теперь географическаго очерка

русской территоріи, вошедшаго въ первый томъ Исторіи Россіи [1]). Но въ то время этотъ очеркъ былъ совершенною новостью (статья Надеждина въ Библіотекѣ для Чтенія была мало извѣстна); послѣ Соловьева такой очеркъ сдѣлался необходимою принадлежностью каждаго общаго сочиненія по русской исторіи. За географіей страны слѣдовало изложеніе дружинной теоріи происхожденія Варяговъ-Руси, теоріи, на которой, по моему мнѣнію, скорѣе чѣмъ на какой нибудь другой, можетъ и до сихъ поръ останавливаться историкъ. Событій варяжскаго періода намъ Соловьевъ не разсказывалъ, но представилъ прекрасную характеристику дѣятельности первыхъ князей (въ 1846 — 1847 годахъ онъ разсказывалъ и самыя событія, что я знаю по тетрадкамъ товарищей); изложеніе удѣльнаго періода было сокращеніемъ его докторской диссертаціи, а смутное время было изложено по статьямъ, появившимся въ Современникѣ. Помню живо превосходную характеристику смутнаго времени, какъ эпохи, когда всѣ старыя начала, подавленныя Москвою, возстали, пробовали добиться господства и, потерпѣвъ крушеніе, уступили мѣсто здоровымъ элементамъ, желавшимъ прежде всего порядка и безопасности отъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ крамолъ. Время первыхъ Романовыхъ и Петра еще представлялось въ бѣглыхъ очеркахъ, въ первомъ наброскѣ будущей картины. Таковъ былъ курсъ, который слушали съ удовольствіемъ мы, только что выслушавшіе талантливый курсъ К. Д. Кавелина, въ основахъ мало различавшійся отъ курса Соловьева, но останавливавшійся преимущественно на бытовой сторонѣ: такъ у г. Кавелина много мѣста занималъ древній славянскій бытъ, котораго Соловьевъ, выдвинувшій на первый планъ политическую исторію, не касался.

Еще за годъ до того курса, о которомъ я сейчасъ говорилъ, Соловьевъ издалъ свою докторскую диссертацію: «Исторія родовыхъ отношеній между князьями Рюрикова дома».

---

[1]) Раньше онъ появился въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1850 года.

Основная мысль этой книги и ея главная заслуга заключаются въ стремленіи найдти связь между періодами, и связь не внѣшнюю, а внутреннюю, прослѣдить ростъ русскаго общества и намѣтить смѣну его общественныхъ состояній. Въ предисловіи авторъ возстаетъ противъ названія періодовъ: удѣльный, татарскій; доказываетъ, что въ первое время не было удѣловъ и что не татарамъ, а внутреннимъ причинамъ надо приписать измѣненіе въ общественномъ строю Русской земли. Онъ признаетъ два начала, смѣною которыхъ характеризуется время до конца Рюриковой династіи: родовое и государственное; родъ, полагаетъ онъ, разложился подъ вліяніемъ началъ государственныхъ, появленіе которыхъ, по его мнѣнію, объясняется гипотезою о старыхъ и новыхъ городахъ. Вся книга замѣчательна; но въ особенности хороша послѣдняя глава, характеризующая борьбу Ивана Грознаго съ Курбскимъ: въ первый разъ русская исторіографія воспользовалась перепискою этихъ двухъ дѣятелей для характеристики двухъ міровъ, представителями которыхъ они являются. Книга Соловьева вызвала жаркую полемику: первый выступилъ Погодинъ (см. его полемику съ Соловьевымъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за іюнь или іюль 1847 г.) вскорѣ послѣ диспута; затѣмъ появились въ «Современникѣ» статьи Кавелина (перепечатаны въ сочиненіяхъ). Кавелинъ, вполнѣ сочувствуя общей идеѣ, приходя въ восторгъ отъ многихъ подробностей, совершенно иначе объясняетъ переходъ отъ родоваго быта къ государственному: ставя на первомъ планѣ развитіе личности (за которымъ онъ слѣдилъ въ своей статьѣ «Очерки юридическаго быта древней Руси» въ «Современникѣ» 1847 г., № 1-й и въ «Сочиненіяхъ»), онъ между родовымъ и государственнымъ началами ставилъ начало семейное, отъ котораго идетъ вотчинное; этимъ послѣднимъ онъ объяснялъ вотчинный характеръ Московскаго государства. Замѣчательно, что Соловьевъ, никогда не вдававшійся въ полемику, счелъ нужнымъ на лекціяхъ изложить свои возраженія г. Кавелину.

Посреди своихъ работъ университетскихъ, Соловьевъ находилъ время слѣдить въ критическихъ статьяхъ за выдающимися явленіями исторической науки: въ тогдашнихъ журналахъ—Московскомъ Городскомъ Листкѣ, Отечественныхъ Запискахъ—появилось довольно его критическихъ статей [1]), а также и очерковъ разныхъ вопросовъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ настолько же, какъ «Очерки смутнаго времени», замѣчательны «Очерки исторіи Малороссіи», тоже заслуживающія перепечатанія: здѣсь впервые представлена критика малороссійскихъ лѣтописей, преимущественно «Исторіи Руссовъ», и высказанъ замѣчательный взглядъ на казачество. Въ 1850 году Соловьевъ прочелъ—одновременно съ Грановскимъ, Шевыревымъ и Гейманомъ—четыре публичныя лекціи, содержаніемъ которыхъ было установленіе государственнаго порядка въ Россіи. Эти лекціи представляютъ краткую, но мѣткую характеристику развитія Московскаго государства. Умѣнье излагать ясно, точно и сжато, часто даже очень оживленно, составляло всегда отличительную черту изложенія Соловьева: все туманное, неопредѣленное было чуждо его природѣ. Посреди этихъ работъ зачинался тотъ его трудъ, съ которымъ навсегда связывается его имя въ исторіи русскаго просвѣщенія: въ 1851 г. появился первый томъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Названіе, заимствованное отъ Татищева, было данью уваженія къ этому замѣчательному историку, котораго память онъ очистилъ отъ многихъ нареканій (см. статью въ Архивѣ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній) и въ которомъ онъ умѣлъ цѣнить практическое самообладаніе, ясно высказавшееся въ томъ, что онъ приготовилъ связный матеріалъ для исторіи, но самой исторіи не писалъ, не поддаваясь увлеченію лите-

---

[1]) Почти полный списокъ составленъ Е. Е. Замысловскимъ и помѣщенъ уже въ Журн. М. Н. Пр. Еще полнѣе списокъ, составленный Н. А. Поповымъ, въ Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ.

ратурнаго изложенія. Этою чертою самъ Соловьевъ сближается съ Татищевымъ, ибо, подобно своему знаменитому предшественнику, онъ старался сдѣлать только то, что возможно, и ясно сознавалъ, что многое такое еще могутъ сдѣлать историки въ будущемъ, чего при настоящемъ состояніи науки сдѣлать еще нельзя.

«Исторія Россіи», которая, къ сожалѣнію, не дописана, какъ не дописана «Исторія Государства Россійскаго», навсегда останется важнѣйшимъ памятникомъ русской исторіографіи за свое время. Главная ея цѣль высказана въ первыхъ строкахъ предисловія: «Не дѣлить, не дробить русскую исторію на отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію—вотъ обязанность историка въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ предлагаемаго труда». Еще въ началѣ своей дѣятельности Соловьевъ провозгласилъ высокое начало: исторія есть народное самосознаніе, и остался ему вѣренъ во все продолженіе своего труда. Для Карамзина исторія есть прагматическое изложеніе событій, главная цѣль котораго поучительные примѣры; въ этомъ отношеніи Карамзинъ оставался вѣренъ своему времени: такъ понимали исторію великіе историки XVIII вѣка; изобразить внѣшній ростъ государства, внѣшнее распространеніе просвѣщенія и благосостоянія — ихъ единственная задача; при исполненіи этой задачи на первомъ планѣ стоитъ личность, и изображеніемъ личности преимущественно и занимались эти историки; сознаніе о постоянной смѣнѣ общественныхъ состояній преимущественно развилось въ началѣ XIX вѣка и популяризировалось великими французскими историками. Имъ хотѣлъ подражать Полевой; но ему недоставало ни матеріала, ни подготовки для того нужпой, ни времени. Онъ только вы-

сказалъ мысль, но даже не замѣтилъ того, что при тогдашнемъ изученіи матеріала исполненіе было невозможно. Каченовскій вызвалъ къ критикѣ матеріала, показалъ, куда надо направить усилія; а съ другой стороны Эверсъ указалъ отличительныя черты первоначальнаго быта, основы его. На путь, открытый ими, вступилъ Соловьевъ, а съ нимъ рядомъ и вслѣдъ за нимъ другіе. Если мы теперь не признаемъ теоріи родоваго быта во всей ея исключительности, то не можемъ однако не признать въ ней первой попытки связать всѣ явленія русской исторіи въ стройное цѣлое; попытка эта, не въ видѣ намековъ, указаній и т. п., а въ цѣломъ стройномъ зданіи, сдѣлана Соловьевымъ. Отъ этой попытки пойдетъ впередъ русская исторіографія; она составляетъ основаніе для дальнѣйшаго движенія русской мысли, а въ значительной степени и жизни, по скольку жизнь будетъ сознавать, что настоящее — дитя прошедшаго. Позволю себѣ повторить здѣсь слова, сказанныя мною въ другомъ мѣстѣ [1]): «Высокая мысль, высказанная такъ давно, еще не перешла въ общественное сознаніе, но должна когда-нибудь перейдти, должна стать руководительнымъ маякомъ и государственнымъ людямъ, и представителямъ мысли и слова, и всѣмъ, кто такъ или иначе участвуетъ въ общественномъ движеніи. Если исторія народа есть его самосознаніе, то слѣдовательно, народъ въ своей исторической жизни постепенно раскрываетъ свои нравственныя свойства; стало быть, чуждыя вліянія только будятъ то, что спало въ немъ; стало быть, личности являются только представителями той степени общественнаго сознанія, которая имъ современна, и могутъ сдѣлать не болѣе того, что возможно при данномъ положеніи; стало быть, состоянія общественныя находятся между собою въ прямой зависимости: одно вытекаетъ изъ другаго, и въ общемъ каждое вноситъ что-нибудь новое, то-есть вызываетъ къ дѣятельности такую сторону народной жизни, которая или со-

---

[1]) Русская Старина, 1876 г.

всѣмъ не выступала впередъ или выступала очень слабо. Но вызвать новое можно только тогда, когда въ обществѣ сознательно или безсознательно живетъ уже потребность въ обновленіи той или другой стороны общественной жизни. Вотъ почему историческія явленія не спадаютъ съ неба, а приготовляются длиннымъ рядомъ явленій, иногда понятныхъ только послѣ того, какъ совершилось уже событіе, ярко кидающееся въ глаза и освѣщающее то, что ему предшествовало. Въ проведеніи нити развитія черезъ всю русскую исторію заключается одна изъ важнѣйшихъ заслугъ громаднаго труда Соловьева». Мы назвали трудъ его громаднымъ; этою характеристикою высказывается то впечатлѣніе, которое прежде всего зарождается въ человѣкѣ, только что приступившемъ къ чтенію книги Соловьева; оно же остается еще болѣе укрѣпившимся и послѣднимъ впечатлѣніемъ человѣка, долго и пристально изучавшаго этотъ трудъ. Чѣмъ болѣе человѣкъ самъ занимался, тѣмъ болѣе онъ знаетъ цѣну времени, матеріальнаго и умственнаго труда, затрачиваемаго на продолжительную, многолѣтнюю работу, тѣмъ съ большимъ благоговѣніемъ останавливается передъ подобнымъ произведеніемъ, тѣмъ яснѣе понимаетъ онъ—какою силою воли, какимъ самообладаніемъ долженъ былъ быть одаренъ человѣкъ, такъ продолжительно, такъ неуклонно работавшій. Человѣкъ, знакомый съ трудами подобнаго рода, поражается равно массой и физическаго, и умственнаго труда. Конечно, великою заслугою Соловьева было то, что онъ систематически обозрѣлъ сокровища нашихъ архивовъ за все изученное имъ время и ввелъ въ науку такъ много новаго матеріала, преимущественно съ той эпохи, на которой остановился Карамзинъ; важность этой заслуги увеличивается еще тѣмъ, что у Соловьева не было ни Малиновскаго, ни Калайдовича, ни А. Тургенева, помогавшихъ Карамзину и указаніями, и выписками. Но еще важнѣе заслуги умственныя: Соловьеву удалось освѣтить своею идеей не только то время, которое было описано Карамзинымъ и гдѣ онъ имѣлъ

уже критически осмотрѣнные и приведенные въ связь факты, но и то время, въ изученіи котораго онъ не имѣлъ себѣ предшественниковъ и гдѣ ему самому приходилось и собирать матеріалы, и оцѣнивать ихъ, и оцѣнивать значеніе самыхъ событій: три работы эти рѣдко соединяются вмѣстѣ, и каждая изъ нихъ порознь можетъ доставить извѣстность труженику. Мы знаемъ, что имъ понятъ не только удѣльный періодъ, возвышеніе Москвы, Іоанны III и IV, смутное время, но и связь времени первыхъ Романовыхъ со временемъ Петра, значеніе самаго Петра (укажу въ особенности на блистательныя «Публичныя лекціи о Петрѣ»), Елизавета, Екатерина и ея политика. Мы знаемъ, что внѣшняя политика Александра дала ему содержаніе для цѣлаго особаго сочиненія, какъ прежде развитіе польскаго вопроса вызвало его на изложеніе «Исторіи паденія Польши», которая въ настоящее время является необходимымъ дополненіемъ не оконченной имъ исторіи Екатерины II; въ послѣднее время вниманіе его привлекала дипломатическая дѣятельность царствованія Николая Павловича [1]. Общія характеристики лицъ и событій, а равно и изложеніе дипломатическихъ сношеній, составляютъ всѣмъ извѣстное достоинство исторіи Соловьева; но у нея есть и другая сторона: она представляетъ значительно обильный матеріалъ для пониманія общественной жизни въ разныя эпохи; въ первыхъ томахъ этотъ матеріалъ группируется; въ послѣднихъ онъ помѣщается погодно, ибо, какъ матеріалъ новый, онъ еще трудно поддавался группировкѣ. Не надо забывать также и того, что для изученія древняго періода историкъ встрѣчалъ значительныя пособія въ разныхъ монографіяхъ, для новаго же онъ былъ почти лишенъ этого пособія, за исключеніемъ развѣ монографій литературныхъ; вотъ можетъ быть почему отчасти отдѣлъ литературы и полнѣе и обработаннѣе въ трудѣ Соловьева, чему, конечно, помогло и самое его образо-

---

[1]) См. статьи въ „Древней и Новой Россіи" и въ „Вѣстникѣ Европы".

ваніе: онъ не былъ ни юристъ, ни политико-экономъ, чего, впрочемъ, никто и не могъ отъ него требовать.

Прошло почти тридцать лѣтъ со времени появленія перваго тома «Исторіи Россіи». Наука историческая сдѣлала съ тѣхъ поръ много успѣховъ, и Соловьевъ слѣдилъ за нею неуклонно: вопросы общеисторическіе постоянно занимали его. Такъ онъ помѣстилъ въ Вѣстникѣ Европы свои «Размышленія надъ историческою жизнью народовъ»; таково же было содержаніе его курса, читаннаго въ Петербургѣ въ тѣсномъ кружкѣ, весною 1879 г.; не разъ онъ писалъ статьи по поводу иностранныхъ сочиненій: Фруда, Лорана, Ланфрея; издалъ «Курсъ новой исторіи». Весною 1879 года говорилъ онъ мнѣ, что переглядѣлъ всѣ путешествія во внутренней Африкѣ, ища въ нихъ свидѣтельствъ о бытѣ первоначальныхъ народовъ, но испыталъ разочарованіе, ибо встрѣтилъ болѣе свѣдѣній о животныхъ и растеніяхъ, чѣмъ о человѣкѣ; при этомъ онъ выразилъ надежду, что антропологія, не смотря на то что теперь она часто заблуждается, все-таки вызоветъ болѣе вниманія къ человѣку. Слѣдя за движеніями науки, Соловьевъ уже не могъ пересматривать своихъ первыхъ томовъ: ему нужно было идти впередъ. Сдѣлано имъ такъ много, что, конечно, никто не сочтетъ себя въ правѣ искать того, чего онъ сдѣлать не могъ. Прибавимъ еще, что онъ никогда не скрывалъ пробѣловъ въ нашихъ знаніяхъ и не старался придать цѣльности тому, что въ сущности не имѣло ея. Самое важное обвиненіе, съ которымъ онъ обращался къ историкамъ-литераторамъ, при чемъ прежде всего имѣлся въ виду Карамзинъ, состояло въ томъ, что они даютъ много мѣста фантазіи. Стремленіе къ научности изложенія онъ доводилъ иногда до крайности; но нельзя не сознаться въ томъ, что забота о красотѣ разсказа отвела бы его далеко отъ главной цѣли, и мы, можетъ быть, не имѣли бы и половины того, что мы имѣемъ.

Карамзинъ писалъ когда-то Тургеневу: «Жить есть не писать исторію, не писать трагедію или комедію, а какъ можно

лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душою къ его источнику: все остальное, любезный мой пріятель, есть шелуха». Я убѣжденъ, что тоже могъ-бы сказать Соловьевъ. Его идеалъ жизни былъ строгое исполненіе долга: въ одномъ изъ некрологовъ разсказывается, что когда совѣтъ университета выбралъ его въ ректоры, Соловьевъ отвѣтилъ: «принимаю, потому-что трудно» и съумѣлъ согласить свои занятія ректорскія съ занятіями учеными и также строго отнестись какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ. Онъ былъ всего болѣе требователенъ къ самому себѣ и строго неуклоненъ въ исполненіи своихъ обязанностей: въ этомъ отношеніи онъ опять напоминаетъ Татищева, который говаривалъ: «На службу не навязывайся, отъ службы не отказывайся». Выработавъ свой характеръ суровымъ и постояннымъ трудомъ надъ самимъ собою, пріучивъ себя къ непрерывному, неуклонному труду, пріучивъ себя сдержанно относиться къ другимъ и никогда не терять собственнаго достоинства,—такъ онъ почти никогда не вступалъ въ полемику и никогда не вмѣшивалъ въ ученый споръ личныхъ отношеній,—Соловьевъ выработалъ себѣ твердыя и неуклонныя убѣжденія, которыхъ онъ уже ни за что бы не уступилъ. Въ періодъ шатанія умовъ Соловьевъ представляетъ поучительный примѣръ; разъ сложившіяся убѣжденія, плодъ долгихъ размышленій, постоянно руководили его, какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни. Убѣжденія свои онъ высказывалъ прямо и просто при всякомъ случаѣ; такъ, по поводу книги Лорана, которая показалась ему способною увлечь многихъ, онъ высказалъ свой взглядъ на христіанство, и этому взгляду онъ оставался вѣренъ всегда: религіозность составляла одно изъ отличительныхъ его свойствъ; но эта религіозность не вела его къ нетерпимости, а только возвышала его взглядъ. Замѣчательно, что во многомъ расходясь со славянофилами, онъ сходился съ ними во взглядѣ на православіе и протестантизмъ: его оцѣнка Лютера въ «Курсѣ новой исторіи» могла бы быть подписана и каждымъ изъ славянофиловъ. Сходился онъ съ ними

и въ любви къ Россіи, и въ вѣрѣ въ историческое призваніе Русскаго народа, хотя и расходился въ оцѣнкѣ реформы Петра; но, цѣня западную науку, онъ зналъ и ея недостатки и, конечно не менѣе славянофиловъ, понималъ вредъ чистаго матеріализма.

Мы жалуемся, что у насъ нѣтъ характеровъ, а вотъ еще недавно жилъ между нами человѣкъ съ твердымъ характеромъ, всю жизнь свою посвятившій службѣ Русской землѣ; мы жалуемся, что у насъ нѣтъ ученыхъ, а вотъ только что сошелъ въ могилу человѣкъ, мѣсто котораго въ ряду величайшихъ ученыхъ XIX вѣка. Почтимъ же его память пожеланіемъ, чтобы жизнь его, когда онъ найдетъ себѣ полную оцѣнку, послужила примѣромъ и поощреніемъ будущимъ поколѣніямъ; пожелаемъ также, чтобъ эти будущія поколѣнія учились у него не только умѣнью понимать источники, но и умѣнью вырабатывать характеръ.

СТЕПАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЕШЕВСКІЙ.

Степанъ Васильевичъ Ешевскій родился 2-го февраля 1829 г. Онъ былъ сынъ кологривскаго (Костромской губерніи) помѣщика Василія Ивановича и жены его Александры Васильевны, урожденной Перфильевой. Первое дѣтство его прошло частью въ деревнѣ, частью въ уѣздномъ городѣ. Росъ онъ больнымъ; по его собственному свидѣтельству, въ одномъ изъ писемъ изъ-за границы, онъ былъ до пяти лѣтъ безъ ногъ и безъ языка. Проѣзжій медикъ, остановившійся въ Кологривѣ по дорогѣ въ Сибирь, помогъ ему. Съ болѣзненною нервностью мальчикъ соединялъ живость характера и способность къ ученію. Въ 1838—скорѣе въ 1839 г.— онъ поступилъ въ костромскую гимназію, гдѣ былъ всегда изъ лучшихъ учениковъ. По его разсказу я знаю, что еще въ Костромѣ онъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ — дѣло было въ IV классѣ—задумалъ составить на основаніи учебника и читаемыхъ книгъ—читать онъ любилъ всегда, и въ эту пору читалъ по большей части путешествія—историческій словарь; въ основаніе этого словаря они клали азбучный указатель къ книгѣ Кайданова. Строгое наказаніе мальчика за дѣтскую шалость и намѣреніе Василія Ивановича перейти на службу въ Нижній побудили этого послѣдняго взять сына изъ костромской гимназіи. Чтобы не терять времени, мальчикъ ходилъ въ кологривское училище, гдѣ его

помнитъ С. В. Максимовъ. Въ 1842 г. В. И. Ешевскій перешелъ на службу въ Нижній. Степанъ Васильевичъ послѣ приготовленія у одного изъ учителей въ началѣ учебнаго 1842—43 г. поступилъ въ нижегородскую гимназію. Живо помню, какъ осенью 1842 г. къ намъ въ III классъ въ урокъ латинскаго языка привели тщедушнаго, худаго мальчика, котораго тутъ же и проэкзаменовалъ учитель. Мальчикъ этотъ былъ Ешевскій, и тогда уже поражавшій болѣзненнымъ видомъ. Онъ отвѣчалъ бойко и поступилъ въ IV классъ, гдѣ хорошо учился и скоро сталъ первымъ въ своемъ классѣ. Съ этихъ поръ начинаются мои личныя воспоминанія, хотя впрочемъ мы сблизились болѣе въ то время, когда Ешевскій былъ уже въ V классѣ. Первымъ поводомъ къ нашему знакомству были приватные уроки греческаго языка, которые мы втроемъ (Ешевскій, я и М. И. Ч. одноклассный съ Ешевскимъ) брали у нашего директора, бывшаго когда-то профессоромъ греческаго языка. Добрый, теперь уже покойный М. Ф. Гр. былъ охотникъ учить по гречески, училъ даромъ, но, къ сожалѣнію, весьма неакуратно и по своей грамматикѣ, безтолковой и скучной. Никто изъ учениковъ не выучился по гречески ни у насъ въ гимназіи, ни въ университетѣ, гдѣ онъ былъ профессоромъ. Ешевскій не составлялъ исключенія въ этомъ случаѣ.

Гимназія нижегородская съ пансіономъ, при ней открытымъ (пансіонъ этотъ преобразованъ былъ въ институтъ только въ 1844—45 г.), считалась, если не лучшимъ, то однимъ изъ лучшихъ заведеній въ казанскомъ округѣ. То время, о которомъ мы теперь говоримъ, было завершеніемъ стараго періода его существованія, послѣднимъ временемъ полнаго господства старой педагогіи. Съ открытіемъ института потребовался для двухъ заведеній двойной комплектъ учителей, и потому пріѣхало много новыхъ лицъ изъ Казани и изъ петербургскаго педагогическаго института; пріѣзжіе привезли съ собою новое обращеніе и новые педагогическіе пріемы. Эту перемѣну ощутило на себѣ наше поколѣніе.

Когда мы поступили въ гимназію, господствовала полная патріархальность. Каждую субботу сѣкли лѣнивыхъ, для чего директоръ являлся съ особою торжественностію въ классъ и вызывалъ по списку своихъ жертвъ; учителя дрались въ классѣ; одинъ учитель математики (умершій лѣтъ около 30 тому назадъ) бралъ ученика за волосы и тащилъ его черезъ классъ отъ доски къ скамейкамъ и отъ скамеекъ къ доскѣ; другой учитель географіи и русскаго языка въ первомъ классѣ, замѣтивъ, что мальчикъ грызетъ ногти, велѣлъ ему взять въ ротъ кусокъ мѣлу; онъ же заставлялъ двухъ виновныхъ учениковъ таскать другъ друга за волосы. Въ преподаваніи были тоже куріозы. Урокъ неизмѣнно задавался слѣдующимъ образомъ: учитель читалъ по книгѣ то, что надо было выучить, а ученики, слѣдя по своимъ книгамъ, зачеркивали то, что учитель пропускалъ въ чтеніи; если въ программѣ—составленной въ Казани—было что-нибудь не входившее въ учебникъ, тогда учитель доставалъ, откуда Богъ послалъ, недостающее. Самымъ блистательнымъ образцикомъ того, что бывало въ гимназіяхъ, служитъ одинъ изъ нашихъ учителей математики—тоже умершій теперь—который ни разу—я учился у него года четыре—ни самъ не говорилъ въ классѣ, ни учениковъ не спрашивалъ. Легко представить, каковы были успѣхи въ математикѣ! Ломоносовское раздѣленіе слога на высокій, средній и низкій, источники изобрѣтенія и хріи господствовали въ той теоріи словесности, которая преподавалась намъ по Кошанскому. Между учителями той эпохи были впрочемъ и очень порядочные. Такимъ былъ учитель латинскаго языка Е. Т. Лѣтницкій—у котораго впрочемъ Ешевскій учился мало,—доводившій учениковъ до V-го класса. Постоянное вниманіе, постоянное повтореніе стараго, педантическое требованіе точности въ отвѣтахъ и упражненіяхъ были очень полезны для учениковъ; полное знаніе того круга предметовъ, въ которомъ вращалось преподаваніе, умѣніе отвѣтить на всѣ вопросы учениковъ, тактъ, съ которымъ держалъ себя учитель, все внушало къ нему уваженіе и ставило его выше

насмѣшекъ. Самымъ лучшимъ учителемъ того времени былъ П. И. Мельниковъ, у котораго Ешевскій учился съ IV класса до окончанія курса. П. И. Мельниковъ мало занимался самымъ преподаваніемъ: рѣдко говорилъ въ классѣ, никогда не слушалъ отвѣтовъ учениковъ, не исполнялъ самыхъ основныхъ началъ педагогіи. Говорятъ, что въ началѣ своей педагогической дѣятельности онъ усиленно работалъ для классовъ; но по неопытности требовалъ слишкомъ многаго съ учениковъ. Египетскія династіи по Шамполіону, философскіе взгляды на паденіе Западной Римской имперіи (составленныя имъ для этого записки онъ напечаталъ тогда же въ «Литературной Газетѣ»), персидская исторія въ эпоху Сассанидовъ входили въ его преподаваніе. Неудача этихъ требованій охладила его: онъ впалъ въ рутину; но, если случалось ему замѣчать, что который-либо изъ учениковъ интересуется историческими вопросами, онъ говорилъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ, звалъ его къ себѣ на домъ, давалъ книги, спрашивалъ о прочитанномъ, толковалъ и, такимъ образомъ, поддерживалъ интересъ. Говорилъ онъ всегда превосходно, книги выбиралъ интересныя. Оттого многіе ему чрезвычайно обязаны, а между этими многими въ особенности Ешевскій и я.

Въ 1844 г. открылся институтъ. Я, бывшій пансіонеромъ, перешелъ въ это новое заведеніе и на годъ мы разстались съ Ешевскимъ; тѣмъ не менѣе мы часто видались въ этотъ годъ по праздникамъ и въ вакаціи; то онъ заходилъ ко мнѣ, то я къ нему. Тогда мы показывали другъ другу свои первые литературные опыты: Ешевскій писалъ стихи, я больше прозу. Ешевскій былъ строгимъ критикомъ этихъ опытовъ и, по правдѣ, очень справедливымъ. Стихи Ешевскаго были очень гладки, хотя и не показывали особаго поэтическаго дарованія. Черезъ годъ, на одной изъ тѣхъ литературныхъ бесѣдъ, о которыхъ рѣчь будетъ дальше, Ешевскій читалъ свои стихи, между прочимъ одно стихотвореніе «Къ звѣздѣ». Директоръ гимназіи (не тотъ, о которомъ говорилось выше, а дру-

гой) замѣтилъ: «Надѣюсь, что ваша звѣзда не съ волосами» (т. е. что стихотвореніе писано не къ женщинѣ): такъ ревниво охраняли насъ тогда даже отъ свѣжаго юношескаго чувства, которое придаетъ такую прелесть воспоминанію молодыхъ лѣтъ. Тогда же Ешевскій познакомилъ меня съ ихъ новымъ учителемъ словесности. Этотъ учитель былъ человѣкъ безспорно даровитый, и намъ послѣ стараго преподаванія словесности казался чѣмъ-то особеннымъ. Какъ учитель, онъ былъ хорошъ тѣмъ, что требовалъ тщательной обработки слога и изученія образцовыхъ писателей; въ его воззрѣніяхъ на литературу было много своеобразнаго, но далеко не всегда правильнаго; къ тому же, кромѣ знанія словесности русской и отчасти французской, онъ не обладалъ никакими знаніями; даже Байрона, которому онъ покланялся, можетъ быть, иногда и чрезмѣрно, онъ зналъ по французскому переводу. Ешевскій имѣлъ съ нимъ впослѣдствіи столкновеніе, которое показываетъ, какъ рано развились въ немъ требованія, гораздо болѣе серіозныя, чѣмъ требованія самаго учителя: онъ писалъ сочиненіе о «Фритіофѣ» и занялся отыскиваніемъ въ доступныхъ ему книгахъ свѣдѣній о Норманахъ и ихъ жизни, а учитель желалъ опредѣленія отношеній Тегнеровой поэмы къ теоріи и гладкаго изложенія. Ешевскій кипулъ тетрадь, учитель разсердился; едва уладили дѣло.

Въ 1845 г. Ешевскій перешелъ въ VII классъ; а я, оставивъ институтъ, былъ переведенъ отцомъ въ гимназію. Здѣсь мы были почти неразлучны: вмѣстѣ ходили по корридору гимназіи; сходились по вечерамъ то у него, то у меня, то въ знакомыхъ семействахъ и преимущественно въ одномъ, гдѣ радушно принимали гимназистовъ потому, что дѣти были тоже въ гимназіи. Много мы толковали въ это время и много спорили; я былъ въ обаяніи отъ Бѣлинскаго и отъ Григорьева (странное сопоставленіе, возможное только въ молодые года) и бредилъ Жоржъ Зандомъ. Ешевскій мало вѣрилъ первому, никогда не читалъ втораго; впрочемъ начиналъ сдаваться третьей; въ университетскіе годы онъ много

читалъ ея романовъ и горячо заступался за нихъ. Его занятія были серіознѣе моихъ: я весь предался чтенію литературному почти исключительно, перечитывалъ старыхъ и новыхъ русскихъ писателей, читалъ Жоржъ Занда, Гюго, Гете; онъ же предпочиталъ чтеніе историческое: такъ я знаю, что въ эту пору онъ прочелъ Баранта: «Histoire des ducs de Bourgogne» и готовилъ къ акту свое сочиненіе: «О пребываніи Петра Великаго въ Нижнемъ», которое сначала прочитано было на литературной бесѣдѣ, потомъ на актѣ и наконецъ напечатано въ «Нижегородскихъ Вѣдомостяхъ». Сочиненіе это, написанное подъ руководствомъ П. И. Мельникова, показало направленіе молодаго автора: простота изложенія посреди господствовавшей въ гимназіяхъ и даже въ литературѣ—дѣло было въ 40-хъ годахъ—витіеватости, добросовѣстное пользованіе всѣмъ, что было указано, ясно говорили, что авторъ не остановится на полпути. Литературныя бесѣды, на одной изъ которыхъ было прочитано это сочиненіе, введены были переведеннымъ незадолго передъ тѣмъ въ С.-Петербургъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусинымъ-Пушкинымъ. Каждый мѣсяцъ назначалась такая бесѣда, и для нея одинъ изъ учениковъ VI и VII классовъ долженъ былъ приготовить сочиненіе; сочиненіе это читалось въ присутствіи другихъ учениковъ и всего гимназическаго начальства; кто изъ учениковъ хотѣлъ, тотъ могъ возражать; завязывался споръ. Этотъ диспутъ, записанный учителемъ вмѣстѣ съ сочиненіемъ, посылался въ Казань на разсмотрѣніе профессора словесности; отчеты профессора о достоинствахъ присылаемыхъ отовсюду сочиненій печатались въ Начальственныхъ распоряженіяхъ» (тогдашній журналъ округа). Съ трепетомъ ждалъ каждый изъ насъ, что-то скажетъ К. К. Фойхтъ объ его сочиненіи. При такомъ порядкѣ бесѣды эти—что ясно само собою—должны были имѣть въ себѣ много театральнаго, подготовленнаго; дѣйствительно, для нѣкоторыхъ учениковъ возраженія приготовлялъ учитель; сказанное негладко выглаживалось въ письменномъ изложе-

ніи: бывало, послѣ бесѣды приготовляешь сочиненіе для отсылки въ Казань и сочиняешь на досугѣ отвѣты на возраженія, иногда даже послѣ придуманныя учителемъ; все это потомъ еще чиститъ и выглаживаетъ учитель. Въ 1846 г. наше начальство, желая доказать, что гимназія не пала послѣ отдѣленія института, на что намекали въ актовой рѣчи этого послѣдняго заведенія, затѣяло пригласить на бесѣду губернскаго предводителя и губернатора. Сочиненіе было мое: «Борисъ Петровичъ Шереметевъ». Сочиненіе понравилось, и тогда сдѣлали второй опытъ. Ешевскій читалъ свое сочиненіе: «О мѣстничествѣ». Эти-то бесѣды описалъ П. И. Мельниковъ въ «Нижегородскихъ Вѣдомостяхъ», которыя онъ тогда редактировалъ. Описаніе это перепечатано въ «Москвитянинѣ» 1846 г., а потомъ А. С. Гацискимъ въ «Ниж. Вѣд.» 1865 г. (№ 23, статья: «Воспоминаніе о С. В. Ешевскомъ»). Это описаніе не совсѣмъ безпристрастно уже и потому, что авторъ статьи былъ главнымъ руководителемъ бесѣды, такъ какъ темы были историческія; тѣмъ не менѣе дѣло передается довольно близко къ правдѣ. Дѣйствительно, мы серіозно готовились къ своимъ сочиненіямъ; прочитывали всѣ доступные намъ источники; готовились оба, какъ авторъ сочиненія, такъ и опонентъ, и скрывали другъ отъ друга возраженія, что впрочемъ не мѣшало всей остальной обстановкѣ быть подготовленною. При такой подготовкѣ понятно, что сочинитель могъ отвѣчать и на стороннія возраженія. Помню я, на бесѣдѣ Ешевскаго одинъ изъ присутствовавшихъ (теперь уже покойный П. П. Григорьевъ) сдѣлалъ возраженіе, на которое Ешевскій могъ отвѣчать цитатою изъ «Полнаго Собранія Законовъ». Готовился онъ для своего сочиненія много: прочелъ два тома мѣстническихъ дѣлъ, изданныхъ П. И. Ивановымъ (въ «Русскомъ Сборникѣ» Московскаго историческаго общества), пересмотрѣлъ въ «Полномъ собраніи законовъ» акты царствованія Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича, Акты Археогр. Экспедиціи и т. п. «Симбирскаго Сборника» тогда еще, кажется, не выходило, или по крайней мѣрѣ не

было въ Нижнемъ. Ешевскій писалъ мнѣ изъ Казани, что онъ тамъ прочелъ эту книгу. Въ этомъ же году Ешевскій и я впервые попробовали преподавательской дѣятельности: П. И. Мельниковъ получилъ на мѣсяцъ отпускъ и въ продолженіе этого мѣсяца его уроки въ старшихъ классахъ были заняты учителями, а въ меньшихъ (III и IV) отданы мнѣ и Ешевскому; Ешевскій велъ свой классъ, сколько помню, и дѣльно и строго. Такъ проходила наша гимназическая жизнь. Ешевскій много читалъ; но онъ не зарывался въ книги; по своему веселому, подвижному характеру, онъ и не могъ этого сдѣлать; у него иногда прорывались чисто дѣтскіе порывы шалости, которые придавали ему много привлекательности. Онъ былъ молодъ въ полномъ смыслѣ слова и не корчилъ изъ себя солиднаго человѣка: любилъ потанцовать, поболтать, а иногда и пошалить, но какъ шалятъ дѣти. Зато знаніями своими онъ стоялъ, думаю, далеко выше уровня даже лучшихъ гимназистовъ и теперешняго времени. Выходя изъ гимназіи, онъ былъ хорошо знакомъ съ русскою литературой, читалъ кое-что по французски;—по нѣмецки онъ выучился уже послѣ университета; еще на III-мъ курсѣ онъ говорилъ мнѣ: «Начну читать, а передо мной встаетъ Андрей Андреевичъ, ну и кинешь книгу». Андрей Андреевичъ Г., теперь покойный, былъ нашъ нѣмецкій учитель, который во всѣхъ оставилъ такое же благодарное воспоминаніе;—читалъ много историческихъ книгъ и порядочно зналъ по латыни. Твердая и вѣрная память, быстрота и живость соображенія отличали его уже и тогда. Когда онъ писалъ, онъ не выдѣлывалъ своихъ фразъ, оттого я, шутя, называлъ слогъ его лапидарнымъ; но тѣмъ не менѣе его изложеніе всегда было дѣльно и толково. Оглядываясь назадъ на это давноминувшее время, конечно можно быть недовольнымъ многимъ въ нашемъ первоначальномъ образованіи; можно сказать, что въ занятіяхъ нашихъ не было методы, что, узнавая много, мы узнавали какъ-то случайно и безсвязно: мы были всѣ — какъ часто любилъ говорить Ешевскій—самоучки. Тѣмъ не менѣе мы

многое знали, хотя отъ случайности пріобрѣтенія между нужнымъ много было и ненужнаго; а, главное, мы получили любовь къ знанію, стремленіе къ труду и уваженіе къ наукѣ; прониклись тѣмъ въ началѣ смутнымъ благоговѣніемъ къ ея высшему вмѣстилищу, университету, которое сопровождало насъ во всю жизнь. Думаю, что этимъ благомъ съ избыткомъ выкупается безпорядочность нашего образованія, бывшая естественнымъ слѣдствіемъ того состоянія науки и общества, при которомъ совершалось наше развитіе. За эти блага можно поблагодарить руководителей нашей молодости и литературу, которая насъ воспитала.

Въ іюнѣ 1846 г. Ешевскій кончилъ гимназическій курсъ. Ему хотѣлось ѣхать въ Москву; но воля отца, кажется, не безъ вліянія бывшаго тогда въ Нижнемъ профессора Н. А. Иванова, побудила его ѣхать въ Казань. Казанскій университетъ переживалъ въ то время лучшую пору своего существованія: въ I отдѣленіи философскаго факультета (по нынѣшнему историко-филологическій факультетъ) и въ факультетѣ юридическомъ было нѣсколько хорошихъ профессоровъ: но выше всѣхъ ихъ стоялъ Н. А. Ивановъ. Недавняя могила приняла въ себя этого замѣчательнаго человѣка, и я не могу удержаться, чтобы не сказать о немъ нѣсколькихъ словъ. Обширный и многосторонній умъ, громадная память и необыкновенный даръ слова отличали его, какъ профессора. Онъ мало сдѣлалъ для науки; но въ этомъ виновата была преимущественно та обстановка, которую онъ нашелъ въ Казани: буйные, дикіе нравы господствовали въ студенчествѣ этого полувосточнаго города; и почти то же можно сказать и о нравахъ профессоровъ, а отчасти и всего общества казанскаго той эпохи, когда Ивановъ началъ свою дѣятельность. Но этого мало: университетъ былъ бѣденъ профессорами. Иванову пришлось занять нѣсколько каѳедръ: онъ читалъ въ одно время русскую исторію и древности (едвали это не единственный профессоръ, за исключеніемъ харьковскаго Успенскаго, который читалъ русскія древности), всеобщую исторію, да еще

съ особымъ курсомъ для юристовъ, и исторію философіи. Во всѣхъ этихъ предметахъ Ивановъ старался приносить съ собою самостоятельное знаніе, и оттого ему не доставало времени выработать что-нибудь до той степени, чтобы выработанное могло быть напечатано. Печатно Ивановъ извѣстенъ мало, отчасти и оттого, что лучшее его сочиненіе, «Россія», появилось подъ чужимъ именемъ, да еще подъ именемъ, не пользовавшимся въ литературѣ почетною извѣстностію. Тѣмъ не менѣе, по замыслу, да частію и по исполненію, это книга замѣчательная. Молодой человѣкъ, только что кончившій курсъ въ Казани, гдѣ исторію слушалъ у Булыгина, большаго чудака, отчасти скептика, человѣка, судя по нѣкоторымъ его статьямъ и по разсказамъ, весьма не глупаго, но мало образованнаго и мало даровитаго; этотъ-то молодой человѣкъ, побывъ немного въ Дерптѣ, почитавъ кое-что, задумалъ перестроить русскую исторію: онъ первый поставилъ ее въ среду исторій другихъ славянскихъ народовъ и связалъ съ общею исторіей Европы. Къ сожалѣнію, книга оканчивается на смерти Ярослава Владиміровича. Но самый планъ долженъ когда-нибудь пробудить даровитаго человѣка, заставить его поработать и осуществить то, что бродило въ головѣ молодаго дерптскаго студента и что онъ покусился осуществить со всею дерзостію молодости, не подозрѣвающей ни обширности предмета, ни слабости еще неопытныхъ силъ. Эта книга, встрѣченная привѣтомъ Шафарика, была погребена для русской публики громовою рецензіей О. М. Бодянскаго въ «Москов. Наблюдателѣ». Въ послѣдствіи въ одномъ изъ примѣчаній въ своей докторской диссертаціи О. М. воздалъ должное этой книгѣ; но было уже поздно: его рѣзкую статью въ журналѣ прочли всѣ, а диссертацію читали весьма немногіе. Отъ того-ли или отъ другаго все равно, но этотъ замѣчательно-даровитый человѣкъ не оставилъ по себѣ замѣтнаго слѣда. Позднѣйшія поколѣнія строго осудили Иванова: отголосокъ этихъ сужденій можно видѣть въ «Воспоминаніяхъ о С. В. Ешевскомъ» А. С. Гацискаго. Дѣйствительно, Ива-

новъ послѣднихъ годовъ не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть. Грустное чувство пробуждается невольно, когда подумаешь о томъ, что разныя обстоятельства, вольныя и невольныя вины отнимали у русской мысли и русской науки не менѣе дѣятелей, чѣмъ и самая смерть. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, Ивановъ былъ въ полной славѣ.

Ешевскій, пріѣхавъ въ Казань и выдержавъ съ честію вступительный экзаменъ, отъ котораго ученики нашей гимназіи не были избавлены и въ Казани, сдѣлался студентомъ 1-го курса 1-го отдѣленія философскаго факультета и слушалъ между прочимъ и профессора Иванова, читавшаго всѣмъ курсамъ всеобщую исторію. По недостатку времени Ивановъ принялъ такую систему: онъ собралъ всѣ четыре курса въ одну аудиторію и читалъ имъ то пропедевтику исторіи (обозрѣніе литературы исторической и вспомогательныхъ наукъ), то древнюю, то среднюю, то новую исторію. Такимъ образомъ каждый студентъ выслушивалъ полный курсъ исторіи, хотя и не всегда въ систематическомъ порядкѣ. Когда Ешевскій былъ на первомъ курсѣ, Ивановъ читалъ пропедевтику. Въ предшествующій разъ онъ читалъ пропедевтику блистательно; въ живыхъ очеркахъ характеризуя тотъ или другой родъ источниковъ, ту или другую вспомогательную науку, онъ приводилъ въ восторгъ слушателей. Студенты старшихъ курсовъ передавали Ешевскому (это я слышалъ отъ него самого) о той лекціи, которую Ивановъ посвятилъ пѣснямъ [1]) и которую заключилъ словами Шиллера: «Der böse Mensch kann keine Lieder haben». Къ сожалѣнію, на этотъ разъ пропедевтика имѣла совсѣмъ другой характеръ. Ивановъ вздумалъ прочесть каталогъ историческихъ сочиненій. Ешевскій нѣсколько разъ въ своихъ письмахъ возвращается къ этимъ лекціямъ: «вообрази, что въ одной его лекціи было 260 собственныхъ именъ. Суди же какова память»—писалъ онъ мнѣ въ первое

---

[1]) Одинъ изъ слушателей того курса, о которомъ говорится здѣсь, сообщилъ мнѣ, что Лекція была о Гердерѣ. Прим. 1882 г.

полугодіе. «Пропедевтика быстро идетъ къ совершенству—писалъ онъ передъ переходнымъ экзаменомъ;—теперь ея 78 лекцій, и если положить круглымъ числомъ по 5 собственныхъ именъ на каждую лекцію (впрочемъ, это minimum), то можешь представить, какой громадный итогъ проклятыхъ именъ, которыми надо набить голову къ наступающему торжеству экзаменовъ. Vanitas vanitatum et omnia vanitas». Не довольствуясь собственными именами и названіями сочиненій, Ивановъ вносилъ еще иногда и оглавленія сочиненій; такъ, напримѣръ, знаменитыя сочиненія Воссія, De scriptoribus graecis и De scriptoribus latinis, удостоены были этой чести; а такъ какъ ихъ оглавленія состоятъ тоже изъ именъ писателей, то запасъ именъ еще умножился. Прибавлю, впрочемъ, что были и характеристики: я помню превосходную лекцію о Гиббонѣ, которую читалъ въ тетрадяхъ Ешевскаго. Все эту мудрость надо было прочитывать не только къ экзамену, но еще къ репетиціи, которая бывала послѣ Рождества. Ешевскій съ честію сдалъ репетицію. Возвратясь изъ Нижняго послѣ святокъ, онъ писалъ мнѣ: «Пріѣхалъ въ Казань; комната пуста: все вынесено точно послѣ нашествія непріятельскаго. Первый день былъ посвященъ приведенію въ порядокъ комнаты и отчасти головы, впрочемъ преимущественно первой. На другой день Нижній изъ головы вонъ, лекціи въ руки; двѣ ночи напролетъ не спалъ. За этотъ безпримѣрный подвигъ на репетиціи Ивановъ сказалъ sic (въ юношескихъ письмахъ Ешевскій часто вставлялъ не только слова, но и фразы по латыни): «весьма благодаренъ, г. Ешевскій», и поставилъ 5+, одному изъ всего факультета. Сицевую викторію я отпраздновалъ, пройдя галопомъ отъ университета до дома». Послѣднія слова вовсе не фраза: Ешевскій въ ту пору готовъ былъ дѣйствительно пробѣжать галопомъ; ходилъ же онъ цѣлую ночь по Казани, отыскивая будочника, который заснулъ, чтобы забросить его аллебарду на будку съ цѣлію привести въ затрудненіе этого стража «съ сѣкирою, въ бронѣ сермяжной»; выворачивалъ же онъ другою ночью

маленькія деревца на Черномъ Озерѣ (казанское гулянье) вверхъ кореньями;—такія шалости были совершенно въ его духѣ. Шутка, мистификація чрезвычайно нравились ему въ тѣ далекіе годы. Впрочемъ, неистощимый запасъ веселости и юмора, къ сожалѣнію омраченный болѣзненностью, сохранилъ онъ и въ послѣдніе страдальческіе дни свои. Ивановъ благоволилъ къ Ешевскому съ самаго его пріѣзда: даже первое время онъ, пока Ивановъ не пріѣзжалъ, останавливался на его квартирѣ и здѣсь прочелъ большую рѣдкость, докторскую диссертацію Иванова: De Cultus popularis in Russia Ortu et progressu. Послѣ удачной репетиціи благоволеніе усилилось, и Ивановъ указалъ ему для дополненія къ тому, что онъ уже читалъ о происхожденіи Варяговъ, на сочиненія Байера и Memoriae Populorum. Самъ Ешевскій въ то время приходилъ въ восторгъ отъ славянской теоріи Венелина и, когда былъ въ Нижнемъ, давалъ мнѣ читать «Скандинавоманію». На лѣтней вакаціи онъ предполагалъ заняться сводомъ мнѣній о Варягахъ и писалъ мнѣ: «Мнѣ хочется сначала собрать всѣ извѣстія восточныхъ, византійскихъ и западныхъ писателей о Варягахъ, а потомъ представить всѣ мнѣнія о нихъ, расположивъ эти мнѣнія по сектамъ». Мысль эта впрочемъ не была осуществлена, быть можетъ, по той причинѣ, о которой говоритъ онъ въ концѣ письма: «Ради Аллаха, не говори объ этомъ Павлу Ивановичу (Мельникову), а то я предчувствую, что онъ скажетъ, что прежде, нежели браться за такое предпріятіе, надо лучше моего знать исторію». Для насъ это не выполненное предпріятіе важно потому, что показываетъ, какъ добросовѣстно хотѣлъ все знать Ешевскій еще въ такой ранней молодости—тогда ему было только 18 лѣтъ. Другимъ занятіемъ Ешевскаго въ Казани была нумизматика: онъ вывезъ оттуда небольшое собраніе монетъ и нѣсколько старинныхъ французскихъ книгъ объ этомъ предметѣ. Это было началомъ его археологическихъ занятій, получившихъ въ послѣдствіи такое видное мѣсто въ ряду его трудовъ. У Ешевскаго страсть къ собиранію предметовъ древности была

не только результатомъ пониманія ихъ важности, но и просто страстію антикварія: онъ любовался каждымъ предметомъ, который пріобрѣталъ. Отличительною чертой его было то, что никогда и ничего онъ не дѣлалъ хладнокровно, только для отбыванія обязанности; но во все вносилъ страстность своей природы, клалъ часть своей души; оттого, быть можетъ, онъ и сгорѣлъ такъ рано... Изъ другихъ профессоровъ перваго курса могъ бы принести пользу Ешевскому Тхоржевскій, учившій по гречески (въ Казань поступали совершенно не знавшіе этого языка, ибо изъ гимназій округа преподаваніе его было введено только въ одну, 1-ю казанскую); но, къ сожалѣнію, онъ учился у Тхоржерскаго только годъ, да и то по болѣзни не всегда бывалъ на лекціи. «Къ несчастію— писалъ мнѣ Ешевскій—я не слыхалъ его объясненія глаголовъ и вызубрилъ τύπτω наизусть». Ни Н. М. Благовѣщенскаго, ни В. И. Григоровича, читавшихъ на старшихъ курсахъ, не слушалъ Ешевскій и, разумѣется, не слушалъ юристовъ, между которыми блисталъ тогда Д. И. Мейеръ.

Лѣтнюю вакацію Ешевскій провелъ въ Нижнемъ, гдѣ былъ тогда Ивановъ, ревизовавшій нашу гимназію, и эллинистъ Фатеръ. Ивановъ, узнавъ о томъ, что Ешевскій собирается перейти въ Москву, началъ уговаривать его остаться въ Казани, выставляя на видъ то, что по выходѣ онъ можетъ остаться при университетѣ, и что онъ, Ивановъ, надѣется имѣть его своимъ адъюнктомъ. Ешевскій не поддался однако этимъ убѣжденіямъ и твердо рѣшился ѣхать въ Москву. Фатеръ, говорившій только по нѣмецки и по латыни, скучалъ въ Нижнемъ; Ивановъ познакомилъ съ нимъ Ешевскаго, который сопровождалъ его въ прогулкахъ и, не зная по нѣмецки, долженъ былъ говорить по латыни, что и было для него самаго чрезвычайно полезно.

Въ іюлѣ я уѣхалъ въ Москву; Ешевскій пріѣхалъ вскорѣ послѣ меня. Когда кончились мои вступительные экзамены, а лекціи еще не начинались, мы съ Ешевскимъ собрались къ Троицѣ; наняли телегу въ одну лошадь и двое сутокъ тащи-

лись до Троицы; здѣсь пробыли день. Поклонились святынѣ и въ ризницѣ лавры впервые познакомились съ памятниками церковной древности. Назадъ ѣхали также двое сутокъ, ѣхали, разумѣется, шагомъ и часто шли пѣшкомъ. Всю эту дорогу Ешевскій былъ необыкновенно веселъ: длинная перспектива будущаго развивалась передъ нами радужная и заманчивая; сколько смѣху, шутокъ, остротъ! Всѣ дорожныя неудобства только усиливали нашу веселость: помню, что разъ пришлось намъ спать поочередно на узкой лавочкѣ; и какъ мы были довольны этимъ обстоятельствомъ! Такъ молоды мы были, такъ намъ было весело! Въ Москвѣ мы шатались по Кремлю, смотрѣли, что было доступно нашимъ средствамъ, и проводили въ прогулкахъ лѣтніе вечера. Москва и Кремль повѣяли на насъ своею старою историческою жизнью. Какое-то чувство восторга и благоговѣнія къ старинѣ пробивалось въ нашихъ разговорахъ. Съ юношескимъ негодованіемъ смотрѣли мы на перестройки старыхъ зданій и пристройки къ нимъ: намъ больно было видѣть, что новая жизнь коснулась исторической святыни. Я поселился у своихъ родныхъ на Прѣснѣ, Ешевскій у своей тетки въ Хамовникахъ. Мы видѣлись каждый день, иногда оставались ночевать другъ у друга; а иногда тотъ, у котораго другой былъ въ гостяхъ, шелъ провожать почти что всю дорогу и возвращался домой одинъ. О чемъ тутъ не было переговорено! Но главный вопросъ, который занималъ насъ, былъ: что-то скажетъ намъ университетъ, тогда гремѣвшій по всей Россіи? Съ нѣкоторыми изъ профессоровъ мы были знакомы по сочиненіямъ: оба мы прочли «Волинъ, Іомбургъ и Винету» Грановскаго (еще изъ Казани Ешевскій писалъ мнѣ съ восторгомъ объ этой статьѣ), С. М. Соловьева «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великому князю» и тогдашнюю новинку, на которую мы съ жадностію кинулись по пріѣздѣ въ Москву, «Исторію родовыхъ отношеній между князьями Рюрикова дома». Помню, какъ по дорогѣ, во Владимірѣ, попался мнѣ листокъ газеты съ извѣстіемъ о диспутѣ Соловьева и съ краткимъ изложеніемъ книги: но-

вый міръ, казалось, откроется передо мною, когда прочту книгу. Въ Москвѣ я прочелъ полемику между Соловьевымъ и Погодинымъ; немедленно сталъ на сторонѣ Соловьева и тогда же досталъ себѣ его лекціи. Слѣдя за журналами, мы читали и статьи профессоровъ: оба мы чуть не наизусть знали статью К. Д. Кавелина: «Юридическій бытъ древней Россіи», которою открывался «Современникъ» 1847. Ешевскаго познакомилъ съ нею профессоръ Казанской духовной академіи Морошкинъ, котораго онъ очень полюбилъ въ Казани и о которомъ съ жаромъ говорилъ мнѣ въ это первое время. С. П. Шевырева и Ѳ. И. Буслаева мы тоже знали: перваго и по журнальнымъ статьямъ, и по «Теоріи поэзіи», съ которою я былъ близко знакомъ, и по только что появившейся «Исторіи русской словесности», а послѣдняго по его книгѣ «О преподаваніи отечественнаго языка», которая для меня тогда была мало понятна. М. Н. Каткова оба мы знали, какъ переводчика «Ромео и Юліи» и автора нѣсколькихъ журнальныхъ статей, изъ которыхъ съ особымъ наслажденіемъ читалась статья о Саррѣ Толстой. «Элементы и формы» не дошли ни до Нижняго, ни до Казани, да едвали мы были въ состояніи тогда понять эту книгу, какъ слѣдуетъ. Все это были имена извѣстныя намъ; но рядомъ съ ними произносились два другія имени, какъ надежда будущаго: изъ-за границы пріѣхали П. Н. Кудрявцевъ и П. М. Леонтьевъ. Мы и не подозрѣвали тогда, что Кудрявцевъ былъ авторомъ тѣхъ изящно-грустныхъ и поэтически-задушевныхъ повѣстей, которыя подъ подписью А. Н. и А. Нестроевъ плѣняли насъ въ современныхъ журналахъ, мы не знали тогда, что граціозная статья «О Венерѣ Милосской» (въ Отеч. Зап., а послѣ въ Пропилеяхъ) принадлежала тому же перу.

Но вотъ лекціи открыты: мы выслушали щегольски-обточенную и тщательно приготовленную лекцію Шевырева, слышали лекціи новыхъ профессоровъ, присутствовали при открытіи филологической семинаріи, при чемъ Шевыревъ про-

изнесъ цицероновскою латынью привѣтственную рѣчь и закончилъ ее словами: floreant floreant apud nos studia philologica! Здѣсь позволю себѣ остановиться и сказать нѣсколько словъ о Московскомъ университетѣ въ ту эпоху, когда наша alma mater была общимъ чаяніемъ почти всего, что было мыслящаго въ Россіи, верховнымъ ареопагомъ въ дѣлѣ науки. Московскій университетъ, когда мы вступили въ него, блисталъ плеядою талантовъ въ разныхъ родахъ и разныхъ направленіяхъ: Соловьевъ и Шевыревъ, Катковъ и Рѣдкинъ, Грановскій и Крыловъ, Кавелинъ и Морошкинъ, Кудрявцевъ и Чивилевъ—что можетъ быть противоположнѣе по таланту и направленію, по складу ума и характера? Но надъ всѣмъ этимъ разнообразіемъ умовъ, характеровъ и даже направленій, подымалось одно общее свойство. Если въ Московскомъ университетѣ возникла распря, то причину надо было искать не въ томъ, что профессора добивались какихъ-нибудь матеріальныхъ выгодъ и ставили другъ другу западни, а въ разн[illegible]въ направленій: одинъ считалъ вреднымъ то, что другой признавалъ полезнымъ; тогда вся Россія это знала и вѣрила Московскому университету. Если одна тяжелая исторія разнеслась въ это время по лицу земли русской, то въ той же исторіи сказалось со стороны университета столько высоко-благороднаго, горячаго, молодаго чувства, что не Московскій университетъ обвинило на этотъ разъ русское мыслящее общество, узнавъ исторію; даже въ то время, когда сѣкира положена была у корня дерева, когда закрыты были нѣкоторыя каѳедры, а другія съужены и число студентовъ уменьшено до нормы 300 человѣкъ (кромѣ медиковъ), и тогда къ Московскому университету можно было вполнѣ отнести слова поэта:

Ты твердо свѣточъ свой держалъ.

Вотъ отчего такъ дорогъ намъ всѣмъ день 12-го января, день нашего общаго духовнаго рожденія: всѣ мы повиты и взлелѣяны духомъ этого высоко-нравственнаго времени въ

жизни Московскаго университета! Мнѣ скажутъ, можетъ быть: отчего Московскій университетъ выпустилъ мало людей ученыхъ, да и тѣмъ приходилось многому доучиваться собственными средствами и навсегда страдать недостаткомъ тѣхъ или другихъ знаній? Не стану спорить, зная все это горькимъ опытомъ не только на себѣ, но и на многихъ близкихъ людяхъ; но все-таки отвѣчу, что Московскій университетъ выпустилъ много просвѣщенныхъ людей и что между дѣятелями настоящаго времени, начиная отъ высшихъ ступеней и до самыхъ скромныхъ, немало воспитанниковъ этого университета, или учениковъ его бывшихъ воспитанниковъ, или по крайней мѣрѣ людей въ юности читавшихъ и перечитывавшихъ то, что писано его членами. Едва-ли много найдется людей нашего поколѣнія, которые были бы свободны отъ прямаго или косвеннаго вліянія Московскаго университета. На Московскій университетъ нашего времени есть и еще одно обвиненіе: въ немъ, говорятъ, преобладало западное направленіе, онъ не былъ чисто-русскимъ. Въ этомъ обвиненіи есть своя доля правды: дѣйствительно, въ университетѣ даровитыхъ представителей европейскаго направленія было больше, чѣмъ славянофиловъ; дѣйствительно, сочувствіе было болѣе на ихъ сторонѣ уже и потому, что самымъ своимъ существованіемъ они представляли протестъ несочувственному для многихъ настроенію, господствовавшему тогда въ официіальныхъ сферахъ. Нельзя не видѣть въ этомъ слабой стороны тогдашняго общества, а не одного университета; но нельзя однако не признать, что, западный или русскій, этотъ университетъ того времени принесъ значительную пользу, воспитывая нравственно цѣлое поколѣніе. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что нѣкоторые изъ видныхъ представителей славянофильства вышли изъ того же университета, и что многіе обратились къ этому ученію въ послѣдствіи; но и тѣ и другіе не помянутъ, мы убѣждены въ томъ, лихомъ своихъ студентскихъ лѣтъ.

Перейдемъ теперь къ преподаванію исторіи, которое ближе интересуетъ насъ по отношенію къ Ешевскому. Четыре про-

фессора преподавали исторію въ то время, когда мы пріѣхали въ Москву: Грановскій, Кудрявцевъ, Соловьевъ и Кавелинъ. Съ изящною личностію Грановскаго въ недавнее время поэтически-ярко познакомилъ публику А. В. Станкевичъ. Сочиненіе это, имѣющее всю прелесть современныхъ записокъ, живо переноситъ читателя въ ту эпоху, въ кабинетъ Грановскаго и въ кружокъ людей, связанныхъ съ нимъ тѣсною дружбой. Но для пониманія Грановскаго въ университетѣ, для оцѣнки его вліянія на студентовъ книга г. Станкевича даетъ гораздо менѣе, чѣмъ для оцѣнки его личности. Быть можетъ, не оттого ли произошла неясность въ этомъ отношеніи, что въ превосходной книгѣ г. Станкевича между лицами, окружавшими Грановскаго, слишкомъ мало мѣста дано П. Н. Кудрявцеву? Эти два лица дополняютъ другъ друга; ихъ единодушіе, взаимное уваженіе и вѣрное пониманіе другъ друга должны бы служить благотворнымъ примѣромъ и новому поколѣнію профессоровъ: «Грановскій даровитѣе меня», вполнѣ искренно говорилъ Кудрявцевъ. «Кудрявцевъ ученѣе меня», говорилъ Грановскій. Такая оцѣнка совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительности: точно, Грановскій былъ даровитѣе, точно, Кудрявцевъ былъ ученѣе. Различіе характеровъ соотвѣтствовало различію талантовъ: открытый, веселый характеръ Грановскаго такъ же мало похожъ былъ на задумчивый, сосредоточенный характеръ Кудрявцева, какъ ясное, образное, антично-изящное изложеніе Грановскаго, поражающее умѣніемъ при сжатости сказать все, что нужно для полноты образа, и ничего не оставляющее въ туманѣ, непохоже было на обширное, полное самыхъ дробныхъ психологическихъ соображеній изложеніе Кудрявцева. Если на лекціяхъ Грановскаго увлекалъ насъ быстрый, художественный очеркъ цѣлыхъ эпохъ и народовъ, то у Кудрявцева мы слѣдили внимательно за тонкимъ разборомъ характеровъ. Торжествомъ его были лекціи о блаженномъ Августинѣ и Лютерѣ; помню, что очерку внутренняго развитія Лютера посвящено было пять лекцій. Передъ нами во всей полнотѣ прошла борьба, совер-

шавшаяся въ душѣ этихъ двухъ великихъ личностей и завершившаяся для одного переходомъ въ христіанство, для другаго отторженіемъ отъ Рима. Переходя къ изображенію внѣшнихъ дѣйствій и отношеній къ явленіямъ, совершающимся въ человѣческомъ обществѣ, а не въ душѣ человѣка, Кудрявцевъ уже не былъ такъ счастливъ, хотя и съ этой стороны можно указать превосходныя страницы въ «Судьбахъ Италіи», гдѣ опять-таки лучше всего выходитъ характеристика папы Григорія Великаго. Типическимъ выраженіемъ особенностей таланта Кудрявцева можетъ служить его книга: «Римскія женщины по Тациту» и въ особенности разборъ «Эдипа царя». Эта статья, небольшая по объему, невольно останавливаетъ вниманіе стройнымъ раскрытіемъ психологическихъ мотивовъ, лежащихъ въ глубинѣ Софокловой драмы. Я думаю, что нигдѣ съ такою яркостью не вышли всѣ достоинства, и, можетъ быть, недостатки Кудрявцева: любя вдумываться во всѣ оттѣнки, онъ слишкомъ долго останавливалъ читателя на разъясненіи этихъ оттѣнковъ. Эта особенность придавала его изложенію значительную долю неопредѣленности; съ другой стороны, мѣсто первоначальнаго образованія сообщило ему нѣкоторую долю реторики, отъ которой онъ не могъ до конца вполнѣ освободиться; онъ даже говорилъ довольно цвѣтисто, чего никогда не замѣчали въ Грановскомъ.

Въ продолженіи нашего университетскаго курса Грановскій постоянно читалъ древнюю исторію, а среднюю и новую они читали поочередно. Въ чтеніи ихъ была замѣтна большая разница: курсъ Грановскаго (среднюю исторію мнѣ удалось слушать и у того, и у другаго) былъ всегда законченнымъ, ровнымъ во всѣхъ частяхъ; у Кудрявцева были любимыя лица и любимыя эпохи, на которыхъ онъ останавливался съ большею подробностію и внося свое сочувствіе; иногда при такомъ изложеніи слишкомъ односторонне представлялись историческія лица, они какъ-то обращались въ представителей идеи. Такъ, слѣдя за борьбой, совершавшеюся въ душѣ Лютера-монаха, профессоръ совершенно

оставилъ въ сторонѣ веселаго, женатаго Лютера-реформатора и, насколько помню, недостаточно ясно указалъ на причины, почему лютеранство получило характеръ религіи образованнаго меньшинства. Съ понятнымъ неодобреніемъ представляя иконоборческія и анабаптистскія движенія въ Германіи XVI в., профессоръ не объяснилъ ихъ появленія. Вообще за очерками лицъ и развитіемъ мысли терялись у него политическія и общественныя отношенія; знакомя насъ съ характерами гуманистовъ и мистиковъ, съ подробностями ученія послѣднихъ, съ упадкомъ римской куріи подъ вліяніемъ гуманизма, съ ея вопіющими злоупотребленіями, Кудрявцевъ не указывалъ ни устройства священной Римской имперіи, ни взаимнаго отношенія сословій. Словомъ, реформація представлялась исключительно религіознымъ и умственнымъ переворотомъ, а не общественнымъ явленіемъ, являлась торжествомъ просвѣщенія надъ невѣжествомъ. Можетъ быть, такая культурная точка зрѣнія объясняется отчасти и обстоятельствами того времени; позднѣе Кудрявцевъ обратилъ свою мыслъ и на политическую сторону исторіи: всѣмъ извѣстно, что одно время онъ велъ политическое обозрѣніе въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Но во всякомъ случаѣ стихія умственнаго движенія постоянно была у него преобладающею. Европейская цивилизація неизмѣнно казалась ему верхомъ развитія. Отсюда происходятъ и его непониманіе русской исторіи, и противодѣйствіе славянофильской партіи и, наконецъ, нерасположеніе къ комедіи Островскаго, такъ ярко высказавшееся въ его статьяхъ въ «От. Зап.». На русскую жизнь отъ смотрѣлъ съ отрицательной стороны, видѣлъ въ ея особенности одну только дикость. «Изученіе русской исторіи совращаетъ людей съ прямаго пути», сказалъ онъ разъ мнѣ лично въ одномъ памятномъ для меня разговорѣ. Любя Россію отвлеченно, желая ей добра по своему, непоколебимо благодушный, Кудрявцевъ, романтикъ и мистикъ по натурѣ, относился даже съ нѣкоторымъ, какъ бы несвойственнымъ ему, ожесточеніемъ ко всему, что не напоминало Европы. Знающіе его повѣсти

вспомнять, что главная ихъ тема — гибель симпатическаго лица въ удушающей, невѣжественной и грубой обстановкѣ. Такимъ образомъ, повѣсти его были отрицательнаго направленія, хотя отрицаніе ихъ выражалось въ иной формѣ, чѣмъ позднѣйшее отрицаніе; грубо грязныхъ картинъ не любилъ изящный Кудрявцевъ. По поводу одной повѣсти онъ сказалъ въ рецензіи: «когда публика наша лакомится такимъ неопрятнымъ блюдомъ, какъ Адамъ Адамовичъ», и т. д. Его повѣсти были грустными элегіями, нѣсколько однообразными вслѣдствіе постоянно мрачнаго колорита. Къ нимъ превосходно идетъ названіе одной изъ нихъ: «Безъ разсвѣта». Характеристично слѣдующее обстоятельство: въ Италіи, потерявъ жену, что было для него смертельнымъ ударомъ, Кудрявцевъ писалъ повѣсть. Въ этой поэтической формѣ выражались вообще его грустныя минуты. Грановскій былъ болѣе его русскимъ человѣкомъ: чуткая художественная природа подсказывала ему, что въ русской жизни есть свои особенности, что будущность русскаго народа велика, что русскій историкъ на многое долженъ взглянуть иначе, чѣмъ европейскій и что взглядъ его будетъ правильнѣе. Не Грановскій ли первый (не изъ славянофиловъ) высказалъ то мнѣніе, что намъ нужно перестроить исторію Византіи (это сказано въ его статьѣ о книгѣ Медовикова)? Въ послѣдніе годы онъ сталъ собирать книги по русской исторіи и читалъ все новое и кое-что старое: быть можетъ, многое перестроилось бы въ его воззрѣніяхъ, если бы онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ. Г. Станкевичъ указалъ уже, какъ онъ относился къ Крымской кампаніи; я, съ своей стороны, имѣлъ случай слышать отъ Грановскаго многое, что записано въ книгѣ г. Станкевича. Такимъ образомъ, эти два профессора взаимно дополняли другъ друга и сходились между собой въ томъ, что для обоихъ исторія имѣла воспитательный характеръ; оба въ своемъ изложеніи старались дѣйствовать преимущественно на нравственное чувство, и за это имена обоихъ будутъ навѣки памятны.

Далѣе мы будемъ имѣть случай разсказать, какъ Кудряв-

цевъ способствовалъ личнымъ занятіямъ студентовъ; а теперь замѣчу только, что, при доступности обоихъ, мы охотнѣе ходили къ Кудрявцеву и откровеннѣе говорили съ нимъ: добродушный, снисходительный, задумчивый Кудрявцевъ не такъ пугалъ, какъ остроумный, блестящій Грановскій, котораго остроты, при всей его мягкости, страшили робкихъ юношей. Я остановился оттого такъ долго на Кудрявцевѣ, что онъ былъ прямымъ, непосредственнымъ учителемъ Ешевскаго. Русскую исторію преподавалъ тогда только что начинавшій С. М. Соловьевъ, и рядомъ съ нимъ исторію русскаго права читалъ К. Д. Кавелинъ, въ изложеніи котораго исторія права обращалась въ исторію общественнаго быта съ преобладаніемъ юридическаго элемента: онъ даже начиналъ свою исторію (въ курсѣ 1847—48 г., послѣднемъ изъ читанныхъ въ Москвѣ) изложеніемъ общественнаго, юридическаго и религіознаго быта древнихъ Славянъ. Подъ вліяніемъ его чтеній, у многихъ молодыхъ людей сложилось убѣжденіе, что исторія права есть самая важная часть исторіи, что смѣна институтовъ и понятій юридическихъ вполнѣ выражаетъ собою все историческое движеніе. Впрочемъ, мнѣніе это тогда высказывалось и за университетскими стѣнами. Подъ вліяніемъ подобнаго мнѣнія, зашелъ я разъ (въ 1847 г.) къ М. П. Погодину и началъ развивать ему эту мысль. Выслушалъ меня М. П. и отвѣтилъ мнѣ одной фразой, вѣрность и глубину которой я понялъ только гораздо позднѣе: «А св. Сергія куда вы дѣнете съ вашимъ юридическимъ характеромъ?» Въ самомъ дѣлѣ, куда дѣть св. Сергія, т. е. всю нравственную, всю религіозную сторону общественнаго сознанія? Но тогда мы не поняли этого слова и увлекались одностороннимъ, но стройнымъ развитіемъ, которое представлялось намъ въ лекціяхъ г. Кавелина. До сихъ поръ еще свѣжо для меня то впечатлѣніе, которое я выносилъ изъ этихъ лекцій, полныхъ юношескаго пыла, свѣжихъ и яркихъ. Профессоръ былъ тогда почти также молодъ, какъ и его студенты, и оттого его воодушевленіе электрической искрой сообщалось студентамъ. Общій смыслъ всей

русской исторической жизни, еще до сихъ поръ запечатанный семью печатями, казался намъ уже постигнутымъ: мы вѣрили тому, что этотъ смыслъ, выраженный завѣтною смѣной трехъ началъ, родоваго, вотчиннаго и государственнаго, вполнѣ передавался намъ изящною рѣчью одного изъ самыхъ изящныхъ профессоровъ, котораго мнѣ случалось слышать. Ешевскій не былъ обязанъ слушать Кавелина, но иногда заходилъ въ его аудиторію и зачитывался его статьями. Обаяніе на всѣхъ было полное. Преподаваніе С. М. Соловьева, и тогда уже болѣе строгое и точное, менѣе сильно дѣйствовало на насъ, хотя мы оба акуратно посѣщали и тщательно записывали его лекціи. Преподаваніе это, приноровленное къ уровню большинства и чисто фактическое, давало мало новаго намъ, порядочно уже знакомымъ съ историческою литературой, а отчасти знавшимъ и источники. Только спеціальные курсы, читанные профессоромъ на IV курсѣ историко-филологическаго факультета, сообщили много новаго: такъ, въ одинъ годъ было прочитано время первыхъ Романовыхъ, въ другой Петръ, въ третій время послѣ Петра, кажется, до Екатерины. Это былъ послѣдній годъ Ешевскаго въ университетѣ.

Изъ предметовъ близко связанныхъ съ исторіей, Ешевскій выслушалъ два курса П. М. Леонтьева о греческой миѳологіи въ связи съ искусствомъ (впослѣдствіи Леонтьевъ читалъ другой курсъ, сравнительной миѳологіи) и о римскихъ древностяхъ, курсъ О. М. Бодянскаго, курсъ исторіи философіи М. Н. Каткова и два курса С. П. Шевырева исторіи всеобщей и русской литературы. Сколько я помню, изъ этихъ курсовъ особенное впечатлѣніе оставили курсъ римскихъ древностей и исторіи философіи. Римскія древности (преимущественно общественныя и государственныя) приносили, кромѣ богатства фактовъ и легкости систематическаго изложенія, одну чрезвычайно плодотворную мысль: онѣ наглядно представляли существенную важность такъ называемой внутренней исторіи, преимущественно экономической, на которую тогда у насъ обращали еще такъ мало вниманія. Думаю, что въ позднѣйшей дѣятель-

ности Ешевскаго это впечатлѣніе ранней молодости далеко не осталось безплоднымъ. Для меня, выслушавшаго уже курсъ римскаго права, было въ лекціяхъ Леонтьева чрезвычайно много новаго и свѣжаго именно потому, что онъ выдвинулъ на первый планъ экономическій вопросъ. Эти лекціи легли въ послѣдствіи въ основаніе рѣчи, произнесенной профессоромъ въ одномъ изъ торжественныхъ собраній Московскаго университета. Лекціи М. Н. Каткова имѣли въ ту эпоху особое обаяніе: онъ излагалъ намъ, стройно и изящно, Шеллингову систему миѳологіи; всѣ дивились необыкновенному умѣнію сжатыми и рѣзкими чертами наглядно передавать самыя отвлеченныя представленія; съ этой стороны особенно ярко помнится лекція, въ которой передано было ученіе Шеллинга о первой порѣ религіознаго сознанія, о поклоненіи богу ходячаго неба (Урану, Сварогу). Изъ этихъ лекцій вынесли мы сознаніе историческаго значенія религіознаго процесса, его вліянія на судьбу и развитіе человѣчества, его первостепенной важности исторической. Здѣсь преимущественно научились мы понимать, какъ стройно все связано въ поступательномъ движеніи; отъ системы можно отказаться, можно понимать такъ или иначе это движеніе; но отрицать его уже нельзя. Таковы были наши учители и таково было ученіе, которое мы выносили изъ нашихъ студенческихъ лѣтъ. Многое было отвлеченно въ ту эпоху, многое неприложимо къ жизни, многое не годилось для русскаго общества; но мысль привыкала къ работѣ, смотрѣла съ разныхъ сторонъ на одно и то же явленіе и вырабатывалось убѣжденіе въ томъ, что только разностороннее воззрѣніе можетъ привести къ истинѣ. Нельзя остановиться только на одной ступени развитія; но нельзя же не сказать, что та ступень, которую мы тогда переживали, была въ высшей степени плодотворна для насъ, и святыя впечатлѣнія молодости никогда не изгладятся изъ памяти.

Студенчество въ наше время не представляло той корпораціи, которая существовала раньше и которую стремились

но безплодно, возсоздать позднѣе. Ешевскій, пріѣхавшій изъ Казани, гдѣ въ то время студенты были тѣсно связаны между собою, гдѣ существовала между студентами взаимная помощь и студенчество составляло своего рода масонство, гдѣ были у студентовъ общія пѣсни, сборникъ которыхъ былъ и у Ешевскаго, не могъ надивиться разрозненности московскихъ студентовъ, главною причиною которой была, разумѣется, ихъ многочисленность, но на которую сильное вліяніе имѣли и обширность столицы и разобщеніе ея кружковъ. Въ наше время только студенты одного курса (и то не на всѣхъ факультетахъ: юристовъ перваго курса въ 1847—48 г. было 200 человѣкъ) сходились между собою. Первымъ звеномъ соединенія было обыкновенно добываніе лекцій къ экзамену: при множествѣ предметовъ каждый записывалъ только одинъ, много два, остальное доставалось; общихъ студентскихъ пирушекъ не бывало и повеселиться сходились люди только знакомые. Оттого скоро образовывались небольшіе кружки, которые иногда знакомились между собою частью на вечеринкахъ у случайныхъ товарищей по гимназіи, по родству и т. п., частію въ пріемные дни у нѣкоторыхъ профессоровъ. Студенты тогда были вообще двухъ родовъ: одни занимались, другіе кутили и рѣдко бывали на лекціяхъ, хотя между этими послѣдними были часто очень даровитые, на экзаменахъ опережавшіе другихъ. Мы оба были знакомы болѣе съ людьми перваго рода, и студенческія вечеринки были не часты между нами. Когда мы сходились, разговоръ принималъ болѣе или менѣе серіозный оборотъ: толковали о томъ, что кому случилось прочитать, спорили. Часто разговоръ переходилъ на тогдашнее волненіе умовъ, котораго, особенно въ качествѣ запретнаго плода, никто изъ насъ хорошенько не понималъ, и оттого многое дѣйствовало обаятельно, а спросить у старшихъ не всегда было возможно,—или получишь уклончивый отвѣтъ, или никакого не получишь. Впрочемъ, сколько я теперь помню, Ешевскій тогда мало интересовался современными вопросами.

Здѣсь однако я забѣжалъ впередъ, къ 1849 г., а когда мы начали нашу московскую жизнь былъ 1847 г. Самое начало 1848 г. только ошеломило насъ, и мы ровно ничего не понимали: въ эту эпоху мы даже газетъ не читали постоянно. Ешевскій тогда занимался преимущественно русскою исторіей: курсовымъ его сочиненіемъ для С. П. Шевырева было разсужденіе о заслугахъ Ломоносова въ русской исторіи. Гдѣ теперь это сочиненіе, не знаю; помню только, что въ немъ было обращено вниманіе на толкованіе разныхъ мѣстъ источниковъ историками до Ломоносова и послѣ него. Особенно много хлопотъ стоило Ешевскому знаменитое мѣсто Олегова договора: «ижена (иже на или и жена) убившаго» и пр. Я познакомился тогда съ М. П. Погодинымъ и познакомилъ съ нимъ Ешевскаго. Къ нему мы обратились за совѣтомъ, какъ начать занятія? «Читайте Шлецера», сказалъ Погодинъ, и вотъ мы принялись читать Шлецера; читали его мѣсяца три и, прочитавъ, говорили о прочитанномъ, запоминали, соображали съ тѣмъ, что уже знали. Тогда Ешевскій завелъ себѣ книгу, въ которой сталъ собирать тексты русскихъ и иностранныхъ лѣтописцевъ, касающіеся русской исторіи. Впрочемъ, дѣло остановилось, сколько помню, на Игорѣ. Въ томъ же 1847 г. Погодинъ указалъ намъ еще работу: его занималъ вопросъ о томъ, съ какого времени начинается разница въ спискахъ лѣтописей, и потому онъ считалъ нужнымъ сличить извѣстія первыхъ двадцати лѣтъ послѣ 1111 г., гдѣ стоитъ Селивестрова приписка. Это сличеніе взяли мы на себя; проработали много, но работа оказалась неудовлетворительною, потому, разумѣется, что самые пріемы для насъ были неясны: мы сдѣлали сводъ однородныхъ извѣстій по всѣмъ напечатаннымъ спискамъ, а надо было ярче обозначить разницу. Словомъ, дѣло остановилось на черновой работѣ.

Кромѣ занятій по русской исторіи, Ешевскій въ ту эпоху читалъ много латинскихъ поэтовъ, въ особенности Виргилія и Плавта, котораго тогда комментировалъ покойный Шеста-

ковъ. Ешевскій прочелъ въ зиму всего Плавта. По гречески онъ не занимался, не имѣя предварительной подготовки, да и требованія были велики: Гофманъ задалъ ему написать о сослагательномъ и желательномъ наклоненіи въ Одиссеѣ; Ешевскій написалъ это сочиненіе (по латыни) съ помощью синтаксиса самаго Гофмана и двухъ грамматикъ, при чемъ угодилъ профессору тѣмъ, что сохранилъ его мысль о субъективномъ значеніи одного изъ этихъ наклоненій и объективномъ другаго. Хорошій баллъ Гофмана былъ ему щитомъ отъ дурныхъ балловъ на старшихъ курсахъ: такъ онъ и не выучился по гречески, о чемъ сильно жалѣлъ. Въ срединѣ года мы поселились вмѣстѣ; я привезъ изъ деревни довольно большое (для студента) собраніе книгъ по русской исторіи и помню, что Ешевскій тогда принялся читать записки XVIII в. (Шаховскаго, Данилова, Грибовскаго, Манштейна), которыя нашлись въ этомъ собраніи. Всеобщей исторіей Ешевскій еще не думалъ заниматься тогда: Грановскій читалъ въ этомъ году только въ началѣ, а потомъ захворалъ и перестал ходить на лекціи; Кудрявцевъ въ началѣ какъ-то мало нравился, и я помню, что Ешевскій, только готовясь къ экзамену, почувствовалъ большое уваженіе къ его преподаванію и сталъ говорить о немъ иначе, чѣмъ въ началѣ курса, когда впрочемъ Кудрявцевъ отталкивалъ слишкомъ мелочно-подробнымъ изложеніемъ переселенія народовъ и совершеннымъ отклоненіемъ широкихъ картинъ, въ которыхъ Грановскій былъ художникомъ; въ преподаваніе Кудрявцева, какъ и въ лицо его, надо было всмотрѣться, чтобы оно начало нравиться. Перешедши на III курсъ, Ешевскій познакомился съ Кудрявцевымъ, который обратилъ на него вниманіе на переходномъ экзаменѣ, убѣдившись по отвѣтамъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, не только заучивающимъ лекціи, но и думающемъ объ ихъ содержаніи. Подъ вліяніемъ Кудрявцева, Ешевскій сталъ заниматься среднею исторіей и началъ ее съ эпохи Меровинговъ: блестящіе очерки Августина Тьерри указали ему главный источникъ Григорія Турскаго; Кудряв-

цевъ настаивалъ тоже на томъ, чтобы этотъ лѣтописецъ былъ изученъ. Томъ Букетовскаго собранія добытъ, и Ешевскій засѣлъ за чтеніе его; дѣлалъ выписки, составлялъ указатель предметовъ.

Работалъ онъ неутомимо: живо помню, какъ часто онъ цѣлую ночь не гасилъ своей свѣчи. Вмѣстѣ съ изученіемъ Григорія Ешевскій читалъ французскихъ историковъ, изображавшихъ эту эпоху: Августина Тьерри, Гизо, Легюеру, Форіеля, и дѣлалъ изъ нихъ выписки. Такъ подготовлялось его кандидатское разсужденіе «Григорій Турскій», во введеніи къ которому замѣтно сильное вліяніе Гизо; въ этомъ введеніи разсматриваются три главные элемента новаго міра: Римъ, варвары и христіанство; затѣмъ слѣдовала біографія Григорія и исторія времени по его сочиненію. Знакомство съ источниками (кромѣ Григорія, прочитаны были и другіе лѣтописцы этого тома Букетовскаго собранія) и съ литературой, живое и правильное изложеніе обратили на себя вниманіе и Грановскаго, съ которымъ вслѣдствіе того и сблизился Ешевскій по окончаніи курса. На III-мъ же курсѣ Ешевскій, занимаясь преимущественно средними вѣками, читалъ и римскихъ историковъ: тогда были прочитаны Тацитъ, Амміанъ Марцелинъ и Scriptores Histeriae Augustae; тогда же прочитано было нѣсколько сочиненій по другимъ частямъ средней исторіи (исключительно французскихъ), между прочимъ Гиббонъ. Усиленныя занятія разстроили его здоровье, и безъ того слабое, и лѣтомъ 1849 г. онъ поѣхалъ въ башкирскую степь пить кумысъ, взявши съ собою кое-какія книги по всеобщей исторіи (беллетристовъ онъ читалъ мало, и то почти исключительно поэтовъ).

Я помню, какъ оживленно разказывалъ Ешевскій по возвращеніи о степи и верховой ѣздѣ, какъ юмористически представлялъ степное гостепріимство: кованіе въ ротъ кусковъ мяса въ знакъ уваженія и т. п. Онъ возвратился совсѣмъ поправившись; но осенью этого года постигъ его нравственный ударъ, который снова пошатнулъ его здоровье,

хотя еще усиленнѣе заставилъ его приняться за работу. Онъ все болѣе и болѣе дѣлался спеціалистомъ, не только исторіи, но и извѣстнаго періода, времени Меровинговъ. Еще раньше въ нашихъ разговорахъ онъ высказывалъ ту мысль, что только долгое и пристальное изученіе одного предмета дѣлаетъ человѣка человѣкомъ и что начинать непремѣнно надо съ частностей. Этому воззрѣнію онъ остался вѣренъ всю жизнь и нерѣдко, завлекаясь тѣмъ или другимъ вопросомъ, снова возвращался къ своимъ любимымъ Меровингамъ, видя въ этой порѣ, и совершенно основательно, начало новой европейской жизни; главныя его занятія ограничивались такимъ образомъ періодомъ послѣднихъ римскихъ императоровъ и первыхъ варварскихъ королей. Этому періоду посвященъ и конченный его трудъ: «К. С. Аполинарій Сидоній» и предполагавшаяся докторская диссертація о Брунегильдѣ, для которой онъ между прочимъ много работалъ въ парижской библіотекѣ. Ему же посвящены были три года его университетскихъ чтеній въ Москвѣ. Этимъ принятымъ, такъ сказать, на себя обязательствомъ Ешевскій сдержалъ свою пылкую, впечатлительную природу: интересовало его въ сущности очень многое, и даже, желая знать все для него интересное тщательно и добросовѣстно, онъ вдавался иногда и въ другіе вопросы съ тѣмъ же жаромъ, съ которымъ занимался главнымъ. Отсюда происходитъ видимое противорѣчіе, многихъ заставлявшее думать, что въ сущности онъ раскидывался; но такое воззрѣніе несправедливо. Сознавая ясно, что ни одного историческаго вопроса нельзя изучить отрѣшенно отъ другихъ, Ешевскій занимался иногда многимъ; могъ и увлекаться по природѣ своей, но постоянно возвращался къ одному. Дальше мы увидимъ, что многія занятія его условливались и внѣшними обстоятельствами. Другіе, наоборотъ, считали Ешевскаго по природѣ узкимъ спеціалистомъ вслѣдствіе того, что по разсудку онъ старался ограничить себя извѣстною спеціальностію. Такой взглядъ тоже ошибоченъ. Ешевскій, повторяю,

интересовался очень многимъ: что бы любопытнаго ни попалось ему на пути, онъ непремѣнно остановится и начнетъ добиваться смысла; но онъ умѣлъ ограничивать свои увлеченія. Вѣроятно, въ то время уже сложился у него планъ вести преподаваніе исторіи постепенными спеціальными курсами, ибо и тогда уже онъ не разъ говаривалъ, что тѣмъ или другимъ займется послѣ, и удивлялъ тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которые интересовались преимущественно ближайшими къ намъ эпохами, своимъ упорнымъ пребываніемъ въ среднихъ вѣкахъ. Если бы онъ зналъ по гречески, онъ, можетъ быть, началъ бы съ греческой исторіи; но при знаніи только латинскаго языка онъ не могъ и идти иначе. Конечно, много значитъ также и вліяніе Кудрявцева.

Въ 1850 г. Ешевскій кончилъ курсъ и осенью того же года получилъ мѣсто преподавателя исторіи въ младшихъ классахъ московскаго Николаевскаго института. Скоро явились и другіе уроки. Черезъ годъ писалъ онъ ко мнѣ въ деревню: «У меня теперь 18 уроковъ въ недѣлю, и не знаю, отъ непривычки или отъ чего-нибудь другаго, но я устаю страшно. Лучшее время тратишь на эти обязательныя занятія и приходишь домой съ усталою головой, часто совершенно неспособный для своихъ занятій. Притомъ еще обстоятельство, которое мнѣ ужасно досадно. Вездѣ древняя исторія. Наконецъ это несносно: на Солянкѣ и въ Воспитательномъ домѣ, на Тверскомъ бульварѣ и у Арбатскихъ воротъ повторять одно и то же. Еще счастье, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно уклониться отъ общей схемы и дать себѣ волю поговорить, не стѣсняясь узенькими рамками преподаванія. Такіе случаи впрочемъ рѣдки. Я стараюсь помогать чѣмъ-нибудь этому несносному положенію. Напримѣръ, я принялъ за правило передъ каждымъ урокомъ въ институтѣ изъ римской исторіи прочитывать соотвѣтствующія главы изъ Тита Ливія и т. п.». Такъ серіозно смотрѣлъ онъ на свое дѣло. Онъ не говоритъ въ этомъ письмѣ, но я навѣрное знаю, что всѣ лучшіе учебники были имъ перечитаны; далѣе

самъ онъ въ томъ же письмѣ говоритъ, что одолѣлъ Шлоссера и читаетъ Volrträge über die alte Geschichte Нибура. Уроки его были чрезвычайно интересны; онъ старался внушать ученицамъ любовь къ занятіямъ: давалъ книги, заставлялъ дѣлать письменные отчеты, составлялъ самъ для нихъ записки. Эти записки были готовы къ печати, но не явились по случайнымъ обстоятельствамъ. Уроки, утомляя его физически и, быть можетъ, подрывая здоровье, въ нравственномъ отношеніи были до извѣстной степени полезны; самый успѣхъ уже ободрялъ и вызывалъ на новые труды. Эти же уроки дали ему возможность запасаться книгами: «Ты вѣрно удивишься, писалъ онъ ко мнѣ осенью 1852 г., когда я скажу тебѣ, что у меня по всеобщей исторіи болѣе 300 томовъ на выборъ: весь Форіель, Тьерри, Гизо, Нибуръ, Гротъ, Маколей, Ранке и т. д. Это единственная хорошая сторона моей рабочей жизни».

Съ 1851 года начинается его литературная дѣятельность статьей о трудѣ П. Н. Кудрявцева, помѣщенной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; подробная рецензія этой книги назначалась для «Современника», и первая половина ея, заключающая въ себѣ изложеніе книги съ нѣкоторыми замѣчаніями. между прочимъ, о характерѣ Ѳеодориха, котораго Кудрявцевъ слишкомъ идеализировалъ и котораго Ешевскій вводитъ въ рядъ другихъ варварскихъ вождей, подчинившихся римскому вліянію, была доставлена весной 1851 г. въ редакцію. Осенью этого года вотъ что писалъ мнѣ Ешевскій: «Я передалъ первую статью (сокращенную и нѣсколько измѣненную) Панаеву, который далъ честное слово мнѣ и потомъ Т. Н. Г., что она будетъ напечана тотчасъ же по полученіи. Я ждалъ и не посылалъ второй статьи. Кончилось дѣло тѣмъ, что первая осталась въ кладовой «Современника», вторая у меня въ конторкѣ. Я не получалъ ни малѣйшаго извѣстія отъ редакціи. Говорилъ только Т. Н. (Грановскій), который былъ очень оскорбленъ этимъ поступкомъ, что редакція находитъ эту статью слишкомъ серіозной

для нашей публики, для которой потребны легкія статьи, въ родѣ писемъ о русской журналистикѣ Новаго Поэта, достойно замѣнившаго Дружинина». А между тѣмъ для этой второй статьи, долженствовавшей заключать въ себѣ разборъ нѣкоторыхъ вопросовъ, поднятыхъ Кудрявцевымъ въ его книгѣ, преимущественно вопроса о происхожденіи средневѣковой общины, употреблено было Ешевскимъ много труда: «почти все лѣто,—говоритъ онъ въ томъ же письмѣ,—т. е. до конца іюля я проработалъ надъ второй статьей о «Судьбахъ Италіи». Написавши ее въ первый разъ, я изорвалъ, когда прочиталъ критику Тимоѳея Николаевича (Грановскаго въ «Отеч. Зап.», вошла и въ «Сочиненія»), и передѣлалъ совершенно или, лучше сказать, написалъ снова. Не думай впрочемъ, чтобы рецензія Т. Н. заставила меня перемѣнить свои мысли о развитіи городовъ въ Италіи. Мнѣ кажется, онъ мало обратилъ вниманія на новыя изслѣдованія. Слишкомъ занятый авторитетомъ Савиньи, онъ всѣ доказательства беретъ изъ его же книги, между тѣмъ какъ, мнѣ кажется, самъ Савиньи теперь поискалъ бы новыхъ въ защиту своего мнѣнія». Такое сужденіе о Грановскомъ въ то время могло бы показаться дерзостію. Такъ великъ былъ авторитетъ Грановскаго! Ешевскому дѣлаетъ большую честь, что въ этомъ случаѣ онъ не сталъ на сторонѣ Грановскаго. Нѣсколько раньше Ешевскаго постигла другая литературная неудача: онъ написалъ статью о русскихъ пѣсняхъ, въ которой, подъ вліяніемъ начинавшихся тогда толковъ о миѳологіи, хотѣлъ представить, отчасти исторически, состояніе двоевѣрія въ русскомъ народѣ. Статья эта была доставлена въ «Отеч. Зап.» и не напечатана, не помню подъ какимъ предлогомъ. Въ 1852 г. его статьи уже появляются въ «Отеч. Зап.». Тогда онъ напечаталъ обозрѣніе исторической литературы за 1851 г. и рецензію лекціи Грановскаго. Первою статьею онъ самъ былъ очень недоволенъ, хотя она была не хуже статей подобнаго рода, помѣщавшихся въ журналахъ, а для начинающаго была и очень хороша; правда, что статья его о книгѣ

г. Рославскаго въ «Моск. Вѣдомостяхъ» была лучше по изложенію, такъ какъ въ обозрѣніи исторической литературы замѣтна торопливость. Въ жизни Ешевскаго, сколько я знаю по его письмамъ и по разсказамъ, это время было хорошимъ временемъ, хотя къ этой же порѣ относится утрата нѣкоторыхъ дружески связанныхъ съ нимъ лицъ. Вообще онъ былъ любимъ и родными, и тѣми семьями, гдѣ онъ давалъ уроки, и литературнымъ кружкомъ, къ которому примкнулъ. Центромъ этого кружка, въ которомъ постоянно жилъ Кудрявцевъ, куда часто являлся Грановскій и гдѣ бывали всѣ, кромѣ славянофиловъ, была въ то время умная женщина, отличавшаяся большою начитанностью, много видѣвшая. Въ ея пріятномъ обществѣ можно было не всегда играть въ карты, что въ то время составляло по неволѣ развлеченіе многихъ умныхъ людей. Правда, были въ этомъ кружкѣ нѣкоторыя крайности западнаго направленія; но тогда онѣ не такъ рѣзко поражали, какъ поразили бы теперь. Но зато въ этомъ кружкѣ строго осуждались легкость, пустозвонство, выражалось уваженіе къ наукѣ и серіозной литературѣ, употреблялись всѣ усилія не пасть нравственно; словомъ, въ немъ жилъ тотъ духъ московскаго университета, о которомъ я уже говорилъ.

Труды преподавательскіе, срочная литературная работа, приготовленія къ магистерскому экзамену, для котораго онъ читалъ страшно много, сломили его здоровье, и въ началѣ 1853 г. онъ вытерпѣлъ сильную горячку. Мысль его до того была занята всѣмъ читаннымъ въ послѣднее время, что, по свидѣтельству родственницы его, часто навѣщавшей больнаго, въ бреду онъ все разсказывалъ содержаніе книги Гуртера: «Geschichte Innocenz III». Медленно выздоравливая, Ешевскій провелъ лѣто въ Нижнемъ, и осенью этого же года былъ назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ русской исторіи и русской статистики въ Ришельевскій лицей на мѣсто Н. Н. Мурзакевича, получившаго должность директора этого лицея. Вмѣстѣ съ Ешевскимъ поѣхали туда же два другіе молодые профессора, А. В. Лохвицкій и А. М. Богдановскій,

которые и составили свой особый кружокъ. Тяжела была на первое время жизнь москвичей въ новомъ для нихъ городѣ: жалованье незначительное, книгъ нѣтъ. Вотъ что писалъ Ешевскій П. Н. Кудрявцеву по этому поводу: «Здѣшняя библіотека хуже гимназической: да и то, что есть, испорчено. Здѣсь городъ промышленный, и потому въ самомъ лицеѣ образовалась своего рода промышленность. Всѣ лучшія статьи въ журналахъ вырваны и украдены. Отъ этой бѣды не ушелъ даже горный журналъ, не смотря на то что онъ сданъ въ библіотеку неразрѣзаннымъ. Стыдно сказать, что въ этомъ главную роль играютъ не студенты. И теперь еще остался одинъ главный промышленникъ такого рода. Частію по моему требованію, журналы, лежащіе въ профессорской, заковали въ станки. Если не поможетъ, придется приковывать ихъ, какъ средневѣковыя библіи, на цѣпь. Такимъ образомъ Сергѣй Михайловичъ (Соловьевъ) обезпечилъ меня главными источниками». Соловьевъ прислалъ Ешевскому изъ Москвы всѣ важнѣйшія изданія Археограф. Коммиссіи. Соединеніе двухъ разнородныхъ предметовъ было тоже тяжело для Ешевскаго. «Вотъ уже два съ половиною мѣсяца,— пишетъ онъ въ томъ же письмѣ,—какъ я читаю лекціи и до сихъ поръ не могу привыкнуть къ своему положенію. Право безсовѣстно наложить на молодаго преподавателя шесть часовъ и два совершенно разные предмета. Все время уходитъ только на то, чтобы сколько-нибудь приготовиться къ лекціи, чтобы прочитать ее, не краснѣя передъ слушателями. Писать лекцій нѣтъ никакой возможности. Я составляю только самый подробный конспектъ изъ статистики. Изъ русской же исторіи не успѣваю и того дѣлать. Страшно неловкое положеніе. Изъ статистики я учусь въ одно время съ студентами. Недавно былъ одинъ у меня студентъ третьяго курса, оставленный на второй годъ Мурзакевичемъ, и въ разговорѣ высказалъ мнѣ общее удивленіе курса, отчего я цѣлыя 16 лекцій читалъ о народонаселеніи. Я объяснилъ причину: передъ началомъ лекцій я зналъ объ этомъ предметѣ

столько же, сколько и они. Я рѣшился читать статистику подробно, собирая и сводя все, что могу найдти въ офиціальныхъ источникахъ, и, мнѣ кажется, только этимъ путемъ мнѣ удастся совладать съ предметомъ». Что не пройдено, то предполагалъ Ешевскій заставить студентовъ приготовить по книгѣ И. Я. Горлова. Полный курсъ онъ намѣренъ былъ составить только чрезъ два года. Конспекта я не нашелъ въ бумагахъ покойнаго, но нашелъ много выписокъ, замѣтокъ, указаній статей этнографическихъ и статистическихъ, относящихся, очевидно, къ этому времени.

Курсъ исторіи тоже стоилъ большихъ работъ; курсъ этотъ потому былъ въ особенности затруднителенъ Ешевскому, что онъ долженъ былъ быть общимъ, обнимать всю русскую исторію до послѣдняго времени и оканчиваться, если не ошибаюсь, въ теченіе одного года. Ешевскій не довелъ курса до конца и, кажется, прочелъ только до Петра В., остановившись долго на литературѣ исторіи и на бытѣ Славянъ русскихъ. Сколько помню, по тетрадкамъ, которыя я когда-то проглядывалъ у одного изъ одесскихъ студентовъ того времени, курсъ этотъ былъ составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ еще недавнихъ лекцій С. М. Соловьева: родовыя отношенія князей занимали главное мѣсто въ изложеніи періода удѣльнаго; въ изложеніи литературы Ешевскій тоже былъ подъ вліяніемъ Соловьева. Не безъ вліянія на Ешевскаго, какъ и на многихъ въ то время, оставался и П. В. Павловъ, котораго оба мы часто встрѣчали у П. Н. Кудрявцева въ 1849 г., когда Павловъ пріѣзжалъ въ Москву держать экзаменъ и защищать свою докторскую диссертацію; въ этой диссертаціи Павловъ доводитъ теорію родоваго быта до послѣдней крайности. Его сужденія о тѣхъ или другихъ произведеніяхъ исторической литературы казались очень основательными. Въ Кіевѣ, проѣзжая Одессу, Ешевскій тоже видѣлся съ Павловымъ. Это вліяніе впрочемъ прошло скоро, не оставивъ и слѣда. Въ изложеніи миѳологіи, какъ я убѣдился изъ разговоровъ съ Ешевскимъ, онъ ста-

рался подвести результаты появлявшихся тогда трудовъ Кавелина, Аѳанасьева, Буслаева, Срезневскаго подъ Шеллингову схему. Шеллингова философія миѳологіи была, какъ я уже сказалъ, распространена у насъ преподаваніемъ Каткова. Чтобы познакомиться съ нею поближе, мы читали лекціи Шеллинга, записанныя Кудрявцевымъ, такъ какъ книги самаго Шеллинга еще не появлялось тогда. Посреди трудовъ преподавательскихъ Ешевскій не оставлялъ своихъ собственныхъ работъ и готовилъ матеріалы для диссертаціи. Сначала онъ колебался между двумя предметами: Сидоніемъ Аполлинаріемъ и Брунегильдою; въ началѣ учебнаго года онъ писалъ Кудрявцеву, что думаетъ остановиться на Брунегильдѣ. Но въ концѣ года рѣшился оставить эту тему потому, что она все расширялась въ его представленіи: ему хотѣлось свести здѣсь поэтическіе разсказы съ дѣйствительностью исторической, что сдѣлано было Амедеемъ Тьерри для Аттилы. Обширность изслѣдованій для такой задачи заставила его обратиться къ другой темѣ, для которой у него былъ уже собранъ достаточный запасъ матеріала. Съ этимъ-то матеріаломъ въ маѣ 1854 года Ешевскій пріѣхалъ въ Москву и приступилъ къ магистерскому экзамену, половина котораго и была окончена въ маѣ.

Лѣто Ешевскій провелъ въ Нижнемъ, гдѣ написалъ первую главу своего Сидонія. Осенью написано было остальное и началось печатаніе, которое окончено только въ мартѣ 1855 г.; диспутъ же былъ 12-го апрѣля. Дѣло затянулось отъ разныхъ причинъ, между прочимъ оттого, что тогдашній деканъ С. П. Шевыревъ просматривалъ диссертацію весьма медленно, занятый трудами по приготовленію юбилея и потомъ, опасаясь то того, то другаго мѣста, обращался нерѣдко къ помощи профессора богословія П. М. Терновскаго, который впрочемъ былъ очень благосклоненъ къ книгѣ. Ешевскій разсказывалъ иронически о своихъ препирательствахъ съ Шевыревымъ, а дѣло все-таки двигалось медленно. Затруднительно было въ началѣ и то, на какія деньги печа-

тать, но это затрудненіе устранилъ Т. Н. Грановскій, доставшій деньги на изданіе. Пока книга печаталась, срокъ отпуска истекалъ; изъ Одессы звали Ешевскаго, онъ не ѣхалъ, и въ это уже время, хотя еще не имѣлъ въ виду мѣста, твердо рѣшился не возвращаться въ Одессу. Вслѣдствіе того онъ цѣлый годъ пробылъ безъ службы.

«К. С. Аполлинарій Сидоній»—самое обработанное, самое лучшее изъ сочиненій Ешевскаго. Время, которое онъ выбралъ, и самое лице занимали его много лѣтъ: я уже сказалъ, что еще въ университетѣ онъ преимущественно занимался этимъ временемъ, и даже когда у С. П. Шевырева были студенческіе литературные вечера, Ешевскій, бывшій тогда на Ш-мъ курсѣ, читалъ свою статью о Сидоніи. Потому и не удивительно, что книга, написанная въ такой короткій срокъ, вышла такъ удовлетворительна. Сочиненіе это сразу поставило своего автора на видное мѣсто въ немногочисленномъ кругу лицъ, занимавшихся всеобщей исторіей. На диспутѣ Грановскій и Кудрявцевъ встрѣтили его большими похвалами; самыя возраженія, сколько теперь помню, были только частныя. Рецензенты, профессоръ Делленъ (въ «Отчетахъ по присужденію Демидовскихъ премій»). П. Н. Кудрявцевъ (въ «Отеч. Зап.»), Е. М. Ѳеоктистовъ (въ «Современ.») отнеслись къ ней чрезвычайно благосклонно. Словомъ, книга имѣла успѣхъ, и успѣхъ вполнѣ заслуженный.

Книга Ешевскаго, названная эпизодомъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V в., даетъ гораздо болѣе, чѣмъ обѣщаетъ: это полная картина хаотическаго состоянія Галліи въ ту эпоху. Съ замѣчательнымъ искусствомъ выбрано такое лице, около котораго можно было сгруппировать всѣ черты быта того времени. Аристократъ и литераторъ, политическій дѣятель и епископъ, Сидоній въ жизни своей сталкивался со всѣми разнородными элементами того общества, въ которомъ дѣйствовалъ, и всѣ они отразились въ его сочиненіяхъ: онъ былъ въ сношеніяхъ съ литераторами, съ аристократами, съ римскими императорами, съ варварскими коро-

лями и съ высшими представителями христіанскаго міра, епископами. Для полнаго пониманія и полной оцѣнки его необходимо было представить въ отдѣльности всѣ эти моменты, что и исполнено чрезвычайно удачно, безъ всякой натяжки. Описаніе молодости Сидонія вызываетъ картину жизни высшаго общества Галліи и тогдашней науки и литературы, которыхъ онъ самъ былъ лучшимъ представителемъ; политическая дѣятельность Сидонія требуетъ для объясненія своего характеристики послѣднихъ императоровъ, для которой важнымъ матеріаломъ являются его же панегирики и письма; его епископство вводитъ автора въ кругъ тогдашняго духовенства и вызываетъ характеристику направленія его духовной дѣятельности, представляющей въ то же время противоположность съ направленіемъ свѣтской литературы; героическая защита Оверни вызываетъ характеристику варваровъ и ихъ врага Экдиція, «послѣдняго Римлянина и перваго рыцаря», по счастливому выраженію Ешевскаго. Таково внѣшнее расположеніе книги, вполнѣ соотвѣтствующее ея внутреннему содержанію. Главнымъ центромъ остается Сидоній. Въ изученіи и изображеніи Сидонія сказался ученикъ Кудрявцева: высоко-нравственное начало поставлено тутъ мѣриломъ личности; ни блестящая защита Оверни, ни относительное литературное достоинство произведеній Сидонія, ни то обстоятельство, что безъ его произведеній мы многаго бы не знали, не спасли его отъ строгаго приговора. Но приговоръ не оказывается несправедливымъ, потому что рядомъ съ слабохарактернымъ Сидоніемъ является Римлянинъ стараго закала, Экдицій: его-то энергическому вліянію приписываетъ авторъ и дѣятельность Сидонія по защитѣ Оверни. Этимъ вѣроятнымъ предположеніемъ онъ избѣгаетъ раздвоенія характера, что необходимо было бы признать, приписывая заслугу подвига самому Сидонію. Съ другой стороны, рисуя положеніе общества, авторъ снимаетъ съ характера Сидонія часть обвиненія, ибо объясняетъ, какъ тяжелы были условія жизни въ то время, когда люди высшаго нравственнаго закала дорожили легкомысленнымъ

Сидоніемъ, когда въ дружескихъ сношеніяхъ съ нимъ были представители строго-христіанской мысли, а онъ оставался полуязычникомъ. Въ связи съ этимъ облегчающимъ обстоятельствомъ стоитъ и другое—характеръ тогдашняго образованія, чисто внѣшняго и реторическаго; картина этого образованія чрезвычайно удалась Ешевскому. Надъ всѣми этими достоинствами книги подымается еще одно: автору удалось ясно выставить тѣ черты разрушающагося общества, въ которыхъ сказываются начала новой жизни; онъ указываетъ намъ вліяніе епископовъ на королей варварскихъ, обаяніе на нихъ римской образованности, указываетъ въ укрѣпленіяхъ галло-римской аристократіи зародыши феодальныхъ замковъ. Нѣсколько разъ мысль о томъ, что въ тотъ моментъ мы присутствуемъ не при смерти, а при перерожденіи общества, высказывается прямо; не прямо же она составляетъ главную мысль всей книги и главное ея достоинство (это было указано П. Н. Кудрявцевымъ). Намъ могутъ сказать, что эта мысль старая. Конечно такъ; но, пользуясь трудами своихъ европейскихъ учителей, результаты которыхъ онъ, впрочемъ, провѣрилъ большою самостоятельною работой, Ешевскій могъ высказать эту мысль и смѣлѣе и увѣреннѣе, могъ показать ее на самыхъ фактахъ. Читая его книгу, нигдѣ не видѣли мы, чтобы онъ слѣдовалъ одному какому-нибудь изъ европейскихъ ученыхъ; даже тамъ, гдѣ онъ принимаетъ чье-нибудь мнѣніе, онъ принимаетъ его не вслѣдствіе увлеченія тѣмъ или другимъ авторитетомъ, а съ полнымъ знаніемъ дѣла. Выбранный имъ предметъ представлялъ самъ собою трудно преоборимое препятствіе, пониманіе языка самаго Сидонія; препятствіе это въ значительной степени было побѣждено: извлеченія изъ Сидонія переданы ясно и даже часто изящно. Профессоръ Делленъ, указывая на ошибки въ переводѣ многихъ выраженій, признаетъ трудность задачи, надъ которою останавливались лучшіе латинисты не только у насъ, но и въ Европѣ. Я самъ знаю, какъ Ешевскій прибѣгалъ иногда къ помощи знатоковъ латинскаго языка въ Москвѣ и предоставляемъ былъ

собственнымъ средствамъ. Слѣдственно, трудъ Ешевскаго въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго вниманія и уваженія. Находилось еще одно возраженіе противъ «Сидонія Аполлинарія»: строгіе пуристы науки считали его недостаточно ученымъ, т. е. ставили въ вину легкость изложенія и то обстоятельство, что тема взята слишкомъ широко и, стало-быть, не вся принадлежитъ личнымъ изслѣдованіямъ автора. На такое возраженіе отвѣтилъ Ешевскій въ своемъ предисловіи: «Для русской публики подобныя монографіи могутъ принести болѣе существенную пользу, нежели спеціальныя изысканія, относящіяся къ одному какому-нибудь событію, тѣмъ болѣе, что и въ настоящемъ случаѣ не исключалась возможность собственныхъ частныхъ изслѣдованій». Мнѣ остается только прибавить къ этому, что вся книга есть плодъ собственнаго добросовѣстнаго изученія источниковъ и критическаго отношенія къ трудамъ иностранныхъ писателей. На вопросъ: зачѣмъ же взятъ предметъ, уже значительно обработанный въ Европѣ, а не такой, который бы имѣлъ болѣе близкое отношеніе къ намъ? отвѣчать можетъ все вышесказанное о тогдашнемъ настроеніи университета и о личномъ развитіи Ешевскаго. Думаю, что этимъ объясняется многое: иначе не зачѣмъ было бы такъ долго останавливаться на подробностяхъ университетскаго преподаванія.

Осенью 1855 г. Ешевскій былъ выбранъ въ казанскій университетъ на каѳедру русской исторіи, гдѣ ему пришлось замѣнить своего бывшаго наставника Иванова. Еще не успѣлъ Ешевскій уѣхать въ Казань, какъ умеръ Грановскій. Факультетъ тогда же выбралъ Ешевскаго, и онъ поѣхалъ съ полною надеждой пробыть въ Казани не болѣе полгода, т. е. дочитать до конца 1855—56 академическаго года. «Первый и, дай Богъ, послѣдній курсъ русской исторіи—писалъ онъ ко мнѣ въ декабрѣ 1855 г. — въ казанскомъ университетѣ мнѣ хотѣлось бы прочитать какъ можно получше, такъ, что если, какъ пишетъ П. Н. (Кудрявцевъ), меня и разведутъ съ русской исторіей, чтобы разстаться съ нею подружески. Имѣя

же въ виду переходъ въ Москву, мнѣ можно читать, не столько стѣсняясь разными условіями». Но переходъ этотъ затянулся: съ одной стороны, казанскій университетъ не хотѣлъ выпускать отъ себя даровитаго дѣятеля, въ чемъ соглашался съ нимъ и тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, исходя изъ той точки зрѣнія, что даровитые профессора нужны повсюду; съ другой стороны, нашлись люди, которые внушили ему мысль о возможности найти другаго преподавателя для Москвы. Попытка эта не удалась, и покойный Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ съ своимъ постояннымъ благодушіемъ отказался отъ нея, когда узналъ ея невозможность, а Ешевскаго все-таки опредѣлили не ранѣе того, какъ онъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ служить въ Александровскій сиротскій корпусъ.

Въ Казани Ешевскій пробылъ полтора года, до октября 1857 г. Впечатлѣніе, произведенное лекціями Ешевскаго на студентовъ, передадимъ словами брошюры А. С. Гацискаго: «Въ началѣ января 1856 г. вошелъ въ Ивановскую аудиторію, скамейки которой ломались отъ громаднаго числа студентовъ, собравшихся изъ любопытства послушать новаго профессора, молодой, худой, не высокаго роста, человѣкъ и, сказавши слушателямъ, стоя на ступеняхъ каѳедры, маленькое привѣтствіе, вслѣдъ затѣмъ вошелъ на каѳедру и началъ первую свою лекцію. То былъ Степанъ Васильевичъ Ешевскій.

«По окончаніи лекціи всѣ мы были какъ будто ошеломлены. Мы не могли дать себѣ строгаго отчета, что это такое: черезчуръ ли хорошо или уже никуда не годно?

«Передъ нами лилась увлекательная въ высшей степени и вмѣстѣ съ тѣмъ простая, безъ всякихъ реторическихъ прикрасъ и цвѣтовъ краснорѣчія, живая и умная рѣчь. Насъ поражалъ этотъ прямой, ничѣмъ неподкупленный взглядъ на вещи, какъ онѣ есть.

«Интересъ, возбужденный лекціями С. В. Ешевскаго, былъ громаденъ. Аудиторіи другихъ профессоровъ стали пустѣть; даже студенты медицинскаго факультета, никогда не по-

являвшіеся въ такъ называемыхъ общихъ аудиторіяхъ, стали тутъ своими людьми. Да и какъ возможно было не предпочесть чтеніе С. В. Ешевскаго чтенію какого-нибудь другаго профессора, когда мы отъ него почти впервые слышали голосъ истины! Уже нѣсколькихъ словъ первой его лекціи, начинавшейся такъ: «Исторія XVIII стол. въ Россіи, исторія славная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и печальная, потому что дѣятели этой эпохи оставались безъ твердой почвы подъ собою; они чувствовали свой разрывъ съ прошедшимъ и отсутствіе историческихъ преданій; они не имѣли ясныхъ, сознательныхъ цѣлей для своей дѣятельности; но XVIII вѣкъ не безполезно прошелъ для насъ, и мы напрасно легкомысленно оставляемъ въ забвеніи труды предшественниковъ нашихъ», уже нѣсколько этихъ словъ было достаточно, чтобы заставить насъ полюбить исторію, такъ какъ въ ней мы начали видѣть не одни научные панегирики и вѣчно розовый цвѣтъ, а исторію».

Такіе же восторженные отзывы о казанскихъ лекціяхъ Ешевскаго удалось мнѣ слышать и отъ другихъ студентовъ того времени. Вообще, не смотря на то, что въ Казани Ешевскій былъ такъ недолго, онъ оставилъ по себѣ самую хорошую память, что понятно уже потому, что многое слышалось въ первый разъ съ каѳедры и что студенты тѣмъ юношескимъ инстинктомъ, который рѣдко и не надолго обманывается громкими фразами, поняли, какъ много любви къ наукѣ и добросовѣстности въ своихъ занятіяхъ приносилъ къ нимъ молодой профессоръ. Эти качества были тѣмъ дороже, что между старыми профессорами многіе, даже богато одаренные, отъ разныхъ причинъ, между которыми не послѣднее мѣсто занимаетъ умственная атмосфера недавняго прошлаго, поддались рутинѣ и читали лекціи только въ исполненіи обязанности по старымъ тетрадкамъ.

Курсъ, который читалъ Ешевскій въ 1856 г., былъ продолженіемъ курса, начатаго Ивановымъ. Ивановъ довелъ до воцаренія Елизаветы Петровны; Ешевскій излагалъ ея цар-

ствованіе. Этотъ курсъ (см. «Очеркъ царствованія Елизаветы Петровны» во II части сочиненій) до выхода соотвѣтствующихъ томовъ «Исторіи Россіи» могъ считаться лучшимъ обзоромъ этой эпохи. Въ письмѣ ко мнѣ, разсказывая, что русскія книги онъ нашелъ всѣ въ Казани и между прочимъ и журналы старыхъ годовъ, въ которыхъ разсѣяно много статей касательно XVIII в., Ешевскій жаловался, что изъ иностранныхъ онъ могъ достать только «Исторію XVIII в.» Шлоссера. Кажется, позднѣе онъ имѣлъ подъ руками «Geschichte des russischen Staates» Германа. Но главнымъ источникомъ для него служило «Полное Собраніе Законовъ», которымъ обыкновенно такъ мало пользуются наши историки и которое однако должно быть положено въ основу изученія: только тамъ можно найти свѣдѣнія, касающіяся внутренняго быта. Въ своемъ изложеніи Ешевскій далъ сравнительно меньшее мѣсто фактамъ внѣшнимъ, придворной и военной исторіи, а преимущественно обратилъ вниманіе на колонизацію, ландмилиціонные полки, Малороссію, просвѣщеніе. Это обстоятельство и придало курсу особую важность, хотя Ешевскій былъ лишенъ возможности внести въ свое преподаваніе свѣдѣнія архивныя, что тогда и было почти совершенно недоступно. Надо прибавить, что, уѣзжая изъ Москвы, онъ еще не зналъ, о чемъ ему придется читать. Срочность работы помѣшала ему дать своему изложенію окончательную литературную обработку, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя мѣста имѣютъ даже несомнѣнныя литературныя достоинства. Такова вступительная лекція, гдѣ, характеризуются вообще XVIII в. какъ время переходное, онъ останавливается съ особенною любовью на лицѣ Потемкина и чрезвычайно удачно указываетъ на него, какъ на типъ чисто русскаго человѣка со всѣми его достоинствами и недостатками. Строгая историческая критика можетъ указать кое на что, что слѣдовало бы поправить: такъ въ дѣлахъ малороссійскихъ, быть можетъ, не слишкомъ ли много вѣры дано фразистой «Исторіи Руссовъ» Конискаго. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что курсъ обнимаетъ собою эпоху далеко не

разработанную и до сихъ поръ, а тогда едва только окрывалась возможность говорить о ней не такъ, какъ говорилось въ учебникахъ. Важнымъ достоинствомъ курса было, по моему мнѣнію, то, что Ешевскій съумѣлъ удержаться отъ слишкомъ рѣзкаго осужденія прошлаго, которое было у многихъ тогда естественною реакціей противъ недавнихъ панегириковъ.

Въ слѣдующемъ 1856 — 57 академическомъ году Ешевскій читалъ обозрѣніе исторической литературы отъ хроники Сафоновича до исторіи Соловьева [1]); при изложеніи онъ принялъ хорошую методу характеризовать воззрѣніе автора большею частію его собственными словами. Въ періодѣ до Карамзина Ешевскій даетъ довольно полную библіографію; но послѣ Карамзина останавливается только на болѣе крупныхъ явленіяхъ (сколько могу судить по неполному списку его лекцій, находившемуся у меня въ рукахъ); въ особенности много времени посвящено изложенію трудовъ С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина, къ которымъ профессоръ относился съ видимымъ сочувствіемъ; трудовъ по миѳологіи онъ коснулся только мимоходомъ по поводу книги Соловьева. Спеціальныя изслѣдованія въ этотъ періодъ оставлены въ сторонѣ. Курсу предшествуетъ любопытное введеніе, въ которомъ высказывается мысль о несходствѣ русской исторіи съ исторіей западной Европы и о всемірно-историческомъ значеніи русской исторіи, которое Ешевскій видѣлъ въ борьбѣ съ Азіей и въ колонизаціи Востока. Ясно, что по своему приготовительному образованію, по кругу, въ которомъ онъ постоянно жилъ, и по своимъ спеціальнымъ занятіямъ, Ешевскій не могъ раздѣлять мнѣній славянофиловъ и не видѣлъ другаго значенія греко-славянскаго міра; въ этомъ отношеніи онъ до конца остался послѣдователемъ западныхъ ученыхъ.

Зимою этого года Ешевскій прочелъ въ Казани три лекціи

---

[1]) Курсъ этотъ, сохранившійся только въ черновыхъ замѣткахъ слушателей, не напечатанъ.

о колонизаціи сѣверо-востока Россіи, которыя по смерти его были напечатаны въ «Вѣст. Европы» 1866 г. Эти лекціи были чрезвычайно живымъ сводомъ всего, что до того говорилось объ этомъ предметѣ; собранное въ одно цѣлое явилось болѣе яркимъ, чѣмъ разсѣянное въ разныхъ мѣстахъ; оттого эти лекціи такъ понравились, когда явились въ печати. Интересъ къ этнографіи, возбужденный къ Ешевскомъ еще въ Одессѣ, не ограничился этими лекціями. Его стараніями образовался въ Казани при университетѣ этнографическій музей изъ предметовъ, преимущественно имѣющихъ какое-либо отношеніе къ краю; Ешевскій звелъ въ разныхъ мѣстахъ корреспондентовъ, отъ которыхъ дос авалъ какъ этнографическіе предметы, такъ и древности. Такимъ образомъ и у него собралась небольшая, но хорошенькая коллекція болгарскихъ и пермскихъ древностей. Послѣднія и были описаны въ «Пермскомъ Сборникѣ». Лекціи Ешевскаго и его разговоры возбудили во многихъ интересъ къ занятіямъ: такъ въ то время посѣщалъ его А. П. Щаповъ, тогда еще студентъ Академіи; Ешевскій указывалъ ему на этнографическіе вопросы и, какъ на источникъ для изученія колонизаціи, на житія святыхъ, хранящіяся въ Соловецкой библіотекѣ. Нѣсколько выписокъ изъ этихъ житій было сдѣлано самимъ Ешевскимъ для С. М. Соловьева. Къ сожалѣнію, Ешевскій оставался слишкомъ недолго въ Казани и не могъ поддержать и дать правильнаго направленія ни своему музею, который послѣ него, говорятъ, заглохъ, ни тѣмъ молодымъ людямъ, для которыхъ его руководство было бы полезно. Вмѣстѣ съ собраніемъ древностей Ешевскій вывезъ изъ Казани нѣсколько масонскихъ книгъ и рукописей, положившихъ основаніе его масонской коллекціи.

Весною 1857 г. Ешевскій женился на Ю. П. Вагнеръ, дочери казанскаго профессора, извѣстнаго геолога. Кроткій свѣтъ семейной жизни освѣтилъ и согрѣлъ его послѣдніе труженическіе и страдальческіе годы.

Осенью 1857 г. Ешевскій переселился въ Москву. Не

сбывшаяся надежда не только на переходъ въ московскій университетъ, но даже на перемѣщеніе въ Казани съ каѳедры русской исторіи на каѳедру всеобщей, заставила его искать другой службы. Александровскій сиротскій корпусъ предложилъ ему уроки; Ешевскій принялъ ихъ и пріѣхалъ въ Москву учителемъ корпуса. По пріѣздѣ однако онъ не скоро могъ приняться за дѣло: болѣзнь ожидала его въ Москвѣ, и доктора нѣсколько мѣсяцевъ не выпускали его изъ комнаты. Дѣятельность его въ корпусѣ, какъ и вездѣ, оставила добрые слѣды. Ему порученъ былъ третій спеціальный классъ, въ которомъ кадеты подъ руководствомъ учителя занимались письменными упражненіями; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ читалъ спеціальный курсъ о французской революціи, надъ которымъ много работалъ. Ешевскій заставлялъ кадетъ сильно работать, задавая темы для сочиненій такія, для которыхъ матеріалы нужно было находить, напримѣръ, въ «Полномъ Собраніи Законовъ». Кадеты ходили къ нему за справками, за книгами, за совѣтами, и сближались съ нимъ. Въ его путевыхъ замѣткахъ перваго путешествія за границу онъ разсказываетъ, какъ тронули его бывшіе кадеты, встрѣтившіе его въ Варшавѣ съ необыкновенною любовью. Только въ началѣ 1858 г. министерство исполнило давнее желаніе московскаго университета: Ешевскій былъ утвержденъ профессоромъ по всеобщей исторіи. Грустно пришлось Ешевскому начинать свой курсъ: Кудрявцевъ, истомленный болѣзнію и скорбью по смерти любимой жены, угасъ; первая лекція Ешевскаго была посвящена памяти его учителя, друга и предшественника по каѳедрѣ. Трагична судьба этой каѳедры въ московскомъ университетѣ: такъ быстро на ней смѣняются люди болѣе или менѣе замѣчательные и всѣ равно любимые студентами!

Занявъ каѳедру всеобщей исторіи, Ешевскій приступилъ къ исполненію своей старой задушевной мысли: вести преподаваніе исторіи спеціальными послѣдовательными курсами. По его плану, впродолженіе 15 лѣтъ онъ долженъ былъ довести этотъ курсъ, начинавшійся временемъ паденія Римской

имперіи, до конца; тогда онъ думалъ снова возвратиться къ началу и такимъ образомъ переработанные два раза курсы намѣренъ былъ печатать. Началъ онъ съ этнографическаго обозрѣнія римскаго міра (этотъ курсъ названъ въ изданіи «Сочиненій»: «Центръ римскаго міра и его провинціи»). Мысль этого курса чрезвычайно умна: онъ хотѣлъ разсмотрѣть въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ народы Запада и Востока, подчинившіеся Риму, съ тѣмъ, чтобы опредѣлить, что́ каждый изъ нихъ далъ Риму и что́ получилъ отъ него. Въ яркихъ и живыхъ характеристикахъ передаетъ онъ слушателямъ все, что сдѣлано наукой для объясненія судебъ каждаго изъ этихъ народовъ. Дальнѣйшее развитіе каждаго изъ этихъ народовъ въ средневѣковой исторіи обусловливается до извѣстной степени его отношеніемъ къ Риму. Потому нельзя было удачнѣе начать курса исторіи среднихъ вѣковъ, какъ подобнымъ введеніемъ, мысль о которомъ можетъ быть родилась подъ вліяніемъ извѣстнаго сочиненія Амедея Тьерри: «Histoire de la Gaule sous la domination des Romains», гдѣ изображается вліяніе на Римъ разныхъ подчиненныхъ ему народовъ, представители которыхъ такъ часто облекались въ императорскую порфиру. Но Ешевскій поставилъ задачу свою шире: его вниманіе устремлено преимущественно не на Римъ, а на провинціи. Въ этомъ курсѣ онъ остался вѣренъ тому же направленію, которое выразилось еще въ «Сидоніи»: въ падающемъ Римѣ онъ привѣтствуетъ зарю новаго міра; съ той же точки зрѣнія разсмотрѣвъ составъ римскаго міра, онъ характеризуетъ его связующее начало, власть цезарей; весь курсъ проникнутъ сознаніемъ связи римскаго міра съ ново-европейскимъ, которая высказана въ заключительныхъ словахъ профессора: «Въ исторіи среднихъ вѣковъ не разъ приходится обращаться къ временамъ древней имперіи, чтобы понять смыслъ явленій, совершавшихся въ новой Европѣ». Читая эти яркія и живыя характеристики, можно подумать, что онѣ достались очень дешево; но я самъ былъ свидѣтелемъ неустанной работы,

которой онѣ стояли; приготовленіе къ каждой лекціи брало у Ешевскаго нѣсколько дней; въ дѣло шли и историки, и путешествія археологовъ. Многія книги доставались въ Москвѣ съ большимъ трудомъ; но все, что можно было достать, до послѣдней журнальной статьи, было добываемо. Вліяніе западныхъ историковъ чувствуется на этомъ курсѣ; но иначе и быть не могло: міръ греко-славянскій, къ сожалѣнію, оставался тогда чуждымъ не для одного Ешевскаго.

Предметомъ курса слѣдующаго года было обозрѣніе внутренней, преимущественно умственной жизни Римской имперіи (этотъ курсъ названъ въ изданіи «Очерками язычества и христіанства»). Этому курсу Ешевскій весьма кстати предпослалъ введеніе, въ которомъ разбиралъ вопросъ объ отношеніи общества къ государству [1]); можетъ быть, нигдѣ правильная постановка этого вопроса не имѣетъ такого значенія, какъ въ приложеніи къ Риму, гдѣ государство стремилось поглотить общество и гдѣ христіанство представило оплотъ противъ этихъ стремленій. Вопросъ этотъ побудилъ Ешевскаго обратиться къ юридической литературѣ, и большая часть лѣта 1858 г. ушла на это занятіе. Къ чему бы онъ ни обращался, онъ всегда любилъ получить болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія. Самый предметъ курса вызвалъ къ пересмотру всѣхъ религіозныхъ вѣрованій, какъ римскихъ, такъ и принятыхъ Римомъ отъ другихъ народовъ, всѣхъ системъ философскихъ, господствовавшихъ въ Римѣ съ одной стороны, ученій отцовъ церкви—съ другой. Рѣзкая противоположность этихъ двухъ міровъ, существовавшихъ рядомъ въ Римской имперіи, весьма счастливо выставлена въ курсѣ Ешевскаго. Курсъ этотъ тѣсно связывался съ предыдущимъ; представивъ картину римскаго міра, опредѣливъ предѣлы вліянія Рима границами того, что въ послѣдствіи назвалось западной Европой, профессоръ переноситъ своихъ слушателей въ самый

[1]) Это введеніе не издано, ибо сохранилось въ видѣ конспекта.

центръ умственной жизни этого міра и показываетъ, какъ неизбѣжно начала этой жизни должны были уступить передъ новыми началами христіанства. Строгая критика можетъ указать на то, что незнакомство съ подлинниками многихъ замѣчательныхъ произведеній древности (по гречески Ешевскій не читалъ) могло тутъ и тамъ имѣть вліяніе на самое изложеніе. Тутъ есть своя доля правды; но не слѣдуетъ забывать и того, что профессоръ не можетъ всюду быть самостоятельнымъ, что ясное и живое изложеніе чужихъ результатовъ нерѣдко составляетъ важную заслугу. Прибавимъ однако, что если греческую литературу Ешевскій зналъ по переводамъ, то латинская была ему вполнѣ извѣстна. То же надо сказать и объ исторической литературѣ самаго предмета: все, что касалось его, было тщательно прочитано и изучено. Я помню, съ какимъ нетерпѣніемъ добивался онъ книги Деллингера: «Heydenthum und Judenthum» и въ какое негодованіе приходилъ, замѣтивъ при чтеніи, что книга, въ сущности — поспѣшная компиляція.

Рядомъ съ этимъ курсомъ Ешевскій читалъ другой. Для студентовъ 1-го и 2-го курса онъ обязанъ былъ читать древнюю исторію. Новую читалъ тогда г. Вызинскій, котораго лекціи о феодализмѣ, какъ введеніе въ новую исторію, напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Ешевскій считалъ несправедливымъ обременить молодаго преподавателя двумя курсами и потому взялъ древнюю исторію на себя. Курсъ этотъ доводилъ Ешевскій до персидскихъ войнъ; главное вниманіе профессора, сколько могу судить по краткому изложенію, составленному по моей просьбѣ однимъ изъ тогдашнихъ его слушателей, И. П. Хр., обращено было на бытъ и религію народовъ Востока: онъ долго останавливался на памятникахъ искусства, описывая ихъ по разсказамъ путешественниковъ и указывая на труды, сдѣланные для ихъ объясненія. И. П. Хр. чрезвычайно хорошо характеризуетъ этотъ курсъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все преподаваніе Ешевскаго: «Ешевскій — говоритъ онъ—былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые не мо-

гутъ относиться къ своему дѣлу безсердечно и исполнять его рутинно. Каждая его лекція была согрѣта сочувствіемъ къ предмету, и это не было мелочное сочувствіе къ блеску собственной мысли. Онъ былъ не фразеръ и не подстрекалъ хаоса мыслей, какъ иные изъ его современниковъ. Идея проходила чрезъ его лекцію, и онъ ею не хвастался. Пріемы его были чисто объективные, что, конечно, способствовало тому благотворному вліянію, какое имѣли его лекціи на слушателей». «Впечатлѣніе—говоритъ тотъ же свидѣтель—произведенное разсказомъ о кастахъ и чудовищномъ рабствѣ древняго Египта, было сильно; но Степанъ Васильевичъ не останавливался на этомъ долго и не пускался по этому поводу въ разсужденія; не дѣлалъ политическихъ намековъ, какъ въ подобныхъ случаяхъ было въ модѣ поступать». «Никогда не угощалъ онъ слушателей обломками своихъ академическихъ работъ и не приносилъ массы отрывочныхъ свѣдѣній вмѣсто подготовленной и обдуманной лекціи. Наглядно объясняя нѣмые памятники и приводя письменные, Степанъ Васильевичъ приводилъ слушателей черезъ рядъ гипотезъ къ положительному факту и тѣмъ пріучалъ къ ученымъ пріемамъ и знакомилъ съ историческою критикой». Отношеніе къ студентамъ передаю тоже словами И. П. Хр.: «Мы читали по совѣту С. В. удивительную книгу Макса Дункера. Это чтеніе казалось намъ продолженіемъ лекцій: частію пополняло ихъ, частію лекціи наоборотъ пополняли чтеніе. Ст. Вас. принималъ насъ и у себя; онъ очень просто и любезно обходился съ нами, но не заискивалъ въ насъ и не любилъ пускаться съ нами въ болтовню. Мы знали, зачѣмъ шли къ нему, а онъ заготавливалъ къ нашему приходу книги и атласы, показывалъ рисунки памятниковъ древности и объяснялъ наши недоразумѣнія».

Прибавлю любопытную черту, сообщаемую въ запискѣ, составленной для меня другимъ его ученикомъ, А. С. Трачевскимъ: «С. В. былъ однимъ изъ льготныхъ профессоровъ для тѣхъ студентовъ, которые желаютъ получить степень кан-

дидата. Для молодаго человѣка, могущаго запомнить основное содержаніе лекцій, а главное, понять и сознательно высказать это содержаніе, пятерка была обезпечена, и она всегда входила, какъ совершившійся фактъ, въ наивно-корыстные разсчеты будущихъ кандидатовъ. Но зато упомянутое главное условіе нужно было всегда соблюсти при отвѣтѣ С. В—чу; только тогда онъ внимательно и спокойно выслушивалъ студента и, не задерживая его долго, смѣло ставилъ высшую отмѣтку. Въ семьѣ, конечно, не безъ урода: бывало не безъ грѣха, т. е. не безъ отсутствія главнаго условія въ отвѣтѣ. Въ такомъ случаѣ С. В. принималъ оживленный и веселый видъ и начиналъ энергически задавать несчастному вопросы поразительной простоты, отъ которыхъ былъ менѣе, чѣмъ одинъ шагъ, до первыхъ страницъ руководствъ Смарагдова и Ободовскаго. Помнится, напримѣръ, что одному изъ такихъ студентовъ, не могшему не только прямо, но и криво понять историческое явленіе, въ родѣ Аполлонія Тіанскаго, профессоръ задалъ вопросъ касательно географическаго положенія Аравіи и былъ утѣшенъ не менѣе поразительнымъ по своей простотѣ отвѣтомъ. Даже и въ подобныхъ критическихъ обстоятельствахъ С. В. не терялъ присутствія духа и веселаго настроенія: онъ только сознавался, шутливо разставляя руки, что находится въ затруднительномъ положеніи, въ необходимости поставить, по большей мѣрѣ, двойку. Только впослѣдствіи, подъ вліяніемъ съ одной стороны сознанія необходимости поднять уровень нашего образованія, а съ другой стороны и болѣзни, сталъ онъ строже и требовательнѣе».

Обязанности профессора не ограничивались для Ешевскаго однимъ чтеніемъ лекцій и учеными занятіями; дѣла совѣтскія также тревожили его. Ешевскій, по своему характеру, принадлежалъ къ числу людей, которые охотно жертвуютъ собственнымъ покоемъ тому, что считаютъ своимъ долгомъ; на исполненіе долга онъ всегда смотрѣлъ серіозно и не останавливался въ этомъ случаѣ ни передъ какими сооб-

раженіями: университетъ и его процвѣтаніе были его постоянною заботою. Больной и нервный, онъ, можетъ быть, вносилъ иногда черезъ-чуръ много страстности въ свои пренія; но тѣмъ не менѣе, выходя изъ благороднаго источника, увлеченія его легко находили себѣ оправданіе въ глазахъ не предубѣжденныхъ людей, и если въ свое время и производили нѣсколько тяжелое впечатлѣніе, то послѣ всегда могли быть объяснены честными побужденіями. Вглядываясь пристальнѣе въ составъ коллегіальныхъ учрежденій (можетъ быть и не у насъ однихъ), нельзя не цѣнить людей съ характеромъ Ешевскаго, которые мѣшаютъ этимъ учрежденіямъ заснуть. Въ ту пору, о которой я теперь говорю, Ешевскій былъ занятъ въ особенности вопросомъ о свободѣ диспутовъ; частный случай, подавшій поводъ къ полемикѣ въ газетахъ, былъ для него только поводомъ: онъ смотрѣлъ на дѣло гораздо шире и добивался не того, чтобы оскорбить то или другое лице, а того, чтобы оградить одно изъ важнѣйшихъ учрежденій университета, ставящее его подъ постоянный контроль общественнаго мнѣнія. Результатомъ полемики Ешевскаго было то, что на слѣдующемъ диспутѣ уже были сохранены всѣ формы. Другой, еще болѣе важный вопросъ занималъ въ то время Ешевскаго и оставался постоянно для него предметомъ заботливости. Это вопросъ о степени подготовки студентовъ. Еще въ бытность въ Казани онъ замѣтилъ неудовлетворительность состоянія гимназій; въ университетѣ ему не разъ приходилось сталкиваться съ примѣрами замѣчательнаго невѣжества, естественнымъ послѣдствіемъ того упадка гимназій, въ который привела ихъ реформа 1849 г., разрушившая созданіе графа Уварова. Въ своей статьѣ о книгѣ Шульгина въ «Атенеѣ» онъ разсказываетъ о студентѣ, говорившемъ на экзаменѣ о богинѣ Культѣ: слышавъ это слово «культъ» на лекціяхъ, студентъ принялъ его за названіе особаго божества. По поводу возбужденнаго тогда Ешевскимъ вопроса о лучшемъ устройствѣ гимназій, поднялись голоса, обвинявшіе университетъ, выпускающій дурныхъ учителей.

При всей видимой справедливости этого обвиненія, нельзя не согласиться однако съ тѣмъ, что и при тогдашнемъ состояніи университетовъ гимназіи все таки могли бы быть лучше: были же онѣ относительно хороши при графѣ Уваровѣ. Педагогическому вопросу Ешевскій отвелъ, какъ мы увидимъ ниже, много мѣста въ планѣ своей заграничной поѣздки.

Осенью 1859 г. Ешевскій уѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ до осени 1861 г. Въ эту поѣздку онъ объѣхалъ большую часть Германіи, былъ въ Италіи, Швейцаріи и Франціи. Главныя цѣли своей поѣздки онъ такъ объяснялъ въ письмѣ изъ Берлина къ той родственницѣ, о которой намъ уже случилось упоминать: «Мнѣ хотѣлось бы взять съ путешествія все, что возможно, и заниматься только тѣмъ, чѣмъ можно заниматься только здѣсь. Кабинетныя занятія, работа надъ книгами еще не уйдутъ отъ меня. Это можно дѣлать и въ Россіи, потому я ихъ отодвинулъ на второй планъ. Кромѣ общаго знакомства съ политическими учрежденіями и ходомъ здѣшней общественной жизни, я поставилъ себѣ главнымъ образомъ двѣ задачи: изученіе искусства и по возможности близкое знакомство съ устройствомъ здѣшнихъ учебныхъ заведеній. Послѣднее я считаю чрезвычайно важнымъ въ практическомъ отношеніи и въ нашемъ теперешнемъ положеніи, когда все расшаталось въ университетѣ и гимназіи, когда настоятельна потребность въ народныхъ элементарныхъ школахъ и поднятъ вопросъ о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, музеи и школы днемъ, спеціальныя сочиненія по исторіи и теоріи искусствъ и законы по министерству народнаго просвѣщенія вечеромъ, и у меня почти не остается времени на занятіе чѣмъ-нибудь другимъ или остается очень мало. Къ сожалѣнію, доступъ въ заведенія не всегда легокъ, особенно въ женскія католическія. Я получилъ отказъ въ просьбѣ осмотрѣть знаменитый институтъ въ Голландіи, недалеко отъ прусской границы, не могъ попасть въ католическій пансіонатъ въ самомъ Ахенѣ, т. е. получилъ позволеніе осмотрѣть однѣ стѣны, тогда какъ мнѣ прежде всего

нужно сидѣть въ классахъ, видѣть машину въ самомъ ходу и притомъ въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, а стѣны—вездѣ стѣны. Впрочемъ, къ счастію, эти неудачи—исключеніе изъ общаго правила. Большею частію я могъ близко всмотрѣться въ заведенія и надѣюсь привезти съ собою и много замѣтокъ, и почти цѣлую библіотеку различныхъ статутовъ, уставовъ и постановленій. Зато музеи доступны вездѣ». «Уже по одному тому, что я надѣюсь принести дома пользу моимъ изученіемъ здѣшняго воспитанія,—говоритъ онъ далѣе въ томъ же письмѣ,—умирать я рѣшительно не намѣренъ». Въ «Отеч. Зап.» 1860 г. напечатано его «Письмо изъ-за границы», въ которомъ онъ описываетъ состояніе германскихъ учебныхъ заведеній. Въ началѣ своей поѣздки Ешевскій началъ было вести поденныя записки; но, къ сожалѣнію, не довелъ ихъ до конца: здѣсь рядомъ съ его собственными наблюденіями встрѣчаются выписки изъ разныхъ книгъ, цифры, касающіяся учебныхъ заведеній, краткія замѣтки о преподаваніи въ школахъ, указанія замѣчательныхъ вещей въ музеяхъ, и т. п. Изъ этой книги извлекаемъ мнѣніе Ешевскаго о различныхъ профессорахъ, которыхъ ему удалось слушать. Вотъ что говоритъ онъ о Гейдельбергѣ:

«Съ 5 числа (ноября 1859 г.) я началъ ходить въ университетъ. Онъ поражаетъ своею простотою. Главное зданіе, гдѣ помѣщаются аудиторіи и, кажется, кабинетъ естественной исторіи, находится на Ludvig's или Universität's Platz'ѣ; анатомическій музей, лабораторія, библіотека и другія университетскія собранія помѣщены въ другихъ домахъ въ городѣ; надъ главнымъ зданіемъ весьма незатѣйливой архитектуры четыреугольная башня съ часами. Внутри ни сторожей, ни прислуги; одна Mädchen ходитъ по аудиторіямъ въ перемѣны, чтобы зажечь газовые рожки вечеромъ и топить печи въ корридорахъ. Аудиторіи не велики и бѣдны: грязные обои по стѣнамъ, простыя скамейки, изрѣзанныя ножемъ, залитыя чернилами и покрытыя надписями, такая же каѳедра съ черною доскою у стѣны, у которой стоитъ каѳедра—вотъ и все.

По стѣнамъ вѣшалки или просто гвозди, на которыхъ студенты вѣшаютъ свои пледы и фуражки. Студенты курятъ въ корридорахъ и въ аудиторіяхъ; въ послѣднихъ, разумѣется, до прихода профессора. Ни полиціи, ни внѣшняго decorum. Въ корридорѣ на стѣнѣ наклеены записочки профессоровъ о времени начала курса, о часахъ и въ какой аудиторіи. Все идетъ само собою, а между тѣмъ ни малѣйшаго безпорядка ни въ корридорѣ, ни особенно въ аудиторіяхъ. Попробуй ктонибудь войдти посрединѣ лекціи, поднимется такое шарканье ногами, что въ другой разъ навѣрно не опоздаетъ.

«Въ первый день вечеромъ я пошелъ на лекціи Рау и Гейссера. Какъ госпитантъ, я имѣлъ право три раза ходить даромъ на лекціи каждаго профессора прежде, чѣмъ записаться въ число его слушателей. Слушателей у Рау не много, едвали наберется 20 человѣкъ въ небольшой аудиторіи, гдѣ онъ читаетъ. Ровно черезъ 7 минутъ вошелъ въ аудиторію, нѣсколько постукивая, бодрый еще старикъ, снялъ пальто, у каѳедры положилъ шляпу, вытащилъ книгу и началъ чтеніе. Рау нынѣшній годъ читаетъ финансовое право и притомъ по своей книгѣ. Въ эту лекцію онъ оканчивалъ литературу финансоваго права и приступилъ къ изложенію самаго предмета. Онъ читаетъ довольно внятно, хотя и не громко, причмокивая губами послѣ каждой фразы. Характеристика сочиненій ограничивается заглавіемъ и нѣсколькими словами. Любопытны были только эпизодъ о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ Рау въ полученіи финансовыхъ отчетовъ Австріи и характеристика трехъ родовъ этихъ отчетовъ въ Австріи: одного для публики безъ цифръ, другаго для избраннаго круга читателей, для чиновниковъ, университетовъ, и третьяго для немногихъ лицъ, посвященныхъ въ тайны австрійскихъ финансовъ. Изложеніе Рау весьма незавидно. Непріятно поражаетъ уже то, что онъ читаетъ по печатному руководству, почти не отступно отъ него. «Теперь слѣдуетъ § 3», говоритъ онъ, напримѣръ, сохраняя въ своемъ чтеніи даже рубрики книги. Отступленія отъ книги заключаются въ толкованіи самыхъ

элементарныхъ политико-экономическихъ понятій. Странно какъ-то на лекціи финансоваго права слушать довольно долгое объясненіе различія потребленія отъ уничтоженія вещи, объясненіе различія чистаго дохода отъ валоваго и т. д. Кромѣ того, эти элементарныя объясненія слишкомъ продолжительны и показываютъ слишкомъ уже большое недовѣріе къ степени предварительныхъ познаній слушателей и даже къ ихъ понятливости. Вообше лекція была скучна и монотонна.

«Другое дѣло лекціи Гейссера. Онъ читаетъ два курса, каждый по пяти лекцій въ недѣлю. Отъ 4 до 5 новая исторія съ 1517 г.; отъ 6 до 7 исторія Германіи съ Вестфальскаго мира. На первомъ курсѣ слушателей бываетъ не такъ много, зато на второмъ аудиторія бываетъ полна. Гейссеръ рожденъ быть ораторомъ. Высокій, крѣпко сложенный, полный силъ и здоровья, съ грубымъ, некрасивымъ лицомъ, полнымъ однако выраженія ума и энергіи, съ демократическими, нѣсколько грубоватыми манерами, отлично идущими къ его лицу и тѣлосложенію, онъ владѣетъ сильнымъ, звучнымъ голосомъ и совершенно свободною рѣчью. Онъ читаетъ безъ всякихъ записокъ и конспектовъ, читаетъ быстро, такъ что за нимъ нельзя записывать; мысль опережаетъ слово и окончаніе фразы иногда пропадаетъ, такъ оно произносится скоро. Въ его рѣчи нѣтъ ни малѣйшаго посягательства на внѣшнюю отдѣлку, тѣмъ менѣе еще на фразерство; рѣчь скорѣе отрывиста; характеристики личностей въ весьма немногихъ, но меткихъ словахъ. Гейссеръ говоритъ, а не читаетъ; вся его лекція носитъ на себѣ этотъ разговорный характеръ. Онъ не можетъ спокойно стоять на каѳедрѣ, а безпрестанно движется, перемѣняетъ положеніе, какъ будто ему тѣсно на ней. Иногда онъ повышаетъ голосъ до того, что, вѣроятно, его слышно съ площади. Несмотря на эту видимую неприготовленность лекціи, на ея непринужденный, разговорный характеръ, лекціи выходятъ мастерски обработанными. Гейссеръ не пускается въ подробное изложеніе и ограничивается большею частію общей характеристикой; но эти характеристики выходятъ чрез-

вычайно цѣльны и полны. Дня чрезъ два я слышалъ его оцѣнку значенія лютеровскаго перевода Библіи, и мнѣ никогда не случалось ни читать, ни слышать подобной мастерской характеристики.

«6 ноября былъ у Гейссера, чтобы записаться въ число его слушателей. Онъ читаетъ по изданнымъ имъ проспектамъ и находитъ это очень выгоднымъ для слушателей. Дѣйствительно, тутъ помѣщены указанія на источники и литературу каждаго отдѣла; кромѣ того тутъ указанія на главнѣйшія событія и важнѣйшія даты. Между прочимъ, Гейссеръ разсказывалъ мнѣ, съ какимъ трудомъ собиралъ матеріалы для своей «Исторіи Германіи со смерти Фридриха II». Важнѣйшими матеріалами, напримѣръ, перепискою Лукезини, онъ пользовался съ большою легкостью, потому что они находятся въ Берлинскомъ военномъ архивѣ, гдѣ военное начальство смотритъ легче на политическіе документы. Въ Берлинскій архивъ иностранныхъ дѣлъ доступъ былъ труднѣе; но всего недоступнѣе были баденскіе архивы, куда могъ проникнуть Гейссеръ только послѣ многихъ хлопотъ въ министерствѣ. Плата за каждый курсъ Гейссера въ семестръ 12 гульденовъ 20 кр. Я получилъ билетъ на слушаніе Новой исторіи за № 28, на слушаніе нѣмецкой за № 80. Впрочемъ, слушателей несравненно больше, чѣмъ видно по билетамъ; особенно велико число на курсѣ нѣмецкой исторіи, я думаю человѣкъ до 150. Это или госпитанты или, какъ говорятъ, тѣ слушатели, которые ходятъ на лекціи, не записавшись у профессора и, слѣдовательно, не платя ему; они обыкновенно садятся подальше. Особенно это удобно въ аудиторіи, гдѣ читаетъ нѣмецкую исторію Гейссеръ. Задняя часть аудиторіи не освѣщена, и надъ нею устроены какіе-то хоры, такъ что въ ней постоянно темно. Такихъ слушателей здѣсь называютъ «bei Schwanz Hörer» и, благодаря отсутствію всякаго контроля, очень легко слушать такимъ образомъ. Иначе нельзя объяснить такую огромную разницу между числомъ слушателей и числомъ выданныхъ билетовъ. Сверхъ Гейссера, я

буду слушать два курса Штарка: греческую исторію и исторію искусства отъ Фидія до Константина В.—Штаркъ не позволилъ мнѣ записаться, а очень любезно сказалъ, что записываніе существуетъ для студентовъ, а не для товарищей по каѳедрѣ. Штаркъ еще довольно молодой человѣкъ. Онъ слушалъ въ Берлинѣ лекціи вмѣстѣ съ Леонтьевымъ, о которомъ распрашивалъ. Онъ читаетъ греческую исторію очень подробно и обстоятельно. На географическій очеркъ Ѳессаліи онъ употребилъ, напр., цѣлую лекцію, рисуя мѣломъ на доскѣ. Онъ читаетъ по запискамъ или по конспекту. Изложеніе чрезвычайно отчетливо. Видно, что къ каждой лекціи онъ готовится. Внѣшняя манера довольно удовлетворительна, хотя онъ и говоритъ какимъ-то скрыпучимъ голосомъ. Слушателей довольно мало, человѣкъ 9 или 10, не болѣе. Къ сожалѣнію, онъ не отличается, кажется, особымъ талантомъ изложенія и очень часто заканчиваетъ описаніе такъ: so also Eleusis. Это so also у него встрѣчается очень часто. Особенно этотъ недостатокъ таланта изложенія замѣтенъ въ его исторіи искусства. Онъ чрезвычайно подробно объяснитъ планъ зданія, укажетъ на архитектурныя подробности, на содержаніе барельефовъ, разскажетъ дальнѣйшую судьбу зданія (напр., Парѳенона), но общаго характера зданія не видно, за деталями слушателю довольно трудно составить себѣ сколько-нибудь цѣльное понятіе и онъ остается при одномъ инвентарѣ архитектурныхъ частей зданія. Штаркъ помогаетъ нѣсколько въ этомъ отношеніи своими archeologische Uebungen въ библіотекѣ, гдѣ онъ показываетъ и объясняетъ рисунки; но слушателей на этихъ упражненіяхъ еще меньше, чѣмъ на лекціяхъ. Когда я былъ, насъ было всего пятеро. Штаркъ, впрочемъ, лице очень почтенное по совѣстливой обработкѣ своихъ лекцій; я въ особенности доволенъ его исторіей Греціи.

«Лекціи Роберта Моля крайне неудовлетворительны во внѣшнемъ отношеніи. Онъ читаетъ тихо, однообразнымъ, заученнымъ тономъ; но еще хуже, когда онъ пускается въ частныя объясненія, когда онъ старается придать своимъ словамъ

характеръ разговора; тутъ очень часто не доберешься, въ чемъ дѣло: онъ говоритъ скоро, путается, глотаетъ слова и пр. Разумѣется, это только внѣшность; содержаніе лекцій отлично, и тѣмъ досаднѣе, что внѣшность такъ неудовлетворительна.

«Здѣсь профессора аккуратны не по нашему. Черезъ десять минутъ послѣ перемѣны, которая происходитъ безъ звонка, профессоръ уже на лекціи. Робертъ Моль долженъ былъ отправиться на недѣлю въ Карльсру для засѣданія въ палатѣ и онъ просилъ своихъ слушателей приходить слушать нѣсколько дополнительныхъ лекцій отъ 7 до 8 ч. вечера, чтобы вознаградить слушателей за то время, когда онъ будетъ въ отсутствіи. Взявши съ слушателей гонораріи, профессоръ принимаетъ на себя обязанность прочитать извѣстный предметъ въ извѣстный срокъ и потому каждая манкировка есть какъ бы неисполненіе взаимнаго договора, и студентъ, заплативъ деньги, хочетъ, чтобы онѣ заплачены были не даромъ.

«На лекціяхъ нѣмецкой исторіи Гейссера я замѣтилъ двухъ стариковъ, изъ которыхъ одинъ до того ветхъ, что ходитъ съ костылемъ и почти слѣпъ, но который не пропускаетъ ни одной лекціи. У насъ до этого еще долго не дойдетъ. Вообще большое число слушателей Гейссера объясняется только тѣмъ интересомъ, который возбуждаютъ эти лекціи. Держать экзаменъ изъ исторіи обязаны только филологи, а ихъ очень немного; остальные слушаютъ безъ всякихъ внѣшнихъ побудительныхъ причинъ, а аудиторія между тѣмъ всегда полна».

Не смотря на обширность этой выписки, я рѣшаюсь еще привести характеристику берлинскихъ профессоровъ, ибо полагаю, что въ этихъ сужденіяхъ чрезвычайно ярко высказываются требованія Ешевскаго отъ профессора и университетовъ; не надо забывать, что это черновые наброски, которые были написаны только для себя. Итакъ, посмотримъ, что онъ нашелъ въ Берлинѣ.

«Въ университетѣ—читаемъ мы въ той же записной

книжкѣ—такъ же просто, какъ и въ Гейдельбергѣ. Зданіе нѣсколько напоминаетъ старый университетъ въ Москвѣ. Аудиторіи помѣщаются внизу, только три въ верхнемъ этажѣ. Въ верхнихъ этажахъ обоихъ флигелей анатомическій музей и музей естественной исторіи, открытые для всѣхъ два дня въ недѣлю отъ 12 — 2 часовъ безъ всякихъ билетовъ. Аудиторіи такъ же просты, какъ въ Гейдельбергѣ, только побольше. Въ среднихъ сѣняхъ по стѣнамъ тѣ же рукописныя извѣщенія профессоровъ о лекціяхъ, только здѣсь они на латинскомъ языкѣ и адресованы commilitonibus amantissimis, ornantissimis и пр. На одной изъ стѣнъ планъ университета съ обозначеніемъ NN аудиторій. На дверяхъ каждой аудиторіи картонъ съ росписаніемъ лекцій, которыя въ ней читаются. Еще отличіе внѣшнее отъ гейдельбергскаго университета: въ разныхъ мѣстахъ прибиты объявленія, что въ стѣнахъ университета нельзя курить, и во все время моихъ посѣщеній лекцій я не видалъ ни одного человѣка курящаго, хотя нѣтъ, по крайней мѣрѣ не видно, никакого полицейскаго надзора. На лекціяхъ много солдатъ, продолжающихъ слушать лекціи. Разноцвѣтныхъ фуражекъ не видно; попадалось 2, 3 бѣлыя, фуражки Вандаловъ, но, вѣроятно, это пришельцы изъ другихъ университетовъ. Слушателей въ первые дни января сначала было немного, да и профессора не всѣ читали; Лепсіусъ, напримѣръ, началъ читать съ 12 января.

«Раумеръ читаетъ публичный курсъ исторіи замѣчательныхъ революцій два раза въ недѣлю ниже всякой посредственности. Слушателей человѣкъ 10, 12, не больше. Трудно излагать предметъ болѣе пошлымъ, безцвѣтнымъ, школьнымъ образомъ. При мнѣ онъ читалъ обзоръ переворотовъ въ древнемъ Римѣ. Это былъ сухой, безжизненный перечень событій: ни одной характеристической подробности, ни одного сужденія иначе, какъ общими мѣстами. Такъ можно читать въ 5 классѣ гимназіи, а не въ университетѣ. Онъ назвалъ Гракховъ первыми революціонерами и коснулся ager publicus. Я ждалъ тутъ чего-нибудь

и услышалъ только школьное объясненіе, что такое ager publicus. Внѣшность изложенія самая печальная и вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію; печальный, неприглядный старикъ съ зачесанными сзади на лобъ жидкими волосами, говоритъ убійственно монотоннымъ, однообразнымъ голосомъ. Я зналъ прежде, что отъ Раумера, какъ профессора, ждать много нечего, но такого чтенія все-таки не ждалъ.

«Ранке производитъ также впечатлѣніе непріятное, но въ другомъ совершенно родѣ. Слушателей у него также мало; развѣ немного побольше, чѣмъ у Раумера. Онъ читаетъ новѣйшую исторію съ 1813 г. и въ январѣ читалъ еще только о событіяхъ съ Калишскаго трактата между Россіею и Пруссіей. Въ аудиторію вошелъ низенькій господинъ еще не очень старый, на которомъ все платье какъ-то лѣзетъ кверху, отвороты сѣраго жилета поднялись изъ-за воротника сюртука, сѣрые брюки лѣзутъ вверхъ по сапогу. Я очень удивился, когда этотъ господинъ взошелъ на каѳедру и усѣлся тамъ: я никакъ не воображалъ знаменитаго историка въ такомъ видѣ. Еще болѣе удивленъ былъ я при первыхъ его словахъ. Дѣло шло о самыхъ простыхъ, нисколько не патетическихъ предметахъ: о движеніи прусской и русской армій въ началѣ кампаніи 1813 г. Но надобно было видѣть, какіе жесты выдѣлывалъ Ранке на каѳедрѣ и не одними руками, а всѣмъ тѣломъ: голова закинута назадъ, глаза жмурятся и закатываются, одна рука поднята кверху, другая протянута впередъ и судорожно ловитъ что-то, голосъ то замираетъ и почти совсѣмъ теряется, то переходитъ въ отрывистыя восклицанія, и все это затѣмъ, чтобы сказать, что союзныя войска или армія Блюхера отступили по такому-то направленію. Вся лекція или лекціи прошли въ подобномъ кривляніи, поражающемъ весьма непріятно. Того и глядишь, что онъ опрокинется со стуломъ или вывихнетъ себѣ руку, до такой степени неестественны его размахиванія руками. Ранке приноситъ съ собою тетрадь, но не смотритъ въ нее, что впрочемъ для него и невозможно. Его фраза неправильна, не-

красива, безпрестанныя поправки, повторенія и т. п. Внутренней стороной изложенія я также не совсѣмъ доволенъ: Ранке слишкомъ много даетъ мѣста ненужнымъ подробностямъ, останавливается слишкомъ долго на военныхъ движеніяхъ; а между тѣмъ внутренняя сторона: народное движеніе, постановка партій, какъ-то уходятъ слишкомъ на задній планъ. Онъ указалъ, напримѣръ, на важнѣйшіе пункты Рейхенбахскаго договора, но почти ничего не сказалъ о его значеніи, о политикѣ Меттерниха, о разладѣ между австрійскимъ взглядомъ на отношенія къ германскимъ князьямъ и Рейнскому союзу, еще вѣрному Наполеону, и взглядомъ, высказаннымъ въ Калишскомъ договорѣ, о противоположности между планами Штейна и цѣлями Меттерниха. Вообще надо хорошо знать и уважать Ранке, какъ писателя, чтобы имѣть терпѣніе долго слушать его, какъ профессора, и не уйдти съ первой же лекціи съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться болѣе въ аудиторію.

«Гиршъ читаетъ исторію древняго міра. Какъ писателя, я его совершенно не знаю; мнѣ извѣстно только, что онъ писалъ «De vita et scriptis Sigiberti monachi Gemblacensis Comment. Hist.-lit. Ber. 1841». Слушателей у него не много больше, чѣмъ у Ранке, хотя ему и отведена большая аудиторія. Гиршъ еще довольно молодой человѣкъ. Онъ почти бѣгомъ входитъ въ аудиторію и черезъ нее до каѳедры; читаетъ чрезвычайно скоро какимъ-то пѣвучимъ тономъ, впрочемъ довольно однообразнымъ и также не безъ нѣкоторой жестикуляціи. Въ январѣ онъ читалъ исторію еврейскаго народа въ связи съ исторіею Ассиріи и частію Персіи. Изъ его скороговорки трудно получить ясное понятіе объ исторіи еврейскаго народа, хотя онъ перекликаетъ всѣхъ царей израильскихъ и іудейскихъ и хотя онъ читаетъ длинные отрывки изъ пророчествъ. Онъ совершенно теряется въ мелкихъ подробностяхъ, перескакиваетъ безпрестанно отъ одного предмета къ другому, бросается безпрестанно по сторонамъ, говоритъ, напр., о Кромвелѣ, по поводу пророка Иліи; и изъ

всего этого выходитъ такая сумятица, въ которой трудно оріентироваться не только слушателямъ, но, кажется, и ему самому. Рѣчь льется быстрымъ потокомъ, слова идутъ одно за другимъ, какъ барабанная дробь, и вы думаете, что онъ торопится пересказать скорѣе эти подробности, чтобы подольше остановиться на чемъ-нибудь болѣе существенномъ. Не тутъ-то было: ничего и нѣтъ, кромѣ мелочей и подробностей, кромѣ, какъ мнѣ показалось, безплоднаго желанія какъ-нибудь совладать съ этимъ дробнымъ матеріаломъ, чтобы сдѣлать какое-нибудь заключеніе, общій выводъ, желаніе, изъ котораго ничего не выходитъ. Студенты приходятъ съ тетрадями, но, сколько я могъ замѣтить, записываютъ только нѣкоторыя имена да хронологическія даты. Записать лекцію, т. е. ея главное содержаніе, нѣтъ никакой возможности: я пробовалъ и на самыхъ лекціяхъ, и дома тотчасъ послѣ возвращенія съ лекціи. Что сказалъ Гиршъ въ такую-то лекцію? Это чрезвычайно трудно сказать: лекціи разсыпаются въ песокъ, гдѣ каждая песчинка сама по себѣ и изъ котораго ничего нельзя слѣпить. Въ лѣтній семестръ онъ читалъ нѣмецкую исторію и исторію литературы среднихъ вѣковъ.

«Болѣе остался я доволенъ Кёпке, который читаетъ средневѣковую исторію. Онъ тоже литературно мало извѣстенъ (Vita Liutprandi). Теперь онъиз далъ Germanische Forschungen (возникновеніе королевской власти у Готовъ). Природа его сильно обидѣла внѣшностію: низкаго роста, горбатый, съ весьма некрасивой наружностію. Его лекціи не отличаются ни особеннымъ талантомъ изложенія, ни новизною проводимыхъ идей; но каждая изъ нихъ составлена чрезвычайно отчетливо и добросовѣстно. Онъ читаетъ общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ и въ январѣ читалъ о Каролингахъ. Мнѣ понравилось въ немъ полное отсутствіе всякаго притязанія на эфекты и простая, но дѣльная передача предмста въ его современномъ научномъ состояніи. Если слушателей у него не такъ много (хотя все-таки больше, чѣмъ у предыдущаго

профессора), то по крайней мѣрѣ они могутъ извлечь пользу изъ лекцій, тѣмъ болѣе, что Кепке не ограничивается однимъ изложеніемъ событій, но указываетъ въ нужныхъ случаяхъ на литературу предмета, на главнѣйшія сочиненія, иногда даже передавая ихъ главное содержаніе и знакомя слушателей съ различными мнѣніями относительно того или другаго вопроса. Такъ, довольно подробно изложилъ онъ вопросъ о лже-Исидоровыхъ декреталіяхъ, дѣятельность папы Николая I-го, его отношенія къ свѣтской власти, къ митрополитамъ западной Европы, къ константинопольскому патріарху. Обстоятельно и хорошо изложены были отношенія римско-германскаго міра къ Славянамъ, Венграмъ, появленіе Нормановъ. Совершенно нѣтъ блеска, нѣтъ фразъ, нѣтъ большой живости изложенія, но лекціи очень дѣльныя и полезныя для студентовъ, не смотря на нѣкоторую сухость и краткость (въ одну лекцію, напр., Кепке изложилъ событія въ Германіи въ царствованіе Конрада, Генриха I, Оттона I и Оттона II).

«Бекъ. Былъ на нѣсколькихъ лекціяхъ и первая сдѣлала на меня особенное впечатлѣніе. Бекъ читаетъ въ большой аудиторіи (гдѣ Дройзенъ, Ранке, Раумеръ), слушателей чрезвычайно много, аудиторія полна; но никто не стоитъ у каѳедры. Бекъ ректоръ университета, очень старъ, но еще довольно свѣжъ. Говорятъ, онъ очень хорошъ былъ въ пурпуровой ректорской мантіи и такой же шапочкѣ на праздникѣ Шиллера. Онъ приноситъ съ собою портфель, изъ котораго на каѳедру раскладываетъ множество исписанныхъ бумажекъ. Онъ долго разбираетъ ихъ, прочитываетъ мѣсто изъ греческаго писателя, потомъ останавливается, думаетъ нѣсколько секундъ и потомъ уже предлагаетъ объясненіе. Такъ проходитъ лекція. Читаетъ онъ тихимъ, старческимъ голосомъ, такъ что даже съ первыхъ скамеекъ иногда трудно разслышать, медленно, съ болѣе или менѣе продолжительными паузами. Лекція богата внутреннимъ содержаніемъ. По поводу крѣпостнаго, несвободнаго состоянія въ Греціи онъ

приводитъ аналогическіе факты и объясненія изъ римскихъ и германскихъ древностей. Внѣшней отдѣлки, изящества изложенія нѣтъ, а между тѣмъ огромная аудиторія съ какимъ-то благоговѣніемъ слушаетъ этотъ тихій, иногда не совсѣмъ внятный голосъ знаменитаго старика. Никто не шевелится, никто не подойдетъ къ каѳедрѣ, какъ это дѣлается у насъ (даже и въ томъ случаѣ, когда профессоръ читаетъ довольно громко). Большая часть слушателей, если не всѣ, записываетъ, хотя для сидящихъ назади это и весьма трудно. Я сидѣлъ обыкновенно на третьей отъ кафедры скамьѣ; но и тутъ многія слова терялись. Бекъ читаетъ греческія древности; при мнѣ онъ читалъ о несвободныхъ состояніяхъ въ Греціи, о демократическомъ элементѣ въ Греціи (какъ на одно изъ средствъ для демократизированія народа, онъ указывалъ на гимнастику, внушающую довѣріе къ своимъ силамъ, развивающую мужество въ народѣ тамъ, гдѣ гимнастическія упражненія не есть привилегія одного класса, какъ въ Спартѣ, гдѣ они являлись средствомъ усиленія аристократизма).

«Мюллеръ. Слышалъ его чтеніе этнографіи и исторіи Востока. Читалъ о исламѣ. Дикція чрезвычайно непріятная, съ переходомъ изъ одного тона въ другой. Изложеніе сжатое и сухое, такъ что при самомъ чтеніи лекція имѣетъ уже характеръ записаннаго студентами конспекта. Мюллеръ иногда останавливается на объясненіи различія мухамеданскихъ религіозныхъ воззрѣній отъ ученія христіанскаго, но эти объясненія также коротки, скорѣе намекъ, чѣмъ объясненія. Слушателей, включая тутъ и меня, было всего четверо, изъ которыхъ одинъ уже совсѣмъ сѣдой старикъ, вѣроятно, также непостоянный посѣтитель.

«Лепсіусъ читаетъ нынѣшній годъ два курса. Одинъ публичный, египетской исторіи, другой privatissima въ его рабочемъ кабинетѣ, въ египетскомъ музеѣ, о египетскихъ памятникахъ. Памятники собственно египетскаго музея долженъ былъ въ нынѣшній семестръ объяснять Бругшъ, но, какъ мнѣ сказали въ музеѣ, онъ прекратилъ эти объясненія

по случаю своего отъѣзда въ Персію. Въ курсѣ египетской исторіи я попалъ на обьясненіе показаній Геродота и Діодора и сличеніе этихъ показаній съ свидѣтельствами Манеѳона и самыхъ египетскихъ памятниковъ, также о хронологическихъ попыткахъ Юлія Африканскаго, Евсевія и Синкела. Лепсіусъ, съ своими сѣдыми, стриженными волосами и усами, съ прямымъ чрезвычайно станомъ, имѣетъ какую-то военную наружность, которая смягчается мягкимъ голосомъ. Читаетъ онъ совершенно свободно, ясно и просто. Чтобы получить возможность бывать на его privatissima, я пришелъ нѣсколько раньше въ музей и засталъ Лепсіуса, объясняющаго памятники и превосходныя картины на стѣнахъ египетскаго дворца принцессы Каролины. Лепсіусъ былъ въ парадѣ, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, но со шляпою на головѣ. Въ музеѣ не было замѣтно никакого особеннаго движенія; точно также, какъ и при обыкновенныхъ посѣтителяхъ, которые ходили тутъ же, не обращая вниманія на принцессу. Присутствіе ея было замѣтно развѣ по двумъ придворнымъ лакеямъ, несшимъ за нею мантилію ея, и сопровождавшей ея дамы. Лепсіусъ охотно далъ мнѣ позволеніе посѣщать его лекціи, попросивъ только мою карточку. Чтеніе въ небольшомъ кабинетѣ, гдѣ передъ мольберомъ, на которомъ поставлены рисунки, нѣсколько рядовъ стульевъ для слушателей. Въ эту лекцію Лепсіусъ объяснялъ Бенигассанскіе памятники, показавъ рисунокъ ихъ внѣшняго вида и планъ. Прежніе ученые по входу съ канелированными столбами относили эти памятники къ позднѣйшему періоду египетской исторіи. По этому поводу Лепсіусъ долго остановился на объясненіи 2 родовъ египетскихъ колоннъ и на ихъ архитектурномъ отличіи отъ греческихъ, причемъ указалъ и на древнюю связь греческаго искусства съ египетскимъ. Греки, а въ особенности племена Малой Азіи не могли не быть издавна знакомы съ памятниками Египта. Свои объясненія Лепсіусъ постоянно сопровождаетъ рисунками. Такъ, по поводу перваго рода столбовъ, возникшихъ въ постройкахъ, высѣченныхъ въ скалахъ,

онъ показывалъ разрѣзы этихъ построекъ, чтобы объяснить, какъ изъ стѣны образовались четырехъ — восьми — и шестнадцатиугольные столбы, встрѣчающіеся въ египетскихъ гробницахъ. Для объясненія втораго рода колоннъ, очевидно, возникшихъ изъ подражанія растительному царству, онъ также показывалъ довольно много рисунковъ. Въ самомъ музеѣ историческая зала устроена, какъ подражаніе Бенигассанскимъ памятникамъ. Затѣмъ Лепсіусъ перешелъ къ Сеуту, къ резиденціи Аменофисса IV, и долго остановился на характерѣ этого царствованія, такъ рѣзко отличающагося отъ предшествующихъ и послѣдовавшихъ и совершенно одиноко стоящаго въ египетской исторіи».

(Затѣмъ идетъ краткій перечень лекцій Лепсіуса, состоящій изъ неясныхъ намековъ, который и пропускаю).

«Самый блестящій изъ профессоровъ исторіи въ берлинскомъ университетѣ — безспорно Дройзенъ, недавно переведенный сюда изъ Іены и привлекающій на свои лекціи огромное количество слушателей. Его имени нѣтъ еще въ каталогѣ лекцій и онъ читаетъ только privata. Одинъ курсъ посвященъ исторической пропедевтикѣ, другой исторіи французской революціи. На первомъ я засталъ окончаніе отдѣла объ исторической критикѣ и главу объ интерпретаціи; на второмъ онъ читалъ, начиная съ министерства Калонна и съ созванія нотаблей. На этомъ курсѣ число слушателей такъ велико, что едва можно найти мѣсто даже для того, чтобы стоять. Я приходилъ обыкновенно очень рано и всегда уже заставалъ всю заднюю половину аудиторіи совершенно полною. Послѣ мнѣ объяснили, что это господа, не записавшіеся у Дройзена и слушающіе его gratis безъ позволенія и матрикуляціи. Въ числѣ слушателей много офицеровъ и солдатъ, нѣсколько почтенныхъ господъ съ сѣдыми головами, даже одинъ совершенно слѣпой старикъ, котораго обыкновенно приводятъ довольно рано. Внѣшность изложенія Дройзена дѣйствительно блестящая: громкій, звучный голосъ, умѣніе владѣть имъ, тщательная отдѣлка фразы (Дройзенъ читаетъ по тетради),

ораторскія движенія, иногда впрочемъ не безъ сильнаго притязанія на произведеніе эфекта, все это составляетъ рѣзкую противоположность съ чтеніемъ остальныхъ профессоровъ исторіи. Въ своемъ взглядѣ на общій ходъ и отдѣльные моменты революціоннаго движенія Дройзенъ рѣзко расходится съ французскими историками и не упускаетъ случая указать на эту противоположность воззрѣній. Безпощадный къ феодальной партіи и ея ошибкамъ, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго сочувствія къ движенію народныхъ массъ. Съ революціи онъ снимаетъ упрекъ, будто она совершенно разорвала связь съ прежнимъ устройствомъ. Парламентъ парижскій первый разорвалъ эту связь своимъ сопротивленіемъ распоряженіямъ правительства. Въ революціонномъ движеніи онъ видитъ не борьбу за свободу, но только борьбу за политическую власть (Macht-Frage, а не Freiheits-Frage). Въ отсутствіи мысли и инициативы въ правительствѣ, въ отсутствіи всякаго твердо установленнаго плана, въ уступчивости и нерѣшительности причина успѣховъ революціоннаго движенія. Изъ членовъ національнаго собранія онъ высоко ставитъ только Мирабо, который могъ бы спасти Францію, если бы имѣлъ нравственную силу. Сильно возстаетъ противъ французскихъ историковъ (Мишле), видящихъ въ общемъ ходѣ революціи внутреннюю необходимость. 4 августа, федераціи и т. п. не вызываютъ ни малѣйшаго сочувствія, а только осужденіе; то же самое относительно жалованья духовенству, избранія священниковъ и епископовъ общинами, хотя Дройзенъ и признаетъ, что съ евангелической точки зрѣнія все это очень хорошо. Самыя событія Дройзенъ излагаетъ довольно подробно, но проводя повсюду свое основное воззрѣніе и доводя его иногда до несправедливости. Въ возстаніи Парижа онъ готовъ видѣть только движеніе праздныхъ негодяевъ и бродягъ.

«Курсъ исторической пропедевтики очень хорошъ. Онъ читаетъ его по изданному имъ Grundriss, весьма подробному, котораго я, къ сожалѣнію, не могъ достать, потому что его можно получить только отъ самого Дройзена. Я былъ у него

два раза и не засталъ его, хотя одинъ разъ пріѣхалъ къ нему въ $9^1/_2$ часовъ. Съ ранняго утра онъ уходитъ въ архивъ, и позволеніе посѣщать лекціи я получилъ, поймавъ его въ университетѣ. Онъ читаетъ весьма подробно (теперь объ интерпретаціи, которой считаетъ четыре вида: Interpretation des Thatbestandes, прагматическая, Interpretation der Bedingungen, psychologische Interpretation и Interpretation der Ideen). Не ограничиваясь общимъ догматическимъ изложеніемъ, онъ безпрестанно приводитъ примѣры, и притомъ выбирая эти примѣры изъ совершенно различныхъ отраслей историческаго знанія. Такъ, напр., говоря о критикѣ фактовъ и о распредѣленіи критически очищеннаго матеріала по различнымъ точкамъ воззрѣнія и для различныхъ цѣлей, онъ выбралъ примѣръ изъ исторіи живописи и долго остановился на немъ. Говоря о прагматической интерпретаціи, онъ взялъ примѣръ изъ объясненій гомерическаго эпоса посредствомъ аналогіи съ пѣснею Нибелунговъ. Interpretation der Bedingungen: примѣръ—боргезскій боецъ, котораго постановка, поза можетъ быть объяснена тѣмъ мѣстомъ, которое онъ предназначенъ былъ занимать въ храмѣ».

Слушаніе лекцій, даже посѣщеніе училищъ не составляло, какъ мы видѣли, главнаго занятія Ешевскаго за границею: онъ вмѣстѣ съ тѣмъ изучалъ памятники искусства въ музеяхъ, памятники древности преимущественно въ Римѣ, средневѣковую старину главнымъ образомъ въ Кельнѣ. Въ его записной книжкѣ есть много замѣтокъ объ осмотрѣнныхъ предметахъ, но большей частью перечневыхъ; остановимся на его описаніи музея извѣстнаго археолога Клемма, которое представляетъ наиболѣе интереса.

«Собраніе Клемма расположено въ нѣсколькихъ комнатахъ въ верхнемъ этажѣ занимаемаго имъ дома и чрезвычайно богато. Оно расположено систематически, хотя съ перваго взгляда и представляетъ, повидимому, совершенный безпорядокъ, нѣчто въ родѣ лавки съ разными рѣдкостями. Я пробылъ у Клемма три часа и успѣлъ съ его помощью разсмо-

трѣть часть собранія. Огромный отдѣлъ для оружій и орудій, начиная отъ естественныхъ камней и кусковъ дерева, употреблявшихся, какъ орудія, и подавшихъ мысль человѣку объ искусственномъ подражаніи этимъ естественнымъ орудіямъ. У Клемма сравнительный способъ изслѣдованія; и потому рядомъ съ каменными орудіями германскими и скандинавскими помѣщаются соотвѣтствующія формы Америки и островомъ Тихаго Океана. Въ его собраніи всѣ переходы отъ самыхъ простыхъ формъ до болѣе искусственныхъ и сложныхъ, притомъ по возможности собраны образцы различныхъ степеней обработки. Такъ, въ собраніи орудій изъ кремня сначала идутъ не обдѣланные еще кремни, по своей естественной формѣ годные на обдѣлку, потомъ кремни уже, что называется, оболваненные, кремни, у которыхъ одна сторона обдѣлана, и, наконецъ, совсѣмъ готовыя орудія. Точно также съ другими каменными орудіями. Топоры, напр., расположены по различнымъ формамъ. Собраніе земледѣльческихъ орудій изъ камня. Каменныя орудія, для обдѣлки которыхъ употреблены уже металлическія орудія. Орудія изъ бронзы, сначала подражаніе каменнымъ орудіямъ. Топоры, клинки для ножей и мечей (въ собраніи Клемма есть одинъ ножъ-кинжалъ, по красотѣ единственный во всѣхъ собраніяхъ). Огромное отдѣленіе для желѣзныхъ орудій. Собраны образцы почти всѣхъ странъ. Нѣкоторыя сближенія весьма любопытны (формы каменныхъ орудій съ острововъ Тихаго Океана одинаковы съ древнегерманскими; тоже относительно Америки. Ножъ-мечъ изъ Донголы какъ будто снятъ съ древне-египетскаго барельефа или рисунка). Собраніе ножей, топоровъ, ножницъ, земледѣльческихъ инструментовъ. Старо-нѣмецкій серпъ совершенно похожъ на серпъ, найденный мною въ Билярскѣ и отданный въ казанскій университетъ. Въ этой же комнатѣ помѣщается часть собранія русскихъ вещей (модели), полученныхъ Клеммомъ отъ В. Кн. Константина Николаевича и собранныхъ большею частью Далемъ. Во второй комнатѣ, гдѣ работаетъ Клеммъ и которая одна топится,

собраніе сосудовъ великолѣпное, начиная также съ природныхъ формъ, т. е. съ камней, которые могли служить, какъ сосуды, съ тыквъ и орѣховъ, до венеціанскаго стекла. Здѣсь сосуды изъ дерева (старо-нѣмецкая кружка изъ обрубка дерева съ корою), глины, стекла и фарфора. Замѣчательны глиняные сосуды изъ Африки, сохраняющіе еще древне-египетскую форму и чрезвычайно тонкіе и легкіе. Въ третьей комнатѣ собраніе украшеній, также систематически расположенное въ выдвижныхъ ящикахъ и также расположенное не по народностямъ, а по матеріалу (украшенія изъ сѣмянъ, изъ перьевъ, камней, фарфору, стекляруса, металла и т. п. украшенія шейныя, головныя). Осмотрѣть все въ подробности нѣтъ возможности въ одинъ разъ, и Клеммъ обѣщалъ мнѣ назначить еще день, чтобы пройдти вмѣстѣ со мною еще какой-нибудь отдѣлъ. Теперь онъ готовитъ сочиненіе о германскихъ древностяхъ и говоритъ, что сношенія съ Россіею и присылка вещей изъ Россіи объясняютъ ему многое.

«Во второе мое посѣщеніе Клемма мы прошли съ нимъ ту часть его собранія, которая относится къ исторіи искусства. Она очень обширна и начинается первыми грубыми попытками человѣческихъ фигуръ, вырѣзанными изъ дерева Неграми. Въ отдѣленіи мексиканскихъ изображеній я нашелъ одну голову изъ глины поразительнаго сходства съ другою, найденною въ Каракасѣ. Оказалось, къ крайнему моему удивленію, что первая найдена была въ Герлицѣ и относится къ 1315 г. Нѣсколько индійскихъ божествъ, вырѣзанныхъ на необыкновенно твердомъ и тяжеломъ деревѣ, похожемъ нѣсколько на дубъ (между прочимъ, колесница Ягернаута). Замѣчу еще рельефъ (№ 827) на шиферѣ, который можно принять съ одинаковою вѣроятностію столько же за этрусскій или египетскій, сколько и за мексиканскій. Онъ достался Клемму изъ собранія Штакельберга и представляетъ три фигуры, изъ которыхъ одна держитъ въ рукѣ змѣю, другая—мечъ. Одна изъ любопытнѣйшихъ вещей есть безспорно небольшой цилиндръ изъ обожженной глины съ выпуклыми

изображеніями для печатанія тканей. Онъ найденъ въ гробахъ древнихъ Караибовъ въ Новой Гранадѣ въ Medellin'ѣ (№ 5519; Клеммъ далъ мнѣ оттискъ, напечатанный этимъ цилиндромъ). По сходству въ характерѣ и въ степени искусства съ пермскими древностями я замѣтилъ (№ 1058) бронзовую фигуру осла изъ Тосканы и (№ 297) бронзовую фигуру лошади, найденную въ Германіи; но самое поразительное сходство въ (№ 590) бронзовой фигурѣ птицы, тоже найденной въ Германіи. Мы долго говорили съ Клеммомъ объ его путешествіяхъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ съѣздить въ Кведлинбургъ, Гальберштадтъ и Брауншвейгъ, чтобы взглянуть на деревянныя зданія XIV и XV в., еще сохранившіяся тамъ, и въ Брауншвейгѣ уполномочилъ меня обратиться отъ его имени къ доктору Шиллеру, который можетъ познакомить меня съ достопамятностями Брауншвейга. Я сообщилъ Клемму нѣкоторые рисунки съ вещей, положенныхъ мною въ кабинетъ рѣдкостей казанскаго университета. Особенно онъ интересовался однимъ каменнымъ топоромъ, котораго форма еще никогда не встрѣчалась ему до сихъ поръ. Въ третій визитъ я долженъ былъ сообщить ему нѣкоторыя свѣдѣнія о русскихъ древностяхъ. Клеммъ говоритъ, что много обязанъ Русскимъ въ разъясненіи многихъ, не совсѣмъ ясныхъ для него, вопросовъ германской древности, которые разрѣшились только путемъ сравненія. По его мнѣнію, въ Германіи было два племени, одно пассивное, покоренное или уничтоженное другимъ, активнымъ, принесшимъ съ собою бронзовыя орудія. Я разстался съ большимъ сожалѣніемъ съ Клеммомъ до будущей встрѣчи».

Обѣщая себѣ, какъ мы видѣли, не заниматься книгами, Ешевскій не могъ однако не заглядывать въ библіотеки и не обращаться къ тѣмъ книгамъ, которыя невозможно было достать въ Россіи. Особенно много онъ работалъ въ Парижѣ, гдѣ прожилъ три съ половиною мѣсяца (съ ноября 1860 г. до февраля 1861-го). Въ его бумагахъ я нашелъ записную книжку, въ которой вписаны разныя указанія изъ прочитан-

ныхъ имъ книгъ; большая часть указаній относится къ первоначальной исторіи Франціи. Здѣсь онъ пріобрѣлъ обширное знакомство съ кельтскими древностями и дополнилъ свои знанія о первомъ періодѣ французской исторіи. Все это были матеріалы для готовившагося уже давно сочиненія о Брунегильдѣ. Съ восторгомъ писалъ онъ женѣ изъ Парижа, какъ онъ много работаетъ въ библіотекахъ. Рядомъ съ научными работами шло у него ознакомленіе съ современнымъ положеніемъ народовъ Запада, что составляетъ совершенную противоположность его студенческимъ годамъ, когда онъ мало обращалъ вниманія на современность. Теперь было иное: я знаю, что онъ слѣдилъ за итальянскимъ движеніемъ; въ его записной книжкѣ я нашелъ выписки, касающіяся баденскаго конкордата; А. С. Трачевскій въ запискѣ, которою я пользовался выше, сообщаетъ между прочимъ слѣдующее: «С. В. хотѣлъ въ своемъ ближайшемъ курсѣ спеціально остановиться на средневѣковыхъ оригинальныхъ учрежденіяхъ для организаціи промышленности. Во время своего пребыванія за границей онъ изучалъ устройство такъ-называемыхъ Compagnonages въ Парижѣ; узналъ хорошо принципы, которыми руководствуется дѣятельный современный подвижникъ въ этомъ дѣлѣ, Пердигье, и собралъ нѣкоторые матеріалы для историческихъ работъ надъ этимъ интереснымъ предметомъ, которые должны были послужить исходною точкой къ его изслѣдованіямъ. При этомъ приходитъ мнѣ на память одинъ одушевленный разговоръ, который отлично доказываетъ, какъ упорно мысль его овладѣла извѣстнымъ предметомъ и преслѣдовала его со всѣхъ сторонъ. Когда зашла рѣчь о характерѣ соціалистическихъ стремленій послѣдняго времени, онъ расхваливалъ предпріятія странствующаго проповѣдника Вернера, говоря, что «въ основѣ его лежитъ христіанская идея». Оказалось, что онъ собиралъ всѣ брошюры, касающіяся этого предпріятія.» Съ улучшеннымъ здоровьемъ, съ богатымъ запасомъ свѣдѣній, полный надеждъ и плановъ для будущей полезной дѣятельности, спѣшилъ онъ въ Россію лѣтомъ 1861 г.; но какъ ма-

лому суждено было осуществиться изъ этихъ плановъ и надеждъ!..

Неполныхъ четыре года продолжалась жизнь Ешевскаго послѣ этого возвращенія изъ-за границы; въ эти четыре года здоровье его становилось все хуже и хуже. Послѣ тревожнаго 1861 г., лѣтомъ 1862-го его опять послали за границу; но зимою постигъ его первый ударъ паралича. Оправившись, онъ снова принялся за работу. Въ 1864 г. послали его за границу; болѣе вакаціоннаго времени онъ остаться не хотѣлъ, вернулся къ той же тревожной дѣятельности, которая, по справедливому замѣчанію А. С. Трачевскаго въ его «Воспоминаніяхъ» [1], стала въ послѣдніе годы еще тревожнѣе; болѣзнь окончательно приковала его къ постели, и 29-го мая 1865 г. онъ скончался.

Среди этихъ постоянно возобновлявшихся припадковъ, онъ принужденъ былъ обстоятельствами отказываться отъ многихъ занятій. Такъ, скоро онъ долженъ былъ покинуть корпусъ, дѣятельностью въ которомъ онъ очень дорожилъ и начальство котораго умѣло цѣнить его дѣятельность; въ 1865 г. онъ покинулъ и институтъ, гдѣ снова началъ-было преподавать и гдѣ заботливо слѣдилъ за развитіемъ самосознанія воспитанницъ. Не разъ прерывались и его университетскія лекціи, такъ что во все это время онъ прочелъ только одинъ полный курсъ, доходившій до феодализма [2]), въ который онъ положилъ много матеріала, приготовленнаго имъ для Брунегильды; другой курсъ о феодализмѣ оставался неоконченнымъ. Въ то же время прочитано имъ было, въ видѣ введенія въ новый курсъ, нѣсколько лекцій (помѣщены въ «Сочиненіяхъ» подъ названіемъ: «О значеніи расъ въ исторіи»), въ которыя онъ внесъ результаты новѣйшихъ антропологическихъ изслѣдованій. Въ то время его особенно занималъ

---

[1]) «Соврем. Лѣтопись» 1865 г., № 21.

[2]) Этотъ курсъ напечатанъ во II части „Сочиненій" подъ названіемъ: „Эпоха переселенія народовъ, Меровинги и Каролинги".

вновь возникающій отдѣлъ археологіи,—археологія доисторическая, какъ мы уже и видѣли изъ его бесѣдъ съ Клеммомъ. Онъ старался достать для Московскаго университета хотя снимки съ вещей, найденныхъ въ швейцарскихъ озерахъ. Обширное поприще для его дѣятельности собирателя открывалось, когда въ возникающемъ Московскомъ музеѣ предложена была ему должность хранителя этнографическаго отдѣленія: онъ принялся за это дѣло съ ревностію; но уже силы начинали измѣнять ему. Горячее сочувствіе и вспоможеніе оказалъ онъ новому Московскому Археологическому Обществу, сочувствіе, которое превосходно выставилъ А. А. Котляревскій въ своей статьѣ. «Поминки по С. В. Ешевскомъ» (Древности. Труды Моск. Арх. Общ., т. II). Дѣятельно участвуя въ созданіи общества, Ешевскій успѣлъ дать ему только одинъ вкладъ: статью о свайныхъ постройкахъ. Тогда же случай помогъ ему ближе познакомиться съ однимъ изъ вопросовъ давно уже занимавшихъ его—съ масонствомъ. Ему попалось въ руки множество масонскихъ бумагъ и рукописей, частію переданныхъ черезъ него въ музей, частію оставшихся у него и уже послѣ него поступившихъ въ это собраніе. Эта находка дала ему возможность написать двѣ статьи, помѣщенныя въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Онъ даже думалъ сдѣлать вопросъ о масонствѣ предметомъ своей докторской диссертаціи. Такъ разнообразны были его труды въ эти страдальческіе годы. Онъ какъ будто торопился жить и высказаться.

Но не эти труды уносили главнымъ образомъ его здоровье и силы: ихъ уносили постоянные труды по вопросамъ университетскаго устройства, проекты, участіе въ комитетахъ, совѣтскія пренія; разъ безъ чувствъ вынесли его изъ засѣданія совѣта; а между тѣмъ именно отъ этого-то рода трудовъ онъ и не хотѣлъ отказаться. Въ 1862 г., узнавъ, что рѣшается одинъ изъ занимавшихъ его вопросовъ въ совѣтѣ, онъ спѣшилъ возвратиться изъ-за границы и такъ торопился изъ Петербурга, что проѣхалъ, не повидавшись съ близкими

ему людьми. А между тѣмъ время было полно вопросами: перестроивались и университетъ, и гимназія, подымались волненія студенческія. Все это тяжело дѣйствовало на Ешевскаго, раздражало, разстроивало его уже и потому, что университетъ и его судьба были самыми близкими для него предметами, и до конца онъ былъ преданъ имъ со всею страстностію своей натуры. Надо было видѣть, какъ онъ оживлялся, когда говорилъ о нихъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти: я видѣлъ его въ послѣдній разъ, когда онъ возвращался изъ-за границы въ 1864 г.

Такъ угасалъ и, наконецъ, угасъ въ трудахъ и болѣзни этотъ энергическій борецъ за науку и русское просвѣщеніе. О немъ можно смѣло сказать, что онъ положилъ въ нихъ свою жизнь, смѣло можно сказать, что онъ чуждъ былъ своекорыстныхъ разсчетовъ и какихъ нибудь посторонних соображеній: у него не было личной ненависти, а передъ дѣломъ замолкали для него и личныя привязанности; когда онъ ошибался, то ошибался честно, и то, что могло казаться со стороны личнымъ упрямствомъ, въ послѣдствіи оказывалось слѣдствіемъ убѣжденія. Тотъ русскій ученый, о которомъ мечталъ Грановскій, который внесъ бы въ европейскую науку свой русскій взглядъ, еще не являлся, и Ешевскій, подобно своимъ предшественникамъ по каѳедрѣ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ шелъ по дорогѣ, проложенной европейскими учеными, знакомя университетское юношество и читающую публику съ пріемами и результатами западной науки, къ которой впрочемъ онъ относился критически: помню, какъ въ 1861 г. говорилъ онъ мнѣ о недобросовѣстномъ пользованіи источниками въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Амедея Тьерри и даже готовилъ по этому поводу статью. Но онъ шелъ ихъ путемъ, и все вниманіе его въ преподаваніи обращено было на Западъ, что замѣтно и въ трудахъ его по русской исторіи, съ которою онъ былъ знакомъ ближе своихъ предшественниковъ, особенно со стороны народности. То, чего ему недоставало, принадлежитъ будущему времени; а

для своего времени онъ сослужилъ великую службу: въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Нижнемъ, въ Вяткѣ и на пароходѣ изъ Перми мнѣ случалось слышать горячее слово благодарности отъ людей, въ которыхъ онъ разбудилъ умственный интересъ. Немногимъ изъ преподавателей выпало на долю то горячее чувство любви, которое возбудилъ къ себѣ Ешевскій; немногіе сохранили по себѣ такое чистое воспоминаніе: рано умираютъ даровитые люди въ русской землѣ, еще раньше старѣютъ и переживаютъ сами себя. Ешевскаго, сколько можно видѣть изъ всей его біографіи, никогда не ждала такая участь: отъ нея спасли бы его страстность его природы и постоянное недовольство своими трудами — лучшій залогъ возможности совершенствованія; Ешевскій крѣпнулъ и росъ. Онъ сдѣлалъ для своего усовершенствованія все, что могъ сдѣлать и даже, смѣю сказать, болѣе, чѣмъ могъ при своемъ болѣзненномъ организмѣ. Грустно было мнѣ, товарищу и другу его первой молодости, пересказывать его скорбную жизнь; но меня утѣшала та мысль, что жизнь эта должна служить примѣромъ для тѣхъ, кому впереди предстоитъ подобная дѣятельность. Людей, ставящихъ высшіе интересы человѣчества, интересы науки, выше всего и жертвующихъ имъ даже жизнію, слишкомъ мало, а только ихъ присутствіе подымаетъ общественное сознаніе надъ матеріальными интересами и «злобою дня».

АЛЕКСАНДРЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ ГИЛЬФЕРДИНГЪ, КАКЪ ИСТОРИКЪ [1].

Мы привыкли жаловаться на то, что у насъ вообще мало устойчивости въ нашихъ предпріятіяхъ, нашихъ дѣйствіяхъ, что мы быстро переходимъ отъ одного дѣла къ другому, отъ одной цѣли къ другой. Въ этихъ жалобахъ много правды (болѣе, понятно, относительно образованнаго класса); тѣмъ поучительнѣе для насъ примѣры людей, посвятившихъ всю жизнь свою служенію одной цѣли, проведшихъ черезъ всю жизнь одну идею. Такимъ человѣкомъ былъ покойный нашъ предсѣдатель А. Ѳ. Гильфердингъ. Не касаясь всѣхъ сторонъ его многообразной дѣятельности, которыя, какъ лучи, всѣ сходятся къ одному общему центру, не касаясь потому, что въ этомъ собраніи другіе, болѣе меня компетентные и краснорѣчивые судьи представятъ вашему вниманію оцѣнку этихъ сторонъ, я позволю себѣ остановиться на одной изъ нихъ и постараться указать связь ея съ главною идеей, легшей въ основаніе всей умственной дѣятельности покойнаго. Сторона эта—его историческія изслѣдованія.

Идеей, опредѣлившей всю дѣятельность Гильфердинга, было поднятіе нашего народнаго самосознанія; но это самосознаніе не ограничивалось для него географическими пре-

[1]) Читано въ торжественномъ засѣданіи петербургскаго отдѣла славянскаго благотворительнаго комитета 14-го февраля 1873 г.

дѣлами русскаго государства, ни даже этнографическими гранями русскаго племени: оно простиралось на весь славянскій міръ, который являлся ему однимъ цѣлымъ, несмотря на разнообразіе судебъ народовъ, его составляющихъ. Единство славянскаго міра не являлось ему механическимъ единствомъ: все механическое, внѣшнее находило въ немъ строгое осужденіе; такъ, въ «Исторіи сербовъ и болгаръ» мы находимъ краснорѣчивое осужденіе единства симеонова царства, какъ единства внѣшняго, насильственнаго, завоевательнаго. Въ этой внѣшности онъ видѣлъ главную причину паденія симеоновой державы, несмотря на ея блескъ.

Единство это являлось Гильфердингу кореннымъ единствомъ взглядовъ, понятій. «Народный характеръ — читаемъ мы въ одной изъ записныхъ его книжекъ — составляютъ не какія бы то ни было нравственныя качества, а **понятія**, на которыхъ онъ основываетъ свой общественный и частный бытъ. Измѣняемость нравственныхъ качествъ (вліяніе просвѣщенія и проч.); неизмѣнность этихъ понятій. Эти понятія — плодъ первоначальной жизни народа (сравнить съ образованіемъ человѣческаго характера)». Далѣе, опровергая мнѣніе одного нѣмца, основывавшаго родство народовъ на сходствѣ нравственныхъ качествъ, онъ говоритъ: «Это то же самое, что еслибъ я, для доказательства моего родства съ такимъ-то (котораго наслѣдство, положимъ, хотѣлъ бы получить), сказалъ, что онъ былъ такой же, какъ я, неуживчивый человѣкъ, такъ же предпочиталъ охоту и разбой мирному промыслу, такъ же былъ храбръ, такой же былъ пьяница, такъ же женился изъ-за денегъ, любилъ пѣсни и одѣвался одинаково. Родство народа съ народомъ, какъ и человѣка съ человѣкомъ, доказывается совсѣмъ иначе». Проникнутый этими мыслями, онъ не оберегаетъ древнихъ славянъ отъ обвиненій, напримѣръ, въ пиратствѣ, и тѣмъ избавляется отъ свойственной многимъ историкамъ слабости находить у одного народа всѣ добродѣтели, а у другаго — всѣ пороки; за то за понятіями онъ слѣдитъ внима-

тельно и ихъ-то старается выставить на первый планъ. Припомнимъ подробный анализъ учрежденій общественныхъ и семейнаго быта у славянъ балтійскихъ подъ вліяніемъ большаго или меньшаго искаженія, приносимаго нѣмцами; припомнимъ краткій, но блистательный очеркъ исторіи Чехіи, доказывающій то же самое. Крайнимъ выраженіемъ той же самой мысли служитъ характеристика главнѣйшихъ племенъ арійскихъ въ «Древнѣйшей исторіи славянъ», гдѣ, какъ вамъ извѣстно, три пары народовъ, чередовавшихся въ челѣ народовъ арійскихъ, индусы и персы, греки и римляне, германцы и славяне раздѣлены на двѣ группы: въ одной отличительное свойство — индивидуализмъ съ его блестящимъ умственнымъ и художественнымъ развитіемъ; въ другой — общность съ неизбѣжно-соединенною съ нею способностью къ политической организаціи. Эта характеристика, возбудившая противъ себя толки, быть можетъ, потребуетъ значительныхъ смягченій, ограниченій, но, тѣмъ не менѣе, она не только блистательно-остроумна, но и въ высшей степени важна, какъ указаніе на то, чего долженъ преимущественно добиваться историкъ въ изученіи жизни народовъ, въ чемъ онъ долженъ полагать свою главную задачу. Дѣйствительно, съ теченіемъ времени все измѣняется: и обычаи, и нравы, и экономическія отношенія, а всетаки остается что-то такое, что составляетъ сущность народной жизни, и это что-то есть понятіе выражающееся, такъ или иначе, среди всѣхъ измѣненій судебъ народа. Ясно, что, поставивъ себѣ подобную задачу, Гильфердингъ не могъ довольствоваться частными историческими изслѣдованіями, медленно подготовляющими матерьялы для будущаго зданія и долго и съ сомнѣніемъ осматривающими каждый камень, годенъ-ли онъ для предполагаемаго зданія; не могъ онъ также довольствоваться изложеніемъ того, что уже принято въ наукѣ, имѣющемъ въ виду подготовить новыхъ тружениковъ на этомъ полѣ, указать имъ, что сдѣлано и чего еще не сдѣлано. Поставивъ цѣлью исторія вообще, а слѣдовательно и своихъ собственныхъ историческихъ

трудовъ—не только изображать прошлое, т. е. выражать, насколько народъ проявилъ себя въ своей исторіи, но и будить народное сознаніе въ настоящемъ, онъ не могъ ограничиться ни тою, ни другою дѣятельностью. Онъ даже съ нѣкоторою недовѣрчивостью относился къ различнымъ мнѣніямъ, многія изъ которыхъ казались ему простою ученою прихотью; а слѣдовательно, занятіе ими было-бы только отвлеченіемъ отъ главной цѣли. Оттого въ его сочиненіяхъ такъ мало полемическаго элемента, что имъ придаетъ особую занимательность. Что бы мы ни думали по этому поводу, нельзя не согласиться, что, съ своей точки зрѣнія, онъ былъ совершенно правъ: онъ прокладываетъ новые пути, ведетъ по нимъ; до того-ли ему, чтобъ доказывать, что старые никуда не годятся или годятся только въ половину!

При такомъ настроеніи, при такомъ характерѣ дѣятельности, ясно, что авторъ не могъ ограничиться даже исторіей одного народа. Широкое поприще общей славянской исторіи манило его къ себѣ очень рано. Въ бумагахъ его лежитъ красиво-переплетенная тетрадка подъ заглавіемъ: «Краткій очеркъ исторіи славянскихъ народовъ въ IX и X столѣтіи». Тетрадка эта писана имъ, по всѣмъ признакамъ, внутреннимъ и внѣшнимъ, еще въ то время, когда онъ былъ въ Варшавѣ (т. е. до 1847 года). Здѣсь разсказывается разселеніе славянъ, основаніе первыхъ государствъ, проповѣдь Кирилла и Меѳодія, паденіе государствъ болгарскаго и моравскаго, основаніе польскаго. Словомъ, мы встрѣчаемся съ тѣми же самыми задачами, которыя занимали его всю его жизнь и, что всего замѣчательнѣе, съ тѣми же свойствами изложенія, которыя даютъ покойному такое высокое мѣсто въ рядахъ русскихъ писателей: умѣніе отдѣлить существенное отъ несущественнаго, поставить событіе въ правильной исторической перспективѣ, изложить ясно, просто и положительно. Почти первыми его печатными произведеніями были два историческія сочиненія: «Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ» (часть 1-я въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1854 года, а 2-я въ

«Русской Бесѣдѣ» 1857 года) и «Исторія балтійскихъ славянъ» (въ «Москвитянинѣ» 1854 года и въ «Архивѣ Калачова 1861 года). Оба, къ сожалѣнію, остались неоконченными (впрочемъ, въ бумагахъ найдено продолженіе исторіи балтійскихъ славянъ до смерти императора Генриха III-го). Сочиненія эти, мало извѣстныя у насъ въ началѣ, обратили на себя вниманіе въ славянскихъ земляхъ («Исторія сербовъ» переведена на нѣмецкій языкъ). Въ нашей тогдашней исторіографіи они были положительною новостью: исторіей славянъ занимались, большей частью, люди съ преобладаніемъ фантазіи (Венелинъ, Савельевъ), профессора же славянскихъ нарѣчій отдавались почти исключительно филологіи и отчасти археологіи; существовалъ только переводъ великаго творенія Шафарика, но онъ былъ положительно недоступенъ большинству читающихъ. Такимъ образомъ, для многихъ изъ тѣхъ кто случайно прочелъ эти сочиненія, они были бы рѣшительною новостью; но тогда ихъ читали весьма немногіе. Вспомнимъ, что это было время господства въ образованномъ обществѣ крайняго западничества. Сочиненія эти, въ которыхъ порою проглядываетъ юношеская неумѣлость (слѣды ея, впрочемъ, сглажены въ новомъ изданіи: уничтожены формы писемъ, уничтожены нѣкоторыя обращенія), явленіе въ высшей степени замѣчательное. Это исторія нетолько событій и даже смѣны учрежденій и бытовыхъ особенностей; нѣтъ, это исторія понятій и воззрѣній: передъ нами сплочивается изъ различныхъ стихій царство болгарское и рядомъ съ нимъ образуется сербское. Болгарское принимаетъ христіанство— здѣсь мы видимъ значеніе христіанской проповѣди; блистательный вѣкъ Симеона, его отношенія къ Византіи, причины паденія его разностихійнаго царства, причины неудачи попытки Самуила и характеристическія преступленія въ его родѣ. Картина выходитъ замѣчательно полная и округленная безъ всякаго желанія блистать внѣшнею картинностью разсказа и бить на эфектъ; отсутствіе эфекта при замѣчательной стройности изложенія—болѣе всего поражаетъ

непредубѣжденнаго читателя. Строгій критикъ можетъ остановиться на томъ, почему принято одно показаніе или оставлено другое; все это можетъ быть, и пусть объ этомъ судятъ спеціалисты; но такую картину нарисуетъ не всякій спеціалистъ. «Исторія балтійскихъ славянъ» представляетъ тѣ же достоинства, но съ тою разницей, что здѣсь въ значительной долѣ повѣствованіе о внѣшнихъ событіяхъ (извѣстія о которыхъ скудны) оттѣснено на задній планъ изложеніемъ особенности быта, представляющаго такое разнообразіе въ этомъ уголкѣ славянщины, гдѣ нашли себѣ мѣсто всѣ формы устройства, которыя только встрѣчаются у древнихъ славянъ (княжеская власть у однихъ, аристократія—у другихъ, демократія—у третьихъ), гдѣ есть и попытки федераціи, формы, какъ очень основательно доказывалъ Гильфердингъ, никогда неимѣвшей полнаго успѣха на почвѣ славянской. Рядъ публицистическихъ статей Гильфердинга (Сочиненія, т. II-й) тѣсно премыкаетъ къ его историческимъ трудамъ: все это небольшіе историческіе этюды, вызванные тѣмъ или другимъ общественнымъ или политическимъ вопросомъ, возникавшимъ у насъ или въ земляхъ другихъ славянъ. Эти мелкія статьи, всѣ зрѣло обдуманныя и превосходно написанныя, служатъ лучшимъ ключомъ къ важнѣйшему труду его жизни—«Исторія славянъ», которому не суждено было кончиться. Цѣль и значеніе этого труда авторъ объясняетъ въ приготовленномъ имъ предисловіи къ задуманному изданію первыхъ главъ этого труда, которыя напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» и къ которымъ должны были присоединиться еще двѣ главы: о предполагаемыхъ древнѣйшихъ колоніяхъ славянъ, преимущественно о вендахъ въ Галліи и о скиѳахъ, сохранившіяся въ черновомъ наброскѣ и, къ сожалѣнію, обѣ неоконченныя. Вотъ то предисловіе, о которомъ я говорилъ:

«Я давно мечталъ о томъ, чтобъ написать общую исторію славянскихъ народовъ. Я сознавалъ всю отважность такого предпріятія; сознавалъ, что удовлетворительное исполненіе подобной задачи не подъ силу не только мнѣ, но, вѣ-

роятно, никому изъ людей нашего поколѣнія. Когда исторія каждаго славянскаго народа въ отдѣльности еще мало уяснена, а у нѣкоторыхъ даже вовсе не разработана; когда у каждаго цѣлыя эпохи остаются еще загадочными и важныя стороны жизни необъясненными, когда вездѣ только еще собираются матеріалы и безпрестанно наводятъ на новые нетронутые вопросы: въ такое время рано думать объ общей исторіи славянъ, сколько-нибудь полной, но и теперь общая исторія славянъ намъ нужна; я считаю такую исторію даже настоятельною необходимостью для нашего образованія. Мы учимся исторіи Россіи, какъ отдѣльнему предмету; а исторія болгаръ, сербовъ, чеховъ, поляковъ пріурочена ко всемірной исторіи и представляется въ совокупности съ исторіей европейскаго Запада. Мы узнаемъ изъ нея имена Святополка Моравскаго и Душана, Гуса и Жижки, Болеслава и Казиміра-Великаго; но получаемъ ли мы хоть самое поверхностное понятіе о ходѣ историческаго развитія у славянскихъ народовъ, которыхъ эти лица были представителями, о значеніи, какое Святополкъ и Жижка, Болеславъ и Казиміръ имѣли у себя дома, а не только передъ лицомъ своихъ западныхъ сосѣдей. Поляки и чехи, сербы и болгары должны теряться на картинѣ, изображающей ихъ вмѣстѣ съ болѣе могущественными и счастливыми народами Запада, вмѣстѣ съ Германіей и Франціей, съ Англіей и Италіей; а когда эта картина, какъ у насъ привыкли, бываетъ списана съ произведеній нѣмецкой или французской кисти, то Чехіи и Сербіи, Болгаріи и Польшѣ отводится на ней даже меньше мѣста и уголъ темнѣе, нежели какой имъ принадлежалъ на самомъ дѣлѣ. Нѣтъ, намъ нужно соединить исторію славянскихъ народовъ въ одно цѣлое; иначе мы всегда, какъ теперь, будемъ знать прошедшее нашихъ ближайшихъ соплеменниковъ меньше, чѣмъ исторію другихъ народовъ. На первый разъ, для практической цѣли, было бы, можетъ быть, достаточно компиляціи, сборника, гдѣ изложена была бы отдѣльно исторія каждаго славянскаго народа, и я увѣренъ,

[illegible] Просматривая [illegible] такъ много [illegible] ранѣе сошедшаго съ поприща.

ЦѢНА 2 р. 50 к.